

**Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан**

Мурат Лаумулин

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

Нур-Султан 2020

УДК 327
ББК 66.4 (0)
Л 28

*Утверждено к печати Ученым советом
Казахстанского института
стратегических исследований при Президенте РК*

Автор:

Лаумулин Мурат Турарович, доктор политических наук, профессор

Книга публикуется в авторской редакции

Л 28 **Лаумулин М.Т.** Центральная Азия в эпоху трансформации. —
Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. — 464 с.

ISBN 978-601-7972-35-6

Со второй половины 2010-х годов практически во всех государствах Центральной Азии происходят серьезные внутривнутриполитические изменения, связанные со сменой глав государств — в Узбекистане, Кыргызстане и Казахстане, переориентировкой курса — в Таджикистане и Туркменистане. Описываемый в книге период носит крайне сложный и противоречивый характер. Центральная Азия движется в том направлении, которое подразумевает, что в регионе происходит крупный геополитический сдвиг, результатом которого станет ослабление связей с евро-атлантическим сообществом и усиление влияния и значения Китая. Есть большая вероятность, что в обозримом будущем главными партнерами стран Центральной Азии в сферах политики, экономики и безопасности станут Пекин и Москва.

Будущее стран Центральной Азии зависит от пяти связанных между собой факторов: смены руководства (которое уже началось), или перехода к новому поколению лидеров; экономической ситуации; эффективности управления; угрозы экстремизма.

Книга предназначена для широкого круга специалистов и тех, кто интересуется современным состоянием и трансформацией в центрально-азиатском регионе.

УДК 327
ББК 66.4 (0)

ISBN 978-601-7972-35-6

© КИСИ при Президенте РК, 2020
© Лаумулин М.Т., 2020

Содержание

Список сокращений и аббревиатур.....	6
Введение.....	7

Часть I. Развитие государств Центральной Азии

в эпоху трансформации.....	11
Глава 1. Узбекистан.....	11
Внутриполитические процессы и реформы.....	14
Экономические реформы.....	20
Отношения со странами Центральной Азии.....	31
Отношения с Россией.....	46
Отношения с КНР.....	54
Отношения с Западом.....	55
Отношения с Турцией.....	64
Афганский фактор.....	65
Перспективы развития.....	70
Глава 2. Кыргызстан.....	73
Внутриполитическая ситуация.....	81
Угроза религиозного экстремизма.....	94
Экономическое развитие.....	101
Трудовая миграция.....	113
Приоритеты во внешней политике.....	120
Отношения с Россией.....	123
Отношения с Китаем.....	132
Отношения с региональными соседями.....	138
Отношения с Таджикистаном.....	141
Отношения с Узбекистаном.....	148
Отношения с США.....	150
Отношения с ЕС.....	154
Отношения с Турцией.....	156
Перспективы развития.....	158
Глава 3. Таджикистан.....	161
Особенности политических процессов.....	166

Феномен религиозного радикализма	170
Ситуация вокруг Горно-Бадахшанской автономной области	181
Отношения с США	184
Отношения с Узбекистаном	194
Отношения с Китаем	198
Перспективы развития	205
Глава 4. Туркменистан	214
Экономическая дипломатия	215
Транспортно-коммуникационная стратегия	223
Продвижение ТАПИ	226
Проект Транскаспийского газопровода	235
Проблемы безопасности трубопроводных проектов.....	241
Китайский фактор	249
Роль России.....	258
Перспективы развития.....	264
Глава 5. Казахстан	269
Политические процессы.....	269
Экономические приоритеты.....	271
Контурь внешней политики	273
Перспективы развития	284
Часть II. Центральная Азия в геополитической борьбе XXI века.....	290
Глава 6. Великие державы в регионе.....	290
Россия и Китай в Центральной Азии	290
Интересы и противоречия РФ и КНР с США в регионе.....	297
Итоги председательства Китая в СВМДА в 2014-2018 гг.	304
Геополитический багаж американского присутствия в Центральной Азии.....	310
Предполагаемая политика США в Центральной Азии.....	327
Европейский Союз — Центральная Азия.....	344
Влияние НАТО на евразийские институты безопасности.....	354

Глава 7. Центральная Азия и региональные игроки.....	361
Турция и Центральная Азия.....	361
Иран и Центральная Азия.....	370
Глава 8. Процессы евразийской интеграции и Центральная Азия.....	378
Формирование евразийской интеграции.....	378
Транспортно-коммуникационные коридоры	391
Новая динамика регионального сотрудничества	401
Российский и китайские факторы в региональной интеграции	413
ЕАЭС и Казахстан.....	418
Заключение.....	428
Список литературы.....	441
Resume	459
Информация о КИСИ.....	463

Список сокращений и аббревиатур

- АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское сообщество
ЕАЭС — Евразийский Экономический Союз
ЕврАзЭС — Евразийское Экономическое сообщество
ЕС — Европейский Союз (Евросоюз)
ИРА — Исламская Республика Афганистан
КНР — Китайская Народная Республика
КР — Кыргызская Республика
МИД РФ — Министерство иностранных дел Российской Федерации
НАТО — Организация Североатлантического договора
НШП — Новый Шелковый путь
ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности
ОПОП — Один пояс, один путь
ООН — Организация Объединенных Наций
РК — Республика Казахстан
РТ — Республика Таджикистан
РУ — Республика Узбекистан
РФ — Российская Федерация
СВА — Северо-Восточная Азия
ССП - Северная сеть поставок
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки
ТНК — Транснациональные корпорации
ТС — Таможенный Союз
ШОС — Шанхайская Организация сотрудничества
ЭППП — Экономический пояс Шелкового пути
ЮВА — Юго-Восточная Азия
ASEAN — Association of South East Asian Nations
BRI — Belt and Road Initiative
EU — European Union
NATO — North Atlantic Treaty Organization
UNO — United Nations Organization
USA — United States of America

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга в своем названии содержит термин «трансформация». Под ним мы подразумеваем период второй половины 2010-х годов, т.е. 2015-2020 годы. Действительно, в этот период практически во всех республиках региона произошли серьезные внутривнутриполитические изменения. Сменились лидеры в Узбекистане, Кыргызстане и Казахстане. Произошла радикальная переориентировка курса в других странах Центральной Азии — Таджикистане и Туркменистане. Исходя из этого, мы сочли уместным употребить термин «трансформация».

Описываемый период носит крайне сложный и противоречивый характер. Ренессанс экономического протекционизма и политического национализма, наблюдаемый в ряде стран мира, отодвинул на второй план дискуссии о глобализации, породив сомнения в её перспективах. В то же время количество общемировых проблем за последние годы не уменьшилось.

Мир переживает очередную глубокую трансформацию. Взрывное развитие технологий влечет экономические перемены, фундаментально меняется политика, по-иному формируются альянсы.

Следует констатировать, что в настоящее время в центре Евразии происходит масштабное изменение расстановки сил. Центральная Азия переживает фундаментальный геополитический сдвиг, результатом которого станут новые роли Китая, Европы, Ирана, России, Южной Азии, США и новые отношения с ними. В совокупности эти изменения приведут к геополитической переориентации региона с Европы и США

на Азию. К 2025 году данная тенденция уже проявит себя в полный рост.

Центральная Азия движется в том направлении, которое подразумевает, что в регионе происходит крупный геополитический сдвиг, результатом которого станет ослабление связей с евро-атлантическим сообществом, усиление влияния и значения Китая. В обозримом будущем главными партнерами стран Центральной Азии в сферах политики, экономики и безопасности будут Пекин и Москва: это связано с преобладающим экономическим влиянием Китая в регионе и остаточным присутствием России.

Одна из существующих проблем в ЦА, которую необходимо решить к 2025 году, заключается в большой протяженности неурегулированных с советского времени границ. Отсюда главная причина возникновения конфликтных ситуаций — в нерешенности приграничных вопросов, при этом мелкие стычки всегда сохраняют риск перерасти в масштабную конфронтацию. Для этого специалисты рекомендуют провести ревизию международных договоров и найти связанных с ними решение пограничных вопросов.

Другой проблемой долгосрочного характера является требование соблюдать международные нормы при строительстве новых ГЭС на трансграничных реках региона. До 2025 года все страны ЦА должны стремиться к конструктивному диалогу в целях укрепления доверия, взаимного учета интересов, обеспечения эффективного энерго- и водосбережения, поиска общих подходов, направленных на совершенствование форматов и механизмов взаимодействия. Главной платформой для взаимодействия стран региона может стать Международный фонд спасения Арала.

Далее, одна из главных проблем Центральной Азии —

плохо развитая железнодорожная сеть, которую следует последовательно решать до 2025 года.

Ряд экспертов полагает, что в регионе множество проблем, которые следует решать именно в двустороннем формате, а не через участие в союзах и альянсах. Страны Центральной Азии, осознавая опасность соседства с Афганистаном, стараются создать всю необходимую инфраструктуру для защиты общих с ним участников границы и вкладывают максимум сил и средств в развитие собственных вооруженных сил.

Афганская проблема остается комплексной для всего региона. Таджикистан является для Узбекистана проблемной территорией, через которую проходит афганский наркотрафик. В рамках региональных и международных структур следует развивать мобильные оперативные соединения, способные в горных ущельях и долинах обнаруживать и обезвреживать противника.

С другой стороны, центральноазиатские элиты всегда понимали, что без помощи внешних партнеров защитить регион в случае серьезных угроз безопасности непросто.

Главные изменения в жизни всего региона и Узбекистана после 2016 года связаны с завершением «эпохи Каримова» и началом формирования нового политического курса. Руководство страны во главе с Ш. Мирзиёевым провозгласило инициативы по либерализации внутренней политики и экономики, а также по выстраиванию более конструктивных отношений с соседними государствами.

Как отмечают наблюдатели, в предстоящие годы Узбекистан ожидают глубокие изменения, которые уже фактически начались. Сейчас завершается формирование новой команды в правительстве, в последующие годы ситуация может карди-

нально измениться. При этом сохраняется жесткая вертикаль власти, продолжен курс на строгую секуляризацию общественной и политической жизни, недопущение распространения идей радикального ислама.

Сегодня страны региона сталкиваются с мировым кризисом, связанным с эпидемией коронавируса. Он затронул Казахстан, все страны Центральной Азии, Россию, КНР, Евросоюз и перекинулся на Американский континент. Эпидемиологический кризис, охватывающий весь мир и относящийся одновременно и к сфере здравоохранения, к мировой экономике и системе региональной безопасности, поистине беспрецедентен. Фактически, геополитические последствия станут прямым результатом пандемии, либо будут иметь отношение к попытке устранить слабые места экономического и социального плана, выявленные в результате бедствия.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Как изменятся города после эпидемии коронавируса? Что мы возьмём в нашу жизнь из карантинных практик, а что постараемся забыть? В настоящее время мировая экономическая система, в которой доминируют Европа и США, находится в состоянии паники, которая включает в себя ожидания, связанные с эпидемией, предполагаемым снижением экономического роста, шока на финансовых рынках и даже политики спасения рынка. Эти настроения неизбежно усугубляют финансовый кризис.

Как можно предположить, эпидемия коронавируса только ускорит процесс трансформации в развитии государств Центральной Азии. Но теперь он станет частью общемировых, глобальных изменений в геополитике, геоэкономике, социальных отношениях, демографии и миграции.

Часть I.

Развитие государств Центральной Азии в эпоху трансформации

Глава 1. Узбекистан

4 декабря 2016 года в Узбекистане состоялись досрочные президентские выборы. Впервые в истории независимого Узбекистана кампания проходила без президента И.А. Каримова. Официально победив на выборах, Ш. Мирзиёев обозначил приоритеты своего пятилетнего срока, и некоторые из них выглядят совершенно революционными, например, введение прямых выборов хокимов (глав областей), реформирование госслужбы. Таким образом, Узбекистан вступил в совершенно новую для себя эпоху.

На протяжении последних лет среди возможных преемников Ислама Каримова числились несколько политических тяжеловесов узбекской политики. К моменту старта транзита власти даже в этом условном списке не оказалось дочери президента Гульнары Каримовой. Вопрос о том, кто заменит Каримова, был решен в результате закрытых переговоров. Особенностью узбекского транзита стала его максимальная консолидированность. Основные конкурирующие группы предпочли закулисные переговоры, выдвижение единого кандидата вместо публичных разборок.

Республика Узбекистан (РУ) — это единственное государство, граничащее со всеми центральноазиатскими республиками и с Афганистаном, при этом географически оно за-

нимает центральную часть региона. Узбекские диаспоры есть во всех соседних странах, более того, в некоторых являются вторыми по численности, например в Кыргызстане. Узбекская армия считается крупной и боеспособной в Центральной Азии, в том числе и потому, что значительная часть инфраструктуры и военной техники советского Туркестанского военного округа осталась на территории республики. Экономически Узбекистан в регионе уступает только Казахстану. Республике удалось в основном сохранить существовавший на момент распада СССР промышленный потенциал, создать новые отрасли, такие как автомобилестроение, а также диверсифицировать сельское хозяйство и снизить зависимость от производства водоемкого хлопка.

Высокая рождаемость, достаточно закрытая для иностранных инвесторов модель экономики, удаленность от рынков сбыта, слабая развитость транспортной инфраструктуры, дефицит ресурсов не позволили создать необходимое количество рабочих мест. В итоге Узбекистан является главным поставщиком трудовых мигрантов в Казахстан и Россию.

Особое место Узбекистана в регионе ЦА исследователи связывают, прежде всего, с емким внутренним рынком (более 30 млн. человек), собственной ресурсной базой и политической стабильностью. Речь идет также о масштабных проектах нового президента Ш. Мирзиёева по системному реформированию экономики республики. К числу негативных факторов относят коррупцию и бюрократизм, социальные противоречия, низкую покупательную способность населения, нелиберализованный валютный рынок.

Деятельность нового президента Узбекистана Ш. Мирзиёева, пришедшего к власти в 2016 г., началась с активизации контактов с руководителями государств региона.

На самом высоком уровне было заявлено, что Центральная Азия — главный приоритет внешней политики Ташкента. В рамках Стратегии действий Узбекистана на 2017 – 2021 гг. новое руководство РУ заявило о намерении способствовать созданию пояса добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества в Центральной Азии. Выдвижению Узбекистана в лидеры региональной кооперации способствует его географическое положение.

Усложнение международной обстановки, нарастание угрозы международного терроризма, в том числе из соседнего Афганистана, также подталкивают страны региона к более тесному сотрудничеству. Характерно, что объявленная Ташкентом новая региональная экономическая политика предполагает не только развитие связей со странами ЦА, но распространяется также на Афганистан.

И. Каримов в последние 15 лет своего правления снимал с себя все больше и больше полномочий, передавая их сначала кабинету министров, а потом и парламенту. Это заставляет наиболее компетентные экспертные круги полагать, что он намеренно отходил от оперативного управления, стараясь создать для этого некую систему, позволяющую постепенно отказаться от «ручного управления» в сфере многих социально-экономических вопросов. Эксперты полагали, что И. Каримов старается занять позицию арбитра, находящегося «над схваткой», который осуществляет не столько оперативное управление, сколько стратегическое руководство и верховный арбитраж в качестве общепризнанного лидера нации. В значительной степени это И. Каримову удалось.

Аналитики считают, что лишь после кончины «отца нации» И. Каримова в 2016 г. открылись двери для внешних наблюдателей, а также для участия РУ в процессах

региональной кооперации и взаимодействия с внешним миром.¹ Ряд экспертов по-прежнему рассматривает Узбекистан как центр Центральной Азии.²

Внутриполитические процессы и реформы

На момент прихода к власти Ш. Мирзиёева в 2016 г. к ключевым политическим фигурам Узбекистана относились следующие фигуры: Азимов Рустам Содикович (с 22 ноября 2005 года — первый вице-премьер); Юлдашев Нигматилла Тулкинович (с 22 января 2015 года — председатель Сената парламента Узбекистана); Исмоилов Нурдинжон Муйдинханович (с 22 января 2015 года — спикер законодательной палаты); Иноятов Рустам Расулович (с июня 1995 года — руководитель Службы национальной безопасности Узбекистана).

В январе 2018 года было объявлено об отставке Иноятова, а Служба национальной безопасности поменяла название и превратилась в Службу государственной безопасности (СГБ). После переименования началась серия арестов силовиков в центральном аппарате и в региональных учреждениях СНБ-СГБ.³

¹ Laruelle M. (ed.) Uzbekistan: Political Order, Societal Changes, and Cultural Transformations - Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 170 p.

² Starr S. Frederick, Cornell Svante E. (eds.), Uzbekistan's New Face. – Lanham (MD), Boulder (CO): Rowman & Littlefield, 2018. – 247 p.

³ См.: Лаумулин М.Т. Политическое развитие и международное положение посткаримовского Узбекистана // Современные проблемы внутренней и внешней политики Республики Казахстан: коллективная монография. Ответственный редактор: доктор политических наук, профессор Л.М. Иватова. – Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы, 2019. – С.205-246. Norov V. The Strategy for the Comprehensive Modernization of Uzbekistan: New Goals and Objectives // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2019. № 1, pp. 7-11.

В конце января 2018 г. произошла ключевая перестановка в силовых структурах Узбекистана. Президент Ш. Мирзиёев во время совещания с руководством силовых органов отправил в отставку главу Службы национальной безопасности республики Р. Иноятова. Кроме того, Ш. Мирзиёев призвал к системной реформе спецслужбы. Новым главой Службы национальной безопасности назначен бывший генпрокурор Узбекистана Ихтиер Абдуллаев, а генпрокурором — бывший советник президента Отабек Муродов. Сам Рустам Иноятов стал советником президента.

К реформированию спецслужбы республики Ш. Мирзиёев приступил сразу же после отставки Р. Иноятова. На состоявшемся после отставки расширенном заседании коллегии СНБ он раскритиковал работу этой организации. Президент Узбекистана подчеркнул важность упразднения подразделений, занимающихся несвойственными спецслужбе задачами, и заявил о необходимости в этом году принять закон, который четко разграничит полномочия СНБ и других силовых органов.

Подобный закон должен не дать спецслужбе превратиться в центр власти, который контролирует всех и вся. Ротационные изменения, которыми занимался президент Мирзиёев, очень важны. Например, отмечают эксперты, примечательно, что новым главой СНБ — юрист, который не имел отношения к спецслужбам. Жители республики, судя по соцсетям, восприняли это с воодушевлением и рассматривают как поворот к лучшему.

22 июня 2018 г. Военный суд Узбекистана вынес приговор группе бывших руководителей Бухарского областного управления СГБ. Почти все они, начи-

ная с бывшего начальника Управления СГБ по Бухарской области до оперуполномоченного Управления СГБ, получили длительные сроки тюремного заключения. 26 июля Генеральная прокуратура Узбекистана объявила в розыск бывшего начальника Следственного управления СГБ Олега Бусыгина. Под арест по обвинению в вымогательстве, злоупотреблении полномочиями и получении взяток попал бывший генеральный прокурор Р. Кадыров. Вместе с ним за один день были задержаны в общей сложности 25 человек — действующие и бывшие сотрудники спецслужб, прокуратуры и налоговой инспекции.

Начав такие масштабные чистки в силовых структурах, новая власть в Узбекистане оказалась перед непростым выбором. С одной стороны, террористическая угроза никуда не делась и для борьбы с ней нужна сильная и профессиональная спецслужба. Полное ослабление СГБ — не в интересах Ташкента. С другой стороны, Ш. Мирзиёев и его окружение не хотят, чтобы структуры госбезопасности оставались «государством в государстве», как раньше, когда авторитет главы спецслужбы и его подчиненных был выше, чем у чиновников и аппаратчиков, а губернаторы и министры опасались прослушки и арестов. При этом власти не боятся, что массовая кампания против руководства бывшего СНБ подорвет доверие людей к государству.

С момента прихода к власти в 2016 году Ш. Мирзиёев стал преследовать цель изменить механизм принятия политических решений и сам политический процесс в республике. Побудительным мотивом для проведения такой политики, по мнению Боуйера, стал тот факт, что свы-

ше половины населения страны составляет молодежь до 30 лет. С этой целью новый лидер наметил пять приоритетов, легших в основу его программы на 2017-2021 гг., а также концепцию реформирования юридической, правовой и административной систем, либерализацию экономики и развитие социальной сферы. Для реализации данных шагов были привлечены ученые, практики-администраторы, представители международных и гражданских организаций (свыше 500 специалистов). На начальном этапе Мирзиёев даже предложил прямые выборы глав областей и городов. Чтобы оживить политическую жизнь и парламентаризм, он попытался возродить существовавшую до середины 1990-х годов практику взаимодействия пяти легальных узбекских политических партий с зарубежными контрапартнерами.⁴

Первые контуры последовавших затем реформ проявились уже на президентских выборах в декабре 2016 года, когда Узбекистан пригласил наблюдателей ОБСЕ, и которые носили внешне состязательный характер с участием представителей четырех официально зарегистрированных партий. ОБСЕ признала прошедшие выборы относительно прозрачными. В результате нового подхода мирные демонстрации признаются одной из форм (наряду с социальными сетями в интернете) коммуникации между правительством и гражданами. Концептуальной основой реформ нового лидера является понимание того факта, что «молодежь — ключ к будущему Узбекистана». Помимо указанных целей, одной из главных остается недопущение радикализации молодежи. Поэтому в отношениях с молодежью правительство комбинирует либеральные идеи с национальными. Руководство республики уделяет так-

⁴ Bowyer Anthony C. Political Reform in Mirziyoyev's Uzbekistan: Elections, Political Parties and Civil Society. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. - Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. - 69 p.

же внимание маргинализированным слоям населения, прежде всего — инвалидам, а также либерализует законодательство. Как считают исследователи, успех или провал реформ Ш.Мирзиёева будет зависеть от того, найдут ли общий язык такие социальные институты, как махалля и гражданские организации.

Однако, даже при полной поддержке своих реформаторских действий со стороны ключевых политических фигур в стране, новый президент сталкивается с серьезными проблемами, которые заложены в политической культуре и ментальности простых узбеков, в политической пассивности и социальной инерции населения. Кроме того, эксперты указывают на две влиятельные организации, оказывающие сопротивление проводимым реформам и способные свести на нет их эффективность. Это служба национальной безопасности и министерство финансов. Вывод состоит в том, что реформы сталкиваются со сложной системой, в основе которых лежат неформальные связи и специфические отношения в социальной структуре самого населения, и которые, как показывает практика во всех республиках Центральной Азии, далеко не всегда подвластны воле своих лидеров, несмотря на их реальное или кажущееся могущество и всевластие.

Эксперты подчеркивают, что попытки реформировать правовую систему начались еще при И. Каримове. Этот этап (2005-2016 гг.) начался сразу после андижанских событий, которые и подтолкнули режим к признанию необходимости подобных реформ. На тот период пришлось обострение противоречий между старшим поколением, выросшим при советской системе, и новым, испытавшим влияние Запада. Приход к власти нового лидера придал новый импульс давно назревшим изменениям. Основной посыл сводится к тому

факту, что средний возраст населения республики составляет 26 лет, и цель всех начатых реформ — удовлетворить потребности молодежи в политических и социальных изменениях. Однако, на пути к реформам стоит долгая традиция коррупции и всевластия криминальных сетей, сросшихся с местной бюрократией.⁵

Проблему политического ислама западные эксперты оценивают как наиболее чувствительную в социально-политической и духовной жизни постсоветского Узбекистана.⁶ Именно в связи с этим она не нашла отражение в структуре озвученных новым руководством республики реформ конца 2016 — начала 2017 гг. В свое время методом проб и ошибок в Узбекистане была выбрана (во многом неосознанно) французская «лаицистическая» модель отношения государства к религии (т.е. предпочтение традиционной, официальной с исторической точки зрения религии). В дальнейшем курс был взят на то, что стало именоваться персидским словом «дуниювийе», т.е. светскость, но в рамках исламской исторической традиции. В конечном итоге, считают авторы, Ташкенту удалось сплотить традиционные религии (ислам, православие) для противодействия «импортируемым из-за рубежа» конгрегациям.

Ш. Мирзиёев постарался выстроить умеренную линию на сдерживание распространения экстремизма. Это коснулось таких областей общественной жизни, как образование и поддержка т.н. «традиционного ислама». В рамках данной линии в июле 2017 года был обнаружен

⁵ Sever Mjuša. Judicial and Governance Reform in Uzbekistan. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 65 p.

⁶ Cornell Svante E., Zenn Jacob. Religion and the Secular State in Uzbekistan. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 43 p.

декрет о создании Международного научно-исследовательского центра Имама Бухари. В дальнейшем этот курс был продолжен путем создания новых исламских академий и центров. Авторы оценивают как историческое выступление Ш.Мирзиёева перед представителями исламского клира 1 сентября 2017 года, в котором президент объявил об освобождении от 16 до 17 тыс. человек из списков религиозных радикалов. В заключении эксперты отмечают, что, несмотря на принятые экстренные меры, угроза экстремизма Узбекистану не снята с повестки дня. Джихадистские группы выходцев из Узбекистана все еще активно действуют на территории Афганистана и Сирии. Поэтому, можно сделать вывод, что окончательный выбор еще не сделан. От нового руководства будет зависеть, какую форму сосуществования с религией выберет узбекское государство.

Экономические реформы

Реформы в экономической сфере республики также обозначались с приходом нового лидера. Ш.Мирзиёев унаследовал от своего предшественника систему, которая базировалась на симбиозе прежней советской модели управления народным хозяйством (во многом — командной) с робкими попытками ввести постепенные рыночные отношения. Однако попытки властей диверсифицировать экономику привели (наряду с ослаблением мировой конъюнктуры) к ухудшению ситуации с занятостью населения уже в начале нового века. В результате миллионы мигрантов из РУ были вынуждены искать работу за границей (в основном в России).⁷ Отдельно

⁷ Tsereteli M. The Economic Modernization of Uzbekistan. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. - Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. - 54 p.

можно говорить о внутренней миграции в РУ, этнографическом и социолингвистическом изучении положения мигрантов в Ташкенте.⁸

В 2010-е годы положение в экономике страны начало приобретать состояние, близкое к катастрофическому. Поэтому принятая в феврале 2017 г. «Стратегия национального развития» под непосредственной инициативой и руководством нового лидера была призвана скорректировать, в экономической области — радикально поменять, прежнюю политику. Изменения коснулись как внешнеэкономической политики государства, так и внутренней. Наиболее важным шагом в этой сфере считается принятая в сентябре 2017 г. унификация обменного курса узбекской валюты. В результате этого давно назревшего шага удалось привлечь внимание внешних финансовых институтов и выиграть на внешних рынках до 1 млрд. долл. Помимо этого, Ташкент начал проводить активную транспортную политику, поставив целью сделать страну крупным логистическим центром между Европой и Азией. В тоже время, международные финансовые институты и ВТО стали получать сигналы, что Узбекистан открыт для внешних инвестиций.

После своего назначения исполняющим обязанности президента и последующим избранием в качестве президента Шавкат Мирзиёев провозгласил курс на модернизацию государственного управления. Узбекский лидер выделил кардинальный пересмотр подхода к взаимоотношениям государственных органов и граждан. Кроме того, вскоре после своей инаугурации Мирзиёев освободил от должностей более половины руководителей областного уровня. Сменились хокимы семи областей.

⁸ Turaeva R. Migration and Identity in Central Asia. The Uzbek experience. - New York: Routledge, 2015. – 236 p.

Одним из первых инициатив новоизбранного президента стал указ об отмене виз с весны 2017 года для граждан 27 стран. Новость вызвала широкий интерес и была позитивно встречена как в Узбекистане, так и за рубежом. В результате Узбекистан оказался на втором месте в рейтинге наиболее привлекательных направлений для туристов. Наибольший интерес вызвали шаги нового руководства по реформированию финансовой сферы и либерализации валютной политики.

В целом, ситуацию в Узбекистане можно оценить как позитивную. Ташкент существенно продвинулся в своих переговорах с ВТО по вступлению в Организацию. Но, как точно замечают эксперты, успех или крушение экономических реформ нового руководства будет зависеть не только от шагов в собственно финансово-экономической сфере, а от всего комплекса начинаний, прежде всего в законодательной и юридической области. Собственно говоря, данная взаимозависимость и взаимосвязь нашли отражение в «Стратегии 2017-2021». Таким образом, перспективы с судьбой начатых реформ в Узбекистане, носят драматический характер, и будут иметь не только сильнейшее влияние на дальнейшую судьбу республики, но и на состояние дел во всем регионе Центральной Азии.

В совокупности эти меры фактически означали упразднение системы валютных ограничений, выступающей одним из ключевых элементов «узбекской модели» экономического развития. В более широком смысле либерализация валютного режима подразумевала пересмотр всей экономической стратегии Узбекистана. Постановление, разработчиком которого выступил Центральный банк Узбекистана, вступило в силу в сентябре 2017 года.

Не получили продолжения и идеи о передаче части пре-

зидентских полномочий регионам. Причины «пробуксовки» с реформами могли заключаться в нескольких моментах. Прежде всего, речь идет о системных ограничениях на пути преобразований. В частности, внедрение либерального валютного режима в нынешних условиях повлекло бы за собой серьезные сбои в промышленном секторе Узбекистана. Кроме того, либерализация валютного рынка сопряжена со значительными рисками.

Необходимо также учитывать то, что изменение правил экономической игры сопровождается столкновением различных групп интересов. К примеру, либерализация курса затрагивает интересы группы привилегированных импортеров, имеющих доступ к валюте, а также группы чиновников, получающих ренту на выдаче лицензий и разрешений. Вместе с тем сложно сказать, что у нового руководства Узбекистана нет достаточного понимания экономической реальности. Ш. Мирзиёев на протяжении 13 лет возглавлял правительство и непосредственно занимался вопросами экономики. Поэтому возможности и пределы заявленных реформ наверняка были хорошо известны президентской администрации.

Что касается либерализации курса, в Стратегии предпочтение отдается поэтапному характеру внедрения рыночных механизмов, а в качестве основной задачи экономического развития указано обеспечение стабильности национальной валюты и цен на внутреннем рынке. Вместе с тем, новые власти идут на определенные шаги по улучшению бизнес-климата в стране. Так, был снижен объем обязательной продажи валютной выручки для сельхозпроизводителей, отменены все виды внеплановых проверок субъектов предпринимательства. Кроме того, создается институт бизнес-омбудсмена по защите прав и интересов предпринимателей.

Однако и здесь речь идет лишь об оптимизации существующей экономической модели, а не ее структурном преобразовании. Стратегия не предусматривает отказ от ключевых механизмов административно-командного управления, таких как политика импортозамещения, продажа предприятиями части валютной выручки или государственная монополия на закупки хлопка. Ключевой вопрос заключается в том, насколько традиционный набор решений способен переломить негативные тренды в народном хозяйстве Узбекистана. На сегодняшний день экономика страны имеет серьезные проблемы и нуждается в новых подходах.

В октябре 2017 года в Вашингтоне правительство Узбекистана и Европейский инвестиционный банк подписали рамочное соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает работу Европейского инвестиционного банка в республике. ЕИБ предоставит Узбекистану 400 млн. евро. Первые проекты с участием рамочных кредитов ЕИБ запланированы в секторе энергосбережения, управления водными ресурсами, развития инфраструктуры, теплоснабжения, строительства железных дорог и автомобилестроения. Кроме того, акцент сделан на оптимизации энергозатрат на сельское хозяйство, школы и больницы, и через улучшение их энергоэффективности добиться большего снижения затрат.

Западные эксперты считают, что если проводимый курс реформ будет продолжать базироваться на принципах либерализации всех цен, политике поощрения прямых внешних инвестиций, открытой торговли и улучшения отношений в торгово-экономической области со своими соседями, результаты такой политики могут стать впечатляющими и способствовать занятости населения и повышению его уровня жизни.

В качестве немаловажного фактора считается тот факт, что Ш.Мирзиёев, будучи премьер-министром республики с 2003 года, был знаком с проблемами экономики и поэтому его первые шаги были активными и направлены как раз на исправление ситуации в этой области. Узловым местом финансово-экономической стратегии Ш.Мирзиёева подчеркивается либерализация экономической жизни страны. Главными бенефициариями этой политики должны будут стать, по замыслу реформаторов, предприятия малого и среднего бизнеса. Всемирный Банк со своей стороны сделал все, чтобы направить стратегию реформ в аграрную сферу РУ.

Таким образом, спустя годы после смены руководства в Ташкенте на первый план среди западных исследователей выходит Узбекистан, в котором разворачиваются давно назревшие реформы. Но судьба этих реформ пока непредсказуема, что подтверждается опытом 25-летнего периода правления И.Каримова. Тем не менее, Запад уже озвучил (в т.ч. через указанных политологов) свои прямые и косвенные интересы, связанные с дальнейшим развитием Узбекистана, его отношениям с великими евразийскими державами (РФ и КНР) и прямыми соседями по Центральной Азии.

Существенную трансформацию переживает внутри-экономическая политика Узбекистана. Новое руководство республики взяло курс на модернизацию производства, стимулирование его развития, в том числе путем расширения экспортных маршрутов и рынков сбыта отечественной продукции (сельхозтехники, промышленных и продовольственных товаров), и переход, в конечном итоге, к экспортно-ориентированной экономике. В республике предпринимаются меры по созданию новых промышленных

производств и формированию новых отраслей с целью увеличения доли промышленности в ВВП. Новые задачи потребовали также мер по либерализации (хотя и частичной) валютной политики и внешнеторгового режима (отменены экспортные пошлины на большинство видов товаров, а также упразднено лицензирование большей части экспортной продукции).

Эксперты отмечают несколько факторов, повлиявших на изменение политики Ташкента. К ним относятся падение мировых цен на сырьевые товары и замедление экономического роста в России и Китае, являющихся основными экономическими партнерами Узбекистана. В результате, по их мнению, республика столкнулась с существенным падением внешнего спроса и сокращением доходов от продажи своих основных экспортных товаров — золота, хлопка и газа. Кроме того, вступление в силу Евразийского экономического союза негативно повлияло на состояние отдельных отраслей экономики Узбекистана из-за вновь возникших барьеров в торговле со странами — участниками этого союза.

Узбекистан ожидает серьезные инвестиции в высокотехнологичные отрасли страны. Комплекс проблем, влияющий на инвестиционный климат, оценивается как довольно сложный. К ним относятся вопросы конвертации валюты, двойной курс, проблема вывоза полученной прибыли.

Узбекистан продолжает жить, следуя той модели, автором которой считается первый президент страны И.Каримов: в регулировании экономики у государства остается ведущая роль. Валютный вопрос является главным тормозом для всей экономики. Приведение национального законодательства в соответствие с рыночными механизмами станет колоссальным импульсом, выводящим Узбекистан на лидирующие позиции

в региональной экономике. Это станет центральной задачей нового руководства РУ до 2025 года.

Новая Стратегия развития на 2017–2021 годы, принятая в Узбекистане в начале 2017 г., предполагала увеличение до 2030 года объема ВВП более чем в 2 раза. Для этого планируется реализовать 657 инвестиционных проектов общей стоимостью около 40 млрд. долл., создать новые свободные экономические зоны, продолжать крупную программу импортозамещения и развивать крупные инфраструктурные проекты.

Стратегия действий была утверждена указом президента в начале февраля 2017 г. Она включает в себя пять приоритетных направлений, каждый из которых предусматривает утверждение отдельной ежегодной госпрограммы по ее реализации: 1. Совершенствование государственного и общественного строительства. 2. Обеспечение верховенства закона и реформирование судебной-правовой системы. 3. Развитие и либерализация экономики. 4. Развитие социальной сферы. 5. Обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики.

Что касается либерализации курса, в Стратегии предпочтение отдается поэтапному характеру внедрения рыночных механизмов, а в качестве основной задачи экономического развития указано обеспечение стабильности национальной валюты и цен на внутреннем рынке. Таким образом, вопрос снятия валютных ограничений в ближайшей перспективе (до 2025 г.) снят с повестки дня.

На современном этапе Узбекистан стал одним из важных объектов, на который направлена турецкая активность. Сегодня в Узбекистане действуют всего 500 фирм и компа-

ний Турции. Объем привлеченных в экономику Узбекистана турецких инвестиций составляет более 1 млрд. долл., турки готовы вложиться в строительство НПЗ, сельское хозяйство, текстильную, кожевенную промышленность и др. Турецкие инвесторы готовы вложить в узбекскую экономику 3,5 млрд. долл.

По мнению аналитиков, необходим поиск новых форматов сотрудничества, например формирование зоны свободной торговли (ЗСТ) в рамках Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — Узбекистан. При этом речь не идет о вступлении Узбекистана в ЕАЭС.

На международной арене для Узбекистана Китай все очевиднее становится ведущим азиатским партнером, в отношениях с которым интересы приобретают все более взаимный характер. Ташкент развивает двустороннее сотрудничество с Китаем и стремится максимально использовать все преимущества от такого сотрудничества для развития не только транспортной инфраструктуры, без которой все программы в рамках «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭППШ) останутся лишь благими намерениями. В Узбекистане рассматривают свою безусловную поддержку и участие в реализации концепции ЭППШ как широкую возможность для новых проектов в целях развития реального сектора национальной экономики. По-видимому, сложившийся подход останется неизменным и в дальнейшем.

Узбекистан намерен использовать не только собственно китайские инвестиционные ресурсы, но и инвестиционный инструментарий в организациях, где Китай играет ведущую роль. Среди них Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути. Ташкент ожидает китайской поддержки для привлечения льготных инвестиций и откры-

тия новых кредитных линий на финансирование развития базовых отраслей своей экономики, в числе которых приоритетная транспортная сфера. Ташкент и Пекин обсуждают возможность соединить свои железные дороги через Кыргызстан. Для этого будут открыты логистические центры вблизи двух границ. Вначале для автомобильного транспорта, в будущем — для железнодорожного транспорта.

На западном направлении Европейский Союз намерен реализовать в Узбекистане ряд проектов на общую сумму 168 млн. евро. В Узбекистане действуют три программы Евросоюза по развитию агросектора. Одна из них нацелена на помощь в выращивании и сертификации плодоовощной продукции, которая будет конкурентоспособна не только в регионе, но и у покупателей в ЕС. На это направление выделяются 20 млн. евро сроком на два года. Две другие программы поддерживают подготовку кадров в сельском хозяйстве — также около 20 млн. евро — и техническое реформирование сферы.

По мнению экспертов, узбекская модель политических и экономических реформ идет вразрез с концепцией Вашингтона. После 2008 года, когда весь мир охватил глобальный финансово-экономический кризис, Узбекистан не только удержался на плаву, но и вошел в десятку стран, которые показывают наибольшие темпы ежегодного роста ВВП. Причина этого заключалась в том, что Ташкент не пошел на поводу у советников из международных организаций, а в рамках реализации своей модели опирался на серьезное государственное присутствие в экономике. Сейчас международные институты готовы сделать все, чтобы при помощи непродуманной до конца, непросчитанной всесторонней оценки рисков ввести свободную конвертацию узбекской валюты.

В Ташкенте давно поняли, что в плане экономического сотрудничества и развития в современном мире существует только два центра, способных на таковое в стратегически важных масштабах, — это Москва и Пекин. Для политологов понятно, что западные страны никогда не станут для Узбекистана серьезными глобальными инвесторами, они принципиально не будут способствовать развитию страны. Тем более что характер экономики и потребности в инвестировании Узбекистана таковы, что быстрой прибыли не обещают. Практика других стран показывает, что и арабские монархические режимы (и ряд других финансово обеспеченных центров — Япония, Южная Корея и т.д.) достаточно сдержанны в этом плане.

Если говорить о долгосрочных интересах, то для Узбекистана важно развивать сотрудничество с Москвой, так как более 2 млн. граждан республики работают в России, она также является важным экономическим партнером и крупнейшим инвестором, в первую очередь в нефтегазовую сферу. Не исключается определенное движение в сторону ЕАЭС, но пока не на уровне полноценного членства. С Пекином продолжится тесное сотрудничество, так как Китай — важный инвестор в первую очередь в транспортном секторе, крупный покупатель газа, добываемого в республике. Но осторожность в отношении такого мощного регионального игрока, как Китай, скорее всего, сохранится, так что, вероятно, предложенная Пекином зона свободной торговли с Узбекистаном так и останется проектом. С западными странами ситуация несколько иная — здесь нет серьезной экономической базы сотрудничества.

То есть, до 2025 г. Узбекистан будет постоянно стремиться диверсифицировать свои внешнеэкономические связи, но

для больших проектов нужны и «большие» инвесторы. Таковых только два, причем и Москва, и Пекин одновременно заинтересованы в стабильности Узбекистана, исходя уже из своих собственных соображений безопасности.

С Кыргызстаном и Таджикистаном у Ташкента достаточно напряженные отношения. Основные причины такого положения вещей — нерешенный пограничный вопрос, что особенно остро проявляется в перенаселенной Ферганской долине, а также предельно конфликтная водно-энергетическая тема. Эти проблемы никуда не уйдут и в дальнейшем.

По оценкам некоторых международных наблюдателей, Узбекистан в течение последующих 10 лет станет самой быстроразвивающейся страной, как в Центральной Азии, так и в Евразии, продемонстрирует самый быстрый рост ВВП на душу населения.

Отношения со странами Центральной Азии

Согласно устоявшейся западной традиции (восходящей еще к З.Бжезинскому и к старой советологии), по-прежнему Узбекистан рассматривается как центр Центральной Азии.⁹ С момента обретения независимости внешняя политика Ташкента строилась на стремлении максимально укрепить свою безопасность и суверенитет путем минимизации зависимости от других внешнеполитических игроков. На этом принципе строилась внешняя политика И.Каримова, и она получила продолжение при Ш.Мизийеве. Но она приобрела и новые нюансы: укрепление связей с другими центральноазиатскими государствами и углубление связей с международными институтами. В тоже

⁹ Starr S. Frederick, Cornell Svante E. (eds.), *Uzbekistan's New Face*. – Lanham (MD), Boulder (CO): Rowman & Littlefield, 2018. – 247 p.

время Ташкент сохраняет тактику балансирования между ведущими державами — Россией, Китаем и Соединенными Штатами.¹⁰

Такая политика также включает отстранение от военных альянсов или ведомого Москвой Евразийского экономического союза, запрет на использование узбекских вооруженных сил за рубежом или размещении иностранных военных баз на своей территории, а также избегание вмешательства во внутренние дела других государств. Но комплексе проблем, с которыми сталкивался режим И.Каримова, сохраняется, включая трансграничный терроризм, неразвитость транспортной инфраструктуры, пограничные и водные споры. Но прежняя политика остается на уровне стратегии, а изменения касаются тактических изменений в поведении нового руководства. Они выразились в первую очередь в учащении контактов с соседями по региону. Несмотря на усиление контактов Ш.Мирзиёева с Москвой и Пекином, новый лидер по-прежнему остается более привлекательным для Запада, чем фигура его предшественника.

Внешиполитический курс Ташкента является своего рода уникальным опытом в постсоветскую эпоху, направленный на сохранение и укрепление реальной независимости республики. И.Каримов и его окружение, по его мнению, с самого начала скептически относились к нормам и правилам международной политики с точки зрения обязательности их выполнения.¹¹ То есть, поняв правила игры в мировых делах, как казалось руководству РУ, оно постоянно делало ставку на укрепление

¹⁰ Weitz Richard. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 53 p.

¹¹ Fazendeiro B.T. Uzbekistan's Foreign Policy: the struggle for Recognition and Self-Reliance under Karimov. – London, New York: Routledge, 2018. – 178 p.

роли Ташкента при разрешении противоречий между крупными игроками. Как только И.Каримов наблюдал «чрезмерное» усиление влияния на себя той или иной державы, внешнеполитический курс менялся на прямо противоположный. Эта линия наглядно прослеживается в постоянных метаниях Узбекистана между Россией и США, НАТО и ОДКБ, ГУУАМ и ЕврАзЭС и т.д. В свое время эксперты называли этот курс «политикой маятника».

В настоящее время основные усилия на внешнеполитическом направлении Узбекистан прилагает в области строительства новой транспортной инфраструктуры в регионе, создания благоприятных условий для развития межгосударственных торгово-экономических связей и проектов, либерализации валютно-финансовой сферы в международном контексте, а в конечном итоге — с целью превращения Узбекистана в транспортный и инвестиционный хаб регионального масштаба. При этом ставка делается на уникальное географическое положение страны. С другой стороны, Ташкентом ожидаются стратегические выгоды от евразийской инвестиционной экспансии Китая. Как подозревает автор, Узбекистан при любом развитии своих планов будет стараться сохранять геополитический плюрализм в этом регионе Евразии (что вполне отвечает интересам Запада).

На региональном уровне Узбекистан последовательно борется с радикальным исламом и наркотрафиком, а также углубляет сотрудничество с Кабулом. Ташкент также активно поддерживает проекты под эгидой ШОС и ЕС, и пропагандирует региональную солидарность всех стран ЦА. Помимо укрепления коммерческих связей с соседями, Узбекистан наращивает торговые отношения с Южным Кавказом, ЕС, США, Южной и Восточной Азией. В последние годы

правления И.Каримова наметился прогресс в отношениях РУ с РК. Казахстан всегда оставался крупнейшим торговым партнером для этой республики. Линия на усиления разнообразных связей с Астаной (в т.ч. военных) еще более укрепилась при новом руководстве. В отношениях с Бишкеком имел место настоящий прорыв по такому болезненному вопросу как пограничный. С Душанбе наметились контуры достижения компромисса в такой острой сфере как гидроэнергетика. В отношениях с Ашхабадом обнаружилось общие интересы в поддержке разнообразных коммуникационных проектов на западном (каспийском) и южном (Афганистан, Пакистан) направлениях.

Отдельным вопросом остается тема балансирования Ташкента между великими державами. При новом президенте отношения с Кремлем стали носить подчеркнуто дружественный характер. При этом упор делается на сферу безопасности, включая массовую закупку российского вооружения узбекской стороной. На китайском направлении новаторских прорывов не было; наблюдалось укрепление того фундамента, который был уже давно заложен еще при Каримове. Толчком этому процессу стал китайский проект «Один пояс, один путь». Отношения между РУ и США базируются на взаимном прагматичном интересе — борьба с терроризмом и решение проблемы Афганистана. Кроме того, Вашингтону импонирует дистанцирование Узбекистана от ОДКБ и ЕАЭС. При этом давление на Ташкент по линии прав человека и демократизации заметно снизилось при Б.Обаме и вообще исчезло при Д.Трампе. Как и ранее, американские компании достаточно активны на инвестиционном поле РУ.

Следует отметить два фактора, имеющих критическое значение для реализации стратегических планов Ташкента. Пер-

вый состоит в наличии крупной узбекской диаспоры (ирреденты) во всех соседних с РУ государствах. Второй фактор — это узловое положение Узбекистана на пересечении любых транспортных проектов в ЦА.

В Стратегии действий Узбекистана до 2021 г. говорится о создании вокруг него пояса безопасности, стабильности и добрососедства, а также об урегулировании вопросов делимитации и демаркации государственной границы. А выступая с посланием парламенту страны в декабре 2017 г., президент сказал, что республика приступила к осуществлению принципа «главный приоритет внешней политики Узбекистана — Центральная Азия». За 2016—2018 гг. уже сделаны серьезные шаги по укреплению добрососедства. Установлено стратегическое сотрудничество с Туркменистаном и Кыргызстаном, подписан ряд важных документов по дальнейшему углублению стратегического партнерства с Казахстаном, стабилизировано и укрепляется сотрудничество с Таджикистаном.

Началом нового этапа кооперации стран региона условно можно считать Консультативную встречу глав государств ЦА (Туркменистан представляла депутат парламента РТ А.Нурбердыева), состоявшуюся 15 марта 2018 г. в Астане по инициативе Ш.Мирзиёева. На ней предложения президента РУ были поддержаны руководителями других стран ЦА. В частности, Н.Назарбаев подчеркнул, что объединение потенциала центральноазиатских государств выгодно для всех народов, проживающих в них.

Узбекистан, проводящий в посткаримовский период более открытую экономическую политику, пока находится на стадии урегулирования спорных вопросов с соседями. Хотя он и расширяет экономическое и инвестиционное сотрудничество с ними, но его финансовые и торговые возможности на

данном этапе значительно слабее, чем у Казахстана. Именно поэтому Узбекистан пока не отказывается от внеблокового статуса и не обсуждает вопросов единства региона, предпочитая развитие двусторонних связей. При условии увеличения экономической мощи, к чему есть предпосылки, страна может изменить тактику в отношении сопредельных республик и перейти к построению многостороннего регионального экономического взаимодействия.

С приходом к власти Мирзиёева всеми наблюдателями было отмечено серьезное продвижение на казахстанско-узбекском направлении. Важную роль в этом сыграл первый визит нового руководителя Узбекистана в Казахстан в марте 2017 г., через неделю после визита в Туркмению. Ш.Мирзиёева сопровождала внушительная делегация, в составе которой были представители государственных ведомств, включая оборонное, парламента РУ и деловых кругов. Итоги этого визита многие местные эксперты расценили как полное обновление казахстано-узбекских отношений.

В сфере экономических отношений в Узбекистан Казахстан экспортирует в основном пшеницу, сырую нефть, черные и цветные металлы, бурый уголь, химическую продукцию и пластмассы. Узбекистан поставляет в Казахстан фрукты, овощи и орехи, природный газ, изделия из пластмасс, предметы одежды и удобрения. В марте 2016 г. Астана и Ташкент договорились о постепенном снижении к 2020 г. размера акцизов на некоторые казахстанские товары. В 2019 г. товарооборот двух стран, по данным СМИ, увеличился до 2,7 млрд. долл. по сравнению с 2018 г. на 10,6%. Тенденция к росту объемов торговли очевидна.

Особенно серьезно страдает от сдерживающих мер приграничная торговля, на которую влияют визовые требования,

неформальные сборы, затянутость и дороговизна таможенных и пограничных процедур, ограничения на перемещение товаров и транспорта, а также на въезд иностранных пассажирских транспортных средств. Наибольшие проблемы наблюдаются в торговле на границе с Узбекистаном.

В 2017–2018 гг. ситуация стала меняться. Для развития приграничной торговли и упрощения экспортных процедур в Узбекистане разрешено осуществлять экспорт товаров (за исключением сырьевых), работ и услуг без заключения экспортного контракта, по инвойсам, после осуществления 100%-ной предварительной оплаты на счета экспортеров в банках Узбекистана. Были отменены некоторые визовые и транзитные ограничения, а также прекращено минирование границ. Казахстан также является потребителем рабочей силы из центральноазиатских стран. Примерная численность трудовых мигрантов из Узбекистана только в Южном Казахстане составляет свыше 200 тыс. чел. Этот поток складывается из сезонных рабочих, индивидуальных предпринимателей, торговцев.

На сегодняшний день наиболее значимыми блоками вопросов, интересующими обе стороны, являются экономическое сотрудничество и безопасность. Несмотря на определенные различия в принципах, на которых строится экономика двух стран, каждая из них в настоящее время планирует перевести ее развитие на качественно новый уровень. На стимулирование взаимных инвестиций и развитие совместных производств направлена активизация связей между регионами двух соседних стран. Ташкент поддержал казахстанскую инициативу о проведении на регулярной основе форумов межрегионального сотрудничества, планирует создание специальных экономических зон вблизи казахстанской

границы. Кроме того, стороны рассматривают возможность строительства международного центра приграничного сотрудничества, а также транспортно-логистического центра на приграничных территориях.

Вхождение Казахстана в ЕАЭС накладывает определенный отпечаток на экономическое сотрудничество с Узбекистаном. Однако обе страны демонстрируют готовность найти взаимоприемлемые решения. Уже достигнуты договоренности по таким вопросам, как обеспечение условий для экспорта на другие рынки ЕАЭС автомобилей совместного производства, оказание помощи фармацевтическим производствам Узбекистана при государственной регистрации в Казахстане лекарственных средств, формирование рабочей группы по обсуждению создания «Зеленого коридора» для взаимных поставок плодоовощной и другой продукции, решение возникающих сложностей при пересечении грузов через пропускные пункты двух стран.¹²

О первых результатах активизации экономических связей двух крупнейших стран региона свидетельствует рост объемов взаимных перевозок железнодорожным транспортом, который только за два первых месяца 2018 г. увеличился на 44% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Товарооборот двух стран по итогам 2017 г. вырос на 31% и составил 2 млрд. долл. В текущем году планируется довести объем двусторонней торговли до 3 млрд. долл., а к 2020 г. — до 5 млрд. В качестве позитивной тенденции можно отметить то, что достигнутые президентами двух стран договоренности не остаются на бумаге, но достаточно оперативно реализуются. В частности, это относится к

¹² Vielmini Fabrizio. Uzbekistan and the Eurasian Economic Union: Pros and Cons // CPRO (Center for Policy Research and Outreach, Tashkent/Westminster) Policy Brief 2019-03, pp.1-4.

открытию автобусного сообщения между Казахстаном и Узбекистаном, прерванного в середине 1990-х гг.

Большое значение для развития узбекско-туркменских отношений имела прокладка через территорию Узбекистана газопровода из Туркменистана в Китай, который вступил в действие в 2009 г. В 2011 г. началось выстраивание долгосрочного сотрудничества двух стран в транспортно-коммуникационной сфере, которое было связано с идеей создания транспортно-транзитного коридора «Центральная Азия – Ближний Восток» (Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман). В 2012 г. страны заключили договор о стратегическом партнерстве, что явилось признанием высокого уровня взаимного доверия, а также того факта, что Астана и Ташкент несут совместную ответственность за ситуацию в Центральной Азии.

Узбекистан экспортирует в Туркменистан автомобили, сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения, продовольствие. Из Туркменистана в республику поставляются нефть и нефтепродукты. Экономические отношения Таджикистана и Узбекистана достаточно сложные: Ташкент препятствовал таджикистанскому железнодорожному транзиту, ставка узбекистанского транзитного акциза составляла 60%. В результате за годы противостояния товарооборот между Таджикистаном и Узбекистаном резко сократился и за 2016 г. составил всего 73 млн. долл., тогда как в начале 2000 г. он был равен 500 млн. долл. В марте 2018 г. Президентами было подписано 27 документов, большинство из них касаются вопросов торговли и транзита между странами. Это должно способствовать активизации взаимной торговли.

Новый президент Узбекистана продолжил линию И.Каримова на приоритетное развитие отношений с

Казахстаном и Туркменистаном как наиболее развитыми государствами ЦА. Неслучайно первые официальные визиты нового лидера Узбекистана состоялись именно в эти страны. Особое значение Ш.Мирзиёев придает гармонизации и интегрированию транспортно-коммуникационных потенциалов трех стран. Туркменистан, Казахстан и Узбекистан реализуют стратегии развития транспортного сектора, куда инвестируются значительные средства. Президент РУ предложил объединить национальные транспортные стратегии трех стран и сформировать единый центральноазиатский транспортный хаб.

В ходе первого визита Ш.Мирзиёева в Туркменистан в марте 2017 г. (он побывал там еще в мае и сентябре этого же года) между двумя странами был заключен Договор о стратегическом партнерстве. В рамках ответного визита Г.Бердымухамедова в Узбекистан в апреле текущего года был заключен целый ряд двусторонних соглашений, относящихся к сфере сотрудничества в сфере транспорта, транзита, нефтехимической отрасли, сельского хозяйства, бизнеса, науки, культуры и образования. В их числе — Программа сотрудничества в сфере транспорта на 2018–2020 гг., Программа научно-технического сотрудничества на 2019–2020 гг., Соглашение о межрегиональном сотрудничестве, Соглашение о создании Делового совета, Соглашение между министерством связи РТ и министерством развития информационных технологий и коммуникаций РУ.

Подписано было также 15 документов, касающихся связей между высшими учебными заведениями двух стран, а также взаимодействия в сфере информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, в ходе визита туркменский лидер выступил с инициативой создания Консультативного Совета глав государств Центральной Азии, что можно расценить

как наметившийся отход Ашхабада от курса на неучастие в каких-либо объединениях.

Особое внимание Ташкента к соседнему Туркменистану, общая граница с которой протянулась на 1600 км, во многом обусловлено тем, что через эту республику проходят важнейшие транспортные маршруты. Это относится, во-первых, к транзиту туркменского газа через территорию Узбекистана. По итогам переговоров Г.Бердымухамедова и Ш.Мирзиёева была достигнута договоренность о строительстве новой ветки газопровода по маршруту Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Кыргызстан – Китай мощностью 25 млрд. куб м. в год.

Предполагается, что развитию кооперации в области транзита углеводородов будет сопутствовать усиление сотрудничества по их разведке и производству. Так, в мае 2017 г. Национальная нефтегазовая компания «Узбекнефтегаз» и Государственный нефтегазовый концерн «Туркменнефть» подписали меморандум, согласно которому узбекская компания впервые в своей истории будет проводить геологоразведочные работы за рубежом. В дальнейшем предусматривается совместная добыча нефти на условиях соглашения о разделе продукции (СРП), в соответствии с которым часть добываемой нефти будет поставляться для переработки на нефтеперерабатывающие заводы Узбекистана.

Кроме того, в ходе переговоров Ш.Мирзиёева и Г.Бердымухамедова было озвучено намерение Ташкента принять участие в реализации проекта газопровода ТАПИ (Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия). Это заявление Ш.Мирзиёева, как отмечают эксперты, весьма актуально для Ашхабада, который неоднократно обращался к странам арабского мира с просьбой предоставить кредит на его

строительство. Был также запрос и к России, однако Москва это предложение не поддержала. Президент Узбекистана, показавший себя сторонником интеграционных процессов в ЦА, поддержал проект, поскольку он укладывается в предложенную им схему межрегионального сотрудничества, хотя, по его словам, сложный ландшафт и нестабильность с точки зрения безопасности накладывают свои ограничения.

Во-вторых, территория Туркменистана является для Узбекистана кратчайшим маршрутом в страны Ближнего Востока. В ходе переговоров стороны подтвердили свое совместное участие в развитии транспортно-транзитного коридора «Центральная Азия – Ближний Восток» (Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман), соглашение о котором было подписано в апреле 2011 г. в Ашхабаде. Оно призвано диверсифицировать и увеличить объемы транзитных перевозок из Центральной Азии на мировые рынки. Кроме того, стороны договорились о поставках туркменской электроэнергии на мировой рынок по маршруту Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Афганистан – Пакистан (ТУТАП).

В-третьих, для Узбекистана, не имеющего выхода к морям, особую важность имело предложение Г.Бердымухамедова об изучении возможностей использования портовой структуры на туркменском побережье Каспия для создания коридора Узбекистан – Туркменистан – Каспийское море – Южный Кавказ с выходом на черноморские порты Грузии, Турции, Румынии и других государств. Наблюдатели отмечают усиление политической активности стран ЦА по проблеме Каспия в связи с предстоящим подписанием пакета документов, определяющих статус Каспийского моря как уникального трансграничного водоема. Ташкент, который

давно стремится найти выход к Каспию, вряд ли оставит без внимания предложения Ашхабада.

Хотя, по словам Ш.Мирзиёева, у Туркменистана и Узбекистана не осталось нерешенных проблем, упраздненное ранее безвизовое сообщение между двумя соседними странами восстановлено не было. Шагом на пути к решению этого вопроса может стать реализация подписанного президентами протокола о внесении изменений и дополнений в Соглашение о переходе через туркменско-узбекскую границу людей, обслуживающих хозяйственные объекты.

Помимо спорных пограничных территорий, в регионах Узбекистана, например, в Бухаре и Самарканде, проживает значительное количество таджиков. То же самое можно говорить и об этнических узбеках Согдийской области Таджикистана. Нарушения в отношении граждан нетитульных национальностей происходят с обеих сторон границы.

Камнем преткновения в решении общерегиональных водных проблем была жесткая негативная позиция первого президента Узбекистана И.Каримова по строительству новых крупных ГЭС в Центральной Азии. Узбекская сторона считала, что возведение ГЭС уменьшит речной сток, что отразится на объемах воды, поступающей в страну, а значит, и на ее экономике. В 2017–2018 гг. позиция Узбекистана была смягчена. В ходе визитов президента республики в Кыргызстан и Таджикистан некоторые водные вопросы были урегулированы. Республика уже не выступает против строительства крупных ГЭС в соседних странах, полагая, что сама сможет участвовать в их возведении и эксплуатации.

В начале марта 2018 г., впервые за 27 лет, состоялся визит в Таджикистан главы Узбекистана, что позволило наблюдателям назвать его «историческим». За время пребы-

вания Ш.Мирзиёева у власти были решены многие из накопившихся за весь постсоветский период проблем в отношениях двух государств. Был отменен визовый режим, налажено авиационное и железнодорожное сообщение, с мая 2019 года, спустя 26 лет, возобновляются автобусные рейсы между двумя странами, которые были прекращены во время межтаджикского конфликта. Планируется запуск 12 маршрутов, причем таджикская сторона обещает пассажирам ускоренный пограничный и таможенный контроль при прохождении государственной границы. Достигнута договоренность по последнему, самому спорному участку государственной границы — между Согдийской областью Таджикистана и Сырдарьинской областью Узбекистана, в районе Фархадской ГЭС-2. Стороны пришли к соглашению, что территория, на которой расположена ГЭС, будет признана территорией Таджикистана, а сам объект — собственностью Узбекистана. Охрану ГЭС будет осуществлять таджикская сторона, а его техническим обслуживанием будет заниматься Узбекистан. Кроме того, на границе открыты новые пункты пропуска.

По итогам бизнес-форума в Самарканде предпринимателями Узбекистана и Таджикистана заключены контракты на сумму 104 млн. долл., возобновлены поставки узбекского газа в Таджикистан и таджикской электроэнергии в Узбекистан.

В ближайших планах Ташкента и Душанбе, которые уже реализуются, — разминирование общей границы, для чего создана специальная совместная рабочая группа, а также проведение до конца года совместных военных учений. Близость двух стран, особенно Таджикистана, к Афганистану, остающемуся очагом террористической угрозы, обусловило повышенное внимание Ш.Мирзиёева и Э.Рахмона к проблемам безопасности. Главы спецслужб РТ

и РУ договорились координировать борьбу с терроризмом и экстремизмом, что может стать важным фактором обеспечения безопасности региона.

Проблема Рогуна на протяжении многих лет была камнем преткновения в отношениях двух стран. Строительство ГЭС возобновилось в октябре 2016 г., с ее помощью Таджикистан планирует поставлять электроэнергию в соседние страны, одновременно используя водохранилище как крупный резервуар пресной воды. Учитывая, что еще в ходе визита президента РУ в Казахстан Н.Назарбаев и Ш.Мирзиёев подтвердили неизменность своей позиции по Рогуну, которая заключается в несогласии с планами ее строительства, некоторые эксперты предположили, что Ташкент и Душанбе смогли выработать некую негласную договоренность.

Сложная ситуация долгое время была на кыргызско-узбекской границе. Она осложняется также расположенными на территории Кыргызстана узбекскими анклавами Сох и Шахимардан и кыргызским анклавом в Узбекистане — селом Барак. В сентябре 2017 г. было подписано соглашение по описанию 85% границы и решен вопрос о беспрепятственном движении через нее. Вопросы демаркации пока не обсуждаются. Еще более сложными и затяжными стали таджикско-узбекские территориальные противоречия. Договор о государственной границе от 2002 г. делимитировал ее на 84%. Документ был ратифицирован лишь в 2009 г., затем вопрос о границах заморозили. В марте 2018 г. был подписан Договор об отдельных участках границы, в том числе по спорному приграничному водохранилищу Фарход: территория, на которой расположена Фархадская ГЭС, признана территорией Таджикистана, а сам гидроэнергетический объект — собственностью Узбекистана.

В сентябре 2017 г. президенты Узбекистана и Кыргызстана подписали в Бишкеке договор по демаркации и делимитации большей части участков государственной границы. Этот факт был назван историческим событием. В декабре 2017 г. состоялся визит нового президента Кыргызстана С.Жээнбекова в Узбекистан. По его итогам, отмечая результаты активно развивающегося узбекско-кыргызского сотрудничества, Ш.Мирзиёев подчеркнул, что между двумя странами не должно существовать границ, и сторонам надо идти вперед на совершенно другом уровне.

Отношения с Россией

Региональная активность Узбекистана привлекает внимание и вызывает интерес у его основных геополитических партнеров. Для России наличие сильного государства в Центральной Азии, поддерживающего линию Москвы, прежде всего в области безопасности, и активно взаимодействующего с другими странами региона, может стать важным фактором сохранения стабильности на южных рубежах СНГ. Показательны итоги состоявшегося в апреле 2017 г. государственного визита Ш. Мирзиёева в Москву, которые многие эксперты расценили как беспрецедентные.

Было подписано 39 межгосударственных, межведомственных и коммерческих документов, при этом пакет инвестиционных соглашений составил 12 млрд. долл., торговые контракты — 3,8 млрд. Среди наиболее крупных соглашений — пятилетний контракт на покупку узбекского газа (ранее газ закупался по одногодичным контрактам), контракты на разработку руд, соглашение о строительстве сталелитейного и металлургического заводов, медно-

обогатительного комплекса и совместного производства сельхозтехники.

Однако Узбекистан и при Мирзиёеве продолжает придерживаться позиции неучастия в интеграционных объединениях с РФ. В частности, новый глава РУ заявил, что Ташкент не рассматривает возможность вступления в ЕАЭС. Как и прежде, Узбекистан не готов отдать часть полномочий наднациональному органу.

По итогам этого визита президента Узбекистана в Россию намечено также значительное расширение военного сотрудничества, причем Мирзиёев подчеркнул важность стратегического партнерства двух стран. Он также пообещал, что будет поддерживать действия России в области безопасности в отношении Афганистана. РФ, в свою очередь, заинтересована в укреплении обороноспособности республики. Во время визита Мирзиёева в Москву Госдума ратифицировала договор между Россией и Узбекистаном о развитии военно-технического сотрудничества, в рамках которого страны будут осуществлять взаимные поставки продукции военного назначения, создавать сервисные центры по ремонту военной техники, прежде всего бронетанковой. Стороны договорились о поставках военной техники и оружия в Узбекистан по закупочным ценам. Для Ташкента это особенно важно, поскольку национальная армия оснащена российским вооружением. Таким образом, сотрудничество в военной сфере остается приоритетным на годы вперед.

Как показал визит министра обороны РФ С.Шойгу в мае 2018 г., военные ведомства двух стран подготовили программу в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС). Договор в сфере ВТС Россия и Узбекистан подписали еще в ноябре

2016 года. Весной 2017-го он был ратифицирован обеими странами. Военное сотрудничество двух стран до сих пор касалось больше вопросов боевой подготовки, а не сфер оружейного бизнеса. Осенью 2017 года в Узбекистане прошло первое за последние 10 лет совместное тактическое учение. В 2018 году узбекские офицеры и военачальники продолжали посещать российские части и соединения, перенимая у них боевой опыт. Узбекские делегации активно работали на 7-й Московской конференции по безопасности.

Россия планирует построить в Узбекистане атомную электростанцию. Переговоры о создании двух крупных энергоблоков станции находятся в завершающей стадии. В качестве будущей площадки для строительства АЭС выбрана Навоийская область. «Росатом» предлагает возвести АЭС из двух современных блоков поколения «три плюс» с реакторными установками ВВЭР-1200. Проект оценивается примерно в 13 млрд. долл., из которых 11,3 млрд. долл. могли быть предоставлены Россией в качестве государственного экспортного кредита. Известно, что Россия предложила Ташкенту несколько вариантов финансирования проекта: на условиях государственного кредита, который Москва готова предоставить Ташкенту, привлечение смешанных (частно-государственных) инвестиций.

По мнению экспертов, возникает щекотливая ситуация. Если Москва хочет сохранить свои монопольные позиции в строительстве АЭС, ей предстоит взять все расходы на себя, пусть и в форме государственного кредита Ташкенту. Во всех остальных случаях в проекте появятся внешние участники, которые и в финансовом, и в технологическом плане будут стремиться к размыванию роли Москвы. После того, как Ташкент принял окончательное решение о том, что АЭС

в Узбекистане быть, французские и южнокорейские компании стали готовиться, в случае осложнения российско-узбекских переговоров по данному вопросу, предложить более выгодные условия.

Потребность в электроэнергии в Узбекистане сегодня составляет 69 миллиардов кВт/час. Почти 85 процентов этой энергии вырабатывается за счет сжигания газа и угля, оставшиеся 15 процентов производятся гидроэлектростанциями. Для выработки электроэнергии расходуется 16,5 миллиарда кубометров природного газа, 86 тысяч тонн мазута и 2,3 миллиона тонн угля. За счет роста экономики, численности населения и уровня его жизни потребность в электроэнергии в последние годы неуклонно возрастет.

По утверждениям президента Ш.Мирзиёева, в результате запуска атомной электростанции будет сэкономлено 3,7 миллиарда кубометров природного газа ежегодно. Посредством переработки данного сырья будет производиться нефтехимическая продукция с высокой добавленной стоимостью. Но даже если экспортировать сэкономленный природный газ без всякой переработки, в Узбекистан будет поступать \$550-600 миллионов в год. Атомная энергия является экологически чистой. АЭС не образуют вредный угарный газ. В результате объем выделяемого в атмосферу угарного газа, образуемого из-за сжигания природного газа, сократится на 3 миллиона тонн в год.

Комментаторы неправительственных изданий, прежде всего, обратили внимание на то, что в отличие от других радикальных реформ - либерализации валютной политики, налоговой реформы, реформы силовых структур и т.д., планы строительства в Узбекистане АЭС не выносились на общественное обсуждение. Более того, соглашение с «Рос-

атомом» было заключено, по всей видимости, в обход ранее существовавшей в стране юридической практики, согласно которой строительство любых крупных объектов за счет инвестиций, привлекаемых под гарантии правительства Узбекистана, должно осуществляться только на основе тендера. В случае с АЭС официальные источники, как минимум, ни о каком тендере не упоминали.

Как известно, свои услуги по строительству АЭС в 2014 году предлагали Узбекистану Канада, Франция, Китай и Южная Корея. Было выбрано место для строительной площадки — озеро Айдараккуль. Но дальше намерений дело не пошло, поскольку выбор подрядчика и кредитора на долгие годы ставит в зависимость от страны-производителя. Москва же предлагает помимо возведения АЭС построить исследовательские реакторы, провести разведку и разработку урановых месторождений, организацию производства изотопов и применения их в промышленности, а также подготовку кадров для атомной энергетики Узбекистана.

Таким образом, Узбекистан станет первой страной в регионе ЦА, где будет построена АЭС совместно с корпорацией «Росатом». Это позволяет вернуться к задаче создания единой энергосистемы Средней Азии и России, которая была поставлена еще в 1960-е годы. Тем самым, Узбекистан за счет выработки дешевой электроэнергии обеспечит рост промышленного производства и качество жизни населения. По мнению экспертов, Москва поменяет энергетическую карту Центральноазиатского региона. С повестки снимается вопрос строительства Рогунской ГЭС, т.к. с созданием единой энергосистемы Средней Азии необходимости в строительстве крупной ГЭС нет. Россия будет нести ответственность за равномерную подачу электроэнергии. И

у экономики Таджикистана появятся крупные объемы электричества.

Единственный минус, если Запад начнет давление по всем направлениям, как это произошло с проектом строительства АЭС в Западном Казахстане. Проект строительства АЭС в Западном Казахстане «Росатомом» прошел согласование и даже общественные слушания. Но затем подключился Запад. Астана получила предложение на строительство АЭС от французской компании AREVA, которое, как потом стало ясно, не предполагало его реализации. У них была единственная задача — не допустить «Росатом» к строительству станции в Казахстане. В случае с Узбекистаном давление Запада может быть, но не настолько сильным.

Президент РФ Владимир Путин 18–19 октября 2018 г. посетил Узбекистан. Визит проходил на фоне укрепления торгово-экономических отношений между РФ и РУ. Экспорт аграрной продукции Узбекистана увеличился благодаря договоренностям Москвы и Ташкента по созданию так называемого зеленого коридора, который позволил увеличить поставки овощей и фруктов в Россию в несколько раз. За шесть месяцев 2018 года экспорт вырос более чем на 70% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г.

Сотрудничество в сфере атомной энергетики — далеко не единственная отрасль Узбекистана, развитию которой способствуют российские инвестиции. В республике с апреля работает Кандымский газоперерабатывающий комплекс в Бухарской области (ЛУКОЙЛ), а также стартовало строительство Джизакского НПЗ, разработаны проекты по возведению двух крупных металлургических заводов в Ташкенте и Каракалпакстане.

Весьма показательным примером стало восстановление узбекско-белорусских отношений. В сентябре 2018 г.

Президент Белоруссии А.Лукашенко посетил с государственным визитом Ташкент. По итогам переговоров с главой Узбекистана Ш.Мирзиёевым была подписана «дорожная карта» сотрудничества на 2019–2020 годы. В планах двух государств была поставлена цель повысить товарооборот до 500 млн. долларов уже к концу 2018 года за счет поставок востребованной на рынках двух стран продукции. БелАЗ экспортирует в Узбекистан 200 тяжелых самосвалов. При этом Минск заинтересован не только в расширении сотрудничества с Узбекистаном, но и выходе через него на рынки третьих стран, в частности, Афганистана и Пакистана.

Товарооборот между Белоруссией и Узбекистаном в 2018 году составил всего 130 млн. долларов. Причина — географическая удаленность и неготовность в прежние годы к серьезному прорывному партнерству, особенно в отношениях руководителей двух стран — А.Лукашенко и И.Каримова. Очень серьезные разногласия между президентами Узбекистана и Белоруссии возникли в период после 2011 года, когда Узбекистан приостановил членство в ОДКБ. В то время одним из главных был вопрос формирования коллективных сил оперативного реагирования. У Минска и Ташкента были разные позиции.

Как отмечают наблюдатели, модели экономических и политических реформ в Узбекистане и Белоруссии схожи. В частности, для экономической модели двух стран характерен запрет на частную собственность на землю. Наблюдается большая доля государственных предприятий в экономике страны, особенно в ключевых отраслях, которые играют важную роль. Обе республики проводят самостоятельную внешнюю политику. При этом обе страны испытывали прессинг со стороны

Запада: Узбекистан — после андижанских событий 2006 года, Белоруссия — после президентских выборов 2010 г., на которых победу одержал А.Лукашенко. Определенная схожесть моделей экономических и политических реформ двух стран создавала основу развития сотрудничества между Минском и Ташкентом. Но, несмотря на это, Узбекистан с Белоруссией не стали стратегическими партнерами. Даже в лучшие годы – в 2010–2011-м – товарооборот не превышал 200–300 млн. долларов. В 2017 году он и вовсе составил 130,9 млн. долларов.

С визитом белорусского лидера начался новый этап политического и экономического сотрудничества. Было подготовлено 11 проектов документов, которые были подписаны в Ташкенте в ходе визита А.Лукашенко в Узбекистан. Кроме этого, главы двух стран дали старт работе завода по производству дорожно-строительной техники, созданного СП «Амкадор» и компанией «Агротехмаш». В ближайших планах — создание в Узбекистане производства комплексов по хранению, очистке и сушке зерна. Две страны заинтересованы друг в друге, особенно потому что удалось наладить на личностном уровне отношения между А.Лукашенко и Ш.Мирзиёевым.

Белорусское направление может стать одним из серьезных участков работы, чтобы увеличить узбекский экспорт и наладить продуктивное сотрудничество. Белоруссия для Узбекистана интересна своим технологическим потенциалом. Это машиностроение и пищевая промышленность, а также опыт в строительстве атомной станции. Стороны ставят целью организовать в Узбекистане производство кондитерской продукции по лицензии белорусского предприятия «Коммунарка» и увеличить поставки белорусского сахара. Белоруссия имеет хороший задел в фармацевтической промышленности, поэтому

между двумя странами реализуется несколько проектов в этой сфере. Белорусским предпринимателям предлагают развивать фармацевтическое производство в двух созданных в Узбекистане свободных экономических зонах. Также есть проекты в сельском хозяйстве — переработка плодоовощной продукции.

Узбекские производители автомобилей надеются выйти на белорусский рынок. Ташкент и Минск хотят создать совместные предприятия по сельскохозяйственному машиностроению. Это значит, что есть возможность выхода совместной узбекско-белорусской продукции на рынки третьих стран, в Афганистан, Пакистан и другие. Отдельной строкой проходит сотрудничество в военно-промышленном комплексе (ВПК). Если ранее Узбекистан сотрудничал в основном с Россией, то в настоящее время идут переговоры с рядом стран, в т.ч. с Белоруссией, имеющей серьезный военно-промышленный комплекс, который белорусы смогли сохранить и который в определенных сферах конкурирует и довольно успешно с Россией. К ним относятся бронетехника, средства ПВО, радиоэлектронной борьбы.

Отношения с КНР

Одновременно Ташкент резко повысил активность и на других важных направлениях своей внешней политики. Китай становится главным источником финансирования намеченных Ш.Мирзиёевым реформ. По итогам первого визита президента РУ в Китай в мае 2017 г. было заключено 105 двусторонних документов на сумму в 23 млрд. долл., визит Ш.Мирзиёева в Китай в мае 2018-го года принес Узбекистану еще 100 новых контрактов и соглашений на сумму порядка 20 млрд. долл. КНР готова вкладывать средства (используя прежде

всего свою обычную практику предоставления кредитов) в модернизацию ведущих секторов Узбекистана — энергетику, нефтепереработку, нефтехимию, сельское хозяйство и модернизацию электростанций.

Особый интерес у Пекина вызывают инфраструктурные проекты, намеченные Ташкентом, поскольку они вписываются в китайскую политику «Один пояс, один путь».

В военной помощи Узбекистану участвует также Китай. Пекин безвозмездно поставлял в страну стрелковое оружие, минометы, военные автомобили. Относительно массового обучения узбекских курсантов в российских вузах и учебных центрах в Китае, у КНР с Ташкентом имеется соответствующее соглашение. Оно было подписано во время официального визита в декабре 2017 года в Узбекистан делегации КНР во главе с тогдашним членом Госсовета, министром обороны КНР генерал-полковником Чан Ваньцюанем. Как выясняется, Китай уже поставил в Узбекистан свои зенитные ракетные системы (ЗРС) FD-2000 (аналог российских С-300). Эти системы под руководством специалистов из Воздушно-космических сил РФ уже участвовали в апреле 2018 года в Узбекистане в совместных учениях сил, входящих в Объединенную систему ПВО СНГ.

Военные эксперты считают, что FD-2000 значительно дешевле С-300, поэтому закуплены именно они. Выражается уверенность, что Китай и США сейчас составляют реальную конкуренцию России в сфере ВТС.

Отношения с Западом

15-16 мая 2018 г. года состоялся официальный визит президента Узбекистана Ш.Мирзиёева в США. В ходе ви-

зита были подписаны пять документов, направленных как на укрепление торговых отношений с США, так и на развитие внешнеторгового потенциала республики в целом. Одним из главных подписанных документов стал Меморандум о взаимопонимании по расширению двусторонних торговых отношений с Минторговли США. В рамках этого документа достигнута договоренность о возобновлении участия Узбекистана в ряде американских программ.

Немаловажным результатом визита стало обсуждение подготовки «дорожных карт» по развитию электронной коммерции в Узбекистане и расширению доступа узбекских предпринимателей к глобальным торговым платформам и системам электронных платежей. С этой целью был подписан Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве с интернет-платежной компанией Openbucks Corp. по развитию электронной торговли в Узбекистане.

Для Соединенных Штатов на первый план вышли вопросы тылового и логистического обеспечения своих войск в Афганистане, а также снижения конфликтности во взаимодействии с исламским миром. Узбекистан, по сути, уже поддерживал США по всем этим вопросам.

Процессы, происходящие в настоящее время в Центральной Азии, обращают на себя внимание в Вашингтоне, который также заинтересован в укреплении связей с Узбекистаном. В послании, направленном Д.Трампом президенту Узбекистана, выражена поддержка инициативы Ш.Мирзиёева о проведении в Ташкенте международной конференции по Афганистану и подчеркивается необходимость совместных действий. Не исключено, что Узбекистан, вслед за Казахстаном, может предоставить свою территорию для транзита невоенных грузов НАТО в Афганистан.

В мае 2018-го года Казахстан подписал закон о ратификации протокола о внесении изменений в соглашение между правительствами РК и США, предусматривающего создание новых пунктов пропуска для железнодорожного транзита специальных грузов и сопровождающего персонала США в Афганистан. Транзит будет осуществляться из Азербайджана через каспийские порты Актау и Курык. Однако для реализации этого закона, в силу географических факторов, необходимо участие Узбекистана. По сути, действия Астаны означают начало реализации плана Вашингтона по созданию маршрута через Азербайджан, Казахстан и Узбекистан, который должен стать альтернативой маршруту через Пакистан.

Ташкент намерен активизировать диалог с США по вопросам науки и техники, а также в области модернизации экономики. Военно-техническое сотрудничество Ташкента с США наметилось после состоявшегося в мае визита Ш.Мирзиёева в Вашингтон, где впервые в истории отношений двух стран был подписан пятилетний План военного сотрудничества. По данным западных СМИ, Вашингтон в 2016 году безвозмездно предоставил Узбекистану 308 бронемашин, 20 ремонтно-эвакуационных автомобилей, а также 10 разведывательных тактических беспилотников типа Raven. В 2017 году США продолжали поставки ВВТ, но в меньших размерах, хотя к ним прибавились средства разведки и радиоэлектронной борьбы.

Однако, традиция давления на Ташкент со стороны Вашингтона сохраняется. Госдепартамент США 5 января 2018 г. опубликовал список государств, причастных к «вопиющим нарушениям религиозных свобод». В него вошли три страны постсоветского пространства — Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В Ташкенте впервые с такой

оценкой выразили категорическое несогласие, поскольку ситуация в религиозной сфере за последний год кардинально изменилась. Тем не менее, министр торговли США в конце октября 2018 г. посетил Узбекистан.

По мнению экспертов, Афганистан является главной точкой интереса США к Узбекистану, который представляет интерес благодаря возможностям влиять на события в Афганистане.

Как отмечают наблюдатели, Евросоюз подталкивает Узбекистан к вступлению в ВТО. Брюссель намерен выделить Узбекистану грант в размере 5 млн. евро на оказание содействия процессу вхождения во Всемирную торговую организацию (ВТО). В Евросоюзе рассчитывают, что Ташкент ускорит вступление в «торговый клуб». Это откроет дополнительные возможности для притока инвестиций и развития товарооборота. За первый квартал 2018 года он уже составил 609,1 млн. долл. Правда, доля экспорта Узбекистана в ЕС оценивается всего в 101,7 млн. долл. Эксперты считают, что минусов от вступления в ВТО для Узбекистана больше, чем плюсов.

Для президента Узбекистана Ш.Мирзиёева вступление Узбекистана в ВТО — вопрос решенный. Напомним, что Узбекистан подал заявку на вступление в организацию еще в 1994 году. После того как в стране начались экономические реформы, назрела необходимость наращивания инвестиций, а также расширения рынков сбыта для своей продукции. ЕС и США заинтересованы в новом участнике всемирной организации и предлагают техническую и финансовую помощь.

Евросоюз пообещал Узбекистану помощь в оказании услуг по вхождению в ВТО и развитию ряда отраслей сельского хозяйства. Договоренность была достигнута в ходе

очередного заседания ЕС–Узбекистан, которое состоялось 14 июля 2018 г. в Брюсселе. Так, в течение года будут реализованы грантовые соглашения по ряду проектов. В частности, 30 млн. евро будет выделено на проект по устойчивому управлению водными ресурсами в Ферганской долине, 15 млн. евро – на развитие сектора животноводства. Еще 5 млн. евро – на проект «Развитие навыков трудоустройства в сельских регионах». В начале 2019 года ЕС обещает грант в размере 40 млн. евро на поддержку расходов государственного бюджета. По сообщению Госкомитета по инвестициям, в Узбекистане при содействии ЕС реализуется 25 проектов на общую сумму более 100 млн. евро.

Руководство Европейского института азиатских исследований отмечает, что Узбекистан благодаря реформам и создаваемым свободным экономическим зонам по всей стране превращается в политический и торгово-экономический хаб региона. По его мнению, транспортно-коммуникационные инициативы тесно свяжут страны Центральной Азии и Афганистан с внешним миром. Одновременно новые торговые соглашения связывают Узбекистан с ключевыми зарубежными экономиками. Так, Европейский союз превратился в четвертого крупнейшего торгового партнера Узбекистана. В первом квартале 2018 года товарооборот ЕС – Узбекистан составил 609,1 млн. долл. По информации Министерства внешней торговли Узбекистана, сумма импорта из стран ЕС в Узбекистан оценивается в 507,4 млн. долл. Сумма экспорта – 101,7 млн. долл., из которых удельный вес экспорта химической продукции составляет 46,2%, доля услуг – 28,1%.

Руководитель подразделения Европейской службы внешних действий заявил, что ЕС готов оказать содействие Узбекистану в увеличении экспорта сельскохозяйственной продукции в

ЕС «путем развития системы сертификации продовольственной продукции согласно требованиям законодательства Евросоюза по безопасности пищевой продукции». По оценкам Евросоюза, создание в Узбекистане системы контроля качества и безопасности пищевых продуктов, которая будет признана в ЕС, откроет широкие возможности для экспорта узбекского продовольствия на европейский рынок.

По мнению специалистов, у Узбекистана есть несколько товарных позиций, которые десятилетиями имеют спрос за рубежом. Ташкенту необходимо самостоятельно решать вопрос диверсификации узбекской продукции, которая идет на экспорт. Вступление или не вступление в ВТО вряд ли поможет решить эту проблему. Ее нужно решать внутри страны, помогая развитию местного производства, поддерживая узбекских производителей. В случае вступления в ВТО Узбекистан получит жесткие условия и потерю суверенитета самостоятельно определять уровень таможенно-тарифных платежей. Республика должна будет открыть свой рынок для товаров других стран. Необходимо также учитывать и географическое положение Узбекистана, при котором любой экспортно-импортный товар из-за транспортных расходов будет неконкурентоспособным.

История развития отношений между Узбекистаном и НАТО отличается непоследовательностью. Сотрудничество РУ с альянсом планомерно развивалось на протяжении 1990-х гг. и пережило свой расцвет в начале 2000-х гг., однако после событий в Андижане 2005 г. произошло заметное понижение уровня взаимодействия. К началу украинских событий 2013–2014 гг. Ташкенту удалось частично восстановить связи с альянсом и наладить сотрудничество по афганскому направлению, однако выйти на тот же уро-

вень, который существовал в первой половине 2000-х гг., сторонам так и не удалось.

Для Ташкента определяющим фактором развития двусторонних отношений является стремление получить ресурс, необходимый для модернизации собственных вооружённых сил, и оказать противодействие угрозам безопасности, исходящим из соседнего Афганистана. К настоящему времени основное взаимодействие Узбекистана и НАТО происходит в рамках программы «Партнёрство ради мира», индивидуальных программ партнёрства и сотрудничества, Прогресса планирования и анализа. С 2013 г. Ташкент также участвует в работе Программы углубления военного образования, нацеленной на выстраивание прочных партнёрских связей между военными учебными заведениями стран — участниц НАТО и министерством обороны РУ, академией Вооружённых сил РУ и тренировочным центром ПРМ в Ташкенте.

В центре внимания находились вопросы, связанные с проведением военных учений на уровне бригады с учётом практических знаний американских военных, полученных в ходе кампании в Афганистане. Отдельно подчёркивалось, что после вывода основных сил США и НАТО из Афганистана роль Узбекистана и других стран региона в поддержании региональной стабильности возросла, что отразило как опасения узбекского руководства в связи с постепенной дестабилизацией в Афганистане, так и стремление американских партнёров переложить часть ответственности на страны региона.

Ещё с 1993 г. Узбекистан участвует в программе НАТО «Наука ради мира и безопасности», в рамках которой происходит развитие двустороннего сотрудничества по таким направлениям, как прогнозирование и предупреждение при-

родных катастроф, энергетическая безопасность и защита окружающей среды. Кроме того, в 2016 г. для военнослужащих РУ было организовано проведение продвинутого курса по «Защите от терроризма, цель которого заключалась в оказании содействия узбекским должностным лицам в разработке контртеррористической стратегии, соответствующей национальному, региональному и международному контексту. В качестве партнёра от НАТО выступил турецкий центр повышения квалификации, специализирующийся на вопросах антитеррористической безопасности.

Руководство РУ не препятствует распространению информационно-пропагандистских учебных материалов НАТО. С июля 2015 г. под эгидой НАТО стартовала программа обучения офицеров ВС РУ английскому языку. Цель программы — расширить участие узбекских военных в международных мероприятиях НАТО. С мая 2015 г. Узбекистан является активным участником проекта по обучению методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков, который реализует НАТО совместно с региональным представительством Управления по наркотикам и преступности ООН (UNODC) в пяти центрально-азиатских республиках, Афганистане и Пакистане.

Вместе с тем за последние пару лет прослеживается тенденция на сокращение физического присутствия НАТО в Узбекистане. Так, в 2014 г. НАТО приняло решение закрыть тренировочный центр ПРМ в Ташкенте в связи с нехваткой кадров и сконцентрироваться на прямой работе с академией ВС УЗ. В декабре 2015 г. прекратил свою работу и последний военный объект НАТО в Центральной Азии — авиабаза в Термезе, арендуемая Германией. По официальным данным, Бундесвер ушёл из Термеза в связи с тем, что в текущей форме база перестала со-

ответствовать потребностям немецких вооружённых сил после вывода основных сил из Афганистана. Существует также версия, что закрытие базы произошло из-за нежелания ФРГ платить новую стоимость аренды, якобы поднятую узбекскими властями до 72,5 млн. долл., что также свидетельствует о падении интереса альянса к региону.

В апреле 2017 г. закрылся так называемый офис НАТО в Ташкенте (бюро сотрудника НАТО по связи и взаимодействию со странами Центральной Азии), который проработал неполные четыре года. Офис в Ташкенте служил в некотором роде дипломатическим представительством альянса и преследовал своей целью продвижение практического сотрудничества с партнёрами в регионе по целому ряду направлений, в том числе в планировании оборонной политики, аналитической деятельности, поддержке операций НАТО, военном образовании и подготовке, гражданском чрезвычайном планировании, научном сотрудничестве, защите окружающей среды, публичной дипломатии. На практике основная задача офиса сводилась к координации вывоза армейского имущества из Афганистана по завершению миссии МССБ в 2014 г. и осуществлению представительских функций.

Таким образом, текущий уровень взаимодействия Узбекистана и НАТО характеризуется относительно низкой интенсивностью. Несмотря на приличный список задействованных механизмов сотрудничества, участие РУ в проектах НАТО остаётся ограниченным и непоследовательным. Наибольшая активность проявляется по таким направлениям, как подготовка кадров и учебных программ для военно-учебных заведений, языковая подготовка, информационно-пропагандистская деятельность, проведение тренингов.

Отношения с Турцией

Существенные изменения происходят в настоящее время в отношениях Узбекистана и Турции, которая может стать одним из приоритетных направлений внешней политики Ташкента. Если при И.Каримове наблюдалось охлаждение в отношениях двух стран (тогда Ташкент увидел в деятельности Турции в Узбекистане источник дестабилизации), то Ш.Мирзиёев взял курс на активизацию связей с Анкарой. Обе страны, стремящиеся к усилению своего регионального влияния, заинтересованы во взаимной поддержке.

На сегодняшний день для Ташкента первостепенное значение имеет экономическая составляющая двустороннего сотрудничества. Уже в 2017 г. были реализованы многие из вновь заключенных узбекско-турецких договоренностей, что позволило не только в полной мере восстановить отношения двух стран, но и достичь новых результатов. В Узбекистан вернулись десятки турецких компаний, был введен безвизовый режим пересечения границы для турецких граждан, стали интенсивно развиваться торгово-экономические связи (Турция является четвертым по значимости торговым партнером Узбекистана).

Визит Р.Эрдогана в Ташкент 29 апреля — 1 мая 2018 года стал новой важной вехой в развитии турецко-узбекских отношений. Были заключены новые долгосрочные государственные соглашения о сотрудничестве во многих сферах — от промышленности и обороны до культуры и туризма. В ходе бизнес-форумов были подписаны многочисленные контракты с сопровождавшими турецкого лидера представителями крупного и среднего бизнеса. Их

общая сумма составила порядка 3 млрд. долл. В отличие от И.Каримова, ограничивавшего доступ иностранцев к природным ресурсам республики, Мирзиёев разрешил турецким геологам совместно с узбекскими специалистами проводить разведку и добычу полезных ископаемых, в том числе золота, на трех месторождениях.

Для Т.Эрдогана Узбекистан представляет интерес, прежде всего, с позиции геополитических задач, достижению которых подчинена политика Анкары. Одна из них заключается в объединении под эгидой Анкары тюркоязычных народов. В контексте пантюрксистской интеграции Узбекистан с его потенциалом регионального лидерства и локомотива экономики Центральной Азии приобретает особую важность для Турции. В этой связи обращает на себя внимание подписание в ходе визита Т.Эрдогана в Ташкент документа о создании Совета стратегического сотрудничества высшего уровня, возглавляемого главами государств двух стран.

Кроме того, Ш.Мирзиёев решил присоединиться к Совету сотрудничества тюркоязычных государств, созданному в 2009 г. по инициативе Турции. Судя по планам, озвученным в Ташкенте Т.Эрдоганом, в частности, по созданию в Узбекистане двух исламских институтов, следует ожидать возобновление Анкарой продвижения в этой республике политики «мягкой силы».

Афганский фактор

В марте 2018 г. Ташкент предоставил площадку для переговоров между официальным Кабулом и оппозицией. Участники конференции по Афганистану определились с тем, что мирный процесс в Афганистане должен проходить

под руководством самих афганцев, а вооруженная оппозиция признается политической силой. Инициативу Ташкента поддержали Россия, США, ЕС, страны Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии.

В случае участия оппозиции в мирных переговорах и достижения национального примирения Ш.Мирзиёев считает необходимым создать все условия для интеграции «Талибана» в политическую жизнь Афганистана. Ожидалось, что в конференции примут участие представители «Талибана», но этого не произошло.

В июле 2018 г. правительственные делегации Узбекистана и Афганистана обсудили в Ташкенте возможность создания режима свободной торговли между странами, привлечения афганских инвестиций в узбекскую экономику и развития приграничного сотрудничества. Ташкент рассматривает Афганистан как рынок и транзитное пространство в рамках новой экономической программы, которая сегодня реализуется Узбекистаном. Как отмечают экономисты, во взаимной торговле между двумя странами отмечена положительная динамика. По итогам прошлого года, двусторонний товарооборот увеличился на 19% и составил 617,1 млн. долл.

В Ташкенте также заинтересованы в привлечении афганских инвесторов по принципу государственного и частного партнерства, в создании приграничной торговой зоны. Кроме этого, афганской стороне было предложено начать проработку вопроса установления режима свободной торговли между странами, согласно которому все товары, которыми они будут торговать друг с другом, освобождались бы от таможенных пошлин. Афганистан в Ташкенте рассматривается в первую очередь как рынок и транзитное

пространство, способное придать новый импульс экспортно-ориентированной модели экономического развития, которая сегодня реализуется Узбекистаном.

По мнению экспертов, нужно понимать, что объективно существующие интересы Ташкента не могут быть достигнуты иначе как при одобрении со стороны США, монополизировавших контроль над всеми процессами в Афганистане. Успех любых переговоров, реализация экономических проектов, любые принципиально важные события и процессы там могут происходить постольку, поскольку это будет соответствовать интересам США. В противном случае они вызовут противодействие с американской стороны, и не будут иметь успеха. Это относится не только к отношениям Ташкента и Кабула, но именно на афганском направлении это наиболее очевидно.

Усиление акцентов во внешней политике на экономические интересы при президенте Ш.Мирзиёеве сделало американский фактор еще более важным для Ташкента. Во всех проблемах афганской ситуации — от политики и безопасности до проектов реконструкции и развития инфраструктуры — Узбекистан однозначно поддерживает позицию США, рассчитывая на американскую поддержку своих интересов и конкретных проектов. Перспективы реализации проектов, в которых существует интерес Ташкента, например строительства дороги Мазари–Шариф–Герат, будут и далее эксплуатироваться американской стороной для вовлечения Ташкента в афганскую орбиту. В реализации известного американского проекта С5+1 (страны Центральной Азии плюс Афганистан) именно Узбекистан рассматривается как ядро региональной интеграции в американских интересах.

Специалисты считают, что «узбекской стороне будет

необходимо очень тщательно и глубоко оценить все плюсы и минусы от создания такой зоны» (? нет сноски). Главное, чтобы эта зона не охватила де-факто наиболее мощный сектор афганской экономики — наркопроизводство и соответственно наркоторговлю. Перед принятием решения по созданию зоны свободной торговли с Афганистаном необходимы консультации Ташкента с его ключевыми союзниками и торговыми партнерами. Принципиально и то, как эта зона повлияет на отношения Узбекистана с Россией, Китаем, странами Центральной Азии.

В августе 2018 г. МИД Узбекистана опубликовал сообщение о завершившемся визите в страну представителей движения «Талибан». Делегация прилетела из Катара, где у движения есть официальное представительство, для обсуждения ситуации в Афганистане. Детали и результаты переговоров с талибами не раскрывались, однако сам факт их проведения можно назвать историческим. Последний раз представители движения были в Ташкенте с визитом лишь в 1999 году. Возглавлял делегацию руководитель офиса движения в Дохе Шир Мухаммад Аббас Станикзай. Впрочем, многие эксперты по региону утверждают, что катарский офис представляет лишь часть движения «Талибан», которое в последние годы раскололось на несколько фракций.

Согласно официальной позиции Ташкента, ситуация в Афганистане стремительно ухудшается. На севере страны от семи до девяти уездов контролируются вооруженной оппозицией. Есть угроза переноса боевых действий с афганской территории в страны Центральной Азии. Тем более что в Афганистан стекаются иностранные боевики, получившие военный опыт в Сирии. По разным данным, их там уже до 5–6 тыс. На этом фоне предпринимаются попытки договориться

о создании единого фронта между движением «Талибан» и центральным афганским правительством, с тем, чтобы вычистить из страны ИГ (Исламское государство).

Ташкент имеет свою стратегию по Афганистану (еще с конца 1990-х годов), которая принципиально не менялась. Основные ее принципы сводятся к следующему: нет военного решения, развивать политический диалог, уменьшить влияние внерегиональных стран на Кабул и внутриафганское урегулирование и делать упор на экономику. По мнению экспертов, уже понятно, что московская площадка будет блокироваться Вашингтоном и Кабулом. При этом Пекин пока нейтрален.

Эксперты считают, что миротворческая инициатива Узбекистана изначально не может быть успешной по отношению к Афганистану в целом, какие бы благородные намерения Ташкента ни лежали в ее основе. Узбекистану в рамках изменившейся парадигмы его экономического развития нужны региональные рынки, среди которых Афганистан является наиболее емким. В таком же контексте нужно рассматривать и транспортно-коммуникационные узбекские проекты в Афганистане, в частности строительство железной дороги Мазари-Шариф-Герат. Проектируя свою деятельность на афганском направлении, в Ташкенте исходят из того, что обеспечение условий для строительства возможно лишь в согласовании с США. Это верно, поскольку именно США сегодня модернируют почти все происходящее на афганской территории. Ситуацию в сфере безопасности американцы контролируют, но существующий уровень афганского конфликта их вполне устраивает, и обеспечение стабильности, как и экономическое развитие в Афганистане, их целью не является.

Таким образом, миротворчество Узбекистана может быть реализовано лишь локально и принести пользу на тактическом уровне. Ташкенту не по силам влиять на процессы в Афганистане на общенациональном уровне, с учетом того что узбекские подходы к афганскому урегулированию вступают в противоречие с интересами ряда более крупных и сильных акторов.

Кроме того, многие из проектов, интересующих Ташкент, географически расположены на территориях, где нет ни малейших перспектив для влияния со стороны кабульского правительства. Многие из них контролируются возродившимся Исламским движением Узбекистана (ИДУ), отрядами которого командуют сыновья командиров — основателей ИДУ: Азизулла Юлдаш (сын Тахира Юлдаша) и Омар Намангани (сын Джумы Намангани). Ставка на этнический фактор, короткое время работавшая во второй половине 1990-х, также сегодня нереальна. Генерала Абдулрашида Дустума многие стереотипно рассматривают и как едва ли не единого лидера афганских узбеков, и как креатуру Ташкента. Но это, подчеркивают компетентные эксперты, не соответствуют истине.

Перспективы развития

На нынешнем этапе не стоит ожидать серьезных изменений внешнеполитических приоритетов Узбекистана. Только после того как все внутривнутриполитические вопросы будут решены, сформируется новый баланс сил, возможна определенная корректировка приоритетов на внешней арене. При этом сохраняется жесткая вертикаль власти, продолжен курс на строгую секуляризацию общественной и политической жизни и недопущение распространения идей радикального ислама.

Если говорить о долгосрочных интересах, то для Узбекистана важно развивать сотрудничество с Москвой, так как более 2 млн. граждан республики работают в России, она также является важным экономическим партнером и крупнейшим инвестором, в первую очередь в нефтегазовую сферу. Не исключается определенное движение в сторону ЕАЭС, но пока не на уровне полноценного членства. С Пекином продолжится тесное сотрудничество, так как Китай — важный инвестор в первую очередь в транспортный сектор, крупный покупатель газа, добываемого в республике. Но осторожность в отношении такого мощного регионального игрока, как Китай, скорее всего, сохранится, так что, вероятно, предложенная Пекином зона свободной торговли с Узбекистаном так и останется проектом. С западными странами ситуация несколько иная — здесь нет серьезной экономической базы сотрудничества. Многое будет зависеть от оценок выборов в Узбекистане и готовности к диалогу с новым главой республики.

Активная региональная политика нового руководства Узбекистана находит поддержку у других государств региона. Это может служить залогом развития взаимовыгодных экономических отношений на долгосрочной основе и, в конечном счете, существенно укрепить экономику региона в целом. Открытость внешней политики Ташкента повышает интерес к Узбекистану со стороны его главных геополитических партнеров, что может привести к усилению их конкурентной борьбы за окончательный геополитический выбор Ташкента. Эта борьба сулит республике существенные экономические выгоды и политические дивиденды, поэтому маловероятно, чтобы Ташкент сделал в итоге ставку лишь на один из «центров силы».

Подводя итог, следует сказать, что политика Ш.Мирзиёева на посту президента Узбекистана свидетельствует о его намерении в общих чертах продолжить прежний политический и экономический курс развития страны. При этом он планирует несколько оптимизировать систему, не меняя принципиальных основ государственного управления.

В вопросе же проведения серьезных реформ, способных существенно поменять правила игры, президент Ш.Мирзиёев сталкивается с системными ограничениями. В данной связи говорить о пересмотре новым руководством Узбекистана стратегии экономического развития пока не представляется возможным.

Вместе с тем, в целом политический контекст выглядит очень благоприятным для осуществления реформ, пусть и незначительных по своей сути. Но команда президента Ш.Мирзиёева намерена использовать общественный запрос для укрепления своих позиций.

Очевидно, что при новом руководстве Узбекистана в лице президента Ш.Мирзиёева (и его команды «реформаторов») Ташкентом курс взят на оптимизацию и модернизацию прежней политики. Однако истинной целью является не радикальный слом системы, а устранение в первую очередь явных и препятствующих дальнейшему развитию перекосов и перегибов прежней политики. Запущенные реформы призваны охватить практически все аспекты внутренней и социально-экономической жизни, а также внешнеполитического положения республики.

Глава 2. Кыргызстан

Политическое и геополитическое положение Кыргызстана обладает заметными особенностями. Кыргызстан является объектом приложения геополитического давления со стороны США, России, Китая, Казахстана и Узбекистана, исламского мира. На Кыргызстане непосредственно отражается положение в Таджикистане и Афганистане.

Кыргызстан располагает определенными преимуществами, к которым относятся относительно либеральное законодательство, дешевая рабочая сила, благоприятные условия для развития сельского хозяйства, легкой промышленности и туризма, активное участие в работе ЕАЭС. Вместе с тем, в стране отсутствует преемственность политического курса, высоки риски политической нестабильности, распространения исламистской идеологии.

В 2018-2019 гг. в Кыргызстане происходило нарастание внутривластной напряженности, вызванное обострением межэлитной клановой борьбы. Оно нашло отражение в усиливающемся противостоянии С.Жээнбекова и экс-президента А.Атамбаева, и, соответственно, связанных с ними элит. Начав с «кадровой революции» и отправив в отставку представителей окружения Атамбаева в различных структурах, новый президент развернул масштабную антикоррупционную кампанию, коснувшуюся, в основном, соратников экс-президента. Хотя Жээнбеков пришел к власти при поддержке Атамбаева, рассчитывавшего, как отмечают местные эксперты, сохранить свое влияние, новый лидер КР целенаправленно проводил замену приверженцев бывшего президента новыми людьми.

По мнению кыргызских экспертов, это свидетельствовало о стремлении Жээнбекова не только избавиться от покровительства бывшего президента, но и не допустить в дальнейшем его возвращения в политику. Такой опытный политический деятель, как Атамбаев, возглавляющий, к тому же, самую влиятельную партию республики — Социал-демократическую партию Кыргызстана (СДПК), в будущем мог бы стать серьезным конкурентом для действующего президента.

Транзит власти, который четвертый президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев начал в 2016 году, затянулся на три года и закончился плачевно для его инициатора. А.Атамбаев делал все по инструкции: заранее поменял под себя конституцию, сохранил влияние на общественное мнение через СМИ, расставил своих людей на главные посты в стране, включая премьерский. Но схема дала сбой.

Несмотря на внутри- и межэлитные противоречия, на сегодняшний день нынешнее руководство республики придерживается в целом того же внешнеполитического курса, что и предыдущее. С.Жээнбеков заявил о стратегическом, приоритетном характере отношений с Россией. Взаимодействие двух стран по-прежнему развивается как на двусторонней основе, так и в рамках многосторонних организаций — ЕАЭС, ОДКБ и ШОС (в последних двух Кыргызстан в 2018 г. занял место председателя). Сейчас на первом плане в отношениях двух стран стоят вопросы, связанные с расширением экономического сотрудничества, укреплением военно-политического взаимодействия, миграцией и статусом в республике русского языка.

В течение последних 28 лет экономика Кыргызстана стремительно изменилась. После распада Советского Союза в 1991 году первые годы перехода от прежней командной

экономики характеризовались процессом деиндустриализации и так называемой шоковой терапии, за которыми последовали приватизация государственной собственности, либерализация торговли, сокращение государственных субсидий, ценовой и валютный контроль. Начиная с 2000 г. и далее, благодаря совместному членству Кыргызстана и Китая во Всемирной Торговой Организации (ВТО), реэкспорт потребительских товаров с маркой «сделано в Китае» в Казахстан, Узбекистан и в Россию через местные базары стал преимущественным источником средств к существованию для многих кыргызстанцев.

В августе 2015 года Кыргызстан вступил в Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС) — институт, включающий в себя бывшие советские республики, целью которого является способствование свободному передвижению товаров, капитала, услуг и людей в рамках единого рынка. С точки зрения развития Кыргызстана за последнее время, членство Кыргызстана в ЕАЭС привнесло новый уровень экономического регулирования, в рамках которого вопросы регламентации — от внешних торговых тарифов до санитарных норм и миграционного режима — приобрели важное значение. Хотя существует общее мнение, что на данный момент ЕАЭС не соответствует заявленному потенциалу, необходимо признать, что его начало совпало с негативными экономическими последствиями для более крупных стран региона, России и Казахстана, таких как низкие цены на нефтегазоносные ресурсы и неустойчивость курса валют.

Экономика Кыргызстана характеризуется высокой степенью зависимости от производства золота, денежных переводов работников-мигрантов, транзитной торговли и внешней помощи. Несмотря на то, что в последние годы руководству республики удалось обеспечить относительную социально-

экономическую и политическую стабильность в стране, экономика КР по-прежнему остается крайне уязвимой перед лицом внешних и внутренних потрясений. Среди наиболее острых — такие проблемы, как внушительный объем государственного долга и бюджетный дефицит, высокий уровень бедности и резкая межрегиональная дифференциация по показателям социально-экономического развития, неразвитость производственной и инфраструктурной базы, безработица, коррупция и nepoтизм, а также ряд других проблем.

Более того, кыргызская экономика стагнирует, продолжая, как и прежде, держаться на грантах и кредитах из-за рубежа, переводах мигрантов, сфере услуг, просевшем реэкспорте китайского ширпотреба, а также добыче золота.

В перспективе, через пять-шесть лет запасы золота на месторождении «Кумтор» исчерпаются и поступление денег прекратится. То же самое может случиться и с прочими внешними источниками подпитки кыргызского бюджета. Если к этому моменту страна не сможет провести модернизацию экономики и решить хотя бы часть нынешних проблем, республику ждет полномасштабный кризис.

Важнейшим партнером для Бишкека остается Москва. Объем совокупной помощи России, оказанной Кыргызстану в последние пять лет, превысил 3,5 млрд. долл. — в виде инвестиций, прямого финансирования бюджета и других видов поддержки. Россия готова по мере необходимости расширять военное присутствие в Кыргызстане. Россия традиционно придерживается принципа поддержки действующей власти, минимизации контактов с оппозицией.

Москва ежегодно тратит около 30 млн. долл. на поддержку государственного бюджета Кыргызстана. Таким образом, начиная с 2012-го общая сумма такой помощи достигла 255

млн. долл. В мае 2017 года между странами было достигнуто соглашение о списании Кыргызстану госдолга перед РФ в размере 240 млн. долл. В целом же за последние 11 лет Россия списала Кыргызстану свыше 700 млн. долл. внешнего долга.

По официальным данным, к 2017 г. на заработки выехало 710 тыс. граждан Кыргызстана. На долю России приходится около 80%, или примерно 600 тыс. человек. Около 450 тыс. соотечественников получили гражданство РФ. Общее количество кыргызстанцев только в России — более 900 тыс. человек, а это более 60% трудоспособного населения страны. По данным Нацбанка Кыргызстана, только за первое полугодие 2017 года мигранты перевели на родину 1,9 млрд. долл.

С другой стороны, Китай уже давно играет растущую роль в экономике страны. Китай является одним из основных торговых партнеров Бишкека. По официальным данным, за 25 лет установления дипломатических отношений двух стран прямые инвестиции КНР в Кыргызстан составили 1,2 млрд. долл. Кыргызстан все более становится зависимой от Пекина. Половина внешнего долга Кыргызстана приходится на Китай. Это около 2 млрд. долл. под 2% годовых. Китайские инвестиции присутствуют в горнорудной промышленности, в поставках стройматериалов, в малом и среднем бизнесе.

Пекин помогает республике в реконструкции дорог Бишкек – Торугарт, Ош – Эркештам, в строительстве альтернативной дороги Север – Юг, подстанции «Датка - Кемин» и возведении небольших предприятий в перерабатывающей отрасли.

В последние годы Пекин и Бишкек решили форсиро-

вать строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Большой проблемой в Синьцзяне является несоответствие инфраструктуры требованиям инициативы «Один пояс — один путь». В Бишкеке рассматриваются два варианта прокладки железной дороги. Первый вариант — Торугарт – Достук – Ат – Баши – Джалал – Абад протяженностью 433 км, второй – Торугарт – Арпа – Кара-Суу 278 км. В Бишкеке рассчитывают проложить дорогу таким образом, чтобы она охватила как можно больше населенных пунктов. Однако в Пекине придерживаются другой точки зрения, считая, что транзитная дорога будет конкурентоспособной при небольшой протяженности — около 100 км. Предполагается, что данные проблемы потребуют своего решения задолго до 2025 г.

Нет консенсуса и по вопросу ширины колеи. Пекин настаивал на том, чтобы дорога имела европейскую ширину колеи — 1435 мм, в то время как российский стандарт, общий для всех постсоветских государств, а также для Словакии, Финляндии, частично Афганистана и Ирана — 1520 мм. Россия связывает ситуацию с обеспечением национальной безопасности в Сибири, Поволжье и на Урале. Если появляется китайская колея, то автоматически появляются китайская безопасность, китайские военные. Это не вопрос кыргызско-российских отношений, это вопрос будущего самой России. Кыргызстану в этом проекте отводится роль транзитной страны.

Серьезной проблемой во внутренней политике, которую вряд ли удастся решить до 2025 г., остается исламский вопрос. По разным оценкам, на территории республики около 3 тыс. действующих мечетей, причем не все они прошли государственную регистрацию. К этому стоит добавить 102 действующих медресе, 7 исламских институтов и 1 ислам-

ский университет. Ряд экспертов считает, что в Кыргызстане в последние годы налицо религиозный психоз. В республике пропагандируются религиозные традиции, тиражируются рассуждения о возможности создания в Кыргызстане исламского государства.

Как считают специалисты, роль ислама в Кыргызстане со временем будет только возрастать, и этот процесс необратим. Тем не менее, создание политической партии на религиозной основе в ближайшие годы не представляется возможным. Существующие мусульманские группы не представляют единого целого. Это разрозненные группы, находящиеся под разным влиянием. Интеллектуальный уровень мусульманской общины не созрел для создания политической платформы. В то же время эксперты обеспокоены ростом числа экстремистов.

В начале декабря 2017 г. в республике произошла смена власти по результатам президентских выборов. Новому президенту приходится решать множество задач, давно созревших и перезревших. Доля государства в экономике — 62%, доля расходов бюджета к ВВП — одна из самых высоких в мире. Внешний долг — 40 % к уровню ВВП. В 2017 году начался пик выплат по внешнему долгу, который составляет 4 млрд. 100,5 млн. долл. С 2017 по 2023 год на обслуживание внешнего долга из бюджета страны будет уходить от 200 до 300 млн. долл.

Имея в виду развитие страны до 2025 года и далее, эксперты настойчиво советуют начать дерегулирование экономики, снизить налоги на бизнес, упростить регистрацию малым предприятиям, сделать ставку на малый бизнес, объявить налоговые каникулы для инвесторов, освободить малый бизнес от платежей на три года. Конечно, без политических реформ этого не достичь. Потребуется развитие государ-

ственных институтов, формирование независимых судов, привлечение инвестиций.

В настоящее время Кыргызстан является активным участником миграционных процессов в Евразии и регионе Центральной Азии, являясь крупным экспортером трудовых ресурсов. Импорт трудовых ресурсов из Кыргызской Республики продолжает расти во многих странах, в первую очередь в Российской Федерации.

Важнейшим аспектом внешней политики для Кыргызстана являются отношения с КНР. Приоритетность Китая во внешней политике Бишкека определяется его возрастающим весом в мировом и региональном масштабе, значительным экономическим и демографическим потенциалом, а также непосредственной близостью к Кыргызстану.

По мнению историков, в свое время южная кыргызская элита была в высокой степени кооптирована в структуры Кокандского ханства, в завоевании которого Российской империей принимали участие и кыргызские северные племена. Эта история не завершена, формирование единой политической элиты, происходившее в советское время, прервалось, но продолжилась ничем не отличающаяся от феодальной межрегиональная междуусобица.

Но в ближайшие годы наблюдатели не видят перспектив изменения ни конституционного строя Кыргызстана, ни политического курса, направленного на сотрудничество с РФ, интеграцию в ЕАЭС. Среди тенденций последнего времени следует отметить сближение с Ташкентом. Как предполагается, в последующие годы Кыргызстан будет больше переориентироваться на отношения с Узбекистаном.¹³

¹³ См.: Ионова Е. Экономические и политические проблемы в Кыргызстане // Россия и новые государства Евразии (ИМЭМО). 2019. № I (XLII). С. 74-87.

Внутриполитическая ситуация

В настоящее время перед Кыргызстаном остро стоит проблема трайбализма и влияния клановых структур на политическую систему общества и государственные институты. Усиливаются борьба за власть между представителями различных кланов, коррупция, конфликты интересов клановых групп, кумовство, политическое покровительство и т.д. В годы независимости Кыргызстана на фоне модернизационных процессов фактически возродились архаические институты Средневековья. В этом проявились как приверженность общества традициям и укорененность этих институтов в кыргызской культуре, так и осознанные стратегии и неосознанные тенденции, направленные на их сохранение. Ренессанс клановых структур сопровождался ростом мотивов ностальгии по традициям былых времен и идеализацией прошлого на самых разных уровнях. Данная тенденция привела также к поискам новой идентичности кыргызского общества и «собственного пути» развития Кыргызстана, к реабилитации и легализации культа родовой солидарности, к складыванию региональных, клановых элит.

Постепенно клановые, родовые институты стали выполнять функции политической самоидентификации. Это привело к таким негативным тенденциям, как появление семейственности или клановости во властных структурах, nepотизм, формирование патрон-клиентских сетей, рост коррупции. Региональная и клановая элита получила возможность открыто влиять на процессы государственного строительства. Таким образом, для повышения управляемости была создана модель модернизированного кыргызского общества, основанная на архаическом сознании.

После президентских выборов 2009 года правящая элита в этническом и клановом аспектах достигла зенита своего могущества. Но клановый принцип формирования власти и собственности к тому времени исчерпал свой консолидирующий и стабилизирующий потенциал. Апрельская революция 2010 года в Кыргызстане была прямым продолжением мартовской 2005 года, поскольку нерешенные проблемы 2005 года вновь всплыли в 2010 году. Жесткая борьба между клановыми элитами и группами вышла на поверхность. Было ясно, что определенные политические круги, преследующие свои узкие интересы, принесли в жертву интересы национальные. Усиление влияния семейных кланов А.Акаева, К.Бакиева привело к росту региональной оппозиции, ядро которой составили видные представители региональной элиты.

В Кыргызстане, разделенной горным хребтом на север и юг, А.Атамбаев воспринимается как представитель северян, в то время как нынешний президент С.Жээнбеков — выходец из южного клана. Трайбализм остается родовым признаком кыргызской внутренней политики и имеет существенное влияние на выбор кандидатов в президенты.

Начиная с первого президента Аскара Акаева следующие чередовались по этому признаку. Второй, К.Бакиев, был южанином. Третьему президенту — Розе Отунбаевой — после переворота 2010 года удалось стать назначенным, но не избранным главой государства в том числе потому, что ее одинаково можно было считать как северянкой, так и южанкой. Вполне возможно, что если бы она баллотировалась в президенты в 2011 году и победила на них, это помогло бы стабилизировать ситуацию в стране куда больше, чем избрание А.Атамбаева.

Свергнув одного за другим двух президентов, попытав-

шихся установить семейный режим правления, кыргызское общество было убеждено, что стоит очертить конституционные ограничения по количеству президентских сроков, и дело сделано. Именно этот мотив вынудил Розу Отунбаеву обещать, что она не будет баллотироваться на выборах 2011 года. Он же привел к принятию новой Конституции, где президентам отведен лишь один шестилетний срок.

Первые годы своего президентства А.Атамбаев старательно демонстрировал готовность жить по конституционным правилам, даже завел публичный отсчет времени, оставшегося ему до конца пребывания на посту главы государства. Переход к парламентско-президентской системе правления многими в Кыргызстане был воспринят однозначно: А.Атамбаев готовится пересесть в кресло премьер-министра. В стране опять заговорили о той самой угрозе узурпации власти, против которой все вместе выступали после кровавого апреля 2010 года.

Молодежь Кыргызстана больше привлекают новые формы политической активности, реализуемые через волонтерство, участие в ежедневных политических дискуссиях оффлайн и онлайн в социальных сетях, политические организации, неформальные объединения по интересам. Согласно результатам опроса кыргызская молодежь отмечает преимущества оффлайн политической активности в сравнении с виртуальным участием. Однако не всегда люди могут пойти на возможные риски и включиться в политику, тем более, если она противоречит политике власти. Большинство кыргызских молодых людей уверены, что за участие в протестах в Кыргызстане не привлекают к уголовной ответственности. Максимум, что могут сделать, – это уволить с работы учителей, врачей, госслужащих, но нет уголовного преследования, угрозы семье.

Таким образом, молодежь Кыргызстана не ориенти-

рована на незаконные протестные действия, что снижает вероятность деструктивных форм политической активности. Для молодых граждан протесты являются неэффективным методом отстаивания своих интересов, и при желании выразить недовольство они активно проявляют себя через социальные сети. Отказ от активных протестных действий казахстанская молодежь больше всего связывает со страхом выйти за рамки правовых норм, а кыргызская молодежь после нескольких революций не видит в них политического смысла и стимула для социально-экономических изменений и относится к протесту как естественному явлению политического развития.

Основной причиной возвращения Кыргызстана к традиционному обществу выступает цикличность культурно-воспроизводственного процесса, которая в силу исторических обстоятельств осуществлялась не естественно-эволюционным путем, а односторонне регулировалась государством.

В настоящее время в массовом сознании постсоветского человека в Кыргызстане разворачивается противостояние двух типов систем политической культуры: культуры подданничества и культуры гражданственности, тоталитарно-авторитарной культуры и либерально-демократической культуры. Поэтому здесь, в новых исторических условиях рыночной экономики и политической демократии, по-прежнему новое содержание изменяющейся жизни отторгается и принимается лишь его видимая оболочка. Иначе говоря, старое традиционное содержание вкладывается в новую демократическую форму. В этой связи, вероятнее всего, политическая культура в современном Кыргызстане еще длительное время будет носить «смешанный» характер, представляя собой комбинацию традиционных и современных

элементов, общинно-коллективистской и индивидуально-личностной ориентации сознания и поведения людей.

Эксперты считают Кыргызстан наиболее известной (для Запада) республикой Центральной Азии благодаря многочисленным публикациям в академическом сообществе и масс-медиа, докладам НПО и т.д. Популярность Кыргызстана подкреплялась открытостью западному влиянию и благодаря революциям 2005 и 2010 годов. В результате республика на долгие годы заслужила славу как «островок демократии в Центральной Азии», а затем — как «провальное государство» (“failing state”).¹⁴

После мартовского переворота 2010 года и отставки второго президента К. Бакиева в Кыргызстане была проведена конституционная реформа. В июне 2010 года на референдуме была принята новая Конституция, вступившая в силу в 2011 году. Она закрепила модель почти абсолютно сбалансированной полупрезидентской республики (индекс формы правления +1). Президент Кыргызстана, по новой Конституции, является главой государства и избирается на шесть лет прямыми выборами. В части формирования правительства он получил право назначения лишь двух министров (обороны и безопасности, остальных назначает парламент), он лишен права назначать судей Конституционного и Верховного судов, права законодательной инициативы.

Кроме того, установлено, что одно и то же лицо не имеет права быть избранным президентом дважды (ст. 61) – беспрецедентная на тот момент для постсоветского пространства конституционная норма. Парламент (Жогорку Кенеш) получил право утверждения программы дея-

¹⁴ Laruelle M., Engvall J. (eds.) *Kyrgyzstan beyond “Democracy Island” and “Failing State”: Social and Political Changes in a Post-Soviet Society*. – New York: Lexington Books, 2015. – 288 p.

тельности правительства, определения структуры и состава правительства и выражения недоверия правительству. Вотум недоверия, дважды выраженный парламентом правительству в течение трех месяцев, ведет к безусловной отставке правительства (ст. 85).

Существенным достижением в институциональном проектировании после переворота 2010 года следует признать установление должности временного президента республики (ее занимала Р.Отунбаева), которая сохранялась в течение двух лет. В этот период была сформирована необходимая законодательная база, проведены выборы в парламент, подготовлены выборы нового президента, участвовать в которых временному президенту закон запрещал. Это лишало инкумбента стимулов расширить полномочия, продлить или монополизировать свою власть.

В 2016 году фракция Социал-демократической партии Кыргызстана в парламенте инициировала референдум по внесению изменений в Конституцию. 11 декабря 2016 года референдум был проведен, причем 79,63% граждан, принявших в нем участие, одобрили конституционные изменения. В соответствии с поправками президент получил право представлять Жогорку Кенешу кандидатуры для избрания на должности судей не только Верховного суда, но и Конституционной палаты Верховного суда; освободить от должности генерального прокурора с согласия не менее половины депутатов Жогорку Кенеша (в предыдущей редакции – с согласия не менее двух третей депутатов).

Ужесточен порядок принятия решения о выходе фракций из коалиции: решение о выходе из коалиции парламентского большинства принимается не менее чем двумя третями от общего числа депутатов фракции, оформляется ее постанов-

лением и подписывается каждым членом фракции, проголосовавшим за выход.

Разрешается совмещать должности депутата Жогорку Кенеша и премьер-министра или первого вице-премьер-министра с сохранением депутатского мандата и права голосования на пленарных заседаниях Жогорку Кенеша; премьер-министр может поставить перед Жогорку Кенешем вопрос о доверии правительству два раза в год, а не один, как ранее; если в течение пяти рабочих дней после получения представления об освобождении от должности члена правительства президент не издает указ об освобождении, премьер-министр после консультации с лидерами фракций парламентского большинства вправе освободить члена правительства от занимаемой должности своим решением.

Хотя поправки в целом не меняют форму правления, в результате значительно повышается самостоятельность премьер-министра в вопросах формирования правительства и отставки его членов и усложняется выход фракции из коалиции. По мнению А. Атамбаева, поправки были направлены на укрепление парламентаризма, по мнению его противников (в том числе временного президента в 2010-2012 гг. Р. Отунбаевой), имеют целью расширение полномочий самого А. Атамбаева после ухода с поста президента на должность премьер-министра.

Очевидно, что уходящий президент планировал сценарий «мягкого преемничества», при котором он сможет либо занять пост премьер-министра, либо оставаться влиятельным лидером де-факто, определяя кадровую и экономическую политику государства.

В апреле 2018 года А. Атамбаев вновь возглавил Социал-демократическую партию и заявил о «возвращении в

политику», а также обвинил президента С. Жээнбекова в «авторитарном правлении и отходе от демократических стандартов». Выяснилось, что новый президент не намерен сохранять кадровый состав прежнего правительства и аппарата президента и стремится проводить самостоятельную политику, поэтому уже сейчас очевидно, что вариант «мягкого преемничества» не реализовался. В апреле 2018 года после отставки правительства новым премьер-министром стал М. Абылгазиев, ранее возглавлявший аппарат президента С. Жээнбекова.

Новая Конституция закрепила пропорциональную избирательную систему на выборах в Жогорку Кенеш, причем по результатам выборов одной политической партии может быть предоставлено не более 65 депутатских мандатов в парламенте (общее количество мандатов – 120). Для партий были установлены два заградительных барьера: не менее 7% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, в целом по республике или не менее 0,7% процента голосов избирателей, принявших участие в голосовании, по каждой области, городам Бишкек и Ош. Партии, преодолевшие один из барьеров, допускаются к распределению мест в парламенте. Введение региональных барьеров стало дополнительным препятствием монополизации власти одной или несколькими партиями, представляющими только одну часть страны. С этой же целью в 2017 году общенациональный барьер был повышен до 9%.

В 2017 году Алмазбек Атамбаев учел опыт своих свергнутых предшественников и, несмотря на явные амбиции стать отцом народа, не пытался задержаться в роли президента больше одного срока, положенного конституцией. В то же время полностью уходить из кыргызской политики он тоже не собирался. Инициированные им изменения в консти-

туцию увеличили полномочия премьер-министра, уменьшив при этом президентские, а свои люди на главных должностях должны были стать проводниками интересов Атамбаева после его ухода с президентского поста. Оставалось найти надежного преемника, чтобы воплотить в реальность план «сильный глава — слабый президент».

Ставка была сделана на Сооронбая Жээнбекова — давнего друга и коллегу Атамбаева по правящей Социал-демократической партии. Южанин из уважаемой семьи, бывший учитель, Жээнбеков начал работать с Атамбаевым еще в 1990-х годах, когда они входили в одну фракцию в верхней палате кыргызского парламента. Придя к власти в 2011 году, Атамбаев назначил С.Жээнбекова министром сельского хозяйства.

Во время президентской кампании 2017 года А.Атамбаев не скупился на поддержку своего избранника, и за полгода предвыборной гонки рейтинг С.Жээнбекова вырос десятикратно — с 4 до 40%. Выборы прошли удачно, административный ресурс и поддержка Атамбаева позволили Жээнбекову избежать второго тура и получить большинство голосов (54,22%).

Сначала все шло по плану: первым указом С.Жээнбеков присвоил А.Атамбаеву звание Героя Кыргызской Республики. Но уже через несколько месяцев новый президент стал уставать от наставнического тона своего предшественника. Атамбаев, хоть и не занял никаких официальных постов, не исчез из публичной жизни и постоянно бросался в адрес нового президента упреками политического и психологического характера.

Одним из главных источников противоречий между бывшим и нынешним президентами стала ситуация с коррупци-

ей. Если Атамбаев рассказывал об успешной борьбе с коррупцией в Кыргызстане и появлении в обществе веры в силу закона и справедливость, то Жээнбеков утверждал обратное и обещал начать антикоррупционную кампанию с чистки в силовых структурах.

28 марта 2018 года состоялся четырехчасовой разговор Жээнбекова с Атамбаевым за закрытыми дверями. О чем они говорили – неизвестно, но это была их последняя публичная встреча. После этого Атамбаев игнорировал все приглашения президента принять участие в различных мероприятиях.

Через три дня состоялся закрытый съезд правящей Социал-демократической партии Кыргызстана — крупнейшей и самой раскрученной партии страны, которую основал сам Атамбаев. На съезд пригласили Искендера Матраимова, семья которого тесно связана с семьей нынешнего президента. На этом съезде Атамбаев занял должность председателя партии и начал готовиться к парламентским выборам 2020 года с явным намерением стать премьер-министром, чьи полномочия он сам расширил еще в конце своего президентства. В попытках использовать правящую партию против своего преемника Атамбаев объявил, что социал-демократы теперь становятся оппозицией. Получилось, что, с одной стороны, Социал-демократическая партия занимает большинство мест в парламенте, в нее входит вся политическая элита, с другой — ее лидер объявил ее оппозиционной.

Дальше А.Атамбаев развязал информационную войну, в том числе через принадлежащий ему популярный телеканал «Апрель». Бывший президент обвинял Жээнбекова в махинациях и покупке голосов во время президентской кампании (хотя Атамбаев лично его поддерживал), в свя-

зях с олигархом Раимбеком Матраимовым (ака Раим-миллион). Провластные СМИ в ответ вменяли А.Атамбаеву подстрекательство и подготовку госпереворота, хотя сам президент С.Жээнбеков публично отмалчивался о конфликте со своим предшественником и игнорировал выпады в свою сторону. Вместо этого он сосредоточился на тихих, но эффективных аппаратных мерах.

Хотя СДПК входит в состав правящей парламентской коалиции, она контролирует лишь 38 мест из 120. Поэтому в апреле 2018 г. парламент легко смог выразить волею недоверия правительству С.Исакова, который был назначен премьер-министром еще президентом Атамбаевым в августе 2017 г., и который, согласно договоренности между экс-президентом и новым главой государства, должен был оставаться в этой должности до 2020 г.

Со своей стороны, Атамбаев стремился продемонстрировать наличие поддержки у населения. На это были направлены такие его действия, как созыв съезда возглавляемой им СДПК, публичные выступления, обсуждения своих позиций в средствах массовой информации и т.д. Эксперты отмечали достаточно крепкие позиции Атамбаева, поскольку он «возглавляет наиболее сильную политическую партию, которая сможет обеспечить себе победу на досрочных (парламентских) выборах ввиду раздробленности всех остальных политических объединений».

При этом в парламенте нарастала критика нынешнего правительства, раздаются требования его отставки. Отмечается, что за время своей работы правительство Абылгазиева так и не приступило к решению стратегических задач, занимаясь исключительно текущими вопросами, в то время как экономическая ситуация в республике является критичной.

Кроме того, высказываются предположения, что нынешнее правительство может не справиться со сложными задачами, которые могут возникнуть в связи с новыми совместными российско-кыргызскими проектами.

С.Жээнбеков довольно быстро смог обновить состав правительства, администрации президента, силовых структур и Совета безопасности, избавившись от людей бывшего президента. В этом ему сильно помог скандал с Бишкекской теплоэлектростанцией. В 2013 году, еще при президенте Атамбаеве, на ее модернизацию китайский Экспортно-импортный банк выделил 386 млн. долл. в кредит под условие, что проект будет реализовываться китайской компанией ТВЕА. Однако, несмотря на модернизацию, в январе 2018 года на станции случилась авария, и значительная часть Бишкека осталась без отопления. Люди заинтересовались документацией, власти не смогли скрыть явные растраты. В результате расследования первым был отстранен премьер-министр С.Исаков. Ему и всему правительству был объявлен вотум недоверия.

В Кыргызстане, где коррупцией пронизаны практически все сферы деятельности, при желании можно найти компромат на каждого госслужащего. Параллельно С.Жээнбеков занимался и главным политическим активом своего оппонента. Ему нельзя было допустить, чтобы Атамбаев, контролируя популярные СМИ и крупнейшую партию, получил большинство в парламенте по итогам выборов 2020 года. Поэтому в пик Социал-демократической партии Кыргызстане (СДПК) сторонники действующего главы государства основали движение «СДПК без Атамбаева».

Под таким давлением А.Атамбаев формально ушел из партии, но все равно пытался управлять ей через своих

ставленников. Тем не менее, Атамбаев продолжил заниматься политикой, собирая митинги против действующей власти. Выступая перед сторонниками, он не раз утверждал, что не признает легитимность президента Жээнбекова, а также не лестно отзывался о парламенте. Парламент в ответ лишил экс-президента неприкосновенности. Бывший глава Кыргызстана оказался обвиняемым сразу по нескольким делам.

12 декабря 2019 г. парламент приступил в открытом режиме к рассмотрению работы государственной комиссии по расследованию событий в селе Кой-Таш 7-9 августа 2019 года. По ним бывшему главе государства А.Атамбаеву грозило пожизненное заключение по совокупности 39 инкриминируемых ему преступлений. Госкомиссия пришла к выводу, что сторонники бывшего президента А.Атамбаева оказали бойцам спецподразделения «Альфа» вооруженное сопротивление. Он сказал, что бывший глава государства сам перешел к радикальным действиям и принял меры для дестабилизации ситуации в стране. Проще говоря, бывший президент готовил насильственный захват власти.

Сторонники А.Атамбаева назвали итоги суда «судилищем». Одна из самых ярых защитников в их рядах — депутат И.Карамушкина заявила, что проект модернизации ТЭЦ принимался депутатами парламента, соответственно, они также должны нести ответственность за его провал.

Таким образом, А.Атамбаев стал первым избранным кыргызским президентом, которому удалось передать власть без революции, но в итоге все равно не смог избежать кровопролития. Теперь четвертый президент Кыргызстана, скорее всего, надолго исчезнет из кыргызской политической жизни. Его уход открывает новые возможности для других политических сил. С одной стороны, президент С.Жээнбеков сможет

продолжить консолидацию власти, с другой — оппозиция будет готовиться к парламентским выборам 2020 года в менее напряженной обстановке.

Угроза религиозного экстремизма

Ислам на территорию Кыргызстана пришел в виде ханафитского мазхаба. В его распространении среди кыргызов-кочевников большую роль сыграл суфизм. Мусульмане Кыргызстана в советский период мало знали о других исламских течениях, возникавших как реакция на исторические, политические, культурные процессы (например, как национально-освободительные движения). После распада СССР в Кыргызскую Республику начали проникать различные исламские течения из других мусульманских стран. Сегодня в Кыргызстане своих последователей обретают почти все пришедшие извне исламские течения и религиозная ситуация и процессы во многом определяются геополитическими интересами ряда государств, использующих религиозные организации и течения для реализации своих геополитических интересов.

Сейчас в Кыргызстане присутствуют исламские течения, заимствованные из Турции, Саудовской Аравии, Ирана, с полуострова Индостан. Следует сразу оговориться, что большинство происходящих извне религиозных течений официально не оформлены в КР как религиозные организации. Они часто присутствуют в форме образовательных учреждений, фондов, культурных представительств и т.д.

Светская часть общества в КР и государственные органы относятся к религиозным течениям, происходящим из разных стран, неоднозначно и даже с подозрением. Страны, откуда происходят эти течения, даже обвиняют в том, что они

продвигают в республике, прежде всего, собственные интересы. Сами религиозные течения относятся друг к другу также не совсем дружелюбно, нередки случаи жесткой полемики между ними. Со стороны основной массы населения КР все течения из других мусульманских стран воспринимаются как «истинный ислам». Такое некритическое, прямое восприятие исламских методов понимания других мусульманских стран связано с тем, что свой, местный метод понимания ислама в Кыргызстане только начинает формироваться.¹⁵

В полной мере Кыргызстан испытал угрозу со стороны воинствующего радикализма во время т.н. Баткенских событий 1999 и 2000 гг. Однако, эта угроза носила в большей степени внешний, чем внутренний характер. В целом, все эти события сыграли положительную роль для укрепления внешнеполитических позиций Кыргызстана в целом и режима Акаева в частности. Но исламисткая угроза внутри страны долгое время недооценивалась и сохраняет серьезный дестабилизирующий потенциал до настоящего времени. В некоторой степени ответственность за его распространение несет относительно либеральный режим, созданный Акаевым и позволявший безнаказанно вести пропаганду ваххабизма и исламского фундаментализма.

Одним из главных проводников экстремистской идеологии в Кыргызстане является официально незапрещенная организация “Хизб ут–Тахрир”. Статистика свидетельствует о том, что распространение идей “Хизб ут–Тахрира” принимает угрожающие масштабы. Характерно, что исламистская оппозиция концентрируется, прежде всего, в южных регионах. Исламистов обвиняют также в организации или подготовке терактов, в том числе и против китайских представителей.

¹⁵ Esenamanova N. Kyrgyzstan's Islamic Reference Points: the Role of Foreign Religious Trends // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2015. № 3-4, pp. 186-199.

Не всегда ясно, насколько исламисты действительно замешаны в подготовке терактов и насколько этот фактор используют власти для канализации социального недовольства в их адрес.

В то же время, Бишкек пытался использовать исламистский фактор в свою пользу. Раздувая опасность, грозящую со стороны исламского экстремизма, правительство преследовало несколько целей, утверждают наблюдатели в Оше. Эта угроза могла быть использована для того, чтобы оправдать действия, ограничивающие индивидуальные свободы, и тем самым для того, чтобы заставить замолчать своих политических оппонентов. Ее можно было использовать также для того, чтобы продолжать держать в напряжении международное сообщество. Демонстрируя угрозу международного терроризма, кыргызские власти успешно привлекали дополнительную военную и экономическую помощь из-за рубежа.

Активисты «Хизб-ут-Тахрир» отрицают насильственные действия в своей деятельности, тем не менее, были факты, когда они также были причастны к серии терактов на территории Кыргызстана. Заметно активизировались уйгурские экстремистские организации из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Достаточно сильно ощущается влияние Турции. В Кыргызстане действует сеть турецких учебных заведений, как среднего, так и высшего звена. В них достаточно сильные антироссийские настроения.

Таким образом, исламистская оппозиция в Кыргызстане стояла особняком от других протестных групп и движений. Ее целью являлось не свержение режима Акаева как такового, но уничтожение любого светского режима, в том числе демократического, за который выступала либеральная оппозиция. Маловероятно, что могла произойти смычка демокра-

тической и исламской оппозиции. Но исламистский фактор может быть использован деструктивными силами внутри и вне Кыргызстана, заинтересованными в дестабилизации обстановки в этой стране. Кроме того, ситуация осложнялась тем, что исламистское движение имело ярко выраженный этнический характер, т.к. оно распространено в основном на юге республики среди этнических узбеков.¹⁶

В Кыргызстане в последнее время стали чаще задерживать людей, пробующих вести пропаганду «Исламского государства». По данным МВД Кыргызстана, число кыргызов, воюющих в Сирии и Ираке, превышает 230 человек. По данным же зарубежных экспертов, это количество может достигать до 1000. Власти страны констатируют, что в республике наблюдается увеличение количества приверженцев религиозно-экстремистских организаций. Можно говорить о нарастании джихадистских настроений среди местного населения. Известно, что зачастую пропагандисты радикального ислама избегают ответственности, предусмотренной уголовным кодексом страны — местные СМИ сообщают о случаях коррупции в правоохранительных органах, в результате которой джихадистам удаётся откупиться и продолжать свою деятельность.

Новая активная фаза исламизации в Кыргызстане пришлась на 2016—2017 годы, период конституционных изменений, когда прописывался закон о светском статусе государ-

¹⁶ Крылов А. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 6. С. 101-107; Курманов Э. Деятельность «Хизб-ут-Тахрир» в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 3. С. 138-146; Мирсайитов И. К вопросу о противодействии идей «Хизб-ут Тахрир» в Кыргызстане // Казахстан-Спектр (Алматы. КИСИ). 2006. № 2. С. 34-38; № 3. С. 31-39; Сухов А. Кыргызстан: роль «Хизб-ут-Тахрир» в радикализации ислама // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 6. С. 120-129; Чотаев Ч. Этнорелигиозная ситуация в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 3. С. 77-85.

ства. Представители религиозных организаций, действующих в Кыргызстане, и политики, лоббирующие их интересы, тогда выступили против.

По мнению наблюдателей, сегодня Кыргызстан — полноценная исламская страна, с традициями, обрядами, исламским мировоззрением, хотя официально исламской республикой вряд ли станет. Если на парламентских выборах 2015 года исламский фактор был значимым, но не определяющим, то к 2020 году ситуация может кардинально поменяться. Политический ислам нарастает. Например, есть такой религиозный лидер, как экс-муфтий Кыргызстана Чубак ажы Жалилов, у которого насчитывается несколько сотен тысяч активных последователей. Это колоссальный электорат с учетом того, что для прохождения партии в парламент необходимо набрать всего 115 тыс. голосов, и 10 депутатских мест гарантировано.

Аналитики бьют тревогу: в регионах мечеть становится одним из главных социальных институтов. Это и религиозное образование, это и место сбора и общения людей. Возрастает количество и роль имамов. Они проводят все обрядовые ритуалы, начиная от рождения до похорон. Они берут под контроль определенные денежные потоки и социальные практики.

Проблема обострилась очень резко и продолжает обостряться — в частности, в пятничную молитву уже и многих госслужащих не бывает на работе, как и многих силовиков. Фактически, Бишкек стал самым религиозным городом Центральной Азии, а Кыргызстан — самой религиозной страной. 102 действующих медресе, 7 исламских институтов и 1 исламский университет. Женщины все чаще надевают традиционную мусульманскую одежду

– хиджаб, а мужчины – пакистанские белые шальвары и длинную рубаху – камиз. Такого типа одежда у кыргызов никогда не использовалась.

Экс-президент Кыргызстана Курманбек Бакиев провел в конце мая 2019 г. в Москве для кыргызских мигрантов ифтар — благотворительный ужин во время месяца Рамадан. Около 500 кыргызстанцев приняли участие в мероприятии. Эксперты считают, что Бакиев мобилизует сторонников на случай дестабилизации ситуации в республике. Идет тихая мобилизация сторонников Бакиева.

В Кыргызстане уже летом 2019 г. начали готовиться к проведению парламентских выборов, которые запланированы на осень 2020 года. В политику включается новое поколение. Дочь писателя Чингиза Айтматова Ширин Айтматова призывает молодежь объединиться. Ее задача — привести в парламент прозападные партии. В противном случае, в Жогорку Кенеш придут приверженцы различных исламистских организаций и течений. Заявление Ширин Айтматовой вызвало неоднозначную реакцию в кыргызском обществе, связавшем ее с прозападным лобби. В Бишкеке вспомнили, что Агентство США по международному развитию (USAID) планирует выделить на проведение парламентских выборов 2020 года в Кыргызстане 2,5 млн. долл., и расценили этот шаг как вмешательство во внутренние дела республики.

В Кыргызстане утверждается, что большинство граждан республики, отправившихся на войну в Сирию, составляют политически и экономически маргинализованные этнические узбеки из южных районов Кыргызстана. В то же время, несомненным является наличие в рядах боевиков и этнических кыргызов. В феврале 2015 г. глава МВД Кыргызстане сообщил о том, что 22 гражданина республики были убиты в

боевых действиях в Сирии, и что в эту страну отправились около 200 граждан, в том числе 30 женщин. Также сообщалось о более чем 80 фактах попыток завербовать граждан Кыргызстана для отправки в Сирию.

Этно-региональный аспект социально-политического процесса также является одним из наиболее существенных факторов, который необходимо учитывать при оценке общественных настроений накануне президентских выборов, поскольку проявление этнорегионализма в Кыргызстане заметно активизируется в периоды обострения политической борьбы. Следует учитывать, что «в Кыргызстане признается на бытовом и келейно-политологическом уровне наличие противоречий между южанами и северянами, происходит детализация специфики региональной идентичности в разрезе областей и районов, которые обусловлены определенными культурными, языковыми, хозяйственными, историческими, религиозными особенностями, в основном являющимися в современных условиях пережитками прошлого».¹⁷ Север намного более русифицирован и вестернизирован, а также слабо исламизирован. Поэтому северные элиты более открыты к сотрудничеству с Россией и Западом одновременно. Юг страны более исламизирован и менее русифицирован. Поэтому южные элиты более изоляционистски настроены, но в то же время они менее прозападные, что позволяет в ряде случаев легче взаимодействовать с Россией.

Этнический регионализм, переплетающийся с трайбализмом, имеет тенденцию к усилению и обострению вследствие имеющихся в кыргызском обществе социально-экономических проблем, стимулирующую националистические, экстремист-

¹⁷ Тольбашиева Дж.У., Джусупбеков А.К. Теоретико-методологические проблемы исследования этнорегиональной идентичности // Известие Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2015. №4. – С.40-49

ские, а, порой, сепаратистские или даже ирредентистские настроения. В ходе предвыборной кампании, вероятно, также не удастся избежать практики политического использования разделительной парадигмы «Север – Юг» в отношении кандидатов и электората.

Кыргызская модель места ислама в государственном и общественном устройстве имеет дуалистичный характер, рывкаясь между умеренностью и экстремизмом. В другом разделе рассматривается реакция общества и государства на ИГИЛ. Кыргызская элита манипулирует потенциальной угрозой терроризма со стороны ИГИЛ для приобретения политических выгод для себя.¹⁸

Нынешние претенденты на президентский пост существенно ограничены своим территориально-электоральным полем. Пожалуй, в Кыргызстане нет ни одного политика, который пользовался бы поддержкой повсеместно — как на севере, так и на юге страны. Поэтому северные кандидаты заняты поиском подходов к влиятельным южным политикам, финансовым спонсорам, избирателям. На северо-западе южные кандидаты действуют таким же образом. На внутриэлитном и межэлитном уровнях идет естественный для предвыборного периода договорной процесс, продолжается формирование политических тандемов по географическому признаку «Север – Юг».

Экономическое развитие

На протяжении длительного периода в современном Кыргызстане сложилась за годы независимости устойчивая политико-экономическая система. Данная система может быть

¹⁸ McBrien Julie. From Belonging to Belief. Modern Secularisms and the Construction of Religion in Kyrgyzstan. – Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2017. – 248 p.

реинтерпретирована, исходя из организации самого государства.¹⁹ Феномен кыргызской коррупции подразумевает не получение преференций путем коррупции частными лицами (частным бизнесом), а наоборот — политики и чиновники из госаппарата контролируют деятельность экономических субъектов, оказывают протекцию или, напротив, контролируя общественную (но временно приватизированную) или отбирая частную собственность. После каждой смены власти в Бишкеке возобновляется процесс перетекания одной и той же собственности в новые руки.

Кыргызская экономика разрывается между разными магистральными направлениями — курсом на получение ренты с добывающей промышленности, возрождение аграрного сектора и получение миграционных поступлений.

К основным источникам экономики Кыргызстана относятся золотоносный рудник Кумтор, провоцирующий в последнее время рост т.н. ресурсного национализма в республике; трудовая миграция (как способ выжить), ситуация в животноводческом секторе в качестве перспективной отрасли экономики. Ряд экспертов показывает (на примере известного базара «Дордой», а также Ошского базара) эволюцию данного базара как объекта — от рыночной стихии к централизованному управлению (в том числе — внешнему), формирования власти местных авторитетов, их отношения с торговыми посредниками и местными властями, и в результате выходит на концептуальный уровень — формирование некой прототеории о возникновении и существовании постсоветских базаров в качестве некоего уникального феномена.²⁰

¹⁹ Engvall J. The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016. - 240 p.

²⁰ Spector Regine A. Order at the Bazaar. Power and Trade in Central Asia. - Ithaca: Cornell University Press, 2017. – 266 p.

Исследователи связывают возникновение коллективной идеологии в разрухе 1990-х годов, чье усиление проявилось в «революциях» 2005 и 2010 гг., а спад — с разочарованием их результатов в 2010-е гг. В качестве наглядного примера социального разочарования и политической апатии социологи выбрали Кокджангак, бывший некогда развитым угледобывающим центром и типичным примером социалистической модернизации.²¹

Преодоление экономических вызовов для Кыргызстана является главной задачей, от решения которой во многом зависит сохранение в республике политической стабильности. Ожидания улучшения социально-экономического положения в стране связаны с приходом к власти в конце 2017 г. С.Жээнбекова, который сменил на посту президента А.Атамбаева. При этом транзит власти впервые в истории Кыргызстана произошел мирно, без социально-политических потрясений. В настоящее время идет формирование основных направлений внутренней и внешней политики новых властей КР.

По имеющимся данным за 2017 г., Кыргызстан занимал предпоследнее место среди стран СНГ по ВВП в пересчете на душу населения (1,2 тыс. долларов). В условиях гиперинфляции около 50% жителей республики оказались за чертой бедности. Отсутствие рабочих мест породило массовую трудовую миграцию, прежде всего в Россию и Казахстан. В настоящее время в трудовой миграции находятся 710 тыс. жителей республики, из которых 640 тыс., то есть 90%, работают в РФ.

Преобладание льготных кредитных соглашений в структуре внешнего долга Кыргызстана (98,6%) лишь в малой мере

²¹ Pelkmans M. *Fragile Conviction: changing ideological landscapes in urban Kyrgyzstan*. – Ithaca: Cornell University Press, 2017. – XVI+213 pp.

сглаживает негативные эффекты от снижения валютного курса, поскольку объемы внешнего долга КР возрастают из года в год, а задолженность органов государственного управления увеличивается соразмерно динамике государственного долга, что становится одной из насущных проблем, стоящих перед руководством страны. Увеличение бюджетного дефицита в свою очередь также угрожает дальнейшему росту государственного долга.

Другой острой проблемой республики остается межрегиональная дифференциация по уровню социально-экономического развития по схеме «отсталый юго-запад и сравнительно развитый северо-восток». Ситуация усугубляется тем, что существует высокая зависимость территориальных бюджетов от республиканского, за немногими исключениями лишаящая регионы и города возможности развиваться, опираясь преимущественно на собственные финансовые ресурсы.

В этих условиях денежные переводы трудовых мигрантов стали важным фактором формирования покупательного спроса и ВВП республики (в отдельные годы они составляли до трети ВВП). По данным Всемирного банка, Кыргызстан стал лидером среди стран Туркестанского региона и Европы по соотношению объема денежных переводов от трудовых мигрантов к объему ВВП. Согласно подсчетам Центробанка РФ, в 2017 г. кыргызские мигранты перевели на родину 2,21 млрд. долл. и сопоставимую сумму привезли в Кыргызстан в виде наличных денег.

Существенной проблемой продолжает оставаться бюджетный дефицит (порядка 3-5% к ВВП), для обслуживания которого требуются внешние заимствования. Оптимизация государственных расходов в 2018 г. позволила снизить бюджетный дефицит с прогнозируемых 20,3 млрд. сомов до 15,2

млрд. (2,7% к ВВП). Государственный долг Кыргызстана, по состоянию на конец октября 2018 г., достиг 4,4 млрд. долларов, или почти 56% к ВВП. При этом большая его часть — 3,8 млрд. долл. — это внешний долг. Только в 2018 году госдолг республики увеличился более чем на 87 млн. долл. Эксперты отмечают, что без помощи Москвы, которая за последние пять лет списала 490 млн. долл., внешний долг был бы еще больше.

Обслуживание госдолга тяжелым бременем лежит на бюджете республики: пятая часть всех доходов казны в 2019 г., которые определены в 151 млрд. сомов, должна пойти на эти цели. При этом выплаты по госдолгу постоянно растут: если в 2018 г. они составили 20,5 млрд. сомов, то в 2021-м, по прогнозам, достигнут уже 36,5 млрд. Последнее предложение направлено на ограничение финансового влияния Китая, который является главным кредитором КР — в 2018 г. на его долю пришлось 44% всех полученных республикой заемных средств. Недовольство Бишкека вызывает то, что большая часть китайских займов идет на инфраструктурные проекты (строительство и ремонт дорог), которые реализуют сами китайские компании, используя не местную рабочую силу, а мигрантов из КНР. Растущая зависимость от Поднебесной стала причиной роста в республике антикитайских настроений, которые вылились в акции протеста в декабре 2018 и январе 2019 г.

При этом на фоне увеличения объема китайских кредитов в последние годы происходит сокращение притока прямых иностранных инвестиций. Так, если в 2015 г. объем инвестиций составлял 820 млн. долл., в 2017 — 503 млн., то в 2018 — только 345 млн. долл. В правительстве КР объясняют это ситуацией на мировом рынке, но не отрицают и фактор

низкой инвестиционной привлекательности республики. Тем не менее, правительство Кыргызстана по итогам 2018 г. оценило ситуацию в экономике как стабильную.

Экономический рост в 2018 г., как и в предшествующие годы, в определяющей степени был обеспечен за счет золотодобычи, которая имеет стратегическое значение для формирования государственного бюджета и ВВП Кыргызстана. В настоящее время она сосредоточена, в основном, на месторождении Кумтор, которое в 2018 г. обеспечило 9% ВВП и 20% всего промышленного производства. Местные эксперты отмечали ключевую роль золотодобычи в динамике экономического роста республики. Однако постепенное истощение запасов Кумтора и сокращение там объема золотодобычи будет сдерживать рост ВВП. В связи с этим правительство КР считает необходимым активизировать вовлечение в разработку новых месторождений.

Большие надежды власти республики возлагают на освоение золоторудного месторождения Джеруй, открытого еще в 1969 г. По данным геологоразведки, запасы этого месторождения составляли 80 т золота. С момента обретения независимости в Кыргызстане неоднократно предпринимались попытки открыть производство на этом руднике, но проект до сих пор не заработал в полную силу. С 1992 г. здесь сменилось десять инвесторов, однако реализация соглашений между иностранными инвесторами и правительством КР по различным причинам каждый раз срывалась. В последний раз, в 2015 г., по итогам аукциона право на разработку получила российская кампания «Восток-геологодобыча», входящая в состав корпорации «Русская платина». Крупным месторождением считается также Чаарат, запасы которого, по данным на 2013 г., оцениваются в 76,7 т.

Постепенно Кыргызстан подходит к тому порогу внешнего долга, когда будет вынужден расплачиваться вполне реальными ресурсами. За период 1992-2019 Кыргызстан получил порядка 3 792,64 млрд. долларов США, из которых 1,7 млрд. долларов США приходится на Китай, при этом резкий скачок наблюдается в период президентства А.Атамбаева. По данным Министерства финансов КР внешний долг страны на 31 мая 2019 года составил 3 млрд. 783 млн. долларов США, что составляет порядка 47% от ВВП.

Особенно сложно складывается судьба тех месторождений, которые переданы в разработку китайским компаниям. В частности, скандалы сопровождают кампанию «Кичи Чаарат», осваивающую месторождение Куру-Тегерек, запасы которого оцениваются в 39 т золота и 354 т меди. Об остроте проблем в горнодобывающей отрасли свидетельствует то, что понадобилось специальное, посвященное им, заседание Совета безопасности республики, которое состоялось 30 января 2019 года. На нем шла речь о необходимости создания собственных предприятий по производству золота, борьбе с коррумпированностью чиновников, работающих в этой сфере, усилении контроля за перепродажей лицензий, а также о важности разъяснительной работы с местным населением.

Одним из драйверов экономического развития Кыргызстана должно стать вовлечение в разработку месторождений не только золота, но и других полезных ископаемых, которыми располагает республика. В их числе — ртуть, сурьма, редкоземельные металлы. Кыргызская Республика обладает самым большим гидроэнергетическим потенциалом в Центрально-Азиатском регионе. Большую часть электроэнергии в республике вырабатывают гидроэлектростанции. Проблема Кыргызстана состоит в том, что даже при отказе от со-

трудничества и, соответственно, работе водохранилищ исключительно в «энергетическом режиме» сгенерированной там энергии будет недостаточно, чтобы удовлетворить внутренние потребности страны в электроэнергии в зимний период. В отсутствие регионального соглашения кыргызским властям нужно пытаться покрыть этот дефицит путем сочетания внутренних реформ с сооружением новых электростанций. И то, и другое представляет огромные трудности.

Кыргызстан, как и Таджикистан, стремится расширить площадь орошаемых земель с возможным увеличением водозабора из трансграничных рек в Чуйской, Джалал-Абадской и Ошской областях. Этот проект еще не подвергся критике со стороны стран низовья, так как их основной заботой остается гидроэнергетический проект. Фактически имело место определенное сотрудничество. Оно выразилось в создании нового институционального механизма: Кыргызстан и Казахстан сформировали совместную Комиссию по рекам Чу и Талас, задачей которой является обсуждение возможностей оптимального использования трансграничных водных ресурсов.

В 2009 году Всемирный банк начал реализовывать комплексную Водно-энергетическую программу для Центральной Азии (CAWEP) с целью усовершенствовать финансовую и иную помощь странам региона в управлении использованием их водных и энергетических ресурсов. В Кыргызской Республике и Таджикистане было восстановлено 87 метеостанций и 19 речных станций мониторинга, что позволило в рамках Проекта модернизации гидрометеорологического обслуживания в Центральной Азии значительно, порой на 30%, повысить точность прогноза погоды в этих странах.

Одной из стратегических задач экономической политики, выдвинутых правительством КР, является реиндустриализа-

ция, что предполагает развитие несырьевого сектора. Согласно официальным сообщениям, в 2018 г. в качестве позитивной тенденции развития экономики был отмечен рост несырьевых отраслей. Впервые ВВП страны, без учета Кумтора, вырос на 3,5%. Это было обеспечено, в основном, ростом в товарном производстве (5,1%) и сфере услуг (2,1%). Наиболее быстрые темпы роста в 2018 г. были зафиксированы в таких отраслях, как добыча угля (рост на 22%), добыча нефти и природного газа (17,5%), производство одежды (19,8%), производство резиновых изделий (11,3%), текстильное производство (9%).

Надежды на реструктуризацию экономики в республике связывают со вступлением Кыргызстана в ЕАЭС и выходом на рынки союза. Так, это уже стало стимулом для развития текстильной промышленности КР. За последние три года швейное производство выросло на 15% и заняло третье место в экспорте республики.

Кредиты брали в основном на инфраструктурные проекты: строительство альтернативной трассы «Север – Юг», строительство подстанции «Датка», реконструкцию ТЭЦ. Инфраструктурные проекты, безусловно, положительно влияют на экономику, но косвенно. Но говорить о диверсификации экономики, ее самодостаточности — не приходится. Страна брала кредиты не на серьёзную диверсификацию экономики, а на не связанные между собой, разрозненные проекты. Не созданы источники, приносящие реальный доход в государственную казну. Соответственно, выплаты по процентам будут за счёт сокращения расходов на образование, здравоохранение и т.д.

Что касается Кыргызстана, то одновременно проседает и доходная часть бюджета, которую, как заявляют пред-

ставители гражданского сектора, продолжают растаскивать коррупционеры всех мастей и уровней. Только официально признанный внутренний долг далеко превысил 20 миллиардов сомов или \$300 миллионов. Это притом, что годовой бюджет страны едва достигает \$2 миллиардов.

По данным Национального статистического комитета, в 2018 году приток прямых иностранных инвестиций в Кыргызстан составлял 851,7 млн. долл., а в 2019-м — 569,8 млн. долл. Министр экономики С.Муканбетов заявил, что коррупция, недействующие законы и безответственность — основные причины бегства иностранных бизнесменов. Эксперты называют несколько причин, по которым инвестор не идет в Кыргызстан или уходит из страны. По их словам, в Кыргызстане расходы на обустройство могут превысить будущие дивиденды в силу ряда причин, включая климатические условия и непростые взаимоотношения с местным населением и властью.

Кыргызстан недоволен введенными РФ ограничениями на объемы денежных переводов. Это нарушает нормы Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Официальный Бишкек полагает, что обеспечение прав и гарантий трудовых мигрантов, а также свободное передвижение капитала являются наиболее актуальными по своей социально-экономической значимости. Глава кыргызского кабмина уверен, что мигранты в странах ЕАЭС должны пользоваться всеми правами наравне с гражданами этих стран. Если для кыргызстанцев сумма ограничения в переводах заработанных средств на родину составляет 100 тыс. руб., то для граждан Казахстана — 150 тыс., а для граждан Армении — 1 млн. руб. Эти меры противоречат нормам союза, в частности, статьи 98 договора о ЕАЭС.

Также, как считают в правительстве КР, сохраняется проблема свободного передвижения товаров и услуг. Несмотря на то, что количество препятствий сокращено с 279 в 2016 году до 18 к концу 2019 г., уровень препятствий все еще негативно сказывается на свободном передвижении товаров и услуг. По мнению эксперта, проблемы есть, их надо принять, но в первую очередь это проблемы не у кыргызского бизнеса с белорусским, армянским или российским бизнесом, а с казахскими властями. Основные недовольства, которые высказывались и высказываются кыргызской стороной, адресованы были Астане. Казахстан вводит, по мнению Бишкека, неоправданные ограничения на передвижение товаров через свою границу. И перечисленные претензии адресуются в большей степени казахстанским коллегам.

Вопрос контрабанды Казахстан должен был поставить в ЕАЭС, для того чтобы Кыргызскую границу взяли под контроль. Все дело в том, что таможенные платежи поступают в общий фонд ЕАЭС, а потом делятся по установленным долям. До 2020 года доля Кыргызстана в таможенных сборах ЕАЭС составляет 1,9%, что в реальности выше отчисляемых ими сборов. Фактически Казахстан, Россия и Белоруссия за счет собственных таможенных платежей спонсируют бюджет Кыргызстана.

Вступление Кыргызстана в ЕАЭС стало важным фактором ее экономического развития. Республика, которой при вступлении в союз были предоставлены существенные преференции, в целом сумела преодолеть сложности адаптации к условиям ЕАЭС. В 2018 г. товарооборот республики составил 5 млрд. 968 млн. долларов, из которых 2,1 млрд. долл. пришлось на страны ЕАЭС. Среди стран союза главными торговыми партнерами Кыргызстана являются Россия (66%

товарооборота с ЕАЭС) и Казахстан (32,3%). Импорт из стран ЕАЭС в Кыргызстан составил, по итогам 2018 г. 1,6 млрд. долл., экспорт — только 500 млн. долл.

В 2014-2015 гг., в период вступления Кыргызстана в ЕАЭС, к региональным сложностям (частичное блокирование реэкспортных рынков) добавились глобальные вызовы — нарастающий кризис в мировой экономике, охвативший страны АТР, ЕС, а также США; снижение цен на нефть. Это привело к затяжному спаду экономик стран-партнеров, снижению объемов экспорта/импорта, девальвации национальных валют, снижению таможенных и налоговых отчислений в бюджет. Вступив в ЕАЭС в августе 2015 г., Кыргызстан получил достаточно комфортные экономические условия по большому ряду позиций ТНВЭД, финансовую поддержку и весомый норматив по распределению таможенных пошлин, взимаемых во внешней торговле с третьими странами. В выигрыше оказались трудовые мигранты. При заключении соглашений с работодателями в стране трудоустройства у граждан Кыргызстана теперь равные права с резидентами других государств-членов.

Основной проблемой для Кыргызстана остается низкая конкурентоспособность ее продукции. Для улучшения качества поставляемой в ЕАЭС продукции и снятия торговых барьеров правительство, согласно соглашению о вступлении в организацию, должно было организовать ветеринарные и фотолаборатории, а также оснастить соответствующим образом контрольные пункты на границах со странами ЕАЭС. В 2018 г. на эти цели было израсходовано 210 млн. сомов, однако работа в этом направлении так и не была завершена. В итоге, кыргызские товары часто не могут пройти через таможи стран ЕАЭС (России и Казахстана), что наносит

серьезный ущерб кыргызским производителям.

Положение усугубляется продолжающимся, хотя и в меньших масштабах, реэкспортом китайского ширпотреба. Из-за коррупции чиновников в течение многих лет через китайско-кыргызскую границу по отлаженным каналам шли потоки второсортного контрабандного товара из Поднебесной. Затем через казахстано-кыргызскую границу китайская контрабанда попадала в страны ЕАЭС.

Однако эксперты антикоррупционного движения в Казахстане по-прежнему считают, что за счет массивного потока контрабанды из Китая и Турции Кыргызстан скрывает часть таможенных платежей. При вступлении Кыргызстана в ЕАЭС в 2015 г. было оговорено, что ее доля в таможенных сборах союза составляет 1,9%. Однако эксперты считают, что реально сумма поступлений из общей казны объединения в бюджет республики значительно выше отчисляемых Кыргызстаном таможенных сборов и платежей в ЕАЭС.

Трудовая миграция

В последние десятилетия под влиянием социально-экономических и внутриполитических факторов экспорт трудовых ресурсов из стран Центральной Азии постоянно растет. Значительная доля трудовых мигрантов приходится на выходцев из Кыргызской Республики. В настоящее время они работают в десятках стран по всему миру. Продолжается диверсификация географических направлений выезда трудовых мигрантов, что вызвано, в числе прочего, вхождением в этот процесс нового поколения молодых людей, хуже знающих русский язык, слабее ориентированных на Россию, имеющих

более широкий кругозор и владеющих современными средствами коммуникации и получения информации.²²

Тем не менее, Российская Федерация по-прежнему остается ведущим направлением экспорта трудовых ресурсов для граждан Кыргызстана, что позволяет говорить о прочных экономических связях двух стран. Масштабные миграционные процессы имеют существенные социально-экономические, демографические и политические последствия и для отправляющих, и для принимающих стран. Кыргызская Республика занимает одну из самых высоких позиций в рейтинге стран по доле денежных переводов в ВВП, и значительная часть этих переводов исходит из России. Вместе с тем импорт трудовых ресурсов из Кыргызстана имеет немалое значение и для Российской Федерации. Благодаря притоку трудовых ресурсов развиваются такие отрасли экономики, как строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера обслуживания, сельское хозяйство, транспорт и др.

Вступление Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз в августе 2015 года дало начало новому этапу в российско-кыргызских отношениях, в том числе и в вопросе трудовой миграции. В настоящее время на российском рынке труда приезжие из Кыргызстана имеют значительные преимущества перед представителями других стран из-за лучшего владения русским языком, а также благодаря тому, что в странах – членах ЕАЭС обеспечивается свободное передвижение рабочей силы (возможность работать без трудового патента, срок временного пребывания, определен-

²² См.: Рязанцев С. и др. Экспорт трудовых ресурсов из Кыргызстана: тенденции и последствия // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2019. № 1. С. 109-123. (на рус. и англ. яз.); Ruget V., Usmanalieva B. Can smartphones empower labour migrants? The case of Kyrgyzstani migrants in Russia // Central Asian Survey (Oxford). 2019. Volume 38. Issue 2. pp. 165-180.

ный трудовым или гражданско-правовым договором, и освобождение от признания документов об образовании).

Можно выделить несколько ключевых факторов, которые обуславливают экспорт трудовых ресурсов из стран Центральной Азии, в том числе Кыргызстана, именно в Россию.

Экономический фактор. С одной стороны, выезд значительного количества трудоспособного населения стимулировали типичные «выталкивающие» факторы, действующие в странах происхождения: спад производства, низкий уровень заработной платы, безработица, отсутствие рабочих мест, распространение бедности, избыток трудовых ресурсов. С другой стороны, в России как принимающей стране действуют «притягивающие» экономические факторы: объемный рынок труда, диверсифицированная экономика, потребность в рабочих во многих отраслях экономики и регионах, более высокий уровень заработной платы, более высокое качество жизни. В результате на постсоветском пространстве сложился масштабный миграционный коридор между странами Центральной Азии и Россией.

Социально-демографический фактор. В России на протяжении 1990-2010-х годов сокращается численность трудоспособного населения и увеличивается доля населения старших (пожилых) возрастов. Все это обостряет дефицит трудовых ресурсов на российском рынке труда, усиливает конкуренцию за трудовые ресурсы, стимулирует экспорт трудовых ресурсов из стран с избыточным населением. Демографическая ситуация в странах Центральной Азии – основных донорах трудовых мигрантов – кардинально противоположна.

Культурно-исторический фактор. Всестороннее взаимодействие стран Центральной Азии с Россией основано на социально-экономических связях, сложившихся еще в рам-

ках СССР, и на широком распространении русского языка как основного средства общения. При выборе направления выезда за границу жители многих посылающих стран ориентируются на Российскую Федерацию, потому что знание русского языка и понимание менталитета российского населения существенно повышает их шансы на трудоустройство именно в России.

Инфраструктурно-географический фактор. Государства Центральной Азии, несмотря на свое географическое положение в «сердце» Евразии, в транспортном отношении значительно плотнее связаны с Российской Федерацией и Казахстаном, чем с Китаем, Ближним Востоком и Западной Европой.

Политический фактор. С одной стороны, целая группа этнополитических факторов (гражданские войны, межнациональные конфликты, бытовой национализм, сокращение сферы использования русского языка, невозможность карьерного роста) привела к масштабной эмиграции русского и русскоязычного населения из стран Центральной Азии в Россию в 1990-2000 гг. Но в то же время политико-экономические интеграционные процессы в рамках СНГ, а затем ЕАЭС, наличие безвизового режима перемещения населения между странами способствовали притоку трудовых ресурсов из стран Центральной Азии в Россию и Казахстан.

По данным Государственной службы миграции при Правительстве Кыргызской Республики, в 2017 году за пределами страны находилось более 800 тыс. граждан Кыргызстана, в том числе в России – более 640 тыс., в Казахстане – 35 тыс., в Турции – 30 тыс., в Южной Корее – 5 тыс., остальные – в странах Европы, на Ближнем Востоке (ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия и пр.). Экспорт трудовых ресурсов из Кыргызстана в Россию активизировался в 2000-х годах и

достиг своего пика в 2010-х годах. Согласно данным ФМС России, в 2014 году численность документированных трудящихся из Кыргызстана составляла около 238 тыс. человек, в том числе в фирмах и компаниях работали 73,4 тыс., а в частных домохозяйствах – 164,5 тыс. человек. По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, на миграционном учете с целью работы в 2017 году состояло около 640 тыс. граждан Кыргызстана.

Социально-демографическая структура трудовых ресурсов из Кыргызстана характеризуется преобладанием молодежи. Согласно данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств в 2016 году, третья часть (32,2%) мигрантов из Кыргызстана, работавших за границей, приходилась на людей в возрасте 20-24 лет, а пятая часть (21,4%) – 25-29 лет, то есть в итоге 53,6% трудовых мигрантов из Кыргызстана составляют молодые люди в возрасте 20-29 лет. Согласно данным ФМС России, в 2014 году 57% трудящихся из Кыргызстана работали в сфере услуг, 17% - в строительстве, 5% - в торговле, 4% - в транспортной отрасли.

В настоящее время граждане Кыргызстана в основном заняты в строительстве (каменщики, сварщики, разнорабочие, монтажники), сфере услуг (парикмахеры, повара, официанты, дворники, уборщики, таксисты), торговле (кассиры и продавцы), а также в швейном производстве. Мужчины, как правило, работают на более сложных и тяжелых работах: на стройках, подсобниками, в секторе уборки улиц и дворов. Более квалифицированные специалисты находят работу поварами и водителями. Женщины из Кыргызстана заняты уборкой помещений в офисах компаний и учреждений, работают в качестве обслуживающего персонала, разнорабочими, официантками в ресторанах.

Между странами Центральной Азии, с одной стороны, Российской Федерацией и Республикой Казахстан – с другой, сложился устойчивый миграционный коридор, который стал одним из крупнейших в мире с точки зрения движения населения и денежных переводов. Кыргызстан является активным участником миграционных процессов в регионе. Согласно международным сопоставлениям Всемирного банка, Таджикистан и Кыргызстан занимали первое и третье место в мировом рейтинге стран по доле денежных переводов в ВВП с показателями 47% и 29% соответственно. Объемы денежных переводов в страны Центральной Азии из-за границы достигли пика в 2013 году, составив 12,9 млрд. долл. Затем из-за финансово-экономического кризиса в России, который сопровождался девальвацией рубля и оттоком трудовых ресурсов, началось сокращение поступлений денежных переводов в страны Центральной Азии. Минимум объема денежных переводов был достигнут в 2016 году – 6,6 млрд. долл. В 2017-м отмечался новый рост объемов денежных переводов – до 7,9 млрд. долл.

В Кыргызстане рост объемов денежных переводов отмечался уже в 2016 году, а в 2017-м он превысил докризисный 2013 год, составив 2,5 млрд. долл. Показательно, что экспорт трудовых ресурсов из Кыргызстана за рубеж происходит в основном из регионов с высоким уровнем бедности. В краткосрочной перспективе экспорт рабочей силы за рубеж для Кыргызстана достаточно выгоден. Масштабные денежные переводы поддерживают доходы домохозяйств, сокращают бедность, стимулируют потребление и развитие некоторых отраслей экономики (торговля, обслуживание, ресторанный бизнес, мелкое производство). Согласно экспертным оценкам, при отсутствии

трудоустройственной эмиграции уровень бедности в Кыргызстане мог бы подняться с нынешних 25% до 34%. Необходимо отметить негативные последствия экспорта трудовых ресурсов. Прежде всего, отток трудоспособного населения с активным жизненным потенциалом приводит к заметной деградации социальной системы Кыргызстана: здравоохранение, образование и наука потеряли огромное число квалифицированных специалистов, необходимых самой стране. Кроме того, расходование денежных переводов мигрантов на макроуровне является неэффективным: основная часть средств закономерно тратится на текущее потребление.

При этом исследования показывают, что работающие за границей граждане Центральной Азии в большей степени готовы вкладывать деньги в социально значимые, реально улучшающие жизнь местных сообществ проекты. Очевидно, что Кыргызстан в настоящее время не получает доходов, которые можно было бы получить, если бы денежные переводы вкладывались в производственный сектор и малый бизнес. Кыргызстан пока еще слабо стимулирует развитие предпринимательского потенциала.

Импорт трудовых ресурсов из Центральной Азии в целом и Кыргызстана в частности имеет для России немалое социально-экономическое значение. Точные оценки экономического вклада трудовых мигрантов в российскую экономику отсутствуют. К сожалению, многие приезжие рабочие в России являются «недокументированными», не имеют полностью легального статуса, в том числе регистрации по месту пребывания и (или) разрешительных документов на работу. Вследствие этого они подвергаются эксплуатации со стороны работодателей.

За годы активной трудовой эмиграции в России и других странах сформировались достаточно заметные в демо-

графическом и социально-экономическом отношении сообщества (землячества) приезжих из Кыргызстана. Согласно экспертным оценкам, численность выходцев из Кыргызской Республики в России в 2017 году составляла свыше 1 млн. человек, причем половина из них уже сменила гражданство Кыргызской Республики на гражданство Российской Федерации. Новые землячества также образовались в Казахстане – 50 тыс., Турции и Южной Кореи – по 15 тыс. человек, ряде европейских стран и в США. Большинство объединений ставят своей основной задачей сохранение кыргызской самобытности, кыргызского языка, культуры, традиций и обычаев. Диаспоры объединяют в первую очередь этнических кыргызов. В условиях активной миграции роль общественных организаций остается значимой.

Приоритеты во внешней политике

Концепция внешней политики КР определяет «пространство внешней политики Кыргызстана» на трех уровнях: региональном, континентальном и глобальном. На региональном уровне особое значение придается развитию тесного межгосударственного взаимодействия с соседями — Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан.

На континентальном уровне внешняя политика Кыргызстана направлена на выработку мер доверия в структурах многопланового и взаимовыгодного сотрудничества с основными центрами международной политики континента, такими как Российская Федерация, КНР, Европейский союз, ФРГ, Япония, Республика Индия и Турецкая Республика.

Кроме того, Кыргызстан активно участвует в деятельности таких авторитетных международных и региональных организаций, как Организация Договора о коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организация экономического сотрудничества и Организация исламского сотрудничества.

На глобальном уровне внешняя политика Кыргызстана направлена на укрепление доверия в международном сообществе и максимальное использование возможностей глобализации. Согласно Концепции, ООН рассматривается как ключевой инструмент решения проблем мирового развития, важнейшими из которых являются сфера разоружения и усиления режима нераспространения оружия массового поражения, Зона, свободная от ядерного оружия в регионе, борьба с терроризмом, наркотрафиком, торговлей людьми и участие в операциях по поддержанию мира, а также приобщение к опыту устойчивого развития.

Важное значение для внешней политики Кыргызской Республики в области укрепления обороны и безопасности имели Концепции национальной безопасности, принятые в 2001, 2009 и 2012 гг. Следует отметить, что до 2001 г. в законодательстве Кыргызской Республики не давалось определения понятия «безопасность», и лишь с принятием Концепции национальной безопасности появилось нормативное определение этого понятия.

11 марта 2019 г. указом Президента Кыргызской Республики была принята новая Концепция внешней политики, которая также подчеркивает особую роль Кыргызской Республики в Центральной Азии в качестве моста между

Европой и Азией. В документе политика Кыргызстана характеризуется как многовекторная — в ее основе лежит сотрудничество со всеми государствами — членами Организации Объединенных Наций и международными организациями на основе доброй воли, взаимопонимания и взаимоуважения интересов.

Основными национальными приоритетами республики во внешней политике названы защита суверенитета и территориальной целостности, сохранение мира и стабильности, построение правового государства с парламентской демократией, сохранение единства многонационального народа, укрепление национальной и экономической безопасности и другие.

В Концепции подчеркивается, что Кыргызстан выстраивает свой внешнеполитический курс, руководствуясь стратегическими целями развития страны, для обеспечения и защиты своих национальных интересов на основе анализа и прогнозирования международной обстановки, изменений, происходящих в мире. Таким образом, Кыргызстан проводит прагматичную, сбалансированную, открытую, многовекторную и последовательную внешнюю политику.

При этом следует учитывать, что Бишкек, так же как и другие страны Центральной Азии, настроен на диверсификацию внешнеполитических связей. В конце 2018 г. Жээнбеков заявил о намерении возобновить сотрудничество с США (двустороннее соглашение между США и КР было денонсировано в 2015 г. по инициативе Бишкека). Идут переговоры с ЕС по проекту нового Соглашения о расширенном партнерстве, однако, как отмечают эксперты, пока серьезного продвижения в отношениях с Евросоюзом нет. Возможности заключения нового соглашения сужаются, поскольку пред-

ставители ЕС рассматривают развитие связей с Кыргызстаном в контексте вопросов, связанных с правами человека, реформированием судебной системы и правоохранительных органов и т.д.²³

Отношения с Россией

Сотрудничество с РФ носит для Кыргызстана стратегический характер и является приоритетом внешней политики республики. 20 марта 1992 г. между двумя государствами были установлены дипломатические отношения, а 10 июня 1999 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который положил начало формированию договорно-правовой базы межгосударственного взаимодействия. Следующим важным шагом стало подписание 27 июля 2000 г. российско-кыргызской Декларации о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве.

О приоритетности межгосударственных отношений двух стран можно судить по интенсивности межгосударственных контактов. Одним из наиболее значимых событий в двусторонних отношениях последних лет стал официальный визит В.Путина в Бишкек 19—20 сентября 2012 г. По итогам российско-кыргызских переговоров был подписан ряд двусторонних документов, наиболее важными из которых являются межправительственное соглашение об урегулировании задолженности Кыргызстана перед Россией, а также соглашение об условиях пребывания российской военной базы на территории Кыргызстана. В ходе встречи А.Атамбаев подчеркнул, что Россия — главный стратегический партнер Кыргызстана.

В 2015 г. главы государств встречались шесть раз, в

²³ Рыжов И., Бородина М. Основные приоритеты внешней политики Кыргызстана // Россия и новые государства Евразии (ИМЭМО). 2019. № III (XLIV). С. 142-157.

2016 г. встречи на высшем уровне состоялись 2 марта в Москве и 17 сентября в Бишкеке «на полях» саммита СНГ. 6–7 июня 2016 г. премьер-министр РФ Д.Медведев посетил Бишкек с официальным визитом. В рамках визита было подписано Соглашение между правительствами РФ и Кыргызстана о сотрудничестве в сфере поставок нефти и нефтепродуктов. Одной из последних встреч глав государств стал официальный визит В.Путина в Кыргызстан 28 марта 2019 г. Значимость события подчеркивалась масштабными подготовительными мероприятиями с обеих сторон, особенно принимающей страной. На встрече обсуждались текущее состояние и перспективы развития отношений стратегического партнерства и союзничества, углубление взаимодействия в региональных объединениях, в том числе, с учетом председательства Кыргызстана в Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности. Сумма соглашений в сфере экономики, подписанных Кыргызстаном и Россией, составила около 6 млрд. долларов.

Кыргызстан входит во все интеграционные объединения с участием России. Экономика республики теснейшим образом зависит от сохранения конструктивных отношений с РФ. По данным Нацбанка КР, денежные переводы в Кыргызстан из России в январе 2019 г. составили 161,7 млн. долл., что является абсолютным максимумом среди всех источников притока денежных средств в страну. Россия — второй после Китая торгово-экономический партнер Кыргызстана, а вступление КР в Евразийский экономический союз способствовало предоставлению кыргызским мигрантам целого набора трудовых льгот и увеличению торгово-экономического присутствия Кыргызстана в России (прежде всего, в сельском хозяйстве).

Следует отметить, что в условиях интеграционных процессов на евразийском пространстве актуализируется необходимость развития межрегионального сотрудничества между странами. К настоящему времени торгово-экономические отношения с Кыргызстаном поддерживают 72 региона России. Наиболее активными торговыми партнерами со стороны РФ являются Москва, Татарстан, Алтайский край, Челябинская, Оренбургская, Свердловская, Самарская, Новосибирская, Волгоградская области.

На сегодняшний день для Кыргызстана очень важной сферой взаимодействия с РФ является сотрудничество в энергетике, поскольку его экономика не имеет собственных энергетических ресурсов. Начиная с 2017 г., Россия перестала взимать вывозные таможенные пошлины с нефти и нефтепродуктов, поставляемых в Кыргызстан для внутреннего потребления. Бишкек заинтересован в более тесном сотрудничестве с Россией в сфере безопасности. Близость к Афганистану и возрастающее влияние международных террористических сил в Центральной Азии побуждают кыргызское руководство поднимать вопрос о расширении российского военного присутствия в стране, о возможном открытии второй российской военной базы, хотя этот вопрос носит пока полуофициальный характер.

Одним из важнейших направлений сотрудничества России и Кыргызстана справедливо считается взаимодействие в области обеспечения государственной и региональной безопасности, в частности в военно-технической сфере. Военно-техническое сотрудничество РФ и КР основывается на договорной базе, которая охватывает весь спектр отношений — от поставок продукции военного назначения, ремонта вооружения и военной техники до подготовки кадров в

российских военных учебных заведениях. В настоящее время, согласно межгосударственным договоренностям о создании в Кыргызстане Объединенной российской военной базы (ОРВБ), на территории республики расположены несколько российских военных объектов:

– 338-й узел дальней связи ВМФ России в Кара-Балте обеспечивает связь Главного штаба ВМФ РФ с судами, находящимися на боевом дежурстве в Тихом и Индийском океанах, а также осуществляет радиотехническую разведку;

– 954-я испытательная база противолодочного вооружения ВМФ России на оз. Иссык-Куль, где тестируют образцы водолазного снаряжения электрическими двигательными установками (без боевых частей и топлива);

– автономный сейсмический пункт в г. Майлуу-Суу, входящий в состав Службы специального контроля МО РФ, который предназначен для контроля за испытаниями ядерного оружия;

– 999-я авиабаза в Канте, являющаяся авиационным компонентом Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона ОДКБ.

Примечательна роль России и в попытке решения внутривосточного кризиса 2019 г. в Кыргызстане. В последний год внутривосточная ситуация в стране ухудшилась в связи с противостоянием экс-президента А.Атамбаева с его преемником С.Жээнбековым. В.Путин подчеркнул, что Кыргызстан уже пережил несколько достаточно серьезных внутривосточных потрясений, и на этом нужно остановиться именно в интересах народа Кыргызстана.

В середине января 2019 года РФ, в рамках соглашения 2015 г. об оказании Кыргызстану технического содействия в связи с присоединением республики к ЕАЭС, передала кыргызским по-

граничникам 123 единицы автомобильной и инженерной техники. Для Москвы республика представляет особый интерес с точки зрения безопасности южных рубежей СНГ, обеспечение которой входит в задачу расположенной в кыргызском Канте военно-воздушной базы ОДКБ.

Глава МИД РФ Сергей Лавров заявил, находясь в Бишкеке в начале февраля 2019 г., что Москва готова обсуждать с Бишкеком вопрос открытия второй российской военной базы в Кыргызстане. Российская сторона стремилась создать военную базу в Оше, что объясняется географическим расположением этого города. По мнению кыргызских сторонников этого шага, в случае появления российской базы в Оше «будет создана сплошная линия безопасности для стран ОДКБ, которая принесет чувство защищенности, а экстремисты при этом получают предупреждение». В то же время противники открытия второй российской базы на территории республики не видят в ней необходимости.

Бишкек предлагает продвижение совместных проектов в области инфраструктурного строительства, транспорта, коммуникаций, энергетики, сельского хозяйства, железных и автомобильных дорог, развития агропромышленного комплекса на взаимовыгодных условиях. Для КР важно обсудить с российской стороной как с главным союзником углубление военно-политического сотрудничества, укрепление взаимодействия в области обеспечения безопасности в Центральной Азии, противодействия новым вызовам и угрозам, возникающим со стороны Афганистана и спящих террористических ячеек в регионе. Выработать совместные практические действия по борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом в Ферганской долине.

Многочисленные военные учения по линии ОДКБ сви-

детельствуют о готовности стран региона противостоять возможным вылазкам экстремистов. Некоторые аналитики считают, что внешней угрозы странам Центральной Азии нет, но чего не сказать о дестабилизации внутренней ситуации. В Кыргызстане ужесточается противостояние элит, непростая экономическая ситуация.

Неблагоприятным фактором в развитии кыргызско-русских отношений является языковая проблема. В Кыргызстане с 2000-х годов за русским языком закреплен статус официального. Однако чуть ли не с того же дня поднимается вопрос снижения статуса до уровня языка межнационального общения. Кыргызские политики спекулируют на этой теме и пытаются сузить сферу применения русского языка.

Этот фактор вызывает острые общественные дискуссии и создает «чемоданное» настроение у русскоязычных граждан страны. Их примерно 500 тыс. человек, и это не только русские, но и представители разных национальностей, и даже этнические кыргызы. Еще в ноябре 2018 года представители местной общественности провели курултай (большое собрание) на котором, собственно, и был разработан законопроект о лишении русского языка статуса официального. Решение было объяснено необходимостью поддержать государственный язык, которым до сих пор не владеет часть населения страны.

В 2011 году с аналогичной инициативой выступила президент переходного периода Р.Отунбаева. Спустя четыре года перед вступлением Кыргызстана в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) глава Национальной комиссии по государственному языку Кыргызстана Э.Эрматов заявил, что русский язык мешает развиваться кыргызскому. Госорганы не ведут документацию на кыргызском, ссылаясь на норму

о том, что русский — это официальный язык. В последнее время атаку на русский язык повела оппозиция Кыргызстана.

В начале 2019 г. Министерство образования Кыргызстана издало распоряжение, согласно которому при поступлении на бюджетные места в вузы предпочтение будет отдаваться абитуриентам, у которых есть сертификат владения кыргызским языком на определенном уровне. Таким образом, знание государственного языка с нынешнего года будет давать преимущество абитуриентам.

Важное значение Россия придает сотрудничеству с Кыргызстаном в сфере образования. сегодня в российских вузах обучаются 16 тыс. кыргызских граждан, в том числе 5 тыс. — за счет российского бюджета. В Кыргызстане имеется 200 школ с обучением на русском языке, 414 — на русском и кыргызском языках. Ежегодно по линии Федеральной целевой программы «Русский язык» в школы и вузы Кыргызстана передаются учебные и учебно-методические пособия, художественная литература на русском языке. Сбор и отправка учебников также проходит в рамках организуемых субъектами РФ акций. Вместе с тем существует проблема несоответствия той учебной базы, которая предоставляется Россией, актуальным потребностям Кыргызской Республики — на локальном уровне отмечается нехватка учителей, ведущих занятия на русском языке, спрос превышает предложение.

В последнее время Москва фиксирует в Кыргызстане серьезные проблемы борьбы с контрабандой и наркотрафиком. Так, за 20 лет кыргызская таможня зарегистрировала поступившие из Китая товары на общую сумму 11,64 млрд. долл. При этом китайская таможня посчитала, что через

границу в направлении Кыргызстана перевезено товаров на 61,667 млрд. долл. Разница составляет 50 млрд. долл. За 2017 год кыргызская таможня зарегистрировала китайских товаров на сумму чуть более 1,5 млрд. долл., китайская — 5,337 млрд. долл. Разница составила почти 3,9 млрд. долл. Из Турции за те же 20 лет объем поставок составил 1,129 млрд. долл. А по данным турецкой таможни, товаров было отправлено на 2,968 млрд. долл. Разница составляет 1,839 млрд. долл. За счет контрабанды живет кыргызская элита. Это замечание Москвы в Бишкеке расценили как наезд на южные кланы республики. Кроме контрабанды, по мнению Москвы, через Кыргызстан проходят большие объемы наркотиков-опиатов из Афганистана, при этом объемы изъятий значительно ниже, чем в Таджикистане или Узбекистане.

По мнению ряда аналитиков, Кыргызстан в глазах Москвы — вполне стабильная территория, особых проблем не вызывает, дополнительных усилий не требует. Президент РФ Владимир Путин 28 марта 2019 г. нанес визит в Бишкек. Помимо экономических вопросов российского президента волновало, сохраняет ли Кыргызстан верность курсу на сближение с Москвой. В. Путин поинтересовался у своего кыргызского коллеги С.Жээнбекова, не собирается ли он возобновить соглашение о гуманитарном сотрудничестве с США. Но тот дал понять, что развивать связи, будь то военные, экономические или культурные, будет в первую очередь с Россией.

В ходе данного визита Россия и Кыргызстан внесли изменения и дополнения в соглашение 2012 года об условиях и статусе пребывания на территории республики объединенной российской военной базы Кант. Согласно проекту протокола, Россия увеличит площадь арендуемых ею земель под

военные объекты почти на 60 га, и пропорционально этому вырастет стоимость аренды базы на 291,5 тыс. долл. в год (общая годовая стоимость составит почти 4,8 млн. долл.). В обновленном варианте соглашения также записаны такие понятия, как «беспилотный летательный аппарат» (БПЛА) и «беспилотная авиационная система». Отметим, что в 2018 году российские БПЛА уже побывали в регионе: на анти-террористических учениях СНГ их применяла объединенная группировка войск, состоящая из подразделений ВС России и Кыргызстана.

Кроме того, подписаны и другие двусторонние соглашения, например:

- соглашение о сотрудничестве между ВТБ и «Альянс Алтын» по финансированию в Кыргызстане проекта золотодобычи на 180 млн. долл.;

- дорожная карта сотрудничества Кыргызской Республики с Евразийским банком развития на 2019–2021 годы;

- меморандум о взаимодействии по активизации торгово-экономического сотрудничества и обмену опытом по реализации национальных проектов;

- соглашение о сотрудничестве между Российским союзом ректоров и Ассоциацией вузов Кыргызской Республики.

Москва, судя по всему, ценит такое отношение и поэтому приняла решение предоставить Кыргызстану безвозмездную помощь в размере 30 млн. долл. До этого Россия полностью списала государственный долг Кыргызстану в размере 40 млн. долл. Несомненным плюсом для Кыргызстана стала «миграционная амнистия» Москвы для граждан Кыргызстана. Капитал одного Российско-Кыргызского фонда развития составляет 1 млрд. долл. Более двух миллионов граждан КР работают в России,

а около 450 тысяч из них по самым скромным подсчетам получили российские паспорта и активно служат в российской армии (получая в дальнейшем за это гражданство РФ). Кыргызские граждане только из России переводят в республику более миллиарда долларов в год, плюс они на упрощенной основе получают российские паспорта, а соответственно, и право на приобретение в РФ собственности. В связи с их очень приличным уровнем знания русского языка они также имеют право не сдавать отдельно на российские водительские права.

Тем не менее, Кыргызскую сторону волнует тот факт, что между Россией и Кыргызстаном заключены в основном меморандумы, а не реальные соглашения. Меморандум, как известно, не несет реальных обязательств по выполнению.

Безусловно, Кыргызстан получает существенное преимущество от членства в Евразийском союзе в виде дешевых энергоносителей. Также кыргызские граждане, как уже отмечалось, имеют преференции при поиске работы и регистрации в России, Казахстане и Белоруссии. В свою очередь Россия в рамках этого объединения имеет сильные позиции в энергетическом секторе Кыргызстана и может вместе с Китаем участвовать в приватизации железных дорог республики.

Отношения с Китаем

С момента установления двусторонних отношений приоритет отдавался экономике и вопросам безопасности. Согласно официальной статистике правительства Кыргызстана о деятельности компаний с иностранным капиталом на территории республики, Китай занимает одно из ведущих мест по количеству предприятий с иностранным капиталом,

действующих на территории страны, а также лидирует по количеству предприятий с полным участием иностранного капитала.

В настоящее время КНР является одним из крупнейших инвесторов экономики Кыргызстана. Наиболее значимыми инвестиционными проектами, осуществленными в Кыргызской Республике на кредитные средства КНР, стали: строительство линии электропередачи «Датка — Кемин» (389 млн. долл.), нефтеперерабатывающего завода «Джунда» (300 млн. долл.), реконструкция ТЭЦ г. Бишкека, которая проводится китайской компанией ТВЕА (386 млн. долл.). Немаловажную роль в сотрудничестве с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном играет идея Китая по созданию Нового шелкового пути. Воплощение в жизнь стратегии «Экономический пояс Великого Шелкового пути» позволит преодолеть транспортную изоляцию Кыргызстана, обеспечить прямой доступ его на региональные и мировые рынки, существенно нарастить объемы торговли. Республика получит шанс стать крупной транзитной зоной для поставок энергоресурсов и товаров.

Однако в последние два года в Кыргызстане отмечается рост антикитайских настроений, которые сопровождаются протестными движениями среди местного населения. Среди требований митингующих значился и мораторий на выдачу китайцам кыргызских паспортов, депортация китайских граждан, запрет на регистрацию смешанных браков, а также проверка целесообразности займов, полученных Кыргызстаном у КНР.

Кыргызстан традиционно считается самым слабым звеном ЦА во взаимодействии с Китаем. Высокая доля китайского Эксимбанка во внешнем долге (45% – 1,7 млрд. долларов), самый большой в абсолютном выражении дефицит торгового

баланса с Китаем среди стран региона (по данным Главного таможенного управления КНР – 5,5 млрд. долл.).

На протяжении всей постсоветской истории в Кыргызстане неоднократно вспыхивали конфликты между местными жителями и представителями китайских компаний, которые занимаются разработкой и разведкой различных месторождений. В последние годы антикитайская истерия усилилась. Усугубило ситуацию обнародование данных о нецелевом расходовании средств на модернизацию ТЭЦ Бишкека и возбуждение нескольких уголовных дел о коррупции. На этот проект Китай выделил кредит в 386 млн. долл., занимались модернизацией китайские специалисты. Стало известно, что Бишкек задолжал Пекину 1,7 млрд. долл., что составляет 41,3% объема внешнего долга страны.

В январе 2019 г. в Бишкеке состоялся антикитайский митинг (третий за последнее время). Участники акции требовали объявить мораторий на выдачу кыргызского паспорта гражданам Китая, кроме этнических кыргызов, а также проверить целесообразность кредитов, взятых у КНР. В случае выявления коррупции — привлечь ответственных и, наконец, депортировать граждан КНР, незаконно находящихся в Кыргызстане. Наблюдатели отмечают, что синофобия — одна из движущих сил выступлений против власти, особенно перед парламентскими выборами 2020 года.

Митингующие требовали пересмотреть отношения с Китаем, проверить все предприятия с китайским капиталом. Участники митинга выступили против коррупции в высших эшелонах власти и за прозрачность в финансовой деятельности правительства, особенно в части расходования китайских грантов и кредитов. На месторождении Солтон-Сары в Нарынской области Кыргызстана регулярно происходят

конфликты между местными жителями и китайскими работниками.

Ситуацию обостряет молчание официальных властей по точному количеству китайцев, пребывающих в стране. Плюс само поведение граждан КНР в Кыргызстане изменилось — все больше они становятся участниками скандалов, в которых угрожают местным жителям расправами, порой открыто игнорируют кыргызские традиции и правила поведения в общественных местах. Не добавляют им симпатий и раскученная земля, и загаженная природа в местах работ китайских компаний. Плюс убранный графа «национальность» из новых паспортов, что было сделано, по мнению критиков, для легализации китайцев в Кыргызстане.

К тому же берет, к примеру, китайская компания для разработки месторождение угля, но выгребают оттуда все, что найдет, не только уголь. Порой забирают даже плодородный слой почвы сверху. После чего остается буквально лунный пейзаж. Возмущают кыргызов и некоторые кулинарные традиции соседнего народа. Вдобавок социальный фактор: «восточные гости» нанимают местное население лишь очень немногих и за гроши, а своим платят в десятки раз больше. Не нравится общественности и посол Китая в Бишкеке, который вдруг стал напоминать ей, что его страна в любой момент может потребовать возвращения выданных кредитов — сегодня внешний долг Кыргызстана превысил \$4,6 миллиарда, из которых почти половина — долги Китая.

14 марта 2019 г. действующий глава государства С.Жээнбеков провел встречу с руководителями дипмиссий Кыргызстана. На ней он заявил, что Кыргызстан активизирует переговоры по проекту строительства железной дороги

Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Речь идет о маршруте по югу страны, который бы связал КНР с Ферганской долиной, самым населенным регионом Центральной Азии, куда китайские товары, бизнес и влияние получают непосредственный доступ по железнодорожной колее международного (отличного от бывшего советского, распространенного в регионе) стандарта.

Кыргызстан задолжал Китаю около 30 процентов своего ВВП, больше доля только у Джибути, Мальдив, Конго и Тонги — такие данные приводят российские СМИ со ссылкой на исследование Института мировой экономики. Всего Кыргызстан должен Китаю 1,7 миллиарда долларов, хотя еще в 2008 году долг не превышал 10 миллионов долларов. Китай рассматривает Кыргызстан ввиду крайне незначительного объема рынка как транзитную страну. В свое время Россия и Казахстан предлагали кыргызскому руководству поставить на кыргызско-китайской границе своих пограничников и таможенников. Однако Бишкек подобное предложение отверг и пообещал самостоятельно решить все пограничные проблемы.

Пекин кредитует Бишкек в обмен на участие в крупных проектах, преимущественно в энергетике, среди которых: модернизация ТЭЦ Бишкека (проведенная китайской компанией ТВЕА на \$386 миллионов, выделенных Экспортно-импортным банком КНР), строительство подстанций «Датка» и «Кемин» и ЛЭП между ними на \$400 миллионов, НПЗ в Кара-Балте мощностью 800 тысяч тонн нефти в год (оценка – \$250 миллионов). Ряд китайских компаний участвует также в освоении месторождений золота, против чего выступают местные жители.

Годовой товарооборот между странами составляет около \$2 миллиардов, из них \$1,9 миллиарда – китайский экспорт

в Кыргызстан. Китай выделяет также различные гранты, в частности на ремонт дорог, археологические раскопки и даже на развитие армии (\$14 миллионов в 2017 году). За счет китайских средств открыт ряд учебных заведений. По официальным данным, в 2018 году в КР прибыли 35 тысяч граждан КНР, по неофициальным – в несколько раз больше. Для сравнения, второй крупный должник в Центральной Азии – Таджикистан. Он должен Китаю около \$1,2 миллиарда – почти половину своего внешнего долга.

Прошедший в Бишкеке в рамках саммита ШОС в июне 2019 г. бизнес-форум «Кыргызстан—Китай» стал очередным подтверждением этому — мероприятие принесло Кыргызстану существенные экономические выгоды. В рамках форума подписаны 24 документа. Соглашения касались строительства совместных предприятий, финансирования строительства многоэтажных жилых домов, а также китайских инвестиций в экономику Кыргызстана. Кроме того, государства подписали соглашение о предоставлении безвозмездной помощи Китаем Кыргызстану в размере 86,6 млн. долларов.

Около половины всех китайских кредитов скрыты от общественности из-за непрозрачных систем учета в КНР. Во всем мире в течение 10 лет (до 2016 года) объем теневого финансирования Китаем составил около \$200 миллиардов. Непредсказуемость усугубляется тем фактом, что Китай часто кредитует по коммерческим ставкам (более половины кредитов в 2000-2017 годах) и в долларах (85% кредитов). Странам с ослабляющейся валютой будет очень трудно погашать долларовый кредит, принимая во внимание тот факт, что за этот период таджикский сомони уже потерял более 76% своей стоимости, а кыргызский сом - 32%.

Темпы роста китайско-кыргызского товарооборота превы-

шают темпы российско-кыргызского. Следует отметить, что Кыргызстан заинтересовал КНР рядом довольно перспективных промышленных проектов. Так, в 2016 году правительство Кыргызстана отказалось от услуг российской фирмы «РусГидро» по строительству Камбаратинской ГЭС-1. Китай рассматривает кыргызское предложение как успешный шаг для достижения положительных результатов в решении энергетических проблем этой страны. Китайская сторона заинтересована также в импорте сельскохозяйственных продуктов животного происхождения (в частности, молока), в связи, с чем планирует к 2020 году построить в Чуйской области Кыргызстана крупный агропромышленный комплекс «Звезда Азии» площадью 4,6 кв. км, который будет обеспечивать КНР органической продукцией.

Среди двусторонних документов, заключенных странами в последнее время, привлекают внимание соглашение о технико-экономическом сотрудничестве, предусматривающее совместную эксплуатацию газопровода Кыргызстан – Китай; сотрудничество в сфере охраны здоровья, позволяющее широко привлекать опыт традиционной медицины Китая; кредитное соглашение по строительству автомагистрали Север – Юг о предоставлении Кыргызстану кредита в 10 млн. долл.

Отношения с региональными соседями

Отношения Кыргызстана с государствами ЦА носят стратегический характер и обусловлены наличием общих региональных интересов. Общей и важнейшей задачей для стран ЦА является создание единого региона, имеющего существенный вес на международной арене, а также способного выступать с единых позиций в решении проблем мирового

и регионального уровня. Подтверждением тому стала нормализация отношений Кыргызстана и Казахстана в декабре 2017 г. Апогеем напряженности в отношениях между государствами стал инцидент, в результате которого 10 октября 2017 г. казахская сторона усилила таможенный контроль на границе с Кыргызстаном в рамках борьбы с серым импортом из Китая. Власти Кыргызстана направили жалобу на действия казахских властей в ЕАЭС и ВТО. Позже в Бишкеке заявили о намерении расторгнуть соглашение с Казахстаном о развитии экономического сотрудничества и отказаться от обещанного Астаной гранта в размере 100 млн. долл. на адаптацию к условиям ЕврАзЭС.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев 27 ноября 2019 г. посетил Кыргызстан с первым двухдневным государственным визитом. Это было призвано подчеркнуть стремление Нур-Султана укрепить уровень отношений с соседней республикой. К.К.Токаев также принял участие в саммите глав государств Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ). Двусторонние отношения с Кыргызстаном Касым-Жомарт Токаев назвал одним из главных приоритетов для Нур-Султана. По итогам переговоров с кыргызским коллегой Сооронбаем Жээнбековым была подписана комплексная программа сотрудничества на три года, и состоялось очередное заседание Высшего межгосударственного совета.

Эксперты говорят о потеплении отношений между странами после конфликта на границе 2017 года, когда сотни кыргызских фур не могли попасть на территорию Казахстана. Причиной конфликта стали проблема серого импорта из Кыргызстана и эмоциональная несдержанность экс-президента Алмазбека Атамбаева, который обвинил Нурсултана Назарбаева во вмешательстве в Кыргызскую

избирательную кампанию. Процесс нормализации двусторонних отношений начался после победы на президентских выборах 2017 года Сооронбая Жээнбекова. Тогда же была подписана «дорожная карта» сотрудничества. Как отмечали наблюдатели, впервые за долгие годы визит президента Казахстана не сопровождается негативным фоном.

С учетом того, что страны намерены нарастить товарооборот до 1 млрд. долл., визит К.Токаева был связан с дальнейшим укреплением казахстанского бизнеса в экономике Кыргызстана. Согласно официальным данным, по итогам первого полугодия 2019 года товарооборот между двумя странами составил 389,4 млн. долл. При этом экспорт из Казахстана в Кыргызстан за данный период составил 269,2 млн. долл.

В последние годы наметились сдвиги и в непростых узбекско-кыргызских отношениях, которые обострились в результате образования политического вакуума, вызванного государственным переворотом в Кыргызстане в 2010 г. В сентябре 2017 г. во время встречи в Бишкеке президенты Кыргызстана и Узбекистана А.Атамбаев и Ш.Мирзиёев подписали совместное заявление по развитию двусторонних отношений и договор по демаркации и делимитации спорной кыргызско-узбекской границы. За период с конца 2016 г. две страны подписали более 30 документов, включая «Декларацию о стратегическом партнерстве, укреплении доверия, добрососедства между Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан». Кыргызстану необходимо улучшение отношений с Ташкентом для решения вопроса о межгосударственной границе, развития приграничных областей, расширения двусторонней и региональной торговли, экономической кооперации и транзитных возможностей,

налаживания связей между банками двух государств.

Предпринимаются попытки уладить спорные вопросы в отношениях с Таджикистаном. Весь постсоветский период между двумя странами достаточно часто возникали конфликты из-за отсутствия четкой линии границ. Однако несколько лет назад эти государства начали процесс. Тем не менее, пограничные конфликты не закончились.

Достаточно благоприятные отношения у Кыргызстана сложились с Туркменистаном. Кыргызская Республика и Туркменистан строят их на основе принципов международного права, взаимного доверия и уважения, придавая большое значение развитию политических, торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей, договорная основа которым была заложена 9 октября 1992 г. подписанием Протокола об установлении дипломатических отношений между двумя странами. основополагающим направлением сотрудничества двух государств является тесное партнерство и взаимная поддержка в рамках таких международных организаций, как ООН, ОБСЕ, СНГ, где оба государства выступают как равноправные и дружественные партнеры, чьи позиции по актуальным вопросам современности близки или совпадают.

Отношения с Таджикистаном

Вдоль половины периметра границы между Таджикистаном и Кыргызстаном расположены населенные пункты, жители которых пользуются общими дорогами, водными источниками, пастбищами. Зачастую граница проходит через населенные пункты, которые расположены одновременно в обеих странах. Приграничные рынки также использовались совместно жителями двух стран.

В настоящее время таджикская сторона признала большинство пастбищ территорией КР. Тем не менее некоторые пастбища, часть которых находятся рядом с таджикскими селами, а часть (отгонные) — в глубине территории КР, продолжают оставаться территорией РТ. Однако сейчас кыргызская сторона не признает карт, письменных источников, документов и договоров, утверждая, что все эти пастбища находятся на этнической территории кыргызов, следовательно, это — территория КР. При этом делается ссылка на то, что Межправкомиссия по делимитации и демаркации границ еще не обозначила четкие государственные границы в данном регионе.

Конфликты возникают не только в связи с неопределенностью юрисдикции тех или иных пастбищ, но и по вопросам использования кыргызских пастбищ. До 2014 года все пастбища использовались совместно, что соответствовало местным традициям. В первые годы после распада СССР местные власти обеих стран заключали договоры об использовании пастбищ. Действовало распоряжение областной администрации Ошской области о разрешении аренды пастбищ для граждан РТ. Кыргызский парламент принял документ, разрешающий таджикской стороне использовать пастбища на платной основе и дающий возможность таджикским пастухам пасти свои стада на территории КР при выполнении ими определенных условий. В 2009 г. правительства РТ и КР подписали меморандум о том, что собственники кыргызских угодий могут сдавать в аренду свои пастбища.

В 2015 г. начал действовать ранее принятый в КР Закон о запрете для иностранцев аренды пастбищ и выпаса скота, и граждане РТ лишились возможности выпастить свои стада на пастбищах, находящихся под юрисдикцией КР. Череда

конфликтов 2013-2014 годов на границе Исфаринского и Баткенского районов на определенное время нарушила привычный ритм жизни в некоторых приграничных кластерах. Многие сообщества были вынуждены свертывать торговые отношения, что привело к падению доходов, жизненного уровня и качества жизни общин, расположенных вдоль границы. В 2015-2016 годах правительства обеих стран приложили немало усилий, чтобы восстановить доверие и сотрудничество. Международные организации также активно включились в дело стабилизации ситуации. Проекты, направленные на развитие приграничной торговли, подтвердили, что людям все же важнее экономические интересы. Ставка на развитие торговли между сообществами сыграла решающую роль в восстановлении доверия.

В последние годы хрупкое общественное спокойствие держалось по большей части на беспрепятственном передвижении людей через границы. Соответственно, блокировка дорог, установление несанкционированных постов, установление особого режима пропуска граждан РТ на территорию КР является действенным инструментом давления на таджикскую сторону в конфликтах из-за воды, территории, пастбищ.

За последние 25 лет произошли большие изменения и в составе участников пограничных конфликтов: одни — райкомы партии, колхозы и совхозы — ушли в небытие, другие изменили свою компетенцию и позиции. Появились новые акторы с собственными интересами и своими правилами игры.

Местные власти — председатели джамоатов, председатели махаллинских советов и члены советов на таджикской стороне, работники айил окмоту — на кыргызской стороне. Сейчас именно они вместо райкомов партии, совхозного

директората, председателей колхозов обеспечивают управление конфликтом на низовом уровне. Это позволяет гибко и оперативно реагировать на события. В то же время возник разрыв между работой правительств, глав государств и Межгосударственных комиссий по урегулированию конфликтов и повседневной практикой ситуативного реагирования на постоянно возникающие конфликтные ситуации. С одной стороны, местные власти сдерживают развитие конфликта, с другой — сами становятся участниками конфликтов.

Крестьяне (дехкане)-единоличники в РТ и КР, которые появились в результате земельной реформы и упразднения колхозно-совхозной системы. В процессе аграрной реформы совхозы и колхозы были разделены на тысячи мелких дехканских хозяйств. Это подорвало управление водными ресурсами и ирригационными сетями, так как тысячам мелких водопользователей трудно договориться между собой. Еще труднее собрать деньги на ирригационные работы, санитарные мероприятия, благоустройство и т.п.

Пограничники — они выполняют свои задачи, охраняют границы и автоматически разрушают взаимозависимость общин Ферганской долины. Кроме того, они включаются в конфликты, все чаще выступают в роли правоохранителей и, тем самым, обостряют конфликты, а иногда и сами их провоцируют.

Международные организации. В этой части Ферганской долины были реализованы сотни проектов международных организаций, направленных на снижение конфликтности. Как правило, международные организации финансируют инициативы, направленные на повышение пограничной безопасности и снижение конфликтного потенциала в рамках стратегии «разведения сторон». На самом деле они разру-

шают традиционную взаимозависимость общин и народов, усугубляя конфликты. В результате возникает недоверие к международным организациям.

Контрабандисты и криминалитет. Установление реальных границ при сохранении жизнеспособности старых экономических регионов привело к масштабному разрастанию контрабанды, коррупции и общей криминализации региона. Контрабандисты заинтересованы в контроле дорог, товарных потоков и рынков, в создании инфраструктуры контрабандной деятельности. Они также инвестируют в землю, оформляя или покупая большие участки земли на территории КР и на спорных землях, создают там латифундии и, соответственно, пытаются захватить контроль над водными источниками. В целом организованная преступность стала влиятельной третьей стороной конфликта. Миграционные сети и диаспоры — все приграничные села исключительно сильно зависят от трудовой и предпринимательской миграции, которая развилась в последние двадцать лет.

В спорах за воду, как в фокусе, сконцентрированы все пограничные проблемы Ферганы: взаимные территориальные претензии, проблема дорог, доступ к пастбищам, растущее влияние организованной преступности и т.д. Остроту водной проблематике придает и то обстоятельство, что взаимозависимость таджикских и кыргызских сообществ, проживающих рядом, но теперь по разные стороны границы, быстро снижается. Они не заинтересованы в совместной деятельности. Меры, которые предпринимают правительства обеих стран, не приводят к улучшению положения на границе и не способствуют разрешению конфликтов. Правительство КР приняло стратегию максимально возможного обеспечения инфраструктурной, транспортной и энергетической независимости

от соседних республик как основную меру по решению проблем приграничных территорий Баткенской области.

Все реализованные транспортные и инфраструктурные проекты в приграничной зоне Кыргызстана заметно снизили зависимость от транзита через территорию Таджикистана. В то же время в ряде случаев они ухудшили положение сообществ на таджикской стороне и создали новые очаги конфликтности. Что касается таджикской стороны, то попытки отстаивания интересов местных сообществ, которые иногда совпадают с интересами кыргызского населения, а иногда расходятся или противоречат им, блокируются центральной властью РТ, которая не хочет ссориться с Бишкеком ради обеспечения доступа к дорожно-транспортной сети КР.

В связи с вхождением Кыргызстана в ЕАЭС товарооборот Таджикистана с ним стал снижаться. Таджикистанские коммерсанты, закупавшие товары на рынках «Дордой» и «Кара-Суу», больше не могут завозить их в Таджикистан по прежним ценам. В настоящее время Таджикистан начал импортировать товары напрямую из КНР, а Кыргызстан стал выполнять функцию транзитного государства. Это привело к снижению таможенных поступлений. Несмотря на снижение заинтересованности Таджикистана в торговле с Кыргызстаном, таджикская сторона выражает заинтересованность в сотрудничестве в таких отраслях, как электроэнергетика, горнорудная промышленность и туризм, что является новым способом активизации совместного экономического потенциала.

Основной причиной всех таджикско-кыргызских споров остается неопределенность линии госграницы. Вопрос ее делимитации был одним из основных на переговорах президентов Таджикистана Эмомали Рахмона и Кыргызстана Сооронбая

Жээнбекова в Душанбе в феврале прошлого года. Однако, несмотря на заявления глав государств о намерении решить эту проблему, делимитация и демаркация границы не были начаты. Протяженность таджикско-кыргызской границы составляет 976 км, из которых делимитированы и демаркированы 504 км. Остальные участки считаются спорными.

Межправительственная комиссия, которая в последнее время работает над делимитацией и демаркацией рубежей, не может прийти к согласию, по каким документам работать. Таджикистан предлагает использовать карты 1924–1927 годов, когда Ворух находился внутри границ Таджикской ССР. Кыргызстан настаивает на картах периода 1958–1959 и 1989 годов. В 1950-х годах Ворух стал анклавом в Кыргызстане.

В июле 2019 г. ситуация вновь обострилась. По информации государственной пограничной службы Кыргызстана (ГПС), конфликт произошел 22 июля между жителями анклава Ворух Исфаринского района Согдийской области Таджикистана и кыргызского села Аксай Баткенского района Баткенской области.

В сентябре 2019 г. на границе Таджикистана и Кыргызстана произошли бои местного значения с применением минометов. В ходе перестрелки погибли три таджикских пограничника, один — кыргызский. Стороны обвинили друг друга в развязывании боевых действий. По версии таджикской стороны, первыми нарушили соглашение соседи — жители кыргызского села Максат, которые на территории спортивной площадки махалли (села) Бахор Бободжон Гафуровского района Согдийской области начали строительство неизвестного сооружения. В сообщении Погранслужбы Кыргызстана говорится, что причиной возникновения инцидента стало то, что граждане Таджикистана начали строительство на неопи-

санном участке госграницы.

В декабре 2019 г. приграничный Баткентский район в двенадцатый раз за год стал ареной выяснения отношений. Кыргызы заметили, что их соседи заняты возведением какого-то забора на спорном клочке территории. Кыргызская сторона не замедлила выразить протест и потребовать остановки работ. Военным удалось разрешить конфликт. С начала 2019 года, тем самым, здесь зафиксировано более 10 конфликтов разной степени сложности, и сам год стал рекордным по числу стычек — погибли, по меньшей мере, 10 человек, десятки ранены.

Эксперты отмечают, что проблема имеет глубокие исторические корни, к нынешнему времени земельно-водные противоречия уже стали верхушкой айсберга противоречий более сложных. Конфликтная ситуация не возникла внезапно, она зрела годами, если не десятилетиями и столь же долго копилось недовольство с двух сторон. Главная причина — в отсутствии политической воли к решению социально-экономических задач, задач развития пограничных регионов как в Бишкеке, так и в Душанбе. Государственные органы и политическое руководство Таджикистана и Кыргызстана пассивны, ситуативно реагируют только на происходящие инциденты. Основным путем решения территориальных проблем является процедура обмена спорными территориями, на это не решаются, боясь общественного мнения, власти обеих сторон.

Отношения с Узбекистаном

В августе 2019 г. в Бишкек состоялся визит президента Узбекистана Шавката Мирзиёева. Узбекистан лоббирует строительство железной дороги через Кыргызстан в Китай,

открывает кредитную линию для Кыргызстана. Первые 100 млн. долл. Бишкек получит в рамках программы кредитования предпринимателей. Этот вопрос обсуждался в кыргызской столице на встрече премьер-министров двух стран А.Арипова и М.Абылгазиева. Ташкент, в свою очередь, рассчитывает получить согласие Бишкека на строительство железной дороги из Китая через Кыргызстан в Узбекистан.

С точки зрения интересов Кыргызстана проблема заключается в финансировании и прокладке маршрута. Кыргызские железные дороги сегодня представляют собой тупиковые ветви, которые ведут в Казахстан и Узбекистан. Единой внутренней сети железных дорог, которая связывала бы республику, не существует. Поэтому железная дорога гораздо больше нужна Пекину и Ташкенту, чем Бишкеку. Хотя у Китая при его масштабах проектирования существует множество альтернативных маршрутов, и Пекин может потерпеть с реализацией этого проекта. Но, по словам экспертов, есть еще две страны, которые в этом строительстве не заинтересованы. Это Казахстан и Россия. Они не исключают, что мнения Москвы и Нур-Султана были учтены кыргызской стороной.

Стороны поставили задачу увеличить товарооборот между Кыргызстаном и Узбекистаном до 1 млрд. долл. По итогам 2018 года показатель составил 340 млн. долл., за пять месяцев 2019 года – 130 – 140 млн. долл. В рамках кредитной линии планируется увеличить объемы экспорта товаров из Узбекистана для их реализации в Кыргызстане и Таджикистане, чем и займутся кыргызские и таджикские бизнесмены. Само предложение кредита нужно рассматривать в рамках узбекской развивающейся новой экономической модели экспортно-ориентированного характера. Это вовлечение в свое

рыночное пространство соседних стран. С Кыргызстаном у Ташкента есть подвижки по ряду направлений: автомобили, бытовая техника, мебель заходят на кыргызский рынок.

В 2018-2019 гг. обсуждение между Кыргызстаном и Узбекистаном перспективы обмена территориями уже началось. Так, обсуждается идея передачи кыргызского анклава Барак Узбекистану в обмен на получение Кыргызстаном равноценного земельного участка на территории, прилегающей к Ак-Ташскому айыл окмоту Кара-Суйского района Ошской области. Идет работа по делимитации и демаркации границы между двумя государствами, но пока остаются самыми трудными для достижения договоренности 15% спорных территорий. Это примерно 200 км границ в районе водохранилища Кемпир-Абад, участка Гавасай в Джалал-Абадской области и анклава Сох в Баткенской области Кыргызстана.

Таким образом, переговоры по делимитации государственной границы идут в рабочем режиме и внушают оптимизм обеим сторонам. Упоминалось, что более 90% границы уже согласовано. Но не решены два главных вопроса, связанных с двумя анклавами — Сох и Шахимардан. И решить их, с учетом политической ангажированности для Кыргызстана в период подготовки к предстоящим парламентским выборам 2020 года, трудно.

Отношения с США

Соединенные Штаты Америки признали независимость Кыргызстана 27 декабря 1991 г. и оказывали стране экономическую и политическую поддержку по линии Агентства по международному сотрудничеству. После событий 2001 года США использовали военную базу в аэропорту Манас

для нужд антитеррористической коалиции, что еще больше укрепило межгосударственное сотрудничество.

В целом за 12,5 лет существования базы через нее прошло около 5,5 млн. военнослужащих или 98% всего личного состава Международных сил содействия безопасности (МССБ) и было совершено 33 тыс. воздушных дозаправок. Однако в течение всего этого времени Манас оставалась одновременно фактором внутренней нестабильности Кыргызстана и камнем преткновения в ее взаимоотношениях с соседями.

Однако, наряду с военным присутствием американцев в республике, США и их союзники стали оказывать существенное влияние на политические процессы в стране. В Кыргызстане была создана разветвленная сеть неправительственных организаций, среди которых – фонд «Сорос – Кыргызстан», Коалиция за демократию и гражданское общество и другие.

Эти организации финансировались американским агентством по международному развитию (USAID), Национальным демократическим институтом (NDI), фондом Freedom House, которые активно вмешивались в процесс принятия государственных решений путем создания прозападного (в том числе антироссийского) информационного фона, продвижения во властные структуры прозападных фигур и даже организации протестных акций, как это было, к примеру, в марте 2005 г., когда НПО сыграли значительную роль в подготовке свержения президента А.Акаева.

Как следствие, 3 февраля 2009 г. на пресс-конференции по итогам переговоров в Москве К.Бакиев объявил о решении Правительства Кыргызстана закрыть американскую военную базу в Манасе. Среди причин были названы нерешенные в течение последних лет вопросы экономической компенсации за пребы-

вание этой базы на территории Кыргызстана и дело об убийстве гражданина Кыргызской Республики американским военно-служащим.

После прихода в 2005 г. к власти под демократическими лозунгами и при прямой поддержке США нового правительства Кыргызстана во главе с Курманбеком Бакиевым деградация экономической системы этой страны не только не была остановлена, но набрала исключительно высокие темпы. Ожидаемым результатом его политики стал подрыв российских экономических интересов, включая заморозку инвестпроектов в сфере гидроэнергетики и военно-технического сотрудничества. Используя административный ресурс и незаконные рейдерские схемы, коммерческие структуры, аффилированные с сыном президента Максимом Бакиевым, взяли под контроль большинство наиболее прибыльных активов, наладив вывод из страны денег и их легализацию на иностранных счетах. Важнейшую роль в этих процессах играли люди из ближайшего окружения М. Бакиева — финансисты и юристы из США и Европы.

Кыргызские оппозиционеры говорят о необходимости возобновления соглашения с Вашингтоном о гуманитарном сотрудничестве, от которого Бишкек отказался в 2015 году. Тогда поводом для разрыва стало то, что Госдепартамент США дал премию «Защитник прав человека» Азимжану Аскарору — участнику ошских столкновений 2010 года (на стороне узбекского меньшинства), приговоренному к пожизненному заключению за убийство милиционера.

По мнению ряда наблюдателей, Вашингтон активизируется в республике. В 2018 году в Кыргызстан был назначен Послом США Дональд Лу, который ранее уже работал в Кыргызстане — с 2003 по 2006 год он был заместителем

главы дипломатической миссии США в КР. Лу знает местные НПО (неправительственные организации), т.н. либералов в государственной власти, которые настаивают на улучшении отношений с Вашингтоном. Президент С.Жээнбеков уже заявил, что возможны новые договоры с США.

В настоящее время отношения США и Кыргызстана развиваются в таких областях сотрудничества, как безопасность, экономическое развитие, культурные обмены, развитие гражданского общества, здравоохранение, образование. США стремится продвигать принципы рыночной экономики в духе доктрины *laissez-faire*, создавать более приемлемый для США бизнес-климат. С 2012 г. в Кыргызстане действуют две экономические программы США — программа Фонда экономического развития для сельскохозяйственного сектора и программа местного развития, по которой США взаимодействуют с органами местной власти в области сельского хозяйства.

Осуществляется сотрудничество и в гуманитарной сфере. В Кыргызстане функционирует Американский университет в Центральной Азии (АУЦА), где студенты обучаются на английском языке, причем многие из них получают дополнительно диплом колледжа Барр в Нью-Йорке.

В Вашингтоне учитывают то, что Кыргызстан выражает определенную разочарованность членством в ЕАЭС, снижением российской инвестиционной активности. Американцы уловили это изменение и готовятся к новым отношениям с этой страной. Вашингтон рассчитывает на то, что смена руководства в Кыргызстане приведет к изменению внешней политики Бишкека. Кыргызстан, если ей удастся стабилизировать свою политическую ситуацию, могла бы стать полезным партнером США, но из-за небольшого размера

и скудных ресурсов она вряд ли будет опорой взаимодействия Америки с регионом.

Отношения с ЕС

После распада СССР Кыргызстан оказался в числе государств, которым Евросоюзом была оказана помощь в сферах экологии, социально-экономических, гуманитарно-образовательных реформ, а также в обеспечении продовольственной безопасности. Отдельным направлением стала поддержка демократических изменений в Кыргызстане, что на деле нередко приобретало формы давления. В этом отношении показательна деятельность миссии ОБСЕ.

Европейский союз является одним из основных доноров Кыргызской Республики. Так, в рамках двустороннего сотрудничества за период 2014-2020 гг. ЕС планирует выделить Республике 184 млн. евро для развития трех ключевых секторов — образования, верховенства права и развития сельских регионов. В ходе визита президента Кыргызской Республики А.Атамбаева в Брюссель в сентябре 2013 г. были подписаны соглашения о выделении 13 млн. евро на программу реформирования судебной системы Кыргызстана (в целом ЕС выделил 26 млн. евро на проведение судебной реформы КР) и 11 млн. евро — на развитие Джалал-Абадской области в рамках проекта по комплексному развитию сельских регионов Кыргызстана. После встречи с президентом Кыргызстана Глава Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу заявил прессе, что Европейский союз намерен увеличить объемы финансовой помощи Кыргызстану и поддерживать демократические процессы в республике. Через неделю после европейского визита кыргызского

президента республику посетила делегация Европарламента, члены которой встретились с представителями правительства и гражданского общества.

В 2016 г. ЕС выделил КР 34,5 млн. евро на грантовой основе, из которых 24,5 млн. были переведены в бюджет. В свою очередь, из средств, поступивших в бюджет, 5 млн. евро были направлены на совершенствование избирательной системы, 10 млн. — на образование и меры социальной защиты.

Кыргызская Республика участвует на партнерских началах в инициативе ЕС по Центральной Азии «Стратегия нового партнерства в действии». Для обсуждения обновленной версии этой Стратегии 11 апреля 2018 г. президент Кыргызстана С.Жээнбеков совершил свой первый визит в Брюссель.

Следует отметить, что Кыргызстан использует преимущества Всеобщей системы преференций ЕС (ВСП), которая предполагает дополнительные тарифные преференции развивающимся странам для экспорта в ЕС при условии выполнении ими ряда обязательств в таких областях, как соблюдение прав человека, трудовых прав, охраны окружающей среды, эффективного государственного управления. После рассмотрения заявки Бишкека на вхождение в данную систему, поданной в мае 2015 г., Европейский союз в январе 2016 года предоставил республике статус ВСП.

Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини представила новую стратегию развития «ЕС — Центральная Азия» 6 июля 2019 г. В Брюсселе считают, что Евросоюз — ведущий партнер Центральной Азии в вопросе развития региона. На протяжении 2014–2020 годов финансовая поддержка ЕС в сферах верховенства права, защиты окружающей среды, вод-

ных ресурсов, торговли и пограничного режима превысила 1 млрд. евро. Поэтому ЕС решил выделить дополнительные 72 млн. долл. на развитие программ помощи Центральной Азии. Кыргызстан получит 36 млн. евро на образование. В качестве основных итогов встреч Могерини назвала готовность дополнительного соглашения по расширению сотрудничества с Кыргызстаном.

Отношения с Турцией

Первой страной, которая признала независимость Кыргызстана в декабре 1991 г. и установила с ней дипломатические отношения, была Турция. Благодаря наличию торгово-транспортных связей с мировыми рынками, а также значительному влиянию Анкары на политический климат в Центральной Азии, сотрудничество с Турецкой Республикой стало одним из важнейших и приоритетных направлений внешней политики Бишкека.

Значимым событием в отношениях двух стран было создание Высшего совета по стратегическому сотрудничеству между Кыргызстаном и Турцией в 2011 году. Совет определяет стратегию межгосударственных отношений в политической, военной, экономической, торговой, энергетической, транспортной, сельскохозяйственной, туристической, культурной, научной и гуманитарной сферах, а также в области безопасности и здравоохранения.

Первые годы президентства в Кыргызстане А.Атамбаева придали турецко-кыргызским отношениям характер стратегического партнерства. Во время официального визита в Турцию 13 января 2012 г. был отмечен стратегический характер отношений между Кыргызстаном и Турцией. По итогам пере-

говоров была подписана Совместная юбилейная декларация о новом историческом этапе отношений между Кыргызской Республикой и Турецкой Республикой. Также Турция списала Кыргызстану долг в размере 50 млн. долларов.

Одним из приоритетных направлений сотрудничества двух государств является сфера образования. В Кыргызстане открыто несколько турецких школ, а также Кыргызско-турецкий университет «Манас». Следует отметить, что Турция является донором Кыргызстана в сфере образования, что позволяет турецкому государству проводить достаточно интенсивную политику «мягкой силы». Существующие в республике турецкие высшие учебные заведения заслужили высокую оценку у местного населения, доказательством чему является огромное число желающих учиться в них. В кыргызской системе образования турецкие образовательные учреждения занимают очень важные позиции, в частности, помогая государству в реализации программ по переводу делопроизводства и преподавания в учебных заведениях на государственный кыргызский язык.

Однако отношения Турции и Кыргызстана в последние годы были не самыми теплыми из-за политических позиций Р.Эрдогана и А.Атамбаева. Кроме того, недопонимание возникло из-за разветвленной в Кыргызстане сети лицеев «Себат» исламского проповедника Фетхуллага Гюлена, которого официальная Анкара обвиняет в попытке организации военного переворота в Турции. И хотя МИД КР опубликовал официальный ответ касательно вопросов деятельности образовательных учреждений в Кыргызстане, подчеркнув, что они являются «исключительно внутренним делом» Кыргызской Республики, это стало своего рода камнем преткновения в кыргызско-турецких отношениях.

9 апреля 2018 г. Президент КР С.Жээнбеков прибыл с официальным визитом в Турцию. Лидеры двух стран обсудили многие аспекты двустороннего сотрудничества в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства, здравоохранения, межпарламентского сотрудничества, культуры и образования, а также вопросы привлечения инвестиций.

Перспективы развития

Кыргызстан располагает определенными преимуществами, к которым относятся относительно либеральное законодательство, дешевая рабочая сила, благоприятные условия для развития сельского хозяйства, легкой промышленности и туризма, активное участие в работе ЕАЭС. Вместе с тем, в стране отсутствует преемственность политического курса, высоки риски политической нестабильности, распространения исламистской идеологии.

Более того, кыргызская экономика стагнирует, продолжая, как и прежде, держаться на грантах и кредитах из-за рубежа, переводах мигрантов, сфере услуг, просевшем реэкспорте китайских товаров, а также добыче золота. В перспективе, через пять-шесть лет запасы золота на месторождении «Кумтор» исчерпаются и поступление денег прекратится. То же самое может случиться и с прочими внешними источниками подпитки кыргызского бюджета. Если к этому моменту страна не сможет провести модернизацию экономики и решить хотя бы часть нынешних проблем, республику ждет полномасштабный кризис, и это может произойти ранее 2025 года.

События 2019 года показали, что Кыргызская Республика по-прежнему остается самой политически нестабильной страной региона. Скорее всего, Кыргызстану по-прежнему не

грозит превратиться в традиционную центральноазиатскую автократию, а ее политическая жизнь останется бурной и конкурентной.

Для Кыргызской Республики, впрочем, как и для всего Центральноазиатского региона, дестабилизирующим фактором остается деятельность внутренних и внешних исламистских радикалов, сохраняется угроза активизации экстремистов и террористов. В Кыргызстане, несмотря на наличие целого ряда глубоких и системных проблем, сохраняется относительно устойчивая социальная, экономическая и политическая обстановка. Тем не менее, велика вероятность обострения общественных настроений и риск манипулирования протестной активностью с целью дестабилизации социально-экономической ситуации в республике.

Важнейшим партнером для Бишкека остается Москва. Объем совокупной помощи России, оказанной Кыргызстану в последние пять лет, превысил 3,5 млрд. долл. — в виде инвестиций, прямого финансирования бюджета и других видов поддержки. Россия готова по мере необходимости расширять военное присутствие в Кыргызстане. Россия традиционно придерживается принципа поддержки действующей власти, минимизации контактов с оппозицией.

В настоящее время Кыргызстан является активным участником миграционных процессов в Евразии и регионе Центральной Азии, являясь крупным экспортером трудовых ресурсов. Импорт трудовых ресурсов из Кыргызской Республики продолжает расти во многих странах, в первую очередь в Российской Федерации. Географическое распределение трудящихся из Кыргызстана на территории России изменяется. Основная их часть сконцентрирована в Московском регионе и крупных городах европейской части России. Тем не менее,

отмечается и четкий восточный вектор миграции граждан Кыргызской Республики в регионы Сибири, Урала и Дальнего Востока. Их доля в занятости населения в восточных регионах выше, чем в европейских регионах РФ.

В последние годы Пекин и Бишкек решили форсировать строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Большой проблемой в Синьцзяне является несоответствие инфраструктуры требованиям инициативы «Один пояс — один путь». В Бишкеке рассматриваются два варианта прокладки железной дороги. Первый вариант – Торугарт – Достук – Ат – Баши – Джалал – Абад протяжностью 433 км, второй — Торугарт – Арпа – Кара – Суу 278 км. В Бишкеке рассчитывают проложить дорогу таким образом, чтобы она охватила как можно больше населенных пунктов. Однако в Пекине придерживаются другой точки зрения, считая, что транзитная дорога будет конкурентоспособной при небольшой протяженности — около 100 км. Предполагается, что данные проблемы потребуют своего решения задолго до 2025 г.

Глава 3. Таджикистан

У Таджикистана как государства существует ограниченный набор преимуществ — недорогая рабочая сила, наличие ряда полезных ископаемых и благоприятных погодных условий для развития сельского хозяйства. К негативным факторам эксперты относят неразвитость инфраструктуры, узкий внутренний рынок, высокие риски политической дестабилизации, коррупцию и бюрократизм, отсутствие у предпринимателей реальных механизмов защиты своих прав.

При этом экономика Таджикистана в значительной степени зависит от переводов трудовых мигрантов. Если в прежние годы (2011—2014) трансферты достигали 4,5 млрд. долл. в год, то уже к 2016 году сумма переводов, по информации Центрального банка РФ, снизилась до 1,8 млрд. долл. Общий объем внешнего долга Таджикистана на 1 июля 2017 года составляет 2,3 млрд. долл., или 35,8% ВВП.

По своим водным запасам Таджикистан, территория которого почти на шесть процентов покрыта ледниками, занимает первое место в Центральной Азии. Более 90% всей производимой в стране электроэнергии вырабатывается гидроэлектростанциями. Поэтому в развитии водного хозяйства аналитики видят существенный элемент стратегии развития Таджикистана в целом.

Таджикистан с 1 сентября 2017 г. начал серию встреч с инвесторами Европы и США, посвященную дебютному выпуску евробондов на 500 млн. долл. сроком на 10 лет. С помощью средств от размещения еврооблигаций на внешних рынках Душанбе планировал завершить строительство Рогунской ГЭС. Однако, если Таджикистан потратит деньги не по

назначению или не будет своевременно обслуживать долг по евробондам, то получит очень серьезные проблемы на десятилетия вперед.

Еще к советскому периоду восходит начало процесса, который и привел к современной демографической ситуации — наличию многочисленной молодежной возрастной страты, создающей реальные социальные и политические вызовы в стране. Институт родственных связей оказывается в силу общепризнанности действенным механизмом контроля над большей частью молодежи на уровне семьи и сельского поселения. Широкое распространение исламского идеологического «родства» произошло в годы гражданской войны и в послевоенный период. Трудовая миграция в Россию также внесла свой вклад в выстраивание особых связей, релевантных родственным, и их оформление. Участие в трудовой миграции позволяет молодым людям найти альтернативный путь включения в общество. Постепенно с ростом числа участников миграций формируются группы, претендующие на собственную роль в политической жизни Таджикистана. Потенциальным ресурсом новых политических сил, готовых расширить коридор возможностей для молодых, и становится демографическая молодежная масса Таджикистана.²⁴

Несмотря на свою языковую и историческую близость к Ирану, страна разделила общую судьбу всех государств региона. То есть, Россия остается основным проводником в сфере безопасности, а Китай — главным инвестором. Другой спецификой Таджикистана является массовая трудовая миграция в Россию. Ее уровень (1 млн. чел. из 8 млн. населения) остается одним из самых высоких в мире. Данное явление самым прямым образом влияет на экономическую

²⁴ Roche S. Domesticating youth: The youth bulges and their sociopolitical implications in Tajikistan. — N.Y.; Oxford: Berghahn, 2014. — XX+271 pp.

структуру страны (миграция обеспечивает половину ВВП) и социальные процессы. Еще одной важнейшей специфической чертой является роль ислама в жизни населения.²⁵

Одной из специфических черт проявления исламского фактора в Таджикистане являлась легальная деятельность политической партии исламского характера – Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), в последние годы вытесненной с политической арены в качестве (исламской) оппозиции. Но как считают эксперты, включенность оппозиции в управление государством была бы только на пользу действующим властям в этот сложный период.

Немаловажно, что международные террористические организации, стремящиеся в итоге к созданию мирового халифата, в качестве основы своей идеологии используют, как и «Аль-Каида», радикальный ислам, который во многом выступает в качестве альтернативы процессам глобализации. Таким образом, идеологически обоснованная и построенная на традиционных стереотипах мышления альтернатива, направленная на создание общества, управляемого законами шариата, приобрела бескомпромиссный характер, особенно в своей антизападной направленности. В последнее время ситуация изменилась: под влиянием социальной среды все больше молодых людей уходит в религию. Сегодня в Таджикистане на тысячу человек приходится до восьми мечетей. С молодежью работают в основном проповедники из соседнего Афганистана, формируя исламских радикалов во многом благодаря нищете уммы.

Вызовы, угрозы и риски будущего развития Таджикистана носят многообразный характер: после вывода коалиционных

²⁵ Laruelle M. (ed.) *Tajikistan on the Move. State Building and Societal Transformations*. – New York, London: Lexington Books, 2018. – 336 p.

сил из Афганистана автоматически возрасла внешняя угроза дестабилизации. Транспортная и коммуникационная зависимость от Узбекистана, проблемы в гидроэнергетике с Ташкентом делают Душанбе уязвимым перед ним. Стремление Таджикистана вступить в Таможенный союз и другие евразийские интеграционные структуры (ЕАЭС) неизбежно поставило под вопрос его торговые отношения с Афганистаном и Китаем. Огромные риски создают экологические проблемы, в частности ускоренное таяние ледников и опустынивание. М.Олкотт сравнивает положение Таджикистана с ситуацией «идеальный шторм». То есть, все, которые могут существовать, внешние и внутренние проблемы, испытывают и преследуют республику с первых дней независимости.

На геополитическом поле Душанбе в той или иной степени соприкасается с интересами ведущих мировых и региональных игроков — РФ, КНР, США, ЕС, НАТО, ИРИ, Индии и Пакистана. В последнее время к ним присоединилась Саудовская Аравия.

Эр-Рияд готов финансировать гидроэнергетический и горнодобывающий секторы Таджикистана. Однако, сближение Душанбе с Эр-Риядом может усложнить и без того непростые его отношения с соседями. В особенности с Россией, Узбекистаном и Ираном. Эксперты считают, что сближение с Эр-Риядом рассматривается в Душанбе и как предмет торгов — с тем же Тегераном, а также с Москвой, и как рычаг противопоставления вовлечению Таджикистана в Евразийский экономический союз.

Китай стал главным торгово-экономическим партнером Таджикистана, потеснив Россию на второе место. Ожидается, что в 2020 году товарооборот между Пекином и Душанбе достигнет 3 млрд. долл. Сотрудничество Пекина и Душанбе

сводится еще и к втягиванию Таджикистана в зону интересов Китая. Эксперты считают, что предоставлением кредитов Пекин, по сути, заталкивает Таджикистан в долговую яму, которая приведет к кабальной зависимости республики. Учитывая то обстоятельство, что у Душанбе нет денег, и их появление в больших объемах не предвидится, то расплачиваться, очевидно, придется допуском китайской стороны к сырьевым ресурсам, передачей контрольных пакетов акций стратегических предприятий или уступкой под контроль Китая отдельных транспортных маршрутов и даже территорий Таджикистана.

Укрепление позиций США в Центральной Азии за счет Таджикистана не отвечает интересам РФ. Россию беспокоит нарастание угроз для стран Центральной Азии, исходящих из Афганистана. По мнению экспертов, Таджикистану угрожает внутренняя нестабильность, которая усиливается за счет участия Саудовской Аравии в делах республики.

Афганская проблема остается актуальной и злободневной для республики, и останется таковой до 2025 г. Проблему пытаются решить за счет развития энергосектора. В Афганистане и в соседних странах надеются: если пойдет электричество, заработают энергоемкие комбинаты, то афганцы отложат производство мака и оружие ради мирного труда.

Наблюдатели расценивают в качестве тревожной тенденцию отдаления Душанбе от Москвы. По сравнению с КНР Россия за этот же период инвестировала в Таджикистан всего 20,6 млн. долл. О сокращении российских инвестиций в республику говорят практически все наблюдатели. Причиной сокращения называют высокие налоговые ставки. Тем не менее, Россия будет продолжать играть для Таджикистана важную роль, пока в РФ работают сотни тысяч трудовых мигрантов.

Таким образом, Душанбе в последние два года резко сменил стратегию развития страны. Главным направлением теперь значится не социально-экономическое развитие, а сохранение стабильности и безопасности. Предполагается, что данная тенденция будет влиять на развитие страны и до 2025 года.

Особенности политических процессов

В Таджикистане сформировалось уникальное для Центральной Азии постконфликтное общество, возглавляемое президентом, получившим власть благодаря тому, что его сторонники взяли верх в расколовшей страну гражданской войне. Хотя Таджикистан вышел из этой войны, не утратив территориальной целостности, его политическая и экономическая структура претерпела существенные изменения: власть на местных уровнях была перераспределена, а всю власть на национальном уровне, естественно, получили победители.

В период относительной стабилизации Таджикистан оставался беднейшим из постсоветских государств и имеет самый низкий валовой национальный доход в Центральной Азии. Внутриполитическая ситуация в Таджикистане после т.н. стабилизации, т.е. примирения официальных властей и исламской оппозиции имела тенденцию к обострению, а внутренняя борьба носила латентный характер. Крайняя бедность страны и соседство с Афганистаном вызвали к жизни еще один фактор внутренней и внешней политики - наркобизнес.

Следующий фактор - клановая раздробленность страны. Клановая раздробленность - это, с одной стороны, залог вечного недовольства центром, а с другой - относительная гарантия безопасности существующей власти: поскольку пред-

ставителям различных кланов порой бывает труднее договориться друг с другом, чем с центральным правительством. В то же время, Рахмон начинал утрачивать поддержку в своей родной Кулябской области, где нарастало серьезное недовольство политикой сформированного им режима.

Характер власти в Таджикистане заметно отличался от соседних республик Центральной Азии. При этом перспектив смены власти на выборной основе практически не было. Душанбе располагал слабым, но административным ресурсом. Но сама оппозиция не могла переступить через амбиции, клановые и партийные пристрастия различных группировок и лидеров. С другой стороны, внутри каждой партии руководители порой не могли поделить власть и полномочия. Таким образом, режиму Э.Рахмонова, достаточно ослабленному, противостояла не менее слабая оппозиция.²⁶

В силу географических и исторических причин Таджикистан больше других государств Центральной Азии тяготеет к регионально-клановому разделению. Это обусловило относительно высокую мобилизуемость и устойчивость оппозиционных групп, за которыми стоят именно кланы, структурированные по региональному принципу. Для укрепления своих позиций правительство должно учитывать хрупкие региональные и внутриэлитные балансы государства.

В силу объективных причин тенденция по формированию сильной президентской власти затронула Таджикистан гораздо позже других центральноазиатских республик. Это было связано со слабой институционализацией власти после гражданской войны и отсутствием достаточных финансово-экономических ресурсов у правящего режима. Однако со временем правящая элита Таджикистана активно включилась

²⁶ Khakimov Sh. The formation of parliamentarism in Tajikistan: past, present, and future // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2015. № 1, pp. 114-125.

в процесс консолидации власти и особенно — усиления ее исполнительной ветви. 22 мая 2016 г. в Таджикистане прошел референдум по внесению в конституцию изменений (41 поправка). Наиболее существенными из них стали снятие ограничений на количество сроков правления президента и снижение возраста для кандидатов в президенты, что позволит на следующих президентских выборах, которые планируется провести в 2020 г., вновь выдвинуть свою кандидатуру действующему президенту Эмомали Рахмону.

Закон «Об Основателе мира и национального единства — Лидере нации», подписанный в 2015 г. и принятый в 2016 г. в новой редакции, дает особые права президенту и членам его семьи и наделяет действующего президента особым статусом — основателя независимого Таджикистана. Наряду с наращиванием действующим президентом властных полномочий, упрочением властной вертикали, совершенствованием управленческого аппарата, происходит укрепление провластных институтов, что проявилось, в частности, в образовании пропрезидентской Народно-демократической партии Таджикистана (НДПТ).

Укрепление вертикали власти в Таджикистане нацелено, во-первых, на сохранение полномочий в руках правящего клана, а во-вторых — на предотвращение развития политического процесса в Таджикистане по пессимистическому сценарию (массовые антиправительственные выступления или вооруженные бунты), учитывая масштаб существующих в Таджикистане проблем в социально-экономической сфере, отличающейся крайним неблагополучием. Угроза может исходить также от внешнего фактора — скрывающихся на территории Афганистана боевиков из числа таджикских оппозиционеров-радикалов исламистского толка. И все же ве-

роятность негативного сценария для Таджикистана выглядит проблематичной, хотя бы, потому что система государственной власти все еще сохраняет там достаточную для поддержания стабильности устойчивость.

Весьма немногочисленная оппозиция в Таджикистане, представленная в основном небольшой группой правозащитников, не оказывает существенного влияния на политический процесс. Другое дело — исламская оппозиция, действующая по большей части в глубоком подполье либо из-за границы. У нее есть некоторый шанс перехватить протестный потенциал в выгодном для себя направлении, использовать социальные проблемы для антиправительственной борьбы. Однако этой части оппозиции противостоит сильная государственная машина, учитывая, что власть опасается даже «легальной» исламской оппозиции.

Об этом говорит запрет в августе 2015 г. достаточно умеренной по своим политическим установкам ПИВТ, которая до того была представлена в парламенте республики несколькими депутатами. Партию лишили возможности распространять информацию, закрыв ее типографию якобы за нарушение санитарных норм. Штаб-квартира ПИВТ была опечатана и закрыта, а руководитель партии М.Кабири переехал в Стамбул. В сентябре 2015 г. Верховный суд Таджикистана объявил ПИВТ (насчитывавшую к тому времени около 40 тыс. сторонников) «экстремистской террористической организацией» и запретил ее деятельность.

В Таджикистане разногласия между региональными элитами, проявившиеся до и после межтаджикского конфликта, в настоящее время приглушены. Однако кланово-региональный характер политической системы республики по-прежнему определяет поведение ее политической элиты. Религиозная

опозиция здесь также сформирована по клановому принципу и ориентирована, главным образом, на страны исламского мира. Питательной средой для сохранения клановости в политической сфере является социально-экономический дисбаланс между регионами (Ходжанд, Памир, Каратегин, Гарм, Куляб), кадровая политика в центре и на местах, когда преимущества при назначении на государственные должности имеют представители родственных носителям властных полномочий кланов.

Таджикская Концепция внешней политики также приоритетные позиции в сотрудничестве отводит соседним государствам региона. «Таджикистан является сторонником дальнейшего расширения позитивного, многовекового и созидательного опыта дружественного сосуществования народов Центральной Азии». Однако отдельно оговаривается лишь взаимодействие с Узбекистаном. В Национальной стратегии развития до 2030 г. прописаны активизация региональной экономической интеграции и формирование современной международной транзитной инфраструктуры, которая может смягчить последствия географической удаленности страны, что позволяет повысить конкурентоспособность национальной экономики и ее инвестиционную привлекательность.

Феномен религиозного радикализма

В каком бы аспекте любой исследователь ни рассматривал политическую ситуацию в Таджикистане в течение последних 25-30 лет, перед ним неизбежно возникает необходимость говорить об исламе. Исламизм проник в Таджикистан несколько раньше, чем во все остальные советские мусульманские республики. Это было связано с тем, что в

большинстве труднодоступных и горных районов, в отличие от таких крупных городов, как Душанбе, Ленинабад (совр. Худжанд), Курган-Тюбе, Куляб, ислам оставался важным духовным устоем жизни населения. Высокая степень религиозности населения в условиях постоянного притеснения религиозных свобод и господства атеистической государственной политики порождала недовольство существующими общественными и материальными сторонами жизни со стороны наиболее бедных слоев населения Таджикистана, проживавших в сельской и горной местности.

Таким образом, Таджикистан во все годы существования СССР оставался рудиментом религиозности, потенциал которой был использован в политических целях после 1991 г. В Таджикистане даже в годы наиболее активной борьбы с религией велась подпольная религиозная проповедь и сохранялось неформальное религиозное образование.

В конечном итоге, суть политического конфликта и гражданской войны в Таджикистане 1992—1997 гг. выкристаллизовалась в противостояние сил демоисламистского религиозного и номенклатурного коммунистического блока. Иными словами, сторонники исламистского государства выступили против защитников светского государства, и перед Таджикистаном встал вопрос о том, какая идеология одержит верх в этом кровавом противостоянии.

В процессе возрождения в Таджикистане ислам был тесно связан с ростом таджикского национализма. В более широком историческом контексте корни этого движения уходят глубоко в прошлое — к басмаческому сопротивлению. Таджикский исламизм является уникальным явлением среди аналогичных движений в регионе. В отличие от ваххабизма ИДУ и необандизма талибов, таджикский исламизм базируется на

долгой суфийской традиции, на «неофициальном» исламе уммы, противостоявшей исламу официальному, который являлся составной частью советской системы. Кроме того, молодое поколение таджиков испытало определенное и вероятно сильное влияние войны в Афганистане, что отчетливо выразилось в ходе гражданской войны в этой республике.

Судьба исламизма в Таджикистане необычным образом переплелась с эскалацией таджикского национализма. Поскольку в компартии Таджикистана доминировали этнические узбеки, то вполне естественно, что лидерам исламского возрождения ислам представлялся в качестве цементирующего материала для будущего здания новой таджикской идентичности. Несмотря на то, что воинственный исламизм в республике потерпел поражение, он не был полностью разгромлен. За десятилетие гражданской войны и ее последствий таджики в целом стали более мусульманизированными, хотя радикальные обертон политического ислама исчезли. В тоже время, ислам мог бы сыграть свою положительную роль в процессе объединения разрозненных кланов в единую таджикскую нацию и в конечном счете способствовать продвижению страны в сторону большей демократии.

В Таджикистане основная тенденция — конкуренция между «государственным» и независимым исламом. Правительство выступает как представитель «правильного государственного ислама», стремясь к нейтрализации и маргинализации религиозно-политической оппозиции в лице (единственной в регионе) официально существовавшей Партии исламского возрождения. Кроме закона о свободе веры и религиозных организациях (аналогичные по смыслу законы приняты во всех странах региона) религиозная сфера в Таджикистане регулируется законом об обязанностях роди-

телей, законом об образовании, имеющим ограничительный характер.

В Таджикистане деятельность «Хизб ут-Тахрир» была запрещена в 2001 г. В 2008 г. партия вошла в список экстремистских организаций, а ее активисты преследуются законом. Государство принимает меры для противодействия религиозно-мотивированным преступлениям экстремистской и террористической направленности. Так, Комитет по делам религий Таджикистана планировал осуществить реформы в Совете улемов в соответствии с новым (2009 г.) законом.

Исламизм в Таджикистане существовал и существует не только в виде ПИВТ. Следует согласиться с мнением ряда политологов, что по мере того как эта партия переходила на более умеренные позиции и парламентские принципы деятельности, многие радикально настроенные исламисты стали ориентироваться не на ПИВТ, а на экстремистские и запрещенные организации типа Хизб ат-тахрир аль-ислами, Исламское движение Узбекистана (ИДУ), ИГИЛ и некоторые другие.

Крупной этнической группой, представленной среди террористов ИГИЛ, являются таджики. Это как граждане Таджикистана, так и этнические таджики, проживающие на территории Афганистана. В феврале 2015 года, по информации таджикских спецслужб, в непосредственной близости от таджикско-афганской границы было сконцентрировано до тысячи боевиков «Исламского государства». Очевидно, что угроза вторжения террористов в Таджикистан рассматривается именно со стороны Афганистана, где группировки ИГ уже имеют довольно широкую сеть. Пока озвученного числа боевиков недостаточно, чтобы вести масштабные боевые действия против военного контингента РФ и Таджикистана, однако численность группировок постоянно растёт.

Учитывая сведения о вербовке новых адептов ИГИЛ среди таджиков, можно предположить, что в случае прямого вторжения на территорию Таджикистана террористы смогут довольно оперативно пополнять свой личный состав, хоть качество таких рекрутов и будет на начальном этапе не самым высоким. Мнения местных экспертов по поводу действия террористов на территории Таджикистана разделились. Одни считают, что «Исламскому государству» даже при самом благоприятном раскладе не удастся продвинуться вглубь территории страны и захватить хоть сколь-нибудь значимые объекты. Другие же, наоборот, слабо верят в оборонительные способности Таджикистана.

Эксперты отмечают, что среди стран постсоветской Центральной Азии в Таджикистане наиболее высок уровень террористической опасности. Как показали события в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), граничащей с Кыргызстаном и Афганистаном, там произошла радикализация местной оппозиции, которая готова к открытому вооруженному противостоянию с правящим режимом. К тому же, слабо контролируемая центральной властью ГБАО является важным пунктом на путях наркотрафика. В противостоянии террористической угрозе Таджикистан рассчитывает на помощь союзников по ОДКБ и ШОС. В частности, в обеспечении обороноспособности Таджикистана важную роль играет 201-я российская военная база, входящая в КСБР. Тем не менее, и в определении ее правового статуса возникали сложности. Так, в июле 2012 г. Россия заявила о выдвигении таджикской стороной неприемлемых условий продления аренды базы и приостановила ее финансирование. Тем не менее, по итогам переговоров между Россией и Таджикистаном срок пребывания базы

был продлен до 2042 г. Помимо этого, в Таджикистане размещен такой российский военный объект, как находящийся близ Нурек оптико-электронный комплекс «Окно» системы контроля космического пространства, подчиненный ВКС РФ.

Следует отметить, что правительство РТ в последние десять лет усилило борьбу с экстремистскими группировками. В конце 2010 — начале 2011 г. местные силовики провели крупную операцию по уничтожению боевиков в Рапшской долине. В конце июля 2012 года в городе Хорог, административном центре Горно-Бадахшанской автономной области, была проведена спецоперация по обезвреживанию группировки Т.Айембекова, которая причастна к убийству генерала спецслужб, начальника управления Госкомитета национальной безопасности по ГБАО А.Назарова.

Как сообщил глава МВД республики, генерал-лейтенант милиции Р.Рахимзода, преступники прошли подготовку в спецлагерях в одном из зарубежных государств и планировали взорвать ряд стратегически важных промышленных объектов в Таджикистане. Чуть ранее, 12 ноября 2014 г. правоохранительные органы республики обезвредили группу экстремистов из 12 человек. Все ее участники были членами террористической группировки «Джамоати Ансаруллох» и вербовали сограждан для участия в джихаде в Сирии.

В конце ноября 2014 г. в Таджикистане были задержаны 20 террористов, которые готовили диверсионные акты на севере страны. Все преступники были членами группировки «Исламское движение Узбекистана». При обыске у задержанных обнаружили так называемые «пояса шахидов», взрывчатку, детонаторы и экстремистскую литературу.

В связи с этими событиями в 2014–2015 гг. была проведена еще более жесткая кампания по борьбе с «религиозным экстремизмом». В частности, представители правительства присутствовали на проповедях в мечетях и там, где проповеди были сочтены излишне радикальными, мечети закрывались (чаще всего, помещения затем передавались различным культурным центрам). Всего было закрыто около 2000 мечетей. Только в районе Абдурахмани Джоми (Хатлонская область на юге Таджикистана) было закрыто 50 мечетей.

Во всех городских центрах предпринимались жесткие меры по обеспечению антирелигиозного «дресс-кода» — административной кодификации подверглись одежда, например, ношение женщинами платков, ношение бород мужчинами и т.п. Осенью 2015 г. началась кампания по борьбе с женщинами-проповедницами, поскольку их деятельность также была сочтена, в принципе, способствующей распространению экстремизма.

В 2015 г. одним из вопиющих фактов проявлений экстремизма стало дезертирство и уход в «Исламское государство» в Сирии и Ираке полковника ОМОН Г.Халимова. В своем видеообращении полковник на фоне пальм и бородатых вооруженных людей заявил, что находится в Сирии, где будет «бороться за права мусульман». Полковник обещал вернуться в Таджикистан, чтобы установить там законы шариата.

Осенью 2015 г. произошел военный мятеж, который возглавил заместитель министра обороны генерал-майор А.Назарзода. Во время него в двух террористических атаках в Таджикистане погибли 17 членов движения возрождения ОТО. После подписания мирного соглашения в 1997 году он был введен в ряды вооруженных сил Таджикистана

по 30-процентной квоте военнослужащих. Атаки были проведены в Душанбе и Вахдате, бывшем Орджоникидзеабаде – городе в 20 километрах к востоку от таджикской столицы. Сам генерал-майор Назарзода был членом Партии исламского Таджикистана (ПИВТ) и бывшим полевым командиром Объединенной таджикской оппозиции (после мятежа ПИВТ была запрещена, хотя сами ее руководители утверждали, что структуры партии к мятежу причастны не были).

Необходимо отметить, что в Таджикистане, как и в других странах, при вербовке в ИГИЛ основной упор делается на Интернет. В стране сегодня насчитывается около 3 млн. пользователей Интернета, из которых свыше 80% через социальные сети получают доступ к материалам экстремистского характера. В целом можно констатировать, что ситуация в Таджикистане в плане угрозы религиозного экстремизма и терроризма является наиболее напряженной в Центральной Азии. События конца августа — начала сентября 2015 г. лишь подтверждают это. Первопричиной их стало нарастание исламского радикализма.

Особую опасность отмеченные тенденции представляют ввиду соседства Таджикистана с нестабильным Афганистаном, где примерно на 60% приграничных территорий идут бои правительственных сил с талибами и другими радикальными исламистскими группировками. При этом граница практически не охраняется, контроль над ней во многих местах крайне слаб (в том числе, в отношении наркотрафика). Силы, осуществляющие прикрытие пограничников, малочисленны, особенно после перевода в Душанбе Кулябского полка российской 201 базы.

По мнению индийских военных экспертов, в террористических «атаках» в штате Джамму и Кашмир участвуют «бойцы»

Исламского движения Узбекистана, также «инсургенты» из Таджикистана и Синцзян-Уйгурского автономного района Китая.

В феврале 2016 г., по информации таджикских спецслужб, в непосредственной близости от таджикско-афганской границы было сконцентрировано до тысячи боевиков «Исламского государства». Очевидно, что угроза вторжения террористов в Таджикистан рассматривается именно со стороны Афганистана, где группировки ИГ уже имеют довольно широкую сеть. Пока озвученного числа боевиков недостаточно, чтобы вести масштабные боевые действия против военного контингента РФ и Таджикистана, однако численность группировок постоянно растет. Таджикско-афганская граница, протяженность которой составляет 1206 километров, на данный момент не является эталонной по охраняемости, через нее налажен стабильный наркотрафик (контролируемый «Талибаном», а теперь и ИГ), а также переправка нелегальных мигрантов.

Следует отметить, что одним из важных объектов в Таджикистане, который может интересовать террористов, является Сарезское озеро. Дело в том, что оно является потенциально опасным для 6 миллионов человек, проживающих на территории Таджикистана, Узбекистана, Афганистана, Кыргызстана и Туркменистана: в случае разрушения естественной плотины может произойти слив вод озера (образовавшегося в начале XX века в результате землетрясения) и затопление огромной по площади территории. По утверждениям экспертов, плотина может быть разрушена как в случае землетрясения, так и при участии человека. Не исключена возможность использования подобной угрозы в целях шантажа международного сообщества.

Окончательная точка в истории ПИВТ была поставлена в августе 2015 года, когда за процедурные нарушения, связанные с деятельностью местных отделений, Министерство юстиции республики потребовало от ПИВТ прекращения ее политической деятельности, а после неудавшейся попытки государственного переворота, предпринятой заместителем министра обороны РТ А.Назарзода, власти заявили о причастности к ней ПИВТ. В конечном итоге, 29 сентября 2015 г. решением Верховного суда Республики Таджикистан эта партия была признана террористической и запрещенной.

Запрещение ПИВТ стало логическим следствием глобальной тенденции, которая выражается в противодействии распространению любых идей исламизма в мировом пространстве. Эта борьба идет практически во всем мире, но особенно ярко это проявляется на постсоветском пространстве. Таджикистан оставался единственным постсоветским государством, где до 2015 г. действовала официально и была представлена в парламенте исламистская партия ПИВТ.

Тем не менее, опасность активизации подпольных и запрещенных исламистских организаций остается вполне реальной. Если в какой-либо из этих стран произойдет резкое ухудшение экономического положения на фоне политической борьбы за власть, то не исключаются события, аналогичные «цветным» революциям по типу «арабской весны». Неизменными остаются угрозы распространения исламизма под влиянием внешних факторов, в первую очередь — Афганистана.

В июле 2018 г. в Таджикистане произошел теракт. Погибли иностранные туристы, путешествующие по республике на велосипедах. Власти страны квалифицировали инцидент как «нападение». Генпрокуратура возбудила уголовное дело. МВД Таджикистана обвинило Партию исламского возрожде-

ния Таджикистана (ПИВТ) в причастности к гибели людей. Между тем накануне ответственность за теракт взяло на себя запрещенное в РФ «Исламское государство» (ИГ). Инцидент произошел на автотрассе Душанбе – Куляб 29 июля.

По обновленной совместной версии МВД и Госкомитета национальной безопасности (ГКНБ), преступление совершено людьми, связанными с ПИВТ и учившимися в Иране. Как отмечают наблюдатели, в стремлении подавить любые оппозиционные проявления руководство Таджикистана даже не удосуживается принять во внимание тот факт, что Иран является одним из ведущих акторов борьбы с ИГ. Впрочем, иранофобия и заметная в последнее время шиитофобия, как и устойчивая на протяжении этих же лет саудофилия — это уже утвердившиеся тренды политики официального Душанбе. По их словам, после запрета и репрессий ПИВТ можно считать маргинальной группой, реальную же опасность представляет активное участие саудитов в религиозной жизни страны, которых в своих целях поощряет руководство Таджикистана.

Данные обвинения официальный Душанбе повторил на заседании ОБСЕ по человеческому измерению в Варшаве в сентябре прошлого года. Накануне заседания официальный Душанбе через государственное агентство «Ховар» предупредил о возможности закрытия миссии ОБСЕ в республике, если в мероприятии примут участие представители ПИВТ. Однако ОБСЕ, Интерпол и другие международные институты отказались признавать членов ПИВТ преступниками и назвали причины их преследования чисто политическими. 9 сентября в Варшаве создали коалицию четыре оппозиционные группы. В Национальный альянс Таджикистана (НАТ) вошли ПИВТ, «Конгресс свободомыслящих Таджикистана», «Реформа и развитие Таджикистана» и «Конгресс мигрантов

Центральной Азии». Но, как заметил М.Кабири, двери коалиции открыты и для других политических групп.

Общая картина современного Таджикистана представляется более сложной: будущее таджикского общества будут определять такие процессы, как миграция и положение молодежи как главного мотора социальной трансформации страны. В совокупности эти факторы отражаются на трех основных составляющих экономического положения Таджикистана — энергетика, сельское хозяйство и финансовые вливания зарубежной миграции.²⁷

Ситуация вокруг Горно-Бадахшанской автономной области

Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) — регион, в основном заселенный памирцами, находится в географической изоляции от остальных районов Таджикистана и соединён со столицей Душанбе только дорогой через Гарм (региональный центр), построенной в советское время. Памирцы всегда были автономны от центральной власти в Душанбе. У них другой язык (а точнее, целый набор языков — шугнанский, ваханский и т. д.), который значительно отличается от таджикского, другая религия (в отличие от таджиков-суннитов, памирцы — шииты-исмаилиты). Географическое положение ГБАО в труднодоступном горном районе на границе с Афганистаном обусловило и другую особенность — Памир долгое время был стратегически важным регионом.

Тогда же в сентябре 2018 года президент Республики Таджикистан Э.Рахмон потребовал от руководства ГБАО в течение месяца восстановить закон и порядок в регионе.

²⁷ Laruelle M. (ed.) *Tajikistan: Islam, Migration, and Economic Challenges*. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 125 p.

В Хорог стянуты дополнительные правительственные воинские подразделения. Глава государства обвинил силовиков области в бездействии и сотрудничестве с местными наркогруппировками. Для борьбы с криминалом Рахмон призвал использовать вооруженные силы страны. Население области было обеспокоено тем, что власти готовятся к проведению в ГБАО силовой операции, аналогичной «однодневной войне» 2012 года, которая унесла жизни 21 мирного жителя и более 200 солдат таджикской армии.

Э.Рахмон в рамках празднования в Таджикистане Дня независимости посетил Памир. В Хороге по случаю приезда президента был устроен военный парад с участием около 3,5 тыс. таджикистанских военных, в том числе переброшенных из других регионов. На состоявшемся собрании областного актива в Ботаническом саду Хорога президент жестко раскритиковал чиновников за криминальную ситуацию в ГБАО и назвал «бессовестными» все структуры органов внутренних дел, прокурора области и председателя областного суда, которые не могут обеспечить борьбу с наркотрафиком, организованной преступностью и незаконным хранением оружия. Распоряжение расправиться с преступностью в течение месяца он отдал 15 сентября руководителю ГБАО Ш.Джамшеду, председателю Госкомитета национальной безопасности С.Ятимову и главе МВД Р.Рахимзоде.

Президент потребовал, чтобы ни одно преступление на территории ГБАО не оставалось ненаказанным, в крайнем случае, предупредил он, все руководители силовых структур будут уволены. Заявление президента вызвало неоднозначную реакцию в памирском обществе. Специалисты обращают внимание на тот факт, что демарш президента удивителен тем, что по Памиру зафиксирован наименьший процент наркотра-

фика по сравнению с другими регионами. Большую озабоченность вызывает и речь президента об оружии. Они делают предположение о том, что на Памире готовится проведение очередной спецоперации. Президент давно хотел укрепить свои позиции в этом регионе и решил сделать это сейчас, чтобы обезопасить себя в преддверии президентских выборов, которые намечены на осень 2020 года.

По словам экспертов, власть помнит, что в 2012 году, после проведенной в Хороге зачистки, ей пришлось пойти на компромисс. Тогда одним из условий прекращения боевых действий была, с одной стороны, сдача оружия местным населением, с другой — вывод правительственных войск с территории Бадахшана. Поводом для спецоперации было убийство генерала спецслужб А.Назарова. Сегодня власти даже не стали придумывать повод для недовольства Бадахшаном. Они собрали в один кейс преступления, совершенные в ГБАО за последние пять лет, и представили его как главное доказательство разгула криминалитета и процветания наркобизнеса. Хотя, по статистике, уровень преступности в ГБАО и в республике в целом не отличается. Это муссировалось специально для того, чтобы решить свои политические вопросы.

Эксперты считают, что практически все силовые акции руководства Таджикистана в последние годы, позиционируемые как антикриминальные, имеют в той или иной степени политическую подоплеку, направлены на устранение действующих и все чаще потенциальных оппонентов власти. В полной мере это относится и к Горному Бадахшану, где эта ситуация может усугубляться еще и стремлением населения ГБАО и местной элиты к действительной, а не формальной автономности в составе Таджикистана.

Население Горного Бадахшана и в советское время отличалось довольно высоким уровнем образованности, в последующий период и к настоящему времени это обстоятельство только усилилось при помощи Фонда Ага-хана. Уровень гражданской активности населения на Памире высок, и это обстоятельство не может устраивать центральную душанбинскую власть, последовательно монополизирующую все политическое пространство в республике. И официальная «борьба с криминалитетом», будучи в реальности направлена на зачистку инакомыслия и любой несанкционированной общественной активности, заодно выполняет функцию передела сфер контроля в криминальном и теневом секторах местной экономики.

Население ГБАО, исповедующее исмаилизм, трудно обвинить в религиозном радикализме, как это стало модно у руководства республики по отношению ко всем оппозиционерам, поэтому формальным поводом для очередного реформатирования отношений между Хорогом и Душанбе объявлена криминальная тема. На Памире, как и в других контекстах, ряд этих мер вызывает и такие неоднозначные последствия, как расслоение общества. На людей, в той или иной степени связанных с НПО (более привилегированных, как Фонд Ага-Хана) и не связанных с НПО и сохраняющих худшие стартовые условия. В этом смысле религиозные, в т. ч. умеренные мусульманские, НПО вполне укладываются в неолиберальный проект, несмотря на то, что сохраняют и претендуют на определенную аутентичность.

Отношения с США

Интерес американской дипломатии к Таджикистану (РТ) традиционно обуславливают два основных фактора. Первый

— близость к Афганистану (ИРА). Республика имеет с ним самую протяженную среди постсоветских государств границу в 1344 км, а таджики составляют вторую по численности этническую группу в ИРА. Второй — союзнические отношения с Россией. В Таджикистане размещена 201-я военная база — самый крупный военный объект РФ за пределами ее национальной территории. В связи с этим анализ стратегии Вашингтона в отношении Душанбе представляется важным как в контексте геополитического противостояния с Москвой, так и с точки зрения эволюции американской политики на Среднем Востоке. После вывода основной части американского контингента из ИРА в 2014 г. начался современный этап развития отношений, который характеризуется постепенным сокращением двусторонних программ как по интенсивности, так и по содержанию.

За более чем четверть века первые лица Соединенных Штатов и Таджикистана не совершали взаимных государственных и официальных визитов. Их короткие встречи имели место в основном на «полях» международных форумов, последним из которых был саммит США и стран исламского мира в Саудовской Аравии в мае 2017 г. В период с 2010 по 2016 г. по инициативе Вашингтона проводились ежегодные двусторонние консультации. На них обсуждалась практическая реализация конкретных проектов сотрудничества на уровне министерств и ведомств. Всего состоялось шесть раундов таких переговоров. Договорно-правовая база таджикско-американских отношений развита слабо. По сведениям Офиса юридического советника Госдепартамента, всего между странами действуют десять соглашений.

Соединенные Штаты финансируют в Таджикистане деятельность разветвленной сети общественных, информаци-

онных и гуманитарных организаций. Формально они призваны развивать демократию и рыночную экономику, но на практике часто вмешиваются во внутренние процессы и продвигают внешнеполитические инициативы Вашингтона. Эти структуры активно работают в республике с начала 1990-х гг., когда между США и РТ было заключено Соглашение о сотрудничестве в целях содействия оказанию гуманитарной и технико-экономической помощи. Основные получатели американских грантов — транснациональные западные НКО и СМИ. В Таджикистане активны Фонд Сороса, радио «Свобода», Фонд Ага Хана, Институт войны и мира, Фонд Евразия, «Интерньюс» и ряд других. К исполнению проектных заданий на местах они привлекают таджикские организации различного профиля: информ-агентства, социологические службы, учебные заведения, трудовые ассоциации, юридические фирмы, этнорелигиозные общины и т.д. Всего в РТ зарегистрировано 3 тыс. некоммерческих организаций.

Масштабы финансовых вливаний Вашингтона в «мягкую силу» можно оценить лишь приблизительно. Совокупные расходы USAID в Таджикистане с 1991 г. превышают 450 млн. долл. В таджикском обществе сильны исламские традиции, тогда как становление гражданских институтов там идет медленно. После серии «цветных революций» на постсоветском пространстве в сер. 2000-х годов РТ применяет более жесткое законодательство о НКО и последовательно расширяет контроль над этой сферой со стороны государства. В силу размеров своей экономики и географической изолированности Таджикистан не представляет заметного интереса для Соединенных Штатов как торгово-инвестиционный партнер. В то же время западные учреждения постепенно уступают

роль главного кредитора Таджикистана Китаю. В период с 2007 по 2017 г. их доля в общем объеме внешнего долга РТ сократилась с 61 до 25 %, хотя сам долг вырос с 1,07 до 2,9 млрд. долл. Как результат, уменьшилось и влияние США на финансовую сферу республики.

Перечисленные инструменты Соединенные Штаты используют для противодействия контактам с Россией, сохранения своего влияния в регионе как части «глобального лидерства». Необходимость «снижения экономической зависимости Центральной Азии от России» прямо закреплена в бюджетных документах внешнеполитического ведомства США. Прежде всего, на этом треке оно противодействует вхождению Таджикистана в Евразийский экономический союз. Различными способами Вашингтон «торпедирует» проект с 2010 г., когда встал вопрос о присоединении РТ к «таможенной тройке» России, Белоруссии и Казахстана. Лояльные ему НКО и СМИ ведут активную информационную кампанию по дискредитации объединения. В этом же ключе американцы используют механизмы Всемирной торговой организации.

Помимо этого, в 2011 г. американская дипломатия выдвинула альтернативный интеграционный проект — концепцию Нового шелкового пути (НШП). В ее основе лежит идея объединения Центральной и Южной Азии в единый экономический макрорегион, в сердце которого находится Афганистан. Стратегия подразумевает формирование инфраструктуры от бывших советских республик через ИРА в Индию и Пакистан, а также минимизацию торговых барьеров между ними. Предполагается, что в совокупности это ослабит ориентацию государств ЦА на Россию и Китай и снизит потребность Кабула во внешних дотациях. На практике Соединенные Штаты реализовали лишь несколько локальных

проектов в рамках указанной инициативы. Таким образом, попытки Вашингтона влиять на выбор Таджикистаном интеграционных предпочтений очевидно диссонируют с реальным вкладом США в хозяйственную жизнь территории и нацелены не столько на прогресс региона, сколько на подрыв его кооперационных связей с Россией.

Основное взаимодействие США и Таджикистана строится вокруг вопросов безопасности. Первоочередной интерес для Вашингтона в этой области представляют поддержка операций западной коалиции в Афганистане, борьба с наркотиками, нераспространение оружия массового уничтожения и подготовка по стандартам НАТО отдельных подразделений высокой боевой готовности. В качестве первого вклада в объявленную Западом войну с международным терроризмом Душанбе разрешил пролеты через свое воздушное пространство американской боевой и транспортной авиации. С декабря 2001 по октябрь 2014 г. аэропорт в Душанбе использовали ВВС Франции. Министерство обороны США тоже рассматривало республику как потенциальную площадку для дислокации собственных военных объектов. В 2001 г. Соединенные Штаты и Таджикистан достигли договоренности об открытии американской военной базы в Кулябе и выдворении оттуда российского контингента. Но Пентагон отказался от сделки, отдав предпочтение Бишкеку, где была более удобная инфраструктура. В 2006 г. американская сторона повторно поставила вопрос о базе и на этот раз получила отказ уже от Душанбе.

В феврале 2009 г. Таджикистан присоединился к Северной сети поставок (ССП) — системе транспортных коридоров для снабжения группировки ВС США в Афганистане через государства, лежащие к северу от театра боевых действий.

Участие в ССП сулило стране транзитные сборы, и против него не возражали члены ОДКБ. Тем не менее, на практике таджикский участок ССП оказался востребован мало. Из-за плохих коммуникаций он пропускал не более 5—10 % общего объема перевозок на пике в 2011–2012 гг.

Вторым по значимости пунктом в двусторонней повестке в сфере безопасности следует противодействие торговле наркотиками. Подходы Соединенных Штатов к этой проблеме имеют особую специфику. В отличие от Колумбии, откуда кокаин поступает на американский внутренний рынок, Вашингтон не использует в Афганистане наиболее действенный способ борьбы с наркоугрозой — ликвидацию плантаций. В результате с 2002 по 2017 гг., т.е. уже в период оккупации страны американскими войсками, площади незаконного культивирования мака там расширились с 74 тыс. до рекордных 329 тыс. га, а опиумное производство достигло 9 тыс. т (свыше 80% мирового производства). Существенная часть этого «зелья» (по разным оценкам, от 25 до 40 %) переправляется по «северному маршруту» через Таджикистан в Россию и Европу. В 2005 г. Соединенные Штаты политически, информационно и финансово поддержали вывод из РТ группы погранвойск РФ, что на деле привело к сокращению объемов изымаемого на таджикско-афганской границе героина. Затем они активно выступили за взаимное раскрытие рынков, отказ от «избыточных» мер пограничного контроля и расширение транспортной инфраструктуры между Афганистаном и его центральноазиатскими соседями.

В самом Таджикистане американская сторона стала концентрировать усилия на оказании материально-технической помощи государственным органам, ответственным за борьбу с наркотрафиком. Прежде всего, под опеку США попало

Агентство по контролю над наркотиками (АКН) при президенте РТ. Вашингтон содействовал институциональному становлению этого ведомства с момента его учреждения в 1999 г., в том числе выплачивал внешние стимулирующие надбавки к заработной плате сотрудникам. В настоящее время Соединенные Штаты курируют в АКН отдельное подразделение, личный состав которого проходит проверку на полиграфе у американских специалистов и участвует в совместных с ними расследованиях.

Всего на цели противодействия наркотикам в Таджикистане США выделили более 200 млн. долл. к 2017 г. По объему такой помощи республика лидирует среди всех государств ЦА. Ассигнования предоставляются в рамках нескольких программ Госдепартамента и Пентагона. Основные из них — «Международный контроль над наркотиками и правоохранительная деятельность» и Программа по борьбе с наркотиками Центрального командования ВС США. Во внешнеполитическом ведомстве Соединенных Штатов за их реализацию отвечает Бюро по вопросам международного контроля за наркотиками и охране правопорядка. К исполнению привлекаются также Управление по борьбе с наркотиками при Министерстве юстиции США и ФБР, которые имеют в РТ своих представителей. Речь о прямой передаче денег в большинстве случаев не идет. В адрес ведомств Таджикистана осуществляются поставки американского оборудования (транспорта, связи, лабораторных систем) и организуется профподготовка личного состава силами американских экспертов. Тренировочные курсы проводятся на местах (в частности на базе учрежденного в мае 2009 г. Пограничного колледжа ОБСЕ в Душанбе) и с выездом в зарубежные образовательные центры.

Резюмируя, следует признать Вашингтон главным зарубежным донором антинаркотической деятельности в Таджикистане. США значительно опережают в этом отношении Россию, которая системно оказывает помощь АКН лишь с 2013 г. Гротеск ситуации кроется в том, что, концентрируя внимание на трафике опиатов, т.е. на последствиях проблемы, американская сторона потворствует ее причинам — расширению наркопосевов в Афганистане. Как итог, распространяется западное влияние на правоохранительную систему РТ, а ситуация с наркотиками не улучшается.

Вероятнее всего, основные усилия США будут сосредоточены на юге Афганистана и в афгано-пакистанском приграничье. Активные боевые действия могут спровоцировать частичный перенос маршрутов наркотрафика на более безопасные направления на граничащих со странами СНГ и Ираном. В этих условиях возрастает роль связанных с Таджикистаном и Узбекистаном афганских политиков, в особенности пользующихся поддержкой населения в провинциях северного Афганистана. Таким образом, представляется, что в ближайшее время наиболее важным направлением работы по противодействию наркотрафику в Узбекистане должно стать обеспечение безопасности границы с Таджикистаном при сохранении жесткого режима контроля на афганской границе.

Другое направление, которому Соединенные Штаты уделяют повышенное внимание, связано с оснащением и подготовкой по стандартам НАТО отдельных военизированных подразделений. В Таджикистане американцы проявляют интерес к двум формированиям — миротворческому батальону и национальной гвардии РТ. Сотрудничество с ними строится на основе таких программ Госдепартамента и Пентагона,

как «Зарубежное военное финансирование», «Международное военное образование и подготовка», «Глобальная инициатива по миротворческим операциям», «Совместные комплексные зарубежные тренировки» и Раздел № 1004 Закона США об ассигнованиях на национальную оборону. От американских военных практическую работу с таджикскими партнерами осуществляют Центральное командование специальных операций ВС США, национальная гвардия Вирджинии и ряд других структур. Миротворческий батальон Таджикистана создан при финансовой поддержке Соединенных Штатов в 2010 г. На сегодняшний день американское правительство направило на его развитие около 8 млн. долл.

Национальная гвардия РТ является воинским резервом быстрого реагирования главы государства. Американские дипломаты в переписке образно называют ее «преторианской гвардией» президента Э.Рахмона. От Соединенных Штатов курсы по обучению этого подразделения проводят, в том числе Силы специальных операций. Информация об этом редко становится достоянием гласности. Немаловажно и то, что патронируемые США формирования потенциально могут быть вовлечены во внутривосточные кризисы на стороне оппозиционных сил. В современной истории подобные инциденты имели место неоднократно.

В завершение несколько слов необходимо сказать еще об одном аспекте сотрудничества Соединенных Штатов и РТ в сфере безопасности — о борьбе с распространением оружия массового уничтожения. К моменту распада СССР на территории Таджикистана, по общедоступным сведениям, не размещалось ядерное, химическое или биологическое оружие. Но там оставались урановые рудники, Ленинабадский горно-химический комбинат и множество хвостохранилищ с

радиоактивными отходами, которые сыграли важную роль на ранних этапах советской атомной программы. По заявлениям официальных лиц республики, крупные неразработанные запасы урана сокрыты в недрах Памира. Кроме того, по американским данным, через воздушное пространство страны может осуществляться трансфер «ОМУ, ракет и соответствующих материалов» между Ираном и Северной Кореей.

С учетом этих факторов Соединенные Штаты инициировали в Таджикистане программу «Экспортный контроль и безопасность границ». По ней американская администрация выделяет средства на оборудование и подготовку пограничных, таможенных и специальных служб РТ, осуществляющих надзор за перемещением расщепляющихся и иных опасных материалов. В их адрес Соединенные Штаты поставляют сканирующие системы, учебные комплексы, проводят ремонт зданий. Получателем помощи, в частности, выступает Агентство по ядерной и радиоактивной безопасности при Академии наук Таджикистана.

Таким образом, анализ американо-таджикских отношений показывает, что на текущем этапе республика не относится к числу главных внешнеполитических приоритетов США на постсоветском пространстве. Об этом свидетельствуют уровень и интенсивность контактов сторон, слабая договорно-правовая база и место, которое они отводят друг другу в своих доктринальных документах.

При этом с 2014 г. во всех сферах прослеживается устойчивое падение активности США на таджикском направлении. В условиях реформирования военного присутствия НАТО в Афганистане, а затем и смены администраций в Белом доме сокращаются американские ассигнования на программы в РТ. Благодаря китайским кредитам

уменьшается зависимость страны от западных финансовых институтов, а укрепление центральной власти сужает поле деятельности иностранных НКО и СМИ. Военные инициативы Пентагона все больше выглядят малозначительной величиной в сравнении с начатым Россией масштабным перевооружением армии республики. Сказанное, однако, не означает, что Таджикистан полностью выпал из центральноазиатской стратегии США. Как отмечалось выше, удерживать его в фокусе внимания американской внешней политики будет стремление Вашингтона сохранить доступ в Афганистан и сдерживать развитие геополитических конкурентов в лице Москвы и Пекина. Страна продолжает играть важную роль как канал транзита опиатов.

Таким образом, в будущем нельзя исключать новой активизации Америки в направлении Республики Таджикистан, например в виде попыток «повысить вклад в региональную безопасность» или провести «демократизацию» режима. С учетом социально-экономической уязвимости страны и близости «дуги нестабильности» необходимые условия для такого вмешательства могут возникнуть быстро и неожиданно, подтолкнув США в корне поменять нынешнюю пассивную позицию в отношении Душанбе.

Отношения с Узбекистаном

В начале марта 2018 г., впервые за 27 лет, состоялся визит в Таджикистан нового главы Узбекистана, что позволило наблюдателям назвать его «историческим». За время пребывания Ш.Мирзиёева у власти были решены многие из накопившихся за весь постсоветский период проблем в отношениях двух государств. Был отменен визовый режим,

налажено авиационное и железнодорожное сообщение, с мая 2018 года, спустя 26 лет, возобновились автобусные рейсы между двумя странами, которые были прекращены во время межтаджикского конфликта. Планируется запуск 12 маршрутов, причем таджикская сторона обещает пассажирам ускоренный пограничный и таможенный контроль при прохождении государственной границы. Достигнута договоренность по последнему, самому спорному участку государственной границы — между Согдийской областью Таджикистана и Сырдарьинской областью Узбекистана, в районе Фархадской ГЭС-2. Стороны пришли к соглашению, что территория, на которой расположена ГЭС, будет признана территорией Таджикистана, а сам объект — собственностью Узбекистана. Охрану ГЭС будет осуществлять таджикская сторона, а его техническим обслуживанием будет заниматься Узбекистан. Кроме того, на границе открыты новые пункты пропуска.

В ближайших планах Ташкента и Душанбе — разминирование общей границы, для чего создана специальная совместная рабочая группа, а также проведение до конца года совместных военных учений. Близость двух стран, особенно Таджикистана, к Афганистану, остающемуся очагом террористической угрозы, обусловило повышенное внимание Ш.Мирзиёева и Э.Рахмона к проблемам безопасности. Главы спецслужб РТ и РУ договорились координировать борьбу с терроризмом и экстремизмом, что может стать важным фактором обеспечения безопасности региона.

Похоже, что болезненный для обеих стран вопрос о строительстве Рогунской ГЭС на реке Вахш также близится к решению. Именно проблема Рогуну на протяжении многих лет была камнем преткновения в отношениях двух стран. В со-

общении для прессы по итогам визита в Таджикистан главы Узбекистана Э.Рахмон объявил, что официальный Ташкент поддерживает Душанбе в вопросе строительства Рогунской ГЭС и даже готов участвовать в нем. Учитывая, что еще в ходе визита президента РУ в Казахстан Н.Назарбаев и Ш.Мирзиёев подтвердили неизменность своей позиции по Рогуну, которая заключается в несогласии с планами ее строительства, некоторые эксперты предположили, что Ташкент и Душанбе смогли выработать некую негласную договоренность.

Первая очередь ГЭС была запущена в ноябре 2018 года, в сентябре 2019 года президент страны Э.Рахмон торжественно запустил второй агрегат строящейся Рогунской ГЭС. После запуска всех шести агрегатов Рогунская ГЭС мощностью 3600 мегаватт (свыше 17 млрд кВт/ч) станет крупнейшей ГЭС в Центрально-Азиатском регионе. Однако для строительства Рогунской ГЭС, по оценке аналитического агентства Standard and Poors, потребуется около 10% ВВП страны за 10-летний период реализации проекта²⁸. Всемирный банк (ВБ) и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) отказались вкладываться в строительство объекта. Не спешат инвестировать в Рогун Китай и Индия, которые заинтересованы в получении электроэнергии для разработки приобретенных в Афганистане месторождений Айнак и Хаджикег. По мнению экспертов, Душанбе может попросить денег у Саудовской Аравии. В противном случае Таджикистану придется выбросить на международный рынок новый пакет государственных ценных бумаг.

Ситуацию могла бы исправить Россия, которая, по сло-

²⁸ Для строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане потребуются 50% ВВП страны // <https://eadaily.com/ru/news/2020/02/24/dlya-stroitelstva-rogunskoy-ges-v-tadzhikistane-potrebuyutsya-50-vvp-strany>

вам источника в таджикском правительстве, готова реинвестировать вложенные российской стороной в строительство АОА Сангтудинской ГЭС-1 в экспортноориентированные инфраструктурные проекты. А именно в CASA-1000 и ТУТАП (линия электропередачи, которая должна пройти из Туркменистана через Узбекистан, Таджикистан и Афганистан в Пакистан). Эти два проекта могли бы стать взаимодополняемыми и обеспечивать круглогодично электроэнергией не только всю Центральную Азию, но и соседние государства. Тем более что в Афганистане из-за отсутствия электроэнергии зависли проекты по разработке меднорудного месторождения Айнак и железорудного месторождения Хаджикег в Бамиане. Если Айнак достался китайцам, то Хаджикег приобрела Индия. Она, к слову, выиграла и тендер на реализацию энергетического проекта CASA-1000. Однако, таджикские власти в этот проект Россию не пускают, понимая, что это большой куш.

По мнению ряда российских экспертов, идея строительства Рогуна стараниями официальных пропагандистов и СМИ превращена в национальную идею. У населения сформировали представление о том, что как только ГЭС будет построена, ситуация в Таджикистане сразу улучшится. На заполнение водохранилища Рогунской ГЭС уйдет 12–15 лет. И здесь есть нюанс: для того чтобы набрать воду для Рогунской ГЭС, нужно ограничивать поступление воды в Нурекское водохранилище. Но Нурекская ГЭС обеспечивает электроэнергией практически весь Таджикистан. Это значит, что в стране могут возникнуть новые проблемы с обеспечением населения электроэнергией.

Кроме этого, даже если Таджикистану и удастся запустить две турбины на Рогунской ГЭС, то работать в ближай-

шие годы они не будут. Нет инфраструктуры — линий электропередач (ЛЭП) для поставок электричества хоть внутри страны, хоть на продажу за рубеж. Афганистан и Пакистан, как основные потребители центральноазиатской электроэнергии, де-факто отказались от покупки электричества. Можно попробовать договориться воссоздать Центральноазиатское энергетическое кольцо. Но дело в том, что Казахстан обходится своими силами, Узбекистан готовится к строительству АЭС совместно с Россией.

Отношения с Китаем

Республика Таджикистан географически граничит с Китаем и испытывает на себе влияние великого соседа, причем в последнее время это влияние все более заметно. Например, основным кредитором Республики Таджикистан в настоящее время является КНР, на которую приходится 1,2 млрд. долл. — это более половины общего объема внешнего долга Таджикистана.

Кроме того, Китай инвестирует в такие сферы хозяйства Таджикистана, как промышленность, энергетика, аграрный сектор, строительство, коммуникация, транспорт, усиливая свое влияние на таджикскую экономику. Вслед за инвестициями в Таджикистан приходят трудовые мигранты, поскольку практически все контракты включают в качестве главного условия использование китайской рабочей силы — строительство объектов и дорог ведут китайские компании с привлечением на работу китайских граждан. Это продуманная и четко выверенная государственная политика КНР.²⁹

По данным Миграционной службы Министерства труда

²⁹ Попов Д. С. Таджикско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии (РИСИ). 2019. № 4. С. 87-105.

Республики Таджикистан, численность китайских трудовых мигрантов растет. В 2016 году их число увеличилось на 30% и достигло 6,5 тыс. человек. В основном китайцы в Таджикистане работают в строительстве, на заводах, месторождениях и сельском хозяйстве. В Таджикистане существует квотирование на привлечение иностранной рабочей силы. В 2016 году общий размер квоты, выделенной правительством Республики Таджикистан для привлечения иностранных трудовых мигрантов, составлял 8 тыс. мест, из них на КНР приходилось 4 460 мест.

Скорее всего, именно китайская миграция подтолкнула власти Таджикистана создать миграционную службу для учета мигрантов и регулирования миграционных потоков, хотя в настоящее время служба скорее лишь осуществляет фиксацию миграционных потоков из КНР и распределяет квоты, чем активно формирует или контролирует китайские миграционные потоки. Реальным регулятором китайской миграции является поток инвестиций и кредитов в Таджикистан из КНР.

В таджикостанской экономике фиксируется еще один важный процесс – усиливается доля китайской собственности. В настоящее время китайские бизнесмены владеют многими индустриальными объектами и торговыми компаниями, являются совладельцами совместных предприятий, арендуют сотни тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. На территории Таджикистана функционирует более 100 китайских компаний в различных отраслях экономики. За последние шесть лет объем накопленных китайских инвестиций в экономику Таджикистана приблизился к отметке 500 млн. долл. Лидером среди совместных предприятий является таджикско-китайское золотодобывающее предприятие «Зарафшон»,

которое только в 2013 году инвестировало в национальную экономику свыше 60 млн. долл.

Кроме того, КНР купила у Таджикистана свинцово-цинковое месторождение Зарнисори шимоли в Матчинском районе Согдийской области. В соответствии с соглашением КНР обязалась инвестировать в проект 200 млн. долл. Китайская компания в течение четырех лет разработает и начнет строительство двух объектов — предприятия по переработке полиметаллов на месторождении Зарнисори шимоли с мощностью переработки 2 млн. т руды в год и металлургического завода мощностью 20 тыс. т свинца в год.

Для строительства таджикского участка газопровода из Туркменистана в Китай через территорию Узбекистана и Таджикистана привлечено более 10 тыс. китайских и таджикских рабочих. Количество таких специалистов определяется двусторонними межправительственными соглашениями. Благодаря инвестициям из Китая была запущена горно-обоганительная фабрика «Покруд» в Рамитском ущелье. Важно отметить, что из 715 рабочих этого предприятия 205 человек являются китайскими гражданами.

Китайским фермерам выделено порядка 2 тыс. гектаров земли в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области, а также в Кумсангирском (ныне Джайхунском) и Бохтарском районах Хатлонской области. Недавно Таджикистан передал фермерской организации ОАО «Цинян Инхай» на 49 лет еще около 500 гектаров земель в районах Яван, Абдурахмон Джоми и Джалолиддин Руми. По официальной версии Министерства сельского хозяйства Таджикистана, земли передаются для развития аграрного сектора, но зачастую эти действия наталкиваются на непонимание и противодействие местного населения.

Президент страны Э.Рахмон в 2018 году в Дангаринском районе Хатлонской области торжественно открыл первую очередь текстильного комплекса «Джунтай – Дангара Син – Силу Текстиль». Этот объект стал крупнейшим в Таджикистане по количеству новых рабочих мест и одним из самых значимых для развития производства за годы независимости страны. Предприятие состоит из четырех производственных очередей, в том числе прядильной, текстильной, покрасочной, пошивной. Общая производственная мощность предприятия составляет 52 тыс. т хлопка-волокна и 150 млн. кв. м хлопчатобумажной ткани в год. В случае запуска на полную мощность рабочими местами будут обеспечены более 6 тыс. человек (из них 80% - местные жители, а 20% - граждане КНР). Предприятие построено в сотрудничестве с инвесторами и специалистами КНР. С целью обеспечения производства местным сырьем, в том числе высококачественным хлопком, при поддержке правительства Таджикистана на основе плана строительства данного комплекса выделено более 14,5 тыс. га земли, на которой будет налажен сев хлопка для обеспечения потребностей предприятия в сырье.

Между тем известно, что технологии обработки земель, которые используют китайские фермеры, нарушают биологическое равновесие и экологическую ситуацию на локальном уровне. Массовое использование химических удобрений загрязняет почву и подавляет жизнедеятельность почвенной флоры и фауны. В результате земля приходит в негодность. Поэтому процесс развития сельского хозяйства Китая имеет и негативные последствия для Таджикистана.

Таджикистан передал Китаю в 2018 году золоторудное месторождение «Верхний Кумарг». Разрабатывать его будет китайская компания ТВЕА. Работы на объекте начнутся до

конца текущего года, сообщили в «Гаджикглавгеологии». Все полученные средства пойдут на погашение долга по кредиту, который понадобился на строительство теплоэлектроцентрали (ТЭЦ) «Душанбе-2». Государственный комитет по инвестициям и управлению госимуществом Таджикистана должен был представить на рассмотрение нижней палаты парламента страны проект инвестиционного соглашения между правительством Таджикистана и ТВЕА на разработку золоторудного месторождения «Верхний Кумарг», которое находится в Согдийской области.

После того, как нижняя палата парламента ратифицирует данное соглашение, китайская компания сможет приступить к разработке рудника. Ожидалось, что практические работы на объекте начнутся не позднее декабря 2018 года. Лицензия также предусматривает строительство обогатительной фабрики и добычу минералов. Ранее китайская сторона построила автодорогу, ведущую к месторождению, — 30 км. Работы проводились за счет ТВЕА.

Право на пользование рудниками китайской компании предоставлено для того, чтобы она вернула свои деньги, потраченные на возведение ТЭЦ «Душанбе-2». Общая стоимость проекта ТЭЦ «Душанбе-2» — 340 млн. долл., из которых 331 млн. долл. выделил в качестве льготного кредита китайский Эксимбанк, а 17,4 млн. долл. — таджикский холдинг «Барки Точик».

Ранее китайские компании получили лицензии на разработку в республике ряда месторождений. В частности, месторождения золота «Тарор», «Джилау», «Чоре» разрабатывает компания Zijin Mining, а «Пакрут» — China Nonferrous Gold Limited. Китай активно участвует в строительстве автомобильных дорог, с помощью которых Таджикистан стремится

расширить свои транспортно-коммуникационные возможности. Присутствие Китая в других отраслях не менее ощутимо. Обратной стороной этих процессов является растущая экономическая зависимость Таджикистана от КНР. Сегодня Пекин возглавляет тройку самых крупных торговых партнеров Душанбе.

Эксперты делают вывод, что экономическая экспансия усиливает политическое влияние Китая в Таджикистане. Таджикистан и Китай к 2020 году намерены увеличить товарооборот до 3 млрд. долл. Как считают в Душанбе, это не предел. При этом у Душанбе накопилось 1,2 млрд. долл. долга. Сумма предоставленных Поднебесной грантов на реализацию проектов в Таджикистане неизвестна. Власти Таджикистана не скрывают, что получили в лице Пекина более выгодного экономического партнера, чем Москва.

Наблюдатели считают, что Таджикистан уже попал в долговую зависимость от Пекина. А это может стоить республике потери суверенитета. Проблема заключается в том, что Китай выдает Таджикистану «дешевые» кредиты на льготных условиях и на продолжительный срок — от 20 и более лет. Взамен получает в разработку месторождения на более выгодных условиях, чем это могло быть в случае равноправного контракта. В целом это сотрудничество оформляется как китайско-таджикские предприятия, но де-факто все они переходят под китайский контроль. Таджикская сторона играет в них скромную роль статиста. Большая часть прибыли уходит китайской стороне. Надо отметить, что это делается с согласия властей Таджикистана. Это их выбор, отчасти вынужденный.

Ключевой аспект политики Пекина — экономическая экспансия, доступ к ресурсам, рынкам. Но по мере расширения присутствия в регионе, и в частности в Таджикистане, ки-

тайская сторона посылает сигналы и политического толка, поскольку политика от экономики неотделима. Где идет китайское финансирование, там продвигаются китайские интересы. Экономическая экспансия усиливает политическое влияние. Одно из трех главных направлений развития Китая — это предотвращение финансовых пузырей.

Китайский фактор также связан с активностью в РТ Японии. Токио крайне озабочен обостряющимися в мире водными проблемами, включая проблему очистки воды. Внимание Японии к водному кризису в регионе Центральной Азии усилилось под влиянием таких событий, как начавшееся исчезновение Аральского моря, таяние ледников и возможность использования воды Сарезского озера. Япония приняла участие в развитии водного хозяйства Таджикистана. Большинство проектов были направлены на развитие системы водоснабжения на территории страны, улучшение доступа к чистой воде и снижение риска распространения в местных сообществах болезней, передаваемых через воду. Однако не все эти проекты продолжают работать после их передачи местным властям.

Правительство Таджикистана хотело бы, чтобы Япония участвовала и в других, стратегических проектах (Рогунская ГЭС и CASA-1000). Эти проекты могут значительно улучшить перспективы устойчивого развития Таджикистана и стабилизировать энергоснабжение в соседних государствах. Намерение реализовать эти проекты — основной источник противоречий между государствами региона, что и препятствует японским инвестициям. С другой стороны, участие Японии в стратегических проектах, способных усилить ее роль в Таджикистане и в регионе в целом, зависит от развития в ближайшем будущем отношений между государствами региона.

Перспективы развития

По мнению специалистов, современный Таджикистан сталкивается с тремя основными проблемами (не считая сохраняющего сложного положения в социально-экономической сфере). К этим проблемам относятся: 1) сохранение латентной угрозы со стороны религиозного экстремизма и социального взрыва; 2) ситуация в Горно-Бадахшанской автономной области; 3) проблема Рогунской ГЭС. Ряд экспертов уже бьют тревогу по поводу нарастания негативных последствий т.н. «китайского фактора».

Официальный Душанбе в последнее время активно пропагандирует собственные экономические достижения. Более 5 млрд. долл. иностранных инвестиций поступили в таджикскую экономику за последние пять лет. Из них 2 млрд. долл. — прямые иностранные инвестиции. Средства, по словам Э.Рахмона, были направлены на производство промышленной продукции, в строительный сектор, в энергетическую инфраструктуру и туризм.

Однако, ситуация в социальной сфере у специалистов вызывает определенную тревогу. Особенно это касается молодежного фактора. Большая часть молодежи (73%) живет в сельской местности. Подавляющее большинство — 98% проживает вместе с родителями, даже если они уже создали собственные семьи и имеют детей. Уровень доходов невысок, соответственно очень сильна зависимость от старшего поколения, которую, однако, не следует преувеличивать, так как молодежь живет в условиях постоянных изменений и социальных экспериментов.

Если Иран привлекает молодых людей сохранением общего с таджиками культурного наследия, а также помощью,

которую Иран оказывал народу Таджикистана в самое трудное время, то Китай представляет собой пример динамичного экономического развития. В то же время стремительный рост взаимосвязей с Китаем в рамках реализации глобального логистического проекта КНР «Один пояс, один путь» имеет не только положительные стороны, но и вызывает опасения потери суверенитета.

Что касается стран Центральной Азии, то больше всего молодых людей хотели бы развивать отношения с Казахстаном. Наиболее интересным представляется отношение населения РТ к России и Китаю. Таджикистан является одной из стран, максимально вовлеченной в реализацию новой интеграционной инициативы КНР «Один пояс, один путь». В рамках этого глобального логистического проекта КНР инициирует создание транзитного коридора через всю Евразию, а также «Морского Шелкового пути XXI века». Под влиянием нового Шелкового пути Таджикистан, ранее ориентированный на Север, разворачивается на Юг и Восток, осуществляя интеграцию в международные транспортные сети.

Что касается формирования в Таджикистане массового молодежного движения, то здесь мы наблюдаем ситуацию аналогичную той, которая складывается с другими общественными движениями в других постсоветских странах. Таджикская молодежь в своем большинстве равнодушна к политике. Основная масса молодежных объединений сосредоточена в Душанбе. При этом мощного молодежного движения, претендующего на влияние в политике, в годы независимости не сложилось.

Соперничество между различными террористическими и экстремистскими организациями и группировками захватывает весь мир. Это создает проблемы и угрозы для Цен-

тральной Азии, в том числе и для Таджикистана. Это обстоятельство приобретает особое значение для Таджикистана в контексте ситуации в Афганистане после вывода коалиционных сил и многочисленности граждан Таджикистана, вовлеченных в деятельность «Исламского государства» и выступающих за распространение его идей в Центральной Азии. По мнению ряда экспертов, наиболее реальная угроза исходит от молодых таджикистанцев, которые привлекаются в экстремистские группировки. В настоящее время сотни молодых граждан республики находятся в Сирии, Пакистане и Афганистане. Часть молодежи в годы гражданской войны в республике и после нее остались в стороне от школы и образования. Некоторые другие растут вдали от родителей, которые вынуждены работать за пределами республики, чтобы прокормить свои семьи. Такие условия упрощают обращения молодежи к экстремистским группировкам.

В последнее время ситуация изменилась: под влиянием социальной среды все больше молодых людей уходит в религию. Сегодня в Таджикистане на тысячу человек приходится до восьми мечетей. С молодежью работают в основном проповедники из соседнего Афганистана, формируя исламских радикалов во многом благодаря нищете уммы. В то время как многие страны мира сталкиваются с проблемой быстро стареющего населения, 70% населения Таджикистана находятся в возрасте до 30 лет. Средний возраст гражданина Таджикистана – 25 лет, и около 2,7 млн. человек, или 35 процентов населения, находятся в возрастном промежутке от 14 до 30 лет.

По данным Национальной программы по социальному развитию молодежи в Республике Таджикистан на период 2013-2015 годов, 55% молодежи в Таджикистане считаются

безработными. Эта цифра явно говорит о том, что существует большой разрыв между официально зарегистрированной безработицей (2,5%) и реальностью.

Одной из специфических черт проявления исламского фактора в Таджикистане являлась долгое время легальная деятельность политической партии исламского характера — ПИВТ. Следует отметить, что Таджикистан — единственное среди постсоветских государств, на территории которого официально была разрешена почти 20 лет деятельность партии религиозного характера. Наряду с этим в Таджикистане активно действовала «Хизб ут-Тахрир» и неоднозначное движение «Салафия».

Ситуация на Памире остается сложной. ГБАО, обладая огромными природными богатствами, до сих пор бедный регион. На Памире сильно влияние бывших полевых командиров, участвовавших в гражданской войне 1990—1997 годов на стороне Объединенной таджикской оппозиции против Народного фронта, одним из лидеров которого был будущий президент Эмомали Рахмонов. Сегодня власти обвиняют экс-командиров в причастности к контрабанде и наркоторговле. Неофициальные источники считают одной из причин конфликтов в ГБАО борьбу за контроль над наркотрафиком. Ожидается, что неформальные лидеры переведут все свои действия в правовое поле, «очерченное» центральной властью. Информированные источники сообщили также о том, что Хорог лишится права самостоятельно выстраивать экономические отношения с приграничными регионами Афганистана и Душанбе возьмет под свой контроль всю финансово-экономическую деятельность региона.

При этом в Бадахшане работают только китайские инвесторы. Власть им отдала серебряный рудник Бозор-Дору,

разработку рубиновых месторождений. Безработица среди местного населения абсолютная. Если бы не Россия и не отток грамотного (а Бадахшан всегда отличался хорошим образованием) населения на заработки, то здесь давно произошла бы социально-экономическая катастрофа.

По словам политологов, сближение происходит не на религиозной почве — памирцы дистанцируются от политического ислама. Информационный резонанс сыграл свою положительную роль: силовики, предлагавшие Э.Рахмону усмирить автономию силой, не учли фактор быстрой мобилизации населения ГБАО и то, как происходящее освещается в мировых СМИ. Положительную роль сыграла активизация и таджикской оппозиции в Европе. Душанбе опасается того, что таджикская оппозиция за рубежом консолидируется с бадахшанской и поддержит социальный протест ГБАО.

Таджикистан располагает наибольшими среди указанных республик запасами водных ресурсов, которые аккумулированы в многочисленных ледниках, реках, озерах и подземных водных системах. На его территории формируется около 60% водных ресурсов всего региона. Однако из-за устаревшей инфраструктуры, ограниченности финансовых ресурсов и недостаточности технического потенциала страна сталкивается с существенными трудностями. Ее проблема состоит в отсутствии не столько воды, сколько необходимых договоренностей, которые позволят более эффективно использовать имеющиеся водные ресурсы. И хотя Таджикистан в сфере государственной политики нередко ставит экономические интересы выше экологических, нельзя не отметить его стремление к проведению политики «открытых дверей», которая основана на консенсусе, совместном обсуждении и действенном политическом диалоге при решении всех вну-

тригосударственных и международных вопросов. Ситуация вокруг Рогунской ГЭС, чье предварительное открытие состоялось в середине ноября 2018 г., остается неясной.

Как отмечалось выше, специалисты начинают бить тревогу в связи с усилением т.н. «китайского фактора» в Центральной Азии, в первую очередь — в РТ. Развитие китайско-таджикских экономических отношений, рост торгового оборота между двумя странами, увеличение китайских инвестиций влекут за собой увеличение миграционного притока китайских граждан в Таджикистан. КНР проводит четкую экономическую политику, увязывая предоставление кредитов и инвестиций с увеличением занятости китайских трудовых мигрантов.

В свою очередь, китайские мигранты становятся потребителями и дистрибьюторами китайских продуктов в странах Центральной Азии, что позволяет КНР осуществлять постепенную экспансию рынков потребительских товаров в регионе.

По сути, в Таджикистане и других государствах Центральной Азии мы наблюдаем санкционированную китайскими властями политику, направленную на расширение экономического влияния КНР в регионе через потребительские рынки и трудовую миграцию. Это также подтверждается существованием большого количества миграционных сервисов (фирм), оказывающих помощь китайцам в переезде в страны Центральной Азии. Опросы среди китайских трудовых мигрантов, работающих в Таджикистане, показывают, что многие из них неоднократно посещали Таджикистан и раньше не один год проживали на его территории.

Это свидетельствует о том, что китайская миграция формируется на основе «модели торгового меньшинства»: увеличение численности мигрантов из Китая идет параллельно с

расширением китайских рынков сбыта. Наглядными примерами реализации данной модели являются два крупнейших торговых рынка в Душанбе – «Корвон» и «Хитой бозор». Китайские рынки выполняют функции точек опоры экономического освоения новых пространств, структурирования китайских сообществ, и, в конечном счете, усиления влияния КНР на страны Центральной Азии.

Подчеркнем, что значительное присутствие китайских общин в странах-соседях не только позволяет КНР избавиться от переизбытка населения и трудовых ресурсов, обеспечить своих граждан работой, но и расширить экономическое присутствие, рынки сбыта, создать благоприятные условия для экспорта китайских товаров, а также получить доступ к сырьевым ресурсам в близкорасположенных регионах.

Получив независимость после распада СССР, Таджикистан остается в орбите влияния РФ и одновременно ищет свое место в мире, формируя новую идентичность. Современность вторгается в жизнь Таджикистана разными путями. Масштабная миграция, расширение коммуникационных и экономических связей с различными странами, Интернет меняют жизнь людей, втягивают их в орбиту действия самых различных сил, предоставляют новый социальный опыт и, тем самым, меняют их воззрения, поведенческие привычки, ценности, образ жизни и мыслей.

Подавляющее большинство населения Таджикистана выбрали Российскую Федерацию в качестве ориентира для развития. В то же время, молодежь РТ поддерживает курс Таджикистана на сотрудничество с Китаем и участие в реализации проекта «Один пояс, один путь». Однако, несмотря на доброжелательное отношение населения к Китаю и его деятельности, в стра-

не молодежь сохраняет четко выраженную ориентацию на Россию.

Несмотря на относительно скромный экономический и политический вес Таджикистана в масштабах Центральной Азии, тем не менее, эта республика имеет критическое значение для сохранения безопасности и стабильности региона. В интересах Казахстана поддерживать суверенитет, стабильность и экономическое возрождение РТ.

Казахстан является одним из главных торговых партнеров Таджикистана. Нур-Султан и Душанбе способны наладить эффективное сотрудничество на трех основных направлениях: безопасность, энергетика, интеграция.

В области безопасности крайне настоятельным является налаживание полноценного взаимодействия для предотвращения наркотрафика, терроризма и нелегальной миграции. Подобное сотрудничество подразумевает не только двустороннее сотрудничество, но и взаимодействие в международном формате. Нур-Султан и Душанбе должны продолжать координацию внешнеполитических позиций и в рамках международных организаций, членами которых они являются: ООН, ОБСЕ, СНГ, ранее - ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, ОИС, ОЭС и СВМДА. Необходимо продолжать также военно-техническое сотрудничество.

В торгово-экономической и инвестиционной области РК и РТ вполне могут успешно сотрудничать на таких направлениях, как горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство и транспорт. Предполагается, что Казахстан мог бы инвестировать в различные проекты в этих отраслях.

В сфере трудовой занятости и миграции перед сторонами стоит задача направить использование трудовых мигрантов в

русло официальной запланированной политики с учетом экономического развития и потребностей народного хозяйства. Это подразумевает, с одной стороны, квотирование рабочих мест, с другой — облегчение визового режима и разрешительной системы на трудовую деятельность.

В сфере энергетики Таджикистан представляет собой важное звено с точки зрения дальнейшего развития региональной интеграции. Необходимо поддерживать усилия Душанбе, а также Москвы и Бишкека с целью развития таджикской гидроэнергетики (с объективным учетом справедливых интересов всех сторон в речных стоках). Таким образом, основными объектами инвестиционной активности Казахстана и казахстанского бизнеса являются банковская сфера, горнорудная промышленность и энергетика.

По-прежнему сохраняет свое значение поддержание тесных культурных и гуманитарных связей между обеими республиками. Таджикистан нуждается в помощи Казахстана в форме подготовки своих граждан в вузах РК. И наконец, Таджикистан представляет собой хотя и небольшое, но необходимое звено в продолжении интеграционных процессов в Центральной Азии.

Глава 4. Туркменистан

Туркмения, с населением около 5,5 млн. человек, обладает богатейшими углеводородными ресурсами и занимает четвертое место в мире по запасам газа (оцениваются в 19,5 трлн. куб. м). После обретения независимости экспорт «голубого топлива» стал основой экономики республики, и, начиная с середины 1990-х годов, диверсификация маршрутов его поставок на внешние рынки приобрела приоритетное значение во внешнеэкономической политике Ашхабада.

В этот период зародились планы строительства газопровода в Южную Азию (ТАПИ) и Транскаспийского газопровода (ТКГ) для транспортировки туркменского сырья в Европу. На протяжении последних двух десятилетий эти проекты оставались фактически на уровне деклараций о намерениях, однако в последнее время они стали приобретать определенные реальные очертания.

В последние годы Туркмения переживает серьезные экономические трудности, которые, как считают эксперты, могут привести к тяжелым социально-политическим последствиям. Пик экономического кризиса пришелся на 2014—2016 гг. и в решающей степени был обусловлен сокращением доходов от продажи газа — основного источника поступлений в бюджет страны. Это было обусловлено не только снижением мировых цен на углеводородное сырье, но и сокращением объема экспортных поставок туркменского газа.

По мнению экспертов, при Г.Бердымухамедове возникли новые шансы для развития среднего класса, а также открылись новые возможности для либерализации в системе высшего образования. Наиболее зна-

чимыми государственными программами в экономической сфере являются: Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана на 2011—2030 гг.; Национальная программа Президента по преобразованию социально-бытовых условий населения сел, поселков, городов этрапов и этрапских центров на период до 2020 г.

В международном положении Ашхабад по-прежнему делает ставку на нейтралитет, но ему приходится сталкиваться с новыми угрозами и рисками т.н. «посткрымской эпохи», особенно исходящими из Афганистана. Другой стратегический поворот Туркменистана связан с переориентацией на Китай в сфере энергетической политики. Но в результате Ашхабад оказался в роли заложника китайской стратегии в этой сфере. Однако, развитие китайско-туркменских отношений в данной области меняет общий континентальный контекст мировой энергетической политики.³⁰

Изменив систему власти в Туркменистане, Г.Бердымухамедов, тем не менее, сохранил полный контроль над ситуацией. Внутренняя оппозиция в стране не возникает. А внешняя оппозиция, из давно покинувших страну чиновников и интеллигентов, не имеет в стране никаких позиций. Впрочем, это не означает, что в Туркменистане не может быть неожиданностей.

Экономическая дипломатия

За годы президентства Г.Бердымухамедова картина газового экспорта значительно изменилась. Главным партнером стал Китай. Как считает ряд экспертов, президент

³⁰ Laruelle M. (ed.) Turkmenistan: Changes and Stability under Berdimuhamedow. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 55 p.

Г.Бердымухамедов не внес ничего принципиально нового в туркменскую внешнюю политику. На фоне развернувшейся в 2000-е гг. борьбы за туркменский газ и маршруты его транспортировки, западные страны стали гораздо более лояльны к туркменскому президенту. Корректировки в политической системе страны спешили объявить демократическими реформами в правильном направлении. Г.Бердымухамедову удастся поддерживать баланс и в отношениях с региональными игроками — Турцией, Ираном, монархиями Персидского залива. Он также добился огромного прогресса в отношениях с Китаем. Напряженность в отношениях с Азербайджаном и Узбекистаном была снята, хотя потенциал для их ухудшения остается. Но главным вопросом для национальной безопасности Туркменистана остается Афганистан.

Провозглашенная странами Центральной Азии многовекторность внешней политики вовсе не тождественна ее равновекторности. Туркменистан уделяет важное значение (несмотря на паузу в отношениях) стратегическому партнерству с Россией, в т.ч. с ее отдельными регионами, крупнейшими промышленными, научно-образовательными и культурными центрами. В настоящее время во внешнеполитической деятельности Ашхабада резко обозначилось преобладание восточного вектора, связанное, в первую очередь, с превращением Китая в главного партнера Туркмении. Туркменистан из всех, пожалуй, стран региона ЦА является наиболее приверженным сторонником китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути» (Один пояс, один путь) как новой модели регионального сотрудничества, проявляет готовность к взаимодействию на этом направлении и участвует в проводимых КНР мероприятиях.

Турция, хотя и не является ближайшим соседом по региону, — особый стратегический партнер, с которым Туркменистан связывает общность истории, культуры, языка, духовных ценностей. В отношениях с Афганистаном основным приоритетом туркменской внешней политики остается поддержание добрососедских отношений, а ключевой темой переговоров являются перспективы наращивания двусторонних связей в экономическом секторе, а также в сфере ТТИ и ТЭК. В двусторонних отношениях с Ираном приоритетными направлениями сотрудничества обозначены ТТИ, торгово-экономическая сфера, строительство, текстильная отрасль, химическая промышленность, сельское хозяйство, производство продуктов питания и др. Кроме того, уделяется большое внимание возможностям активизации деловых отношений на уровне малого и среднего бизнеса.

Ашхабад уделяет первостепенное внимание развитию отношений дружбы и взаимовыгодного сотрудничества со странами СНГ. В связи с церемонией открытия железной дороги «Казахстан – Туркменистан – Иран», между двумя странами были подписаны: соглашение о сотрудничестве в сфере морского транспорта, меморандум о создании международной транзитной телекоммуникационной системы «Туркменистан – Казахстан», соглашение о создании делового совета, соглашение о сотрудничестве между Балканским велаятом Туркменистана и Мангистауской областью Казахстана и др.

С Бишкеком была достигнута договоренность о поддержке проекта строительства газопровода по маршруту «Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Кыргызстан – Китай». Стороны договорились также активизировать совместную работу в сфере производственной кооперации, агропромышленного комплекса, связи и коммуникаций — как по линии го-

сударственных структур, так и бизнес-сообществ двух стран, выйти на новые перспективные направления сотрудничества. В ходе переговоров была достигнута договоренность о координации действий в вопросах борьбы с экстремизмом, трансграничной организованной преступностью, наркотрафиком.

Наблюдается в последние годы интенсификация отношений между Ашхабадом и Душанбе. Таджикистан закупает у Туркменистана нефтепродукты, сжиженный газ, рафинированное хлопковое масло, цемент. В свою очередь, Туркменистан импортирует из Таджикистана товары народного потребления, алюминий и изделия из него, сельскохозяйственную продукцию.

Основным направлением взаимовыгодного сотрудничества Туркменистана и Беларуси является торговля. Приоритеты двустороннего сотрудничества включают такие направления, как химическая промышленность, машиностроение, металлургия, текстильная и пищевая индустрия, сельское хозяйство, культурно-гуманитарные связи, прежде всего в области образования, науки и прикладных исследований, медицины и здравоохранения. С Азербайджаном основная сфера двустороннего сотрудничества — ТЭК и диверсификация маршрутов транспортировки природного газа, в т. ч. прокладка транзитных газопроводов.

Важнейшим направлением внешнеполитической стратегии Туркменистана является налаживание продуктивного диалога с государствами АТР. Среди этих стран необходимо особо отметить Республику Корею, которая активно взаимодействует с Туркменистаном в области энергетики, транспорта и в сфере высоких технологий. Туркменистан проводит чрезвычайно активную внешнюю политику и ставит перед собой очень масштабные задачи, осуществить которые в одиночку

было бы не под силу даже и более крупному индустриально развитому государству. Туркменистан предпочитает двусторонний формат партнерства, но, в то же время, многие из реализуемых амбициозных проектов, особенно в ТЭК и ТТИ возможны только в многостороннем формате и с поддержкой региональных партнеров.

Главным ограничителем на международной арене и в вопросах военного сотрудничества Туркмении остается провозглашенный в 1995 году нейтралитет, который предполагает отказ от участия в войнах, а в мирное время — неучастие в военных блоках. Сегодня туркменские власти пытаются заручиться поддержкой России, США и соседей по региону в сдерживании афганских угроз, но, прежде всего, полагаются на собственные ВС.

Такой подход обусловлен не только политикой нейтралитета, но и нежеланием чрезмерно усиливать военное влияние какой-либо страны, которая, как и в любом другом центральноазиатском государстве, может нарушить баланс сил, старательно поддерживаемый властями региона.

Туркмения, объявившая о своем нейтралитете, не является членом какого-либо военно-политического блока. В Москве же полагают, что обострение ситуации в этой стране может дестабилизировать всю Центральную Азию. На севере Афганистана ситуация сильно усугубляется, за три года число атак на граничащем с Туркменистаном севере выросло в 17 раз. Для России сфера безопасности и военного сотрудничества в Центральной Азии является темой особенной чувствительности, поэтому важной задачей будет демонстрация восстановления и улучшения отношений России и Туркменистана.

Как и для других республик региона, для Туркменистана актуальной остается угроза, исходящая из Афганистана. Хотя

конструктивная работа Ашхабада с приграничными провинциями создает позитивную атмосферу, но вопрос стабилизации лежит в плоскости геополитического характера. Активность военных группировок в регионе, как предполагают аналитики, связана с противодействием строительству газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия).

Туркменистан, по мнению экспертов, может отказываться от российской помощи еще и потому, что она ему уже обещана коалицией НАТО в Афганистане: Запад, надо полагать, не допустит сколько-нибудь массивного наступления на Туркменистан. В эскалации напряженности не заинтересован амбивалентный к России Иран, который также готов оказать Туркменистану помощь.

Наиболее острой остается для Ашхабада проблема резкого ухудшения социально-экономической ситуации в стране, падение экспортной выручки от продажи газа. В настоящее время единственным покупателем туркменского газа остался Китай. Действующие нитки газопровода работают еще не в полную силу. Пропускная способность газопроводов А и В составляет сейчас по 15 млрд. м³ газа, а С - 25 млрд. м³. Общая пропускная способность трех газопроводов, по которым туркменский газ идет в Китай, составляет 55 млрд. м³ газа. Они проходят через Узбекистан и Казахстан, которые тоже являются газодобывающими странами. Оба государства поставляют в КНР по 10 млрд. м³ газа в год, но Нур-Султан уже заявил, что хотел бы продавать Пекину больше голубого топлива. Так что на долю Туркменистана остается лишь 35 млрд. м³ газа в год. По оценкам специалистов, Ашхабад поставил Пекину порядка 30 млрд. м³. В ближайшем будущем, если и произойдет увеличение поставок, то максимум на 5 млрд. м³.

Отношения Туркменистана и России в прошлом определялись двумя факторами мягкой силы. Это соглашение о двойном гражданстве, действие которого истекло в 2014 году, и экономическое сотрудничество, главной составляющей которого была покупка туркменского газа Россией, прекращенная в январе 2016 года. Отсутствие этих факторов обернулось потерей влияния России на Туркменистан.

Таким образом, между Москвой и Ашхабадом не устранены те противоречия, из-за которых туркменская сторона считает себя ущемленной — речь об отказе «Газпрома» закупать туркменский газ, согласно договору, заключенному на 25 лет. Россия, которая закупала у Туркменистана более 40 млрд. куб. м газа в год, сократила объем закупок до 10–12 млрд. куб. м газа, а потом и вовсе отказалась от туркменских углеводородов. Тем самым, главный интерес Ашхабада заключается в том, чтобы — уже не в первый раз — убедить руководство «Газпрома» в необходимости возобновить экспорт в Россию.

С другой стороны, Россия пытается привязать Туркменистан к своему ВПК. В условиях кризиса российское вооружение для Туркменистана, как правило, идет по лизингу. И России, и Туркменистану выгодно сохранять такого рода контакты. Кроме того, сотрудничество в оборонной сфере компенсирует участие Туркменистана в ОДБК и ШОС. Однако говорить о создании с Ашхабадом единой системы противовоздушной обороны рано, поскольку Туркменистан всячески старается избегать участия в каких-либо альянсах.

Таким образом, Ашхабад остается с 35 млрд. м³ китайского газа в год, часть которого поставляется в счет оплаты кредитов. В перспективе на будущее десятилетие крупных газовых проектов не предвидится.

Очевидно, что Ашхабад будет стараться решить проблему экспортных трубопроводов для своего газа. Европейский рынок в этом контексте давно привлекает Туркменистан, тем более, что уже многие годы идут заманчивые предложения (антироссийского и антииранского характера) от Вашингтона и Брюсселя.

По мнению экспертов, проблема заключается в отсутствии системы, посредством которой 30–40 млрд. куб. м туркменского газа можно будет поставлять в Европу ежегодно. В условиях кризиса, когда у сторон нет средств на строительство инфраструктуры, более реальным видится вариант с использованием экспортной мощности Азербайджана. Баку не возражает против такого сотрудничества, но ожидает разрешения в свою пользу спора по вопросу принадлежности газоносного месторождения на Каспии.

Это происходило на фоне ухудшения отношений Ашхабада с Тегераном. Газовый спор между Ираном и Туркменистаном ужесточается. Тегеран предлагает Ашхабаду снизить цену на газ и возобновить поставки.

Поддаваясь на обещания США и ЕС, Ашхабад делает ставки на проекты, изначально противоречащие интересам Ирана — Транскаспийский газопровод (по дну Каспия) и ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия). Первый, создает конфликтную ситуацию с Россией. При этом в Ашхабаде ведут себя вне категорий реальной политики, не понимая, что помимо мифических денег за экспорт газа по этим направлениям такое решение создаст серьезные проблемы самому Туркменистану.

Под предлогом подготовки к Азиаде-2017 глава Туркменистана расправился со скрытой оппозицией. По мнению наблюдателей, многие из осужденных по происхождению

принадлежат к марыйской элите (Марыйский вилайт), состоящей в скрытой оппозиции к находящемуся у власти ахалскому клану. Г.Бердымухамедов таким образом решил избавиться от возможной политической оппозиции.

В 2017 году Г.Бердымухамедов обратился к вопросу социальных льгот населения Туркменистана. Он заявил, что считает неэффективной действующую систему, а потому ее необходимо отменить. Как предполагают аналитики, в обозримом будущем в Туркменистане перехода к рынку не будет, так как он подразумевает ослабление части государственного контроля над обществом, экономической жизнью и деятельностью бизнеса.

Транспортно - коммуникационная стратегия

Энергетические и транспортные проекты находятся на особом контроле у туркменского президента. Эти проекты имеют для Г.Бердымухамедова не только экономическое и коммерческое значение, они уже стали важной геополитической игрой. В транспортной отрасли национальная программа призвана не только создать развитую сеть транспортных артерий внутри страны, но и вывести на качественно новый уровень экономическое и торговое сотрудничество между странами Азии и Европы. ТЭК Туркменистана — это, как видится Ашхабаду, не только стратегически значимая составляющая национальной экономики, но также важное звено формирования глобальной системы энергетической безопасности.

Введенная в эксплуатацию транснациональная железнодорожная магистраль Казахстан - Туркменистан - Иран способна транспортировать до 10-12 млн. тонн грузов и создает возможность подключения к транспортной инфраструктуре

в восточном и южном направлениях с выходом на активно развивающиеся рынки. Туркменистан считает, что необходимо сосредоточить усилия на максимальной реализации потенциала, открывающегося перед государствами Центральной Азии и Каспийского региона в связи с осуществлением этих крупных транспортных проектов. Использование возможностей железных дорог Казахстан - Туркменистан - Иран и Туркменистан - Афганистан - Таджикистан в контексте оптимизации транспортных потоков на евразийском пространстве, а также комбинированного автомобильного, железнодорожного и морского сообщения с учетом большого потенциала транспортно-коммуникационной сети Центрально-Азиатского, Каспийского, Черноморского и Балтийского регионов имеет большое значение в целях эффективного функционирования коридоров Юг — Север и Восток - Запад.

Кроме этого, в железнодорожной сфере Туркменистаном и его партнерами уже реализован ряд крупных проектов — строительство железной дороги Теджен - Серахс - Мешхед, открывшей кратчайший выход на транспортную сеть Ирана, Турции, Ближнего и Дальнего Востока, железнодорожного моста Керки - Керкичи, перекинутого через крупнейшую водную артерию региона — реку Амударья, и др. Помимо наращивания потенциала международного железнодорожного сообщения, новые стальные магистрали способствуют динамичному развитию и внутренних регионов страны. Построены такие важные железнодорожные артерии, как Теджен - Серахс, Дашогуз - Куняургенч, железнодорожная линия Ашхабад - Каракумы - Дашогуз, построена вторая железнодорожная линия Туркменабат - Керки.

Следует подчеркнуть значение для Ашхабада проекта ТАПИ в качестве очередного действенного шага в реали-

зации энергетической стратегии Туркменистана, ключевыми аспектами которой являются комплексная модернизация национального ТЭК, наращивание его потенциала с расчетом на перспективу, создание диверсифицированной системы транспортировки энергоносителей на мировые рынки при обеспечении баланса интересов производителей, транзитеров и потребителей.

За последние годы подвижной состав железнодорожного транспорта страны полностью обновился, приобретено более тысячи новых пассажирских и грузовых вагонов. Придается большое значение развитию инфраструктуры сферы морского и речного транспорта. Ведется комплексная работа по совершенствованию пассажиро- и грузоперевозок, развитию портов и портовых пунктов, систематизации государственного надзора за безопасностью судоходства.

Для доставки нефти и природного газа на международные рынки приобретены и введены в эксплуатацию танкеры «Sumbar», «Nazar», «Jezhun», «Bitarap», «Etrek», «Kenar», «Alaja», соответствующие мировым стандартам, предъявляемым к судам такого класса. Последовательно модернизируется авиапарк и формируется разветвленная сеть воздушных перевозок. Постоянно развивается и расширяется география авиамаршрутов.

По мнению Ашхабада, Центральная и Южная Азия — пространство для активного международного сотрудничества. Реализация проектов в этих направлениях открывает колоссальные перспективы для оптимизации транспортных, энергетических и гуманитарных связей на евразийском пространстве.

Иран видит в сотрудничестве с Туркменистаном возможность повысить собственную роль и влияние, прежде всего

в сфере экспорта энергоносителей. Для Туркменистана, как считают в Тегеране, отношения с Ираном также важны сразу в нескольких сферах. Иран может служить главным коридором, через который страна получит выход к Мировому океану. Для энергетического сектора Туркменистана Иран может иметь значение не только как потребитель и рынок сбыта – он также способен сыграть важную роль в обеспечении этого сектора необходимыми техническими знаниями и компетенциями.

Успешное завершение строительства и запуск в эксплуатацию инфраструктуры железнодорожного сообщения между Ираном, Туркменистаном и Казахстаном через восточное побережье Каспийского моря, создаваемой для того, чтобы обеспечить странам Центральной Азии доступ к Персидскому и Оманскому заливам, открывает также дополнительные возможности для углубления их сотрудничества, поскольку эти железнодорожные пути могут выступать как маршруты для доставки нефти и газа на мировые рынки. И хотя на связи между Ираном и Туркменистаном по-прежнему влияют отношения Ирана с Соединенными Штатами, но успех ведущихся переговоров между Туркменистаном и ИРИ, безусловно, позволит поднять туркмено-иранские отношения на новый уровень.

Продвижение ТАПИ

Газопровод из Туркмении в страны Южной Азии должен быть проложен от крупнейшего туркменского газового месторождения Галкыныш до границы с Афганистаном в районе бывшей Кушки, затем через весь западный и южный Афганистан выйти на границу с Пакистаном недалеко от

пакистанского города Кветта и далее протянуться до границы с Индией. Общая протяженность трубопровода ТАПИ должна составить 1814 км, из которых 774 км приходится на территорию Афганистана. Проектная пропускная мощность магистрали составит 33 млрд. куб. м в год, ввод в эксплуатацию намечен на 2019—2020 гг.

С самого начала возникновения этого проекта в 1990-ые годы безопасность его строительства, а в дальнейшем — функционирования на территории Афганистана вызывала большие сомнения. Ситуация в этой стране, где не прекращаются боевые действия и террористические акты, отпугивала потенциальных инвесторов. Сложности с финансированием проекта стали главным препятствием для реализации ТАПИ. В настоящее время его стоимость оценена в 10 млрд. долл. (при этом речь идет лишь о прокладке трубопровода, без учета затрат на инфраструктурные объекты, которые, по мнению экспертов, могут потребовать еще 15 млрд. долл.).

«Туркменгаз» является оператором проекта и держателем 85% акций в строительном консорциуме TAPI Pipeline Company. Соответственно, он должен привлечь финансирование, равное своей доле, то есть 8,5 млрд. долл. Необходимых средств у Ашхабада, судя по всему, нет. Власти Туркмении смогли выделить лишь 45 млн. долл. на постройку 214 км трубопровода на своей территории.

Другие участники консорциума — афганская AGS, пакистанская Inter State Gas Systems (ISGS) и индийская GAIL, имеющие по 5% акций — не сообщают, сколько готовы потратить на реализацию проекта. Однако в последние годы Ашхабаду удалось заручиться поддержкой ряда международных финансовых организаций, заявивших о готовности участвовать в финансировании ТАПИ.

Так, в 2016 г. власти республики сообщили о получении от Исламского банка кредита в размере 700 млн. долл. Туркмения также возлагает надежды на Азиатский банк развития, совет директоров которого в 2017 г. одобрил пятилетнюю стратегию партнерства с Туркменией, включающую, помимо прочего, помощь для строительства ТАПИ. В мае 2018 года поступила информация о намерении Саудовской Аравии выделить средства на этот проект.

Следует отметить, что проект ТАПИ изначально имел не только важное экономическое значение, в первую очередь для Туркмении и Афганистана, но и явно выраженную геополитическую окраску. Лоббируемый США, он был направлен на создание транспортных газовых потоков из стран ЦА, альтернативных российскому направлению, что должно было способствовать отрыву центральноазиатских стран от РФ. Осознавая это, Москва не раз, но безрезультатно заявляла о готовности участвовать в проекте. Лишь в декабре 2017 г., вскоре после визита В.Путина в Туркмению, Г.Бердымухамедов обратился к российскому президенту с предложением принять участие в проекте.

Вступление РФ в проект ТАПИ могло бы укрепить безопасность трубопровода и в целом усилить влияние России в регионе. Однако в Москве пока не спешат принять окончательное решение по этому вопросу. По словам российского президента, «нужно посмотреть, насколько реализуемы эти проекты». (Нельзя исключать, что участие РФ в проекте ТАПИ обсуждалось в ходе встречи В.Путина и Г.Бердымухамедова в Сочи в августе 2018-го года).

При этом ТАПИ становится одним из факторов регионального сотрудничества в Центральной Азии: проект поддержали Узбекистан и Казахстан, руководители которых за-

явили о намерении рассмотреть перспективы своего участия в этом проекте. В частности, после официального визита Г.Бердымухамедова в Узбекистан в апреле 2018 года президент Узбекистана Ш.Мирзиёев дал поручение направить в Туркмению делегацию для переговоров о параметрах участия узбекской стороны в проекте ТАПИ. А уже в мае генеральный директор Ассоциации банков Узбекистана заявил о готовности предоставить Ашхабаду финансовые средства на этот проект.

В последнее время поступает информация об активизации строительства ТАПИ. Так, согласно официальным туркменским источникам, подходит к завершению прокладка трубопровода по территории республики. 23 февраля 2018 года вблизи туркменской границы в афганской провинции Герат состоялась церемония, посвященная началу строительства афганского участка ТАПИ. Сообщается также, что в Афганистане продолжается возведение двух компрессорных станций. ISGS, урегулировала финансовые вопросы, закончила разработку геотехнического отчета, проведение радарной и топографической съемок и намерена приступить к строительству газопровода. Необходимые подготовительные процедуры ведутся также в Индии.

Помехой в реализации проекта ТАПИ становится конкурирующий с ним проект газопровода Иран–Пакистан–Индия, который реанимирован Тегераном и вызывает интерес у потенциальных инвесторов. Преимущества этого проекта заключаются в том, что он предполагает транспортировку газа не через территорию беспокойного Афганистана, а напрямую в Пакистан. Сейчас, когда Иран демонстрирует стремление расширить свое влияние, в том числе и в Южной Азии, власти страны намерены вернуться к этому проекту. Поддержку

ему готовы оказать российские компании, в первую очередь, «Газпром».

Примечательно, что Тегеран, ссылаясь на то, что у Ашхабада нет средств на строительство ТАПИ, предложил ему газовую сделку, по сути делающую ненужным туркменский проект: Иран покупает туркменский газ для поставок его в Пакистан по своему газопроводу, то есть минуя территорию Афганистана.

Таким образом, с ТАПИ связано обострение геополитических противоречий в Южной Азии. Не исключено, как считают наблюдатели, что именно активизация Ирана на этом направлении побудила Саудовскую Аравию принять участие в финансировании ТАПИ. По их мнению, это предложение сделано по инициативе США, которые заинтересованы в том, чтобы иранский проект не был реализован. Следует отметить, что Иран становится прямым конкурентом Туркмении и на других маршрутах экспорта газа. В частности, Национальная иранская газовая компания заявила, что рассматривает возможность поставок газа в Китай, а также в Европу (через Турцию).

Среди рисков, связанных с ТАПИ, на которые указывают эксперты, — напряженные отношения между странами — участницами проекта, что может значительно осложнить ход его реализации, а в случае его постройки — стать причиной постоянных срывов в его работе. Они отмечают, что Исламабад может использовать трубопровод в качестве инструмента устрашения Нью-Дели, а в ответ Индия в любой момент может выйти из ТАПИ.

Однако в центре внимания остаются риски, связанные с обеспечением безопасности газопровода. При этом угрозы могут исходить не только и не столько от афганских тали-

бов, которые даже поддержали проект ТАПИ, а в гораздо большей степени — от боевиков ИГИЛ, вытесненных из Ирака и Сирии. Обращает на себя внимание тот факт, что руководство Талибана официально одобрило начало реализации проекта в Афганистане.

Таким образом, если бы не риски, связанные с проектом, он мог бы принести значительную пользу странам-участницам. Благодаря ТАПИ Афганистан смог бы получать 14 млн. куб. м газа в сутки, а Пакистан и Индия — по 38 млн. куб. м. Кроме того, создание газопровода могло бы улучшить внутриэкономическую ситуацию в этих странах, способствуя снижению уровня безработицы. Ожидается, например, что реализация проекта сможет обеспечить работой более 12 тыс. афганцев.

Туркменистан может оказаться для Ирана наилучшим вариантом разрешения проблем с его растущим внутренним энергопотреблением, особенно в зимний период. Тем более, что импортировать природный газ из Туркменистана оказывается дешевле, чем транспортировать его с юга страны на север. Для решения всех этих проблем в 1994 году две страны представили первое официальное предложение по развитию сотрудничества в энергетическом секторе. Речь шла о сооружении газопровода Туркменистан - Иран - Турция протяженностью 1 400 км с пропускной способностью 28 млрд. куб. м в год. Трубопроводный проект замышлялся в контексте идеи организации поставок природного газа из Туркменистана через иранскую территорию в Турцию и далее в страны Европы. Но из-за противодействия Соединенных Штатов реализовать проект не удалось.

Накопленный опыт не пропал даром, были заложены основы для дальнейшего укрепления сотрудничества двух

стран. 6 января 2010 года в ходе визита президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в Туркменистан был торжественно введен в эксплуатацию газопровод Давлетабад - Серахс - Хангеран протяженностью 182 км с пропускной способностью 12 млрд. куб. м в год, что позволяет нарастить экспорт туркменского газа в Иран более чем вдвое — с 8 млрд. куб. м в год до 20 млрд.

Трубопровод в Иран обеспечивает лишь ограниченный объем поставок туркменского газа (около 5 млрд. куб. м в год), который нужен Тегерану только для снабжения «голубым топливом» приграничных северо-западных провинций страны. При этом Тегеран задолжал Туркменистану за газ около 1 млрд. долл. и также не готов платить «живыми деньгами», предлагая взамен товары собственного производства.

Вторая важная отрасль энергетики в Туркменистане – генерация электроэнергии. Все электростанции в Туркменистане работают исключительно на природном газе. Совокупные электрогенерирующие мощности страны составляют приблизительно 5,2 ГВт, что превышает внутренние потребности. В 2015 году Туркменистан произвел свыше 22 млрд. кВт·ч. электроэнергии, из которых 3,2 млрд. экспортировал в другие страны Центральной Азии, а также в Афганистан, Иран, Турцию. Кроме того, время от времени Туркменистан принимал разного рода меры и проводил программы по модернизации и расширению своего сектора электрогенерации: проводил новые линии электропередачи и наметил с 2015 до 2020 года ввести в строй 14 новых электростанций, работающих на природном газе. К апрелю 2016 года в стране уже действовали 12 тепловых электростанций.

Сотрудничество между Туркменистаном и Ираном в сфере электроэнергетики достигло новых высот в 2003 году,

когда обе страны подписали соглашение о сотрудничестве в электроэнергетической отрасли. Подписание соглашения позволило Ирану импортировать электроэнергию из Туркменистана и проложить через свою территорию энергетический коридор Туркменистан - Иран - Турция. По этому коридору Турция ежегодно получает 600 млн. кВт·ч электроэнергии, произведенной в западных областях Туркменистана.

Интерес Ашхабада к российскому направлению газового экспорта может быть вызван не только стремлением снизить зависимость от китайского рынка, но и с ухудшением финансового положения республики. В настоящее время экономика страны остро нуждается в притоке денежных средств от продажи газа, который обеспечивала ей РФ. Падение доходов бюджета, в том числе и от продажи газа, на фоне роста государственных затрат ведет к истощению валютных резервов республики.

Об усилении внимания Турции к Туркменистану свидетельствуют состоявшиеся в разное время официальные визиты в Ашхабад президента Турции Р.Эрдогана и Г.Бердымухамедова в Анкару. Цель визита со стороны Турции была, в частности, в попытке найти замену российскому газу для «Турецкого потока», который должен был заполнять 54% объема этой трубы, и пролоббировать с этой целью проект строительства Транскаспийского газопровода. Характерно, после визитов Т.Эрдогана Г.Бердымухамедов обратился к России с предложением о возобновлении проекта Прикаспийского газопровода, который всегда рассматривался как альтернатива Транскаспию.

США стараются воспользоваться стремлением Туркменистана и Узбекистана к развитию внешнеполитической многовекторности. Кроме того, Вашингтон вовлечен в такие

актуальные проблемы ЦА, как вызовы с афганского направления, распределение водных ресурсов и гидроэнергетические проекты, поставки энергоресурсов в обход российской территории, а также транспортные выходы на внешние рынки товаров и услуг.

К тому же, по всей видимости, главное состоит в том, что начало «возрождения» ТАПИ было связано не столько с реальной заинтересованностью Туркменистана в его реализации, а с тем, что в регионе активизировался иной газотранспортный проект Иран–Пакистан, строительство иранского отрезка которого было фактически завершено в 2013 г. Но в последствии под нажимом США и благодаря финансовой помощи Саудовской Аравии, правительство Пакистана временно «охладело» к получению трубопроводного иранского газа. Таким образом, для США необходимость в ТАПИ, как геоэкономической альтернативы газопроводу Иран–Пакистан вновь отпала, что в конечном итоге и обусловило то, что очередной «всплеск» по поводу реализации Трансафганского газопровода, так ничем и не закончился. Таким образом, как и в случае с ТКГ мы констатируем, что газовые ресурсы Туркменистана используются геополитическими игроками для решения собственных задач, что в стратегической перспективе, по всей видимости, несёт ущерб туркменским интересам.

Крупнейшие международные нефтегазовые компании должны иметь возможность зарезервировать за собой запасы газа, и у них должна быть возможность получить эти запасы в какую-то форму собственности, чтобы оправдать инвестиции на миллиарды долларов — это поднимает стоимость компаний. Крупнейшие энергодобывающие компании обычно избегают контрактов на предоставление услуг, за исключением

тех случаев, когда они ожидают заключение соглашения о разделе продукции в дальнейшем. В то же время Туркменистан демонстрирует глубокую подозрительность в отношении крупнейших международных нефтегазовых компаний и упорно отказывается от заключения соглашений о разделе продукции или иных лицензионных договоров, которые позволили бы крупнейшим международным нефтегазовым компаниям получить права собственности на газ. Вместо этого правительство Туркменистана предлагает крупнейшим международным нефтегазовым компаниям «забирать газ на нашей границе», если они хотят участвовать в добыче газа.

США поддерживают те центральноазиатские проекты, которые предполагают пути в обход российской и иранской территорий. Коэффициент практической отдачи от подобной политики Вашингтона пока не высок: по некоторым проектам зафиксированы отдельные успехи, но до начала их непосредственной реализации еще очень далеко. Туркменистан и Узбекистан находят общий язык и в вопросе предоставления друг другу удобных транспортных выходов на соседние регионы. Нейтральный Туркменистан проявляет интерес к взаимодействию в рамках ШОС, но при этом не является членом ни этой организации, ни ОДКБ; подобная ситуация ограничивает возможности Республики присоединиться к процессам многосторонней региональной кооперации.

Проект Транскаспийского газопровода

12 августа 2018 г. в казахстанском Актау президенты пяти прикаспийских государств – России, Казахстана, Азербайджана, Туркмении и Ирана – подписали Конвенцию о статусе Каспийского моря. Это стало завершением более чем

двадцатилетней истории сложных переговоров по разделу акватории и дна Каспия, а также по вопросу обеспечения безопасности в прикаспийском регионе. Однако документ не ставит точку в решении целого ряда экономических и политических вопросов пятистороннего сотрудничества на Каспии, но запускает механизм дальнейшей выработки конкретных решений. С этой целью намечено создать механизм регулярных консультаций для окончательного согласования отдельных вопросов.

Политическая составляющая Конвенции зафиксировала принципы, нашедшие отражение в Декларации по безопасности, подписанной главами пяти прикаспийских стран в 2007 г. в Тегеране. Прежде всего, это касается неприсутствия на Каспии вооруженных сил внерегиональных государств. Кроме того, стороны обязуются решать все споры мирным путем, не предоставлять свои территории для агрессии против соседей. Однако работу по вопросам безопасности на Каспии намечено продолжить, так как по некоторым из них позиции отдельных стран расходятся.

Например, иранский президент Х.Роухани выступал за запрет транспортировки через Каспий любых военных грузов, тогда как Казахстан предоставил американской стороне свои порты Актау и Курык для переброски нелетальных военных грузов войскам в Афганистане. Одним из ключевых вопросов правового статуса Каспия стало само определение этого водоема. Поскольку он не соединен с мировым океаном, то не является морем, но ввиду своих размеров, особенностей воды и дна не может считаться озером. В результате, к нему неприменимы как положения морского права, так и нормы о трансграничных озерах. Конвенция зафиксировала использование традиционного названия — Каспийское море,

но при этом определила его как «окруженный сухопутными территориями Сторон водоем».

Согласно Конвенции, акваторию моря предлагается разграничить на внутренние воды, территориальные воды (не превышающие по ширине 15 морских миль), на которые распространяется суверенитет прибрежного государства (их внешняя граница считается государственной), рыболовные зоны (еще 10 миль, в пределах которых государство обладает исключительным правом на рыбный промысел) и общее водное пространство. Таким образом, большая часть акватории и биоресурсов Каспия остается в общем пользовании. Однако методику определения исходных линий, от которых отмеряются территориальные воды, предстоит определить отдельным соглашением.

Схожим образом решена и проблема прокладки трубопроводов. Признано право прикаспийских государств прокладывать трубопроводы по дну моря, не получая одобрения всей пятерки, а лишь на основе договоренностей со странами, через сектор которых проляжет труба.

Таким образом, документ носит компромиссный характер, и многие вопросы предстоит еще решить. Тем не менее, для Ашхабада она открывает перспективы по созданию Транскаспийского газопровода (ТКГ), поскольку неурегулированный статус Каспия всегда считался главным препятствием для этого проекта.

ТКГ, пользующийся особой поддержкой ЕС и США, должен соединить газотранспортные системы Туркмении и Азербайджана для вывода туркменского газа через Грузию и Турцию в Европу. Благодаря доступу Европы к туркменским ресурсам этот маршрут должен создать альтернативу российскому газу. Предполагается, что ТКГ, протяженностью

300 км, должен стать частью «Южного газового коридора» (ЮГК), создаваемого для транспортировки газа из Азербайджана в Европу.

Россия и Иран выступали против прокладки газопровода по дну Каспия, считая, что это может создать угрозу уникальной биосистеме этого водоема. Принятая Конвенция о статусе Каспия в целом облегчает реализацию проекта Транскаспийского газопровода из Туркмении в Азербайджан. Помимо проблем экологической безопасности на пути реализации осуществления проекта ТКГ есть и другие сложности. Во-первых, в Евросоюзе, как считают эксперты, в настоящее время нет большой заинтересованности в проекте ТКГ ввиду неясных перспектив спроса на газ. Во-вторых, ЮГК создается, прежде всего, под азербайджанский газ (с месторождения Шах-Дениз-2), поэтому туркменский становится его конкурентом (это уже нашло отражение в возникших между Баку и Ашхабадом противоречиях по вопросу заполняемости газопроводной системы).

В-третьих, на планах строительства ТКГ могут неблагоприятно отразиться разногласия по разделению недр между государствами Каспия. Например, недовольство Баку вызвало проведенное Ираном бурение на месторождении Сардар Джангал, которое Азербайджан считает своим. Долгие годы идет спор между Баку и Ашхабадом по поводу ряда месторождений (Сердар, Осман и Омра в туркменском варианте). Наконец, в-четвертых, с учетом всех действующих и проектируемых в Туркмении газоэкспортных маршрутов возникают сомнения по вопросу их ресурсного обеспечения.

В повестку дня следующего саммита может быть включен вопрос об объединении усилий прикаспийских государств по обеспечению безопасности, другими словами, о создании сов-

местного военного флота. В частности, по мере роста важности каспийского фактора для энергетики Ирана усилится его потребность в охране объектов морской и наземной нефтегазовой инфраструктуры. Использование данного аргумента для наращивания собственных военно-морских сил на Каспии характерно и для других прибрежных стран. Нужно отметить, что точки зрения РК и ИРИ на обеспечение безопасности в регионе во многом сходятся. В разное время оба государства предлагали выработать отдельный политический документ, направленный на объединение усилий «каспийской пятерки» в борьбе с терроризмом, наркотрафиком и другими угрозами стабильности (казахстанская идея Пакта стабильности на Каспии).

Потенциальная угроза роста военной напряженности на каспийском побережье в случае обострения американо-иранского конфликта вынуждает Тегеран внимательно отслеживать состояние боеготовности ВМФ прикаспийских государств. Участие России в вооруженном конфликте в Сирии, и прежде всего запуск российских ракет по сирийской территории из акватории Каспийского моря, создало серьезный нежелательный прецедент и поставило Казахстан в сложное положение. Россия и в определенной степени Иран прилагают серьезные усилия для того, чтобы сохранить регион закрытым для военной активности всего остального мира.

В случае реализации проекта ТКГ, шансы которого, правда, многие эксперты оценивают как минимальные, а также с учетом создания «Южного транспортного коридора» Центральная Азия — Европа, в обход России через Южный Кавказ и Прикаспийский регион, присутствие Запада на постсоветском пространстве может существенно возрасти.

Вероятность усиления его влияния связана также с транзитом войск коалиции НАТО из Афганистана через коридор Центральная Азия – Южный Кавказ, в ходе которого США и союзники могут предпринять шаги для укрепления связей в сфере безопасности с постсоветскими государствами ЦА и Прикаспийского региона. Это может привести к росту противостояния России и США в Центральной Азии, а для стран Центральной Азии, в том числе — Туркмении, создать достаточно непростую проблему выбора внешнеполитических приоритетов.

Тем не менее, перспектива создания Прикаспийского газопровода представляется под вопросом, учитывая наличие неиспользуемых мощностей газопровода САЦ, являющегося при этом более экономичным маршрутом транспортировки туркменского газа в РФ. К тому же, Москва заметно утратила интерес к туркменскому газу, рассчитывая в первую очередь на собственные ресурсы для обеспечения поставок в Европу.

Дело в том, что магистраль «Восток–Запад», на открытии которой прозвучало предложение Г.Бердымухамедова о возобновлении проекта Прикаспийского газопровода, изначально была рассчитана на вывод туркменских энергоносителей на внешний рынок. При этом Ашхабад рассматривал одновременно два, по сути дела, взаимоисключающих направления подключения внутренней трубы к внешним газопроводам — либо к Прикаспийскому трубопроводу в направлении к России, и далее — в Европу, либо по Транскаспийскому, с выходом по дну Каспийского моря в Азербайджан, а затем в Турцию.

По замыслу инициаторов, строительство Транскаспийского газопровода (ТКГ) должно было существенно изменить

геополитическую ситуацию в регионе, в том числе:

- серьезно усилить позиции США и Турции, которая, несмотря на имеющиеся разногласия до сих пор остается стратегическим американским союзником (в начале 2000-х гг. никаких значимых противоречий между Вашингтоном и Анкарой вообще не существовало);

- снизить влияние России, которая, в соответствии с планами американской администрации должна утратить роль внешнеполитического ориентира для среднеазиатских республик;

- устранить разногласия между Туркменистаном и Азербайджаном в вопросах принадлежности спорных каспийских месторождений;

- дать возможность Грузии получать транзитные дивиденды и усилить ее влияние в Закавказье.

Именно двойственность позиции Ашхабада в этом вопросе стала в свое время причиной «охлаждения» Москвы к проекту Прикаспийского газопровода. Что касается Транскаспийского маршрута, то Москва никогда не скрывала своего отрицательного отношения к этому проекту, считая, что его реализация угрожает экологии Каспийского моря. Позиция РФ, которую разделяет другое прикаспийское государство — Иран, остается главным препятствием для реализации проекта трубопровода по дну Каспийского моря.

Проблемы безопасности трубопроводных проектов

Место Туркменистана в геополитике Центральной Азии в настоящее время определяется двумя главными факторами — наличием больших запасов углеводородного сырья, сделавшим республику важным экспортером газа, и ростом

террористической угрозы, исходящей с территории соседнего Афганистана. При этом руководство республики демонстрирует готовность использовать любые направления транспортировки «голубого топлива» — на восток, на север, на запад и на юг. Диверсификация газовых экспортных маршрутов стала стратегической задачей внешней политики Ашхабада, решение которой должно способствовать достижению большей экономической и политической самостоятельности для обеспечения национальных интересов.

Что касается проблем безопасности проекта ТАПИ, на сегодняшний день планируется решить проблему несколькими способами. Одним из вариантов ответа на вызовы безопасности является решение вопросов безопасности на базе местных общин для защиты трубопроводной инфраструктуры. По словам экс-министра горнорудной промышленности и нефти Афганистана Дауда Шах Сабаха, местные общины сами будут заниматься охраной трубопровода и оказывать сопротивление террористическим группировкам, за что им будут выплачиваться деньги.

Ранее афганской стороной также предлагалось зарыть в землю участки газопровода, которые будут проходить по территории, контролируемой боевиками движения «Талибан». Второй вариант заключается в создании целевой группы по обеспечению безопасности газопровода. В частности, рассматривается возможность коллективного развертывания сотрудников национальной безопасности и военнослужащих международных или местных частных фирм безопасности. В этой связи власти Афганистана сообщили о намерении создать специальные войска для защиты ТАПИ.

Стоит также отметить, что создание километровой зоны безопасности не уберезет ТАПИ от минометного обстрела,

ракетного выстрела или иной диверсии, допустим, в ночное время. Многие эксперты уже предлагали пустить «трубу» по территории Ирана вдоль ирано-афганской границы, однако эту идею тут же отвергало антииранское лобби США. Потенциальные инвесторы трубопровода должны понимать, что к заявленной стоимости проекта в 7,6 млрд. долларов нужно будет добавить постоянную оплату работы военных, охраняющих ТАПИ, а также деньги, необходимые для его ремонта и восстановления после почти неизбежных терактов.

Для Ашхабада особую важность приобрела оказываемая Соединенными Штатами поддержка газопровода ТАПИ, гарантом безопасности которого они выступали. Когда весной 2015 года боевики из северного Афганистана пытались прорваться в Туркмению, Вашингтон согласился оказать военнотехническую помощь в охране туркмено-афганской границы (первыми свою помощь предложили тогда Узбекистан и Россия). В том же году Ашхабад и Вашингтон возобновили прерванный в середине 2000-х годов диалог о возможном размещении ВВС США на туркменском аэродроме Мары-2, который, однако, в дальнейшем зашел в тупик.

В последнее время наблюдается расширение сотрудничества в военной сфере между Туркменией и Китаем. Постепенно туркменская армия вооружается китайским высокотехнологичным оборудованием, в том числе современными средствами ПВО. В последние годы в Туркмении заинтересовались созданием собственной космической программы. По некоторым данным, Пекин готов оказать техническую помощь Ашхабаду, который планирует запустить на орбиту собственные спутники. Ряд экспертов отмечает повышенный интерес китайских военных к созданию на территории Туркмении станции космического наблюдения,

по типу российского комплекса «Окно» в Таджикистане.

Крупным поставщиком вооружения для Туркмении является Турция. По некоторым данным, Ашхабад в течение последних пяти лет был крупнейшим импортером турецкого оружия. На Турцию приходится 36% всего закупаемого республикой оружия, на Китай — 27%, на Россию — 20%. В числе других партнеров Ашхабада по военно-техническому сотрудничеству — Италия, Чехия, Болгария. В последнее время Ашхабад проявляет большой интерес к развитию военного сотрудничества с Пакистаном и Объединенными Арабскими Эмиратами.

Политика США, направленная на содействие безопасности Туркменистана, в основном сосредоточена на подношении подарков нужным высокопоставленным чиновникам и организации тренингов для разных ведомств республики. Так, Вашингтон проводит семинары для офицеров ее береговой охраны, дислоцированной в г. Туркменбаши, цель тренингов — организация операций морского досмотра, задержания чужих кораблей, обнаружения тайных отсеков, применения силы и опознание наркотических веществ. Кроме того, проводятся тренинги и семинары для сотрудников таможни и пограничников. Однако вложения в тренинги и в обучение сотрудников органов безопасности Туркменистана по сравнению с остальными странами ЦА крайне низки.

Активность ИДУ (затем — ИГИЛ) на южных рубежах Туркменистана и Узбекистана и вероятность просачивания на территорию этих республик других радикальных группировок будут побуждать их к кооперации в том, что касается взаимодействия силовых блоков и построения более доверительных отношений с США как главной внешней силой, действующей в Афганистане. Проблема распределения водных

ресурсов в ЦА носит острый трансграничный характер; в последние годы Ташкент и Ашхабад обрели возможность скооперироваться и в этом имеющем общерегиональное значение вопросе. Узбеки и туркмены солидарны в критическом отношении к возведению на трансграничных реках ЦА новых ГЭС. При этом главным аргументом является мнение, что их появление может привести к ухудшению водоснабжения государств, находящихся в низовьях рек.

Отсутствие реального военного сотрудничества между Москвой и Ашхабадом подтверждалось тем фактом, что с 2000 года ни один военный чиновник России не посетил Туркменистан. Более того, за годы независимости было расформировано объединенное командование и из республики выведены российские пограничники. Учитывая приоритеты РФ в энергетической сфере, соглашение по безопасности больше нужно Туркменистану. Взаимодействие в газовой сфере и личные контакты позволяли России определенное время, несмотря на попытки Вашингтона, активизировать военное сотрудничество с Ашхабадом, не стремиться утвердиться в военной сфере Туркменистана.

Несмотря на то, что с приходом к власти второго президента Туркменистан активизировал взаимодействие с Россией, западными партнерами, Китаем, тем самым продолжил политику равноудаленности, сотрудничество с РФ в разных сферах, в том числе в военной, имеет явный практический результат и тенденцию к дальнейшему развитию. А взаимодействие с США хотя и продолжается, Пентагон все же не участвует в вооружении, а также в подготовке военных Туркменистана.

Рост нестабильности в северных и западных провинциях Афганистана, граничащих с Таджикистаном, Уз-

бекистаном и Туркменистаном, наблюдался на протяжении последних двух–трех лет. Таджикистан и Туркменистан — страны, безусловно, различающиеся по многим аспектам своей внутренней и внешней политики, по экономической модели развития. Но на современном этапе эти две страны вовлечены в большую геополитическую игру, где им отводится примерно одинаковая роль и, следовательно, им приходится решать похожие задачи.

В результате ни Таджикистан, ни Туркменистан не способны в одиночку решить проблемы, связанные с Афганистаном. Обе страны все предыдущие годы работали с внешними партнерами, которые могут помочь им в решении этих вопросов. При этом они старались сохранить региональный геополитический баланс. Но в условиях широких противоречий между Россией и США, а также суннитскими монархиями и Ираном сделать это было непросто. Таджикистан явно сделал ставку на защиту границы. Это не исключает контактов с договороспособными силами на афганской территории.

Туркменистан сделал другие ставки. Он также предпринимает силовые усилия. Туркменистан расширил сотрудничество с Узбекистаном, который стал с 2015 г. оказывать соседней стране содействие в вопросах охраны границы с Афганистаном. Туркменистан продолжает широкое сотрудничество с Турцией, у которого может появиться и направление, связанное с вопросами безопасности. Не исключено, что руководство Туркменистана рассчитывает на свои, складывающиеся годами, неформальные отношения с движением «Талибан». В случае серьезной угрозы Ашхабад скорее мог бы принять помощь в защите границы от Соединенных Штатов, признавая их приоритетное влияние в Афганистане и

учитывая заинтересованность в проекте ТАПИ.

К настоящему моменту можно говорить о том, что таджикско-афганская и туркменско-афганская границы — это, образно говоря, «сообщающиеся сосуды» нестабильности.

Боевики с афганской стороны попробуют на прочность обе эти границы и сосредоточат свои усилия на той из них, где увидят больше шансов на успех. Впрочем, есть несколько стран, для которых обе эти границы имеют почти равнозначную ценность и сама эта система «сообщающихся сосудов» нестабильности для них невыгодна. Это — Россия, Узбекистан и КНР. Для России прорыв боевиков из Афганистана в любом направлении (в Таджикистан и далее в Ферганскую долину или в Туркменистан и далее в Узбекистан) сулит только проблемы.

Для Узбекистана тоже понятно, что боевики в любом случае будут рваться на его территорию. Китай либо на территории Туркменистана, либо на территории Таджикистана получит прямую угрозу своим газопроводам. Именно эти три страны за счет координации своих усилий могли бы обеспечить стабильность и на таджикско-афганской и на туркменско-афганской границе. Но пока создается впечатление, что эти страны ведут каждая свою игру. Узбекистан делает ставку на защиту туркменско-афганской границы. Россия — на защиту таджикско-афганской границы. А Китай — на защиту только своих газопроводов, за счет договоренностей с любыми силами, которые смогут ее обеспечить.

Следует отметить, что Ашхабад предпринимает определенные шаги для защиты своей границы, тем более, что вблизи нее на афганской территории проживают племена этнических туркмен. Не без влияния Ашхабада из их числа для защиты приграничных районов был сформирован от-

ряд самообороны «Эрбеки», оказывающий помощь афганским силам безопасности. С тем, чтобы затруднить проникновение талибов и других боевиков из Афганистана, Туркмения возвела вдоль границы с афганскими районами Каркин и Хамьяб (провинция Джаузджан) заграждения из колючей проволоки. Судя по всему, в Ашхабаде понимают, что для отражения угроз безопасности в случае серьезного вооруженного конфликта этих мер будет недостаточно.

Можно выделить несколько основных составляющих в нынешней стратегии руководства республики по обеспечению национальной безопасности. Во-первых, — это укрепление и модернизация вооруженных сил, усиление охраны границы. Во-вторых, наряду с повышением боеготовности вооруженных сил, официальный Ашхабад для снижения угроз национальной безопасности использует дипломатические методы, в частности, укрепление экономических и политических связей с Кабулом. В-третьих, хотя официально Ашхабад продолжает декларировать оборонную самодостаточность, он вынужден предпринимать шаги по поиску союзников на случай ухудшения террористической ситуации как среди главных внешнеполитических игроков в Центральной Азии, так и среди своих ближайших соседей. В Ашхабаде рассчитывают также на поддержку Ирана, с которым Туркмения традиционно поддерживает дружественные отношения и имеет тесные экономические связи.

Наконец, в-четвертых, наметилось более активное обращение Ашхабада не только к таким международным организациям, как ООН, но и к региональным интеграционным объединениям. Расширяется сотрудничество Туркмении со странами Прикаспийского региона, одним из главных направлений

которого является обеспечение региональной безопасности.

Вместе с тем инициативы, с которыми выступил Г.Бердымухамедов в Астрахани, свидетельствуют о сдвиге политики Ашхабада в сторону многостороннего сотрудничества с участием России. Таким образом, политика безопасности Туркменистана неразрывно связана с его интересами в газовой сфере, поэтому отстранение России от сотрудничества с Ашхабадом в этой сфере неизбежно снижает ее роль в качестве политического партнера РТ. Между тем одной из наиболее острых проблем в отношениях между Москвой и Ашхабадом остается вопрос о прокладке Транскаспийского газопровода по дну Каспия с выходом в Азербайджан.

Китайский фактор

В настоящее время Туркмению и Китай связывают прочные экономические взаимоотношения, основанные главным образом на закупке туркменского голубого топлива, китайских капиталовложениях в развитие газодобычи и газотранспортной инфраструктуры. Обе стороны заинтересованы в развитии двусторонних отношений и извлечении из них максимальной выгоды. Однако со временем становятся всё более очевидными и их противоречия: в вопросах о цене на газ, возврате китайских кредитов, диверсификации туркменской экономики и путей газового экспорта. На фоне растущей экономической зависимости Туркмении от Китая актуализируются вопросы о том, как будут в дальнейшем развиваться их политические отношения, в частности, как далеко зайдёт китайско-туркменское военно-техническое и гуманитарное сотрудничество.

Экономические связи Туркмении с Китаем характе-

ризуются абсолютным доминированием в них сотрудничества в сфере добычи и продажи энергоносителей. До появления этого направления экономическое взаимодействие двух стран было незначительным. Следует отметить, что китайские компании стали работать в туркменском нефтегазовом секторе ещё с конца 1990-х гг., занимаясь разведкой и ремонтом скважин на нефтяных и газовых месторождениях. Здесь наибольшую известность получила нефтяная компания SINOPEC. Как было указано выше, переход китайско-туркменского экономического сотрудничества на принципиально новый уровень обозначился в ходе визита президента С. Ниязова в Пекин в апреле 2006 г.

Тогда был подписан ряд договоров, в том числе Генеральное соглашение о сотрудничестве Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) с Министерством нефтегазовой промышленности Туркмении.

Строительство Трансазиатского газопровода (Центральная Азия–Китай) по маршруту Туркмения – Узбекистан – Казахстан – Китай началось в августе 2007 г. на основе двусторонних соглашений КНР с этими государствами. Одним из важнейших инструментов, фиксирующих зависимость Туркмении от Китая, служит сформировавшаяся кредитная зависимость Ашхабада от Пекина. Вопрос об общей сумме, вложенных в туркменскую экономику китайских кредитов, является дискуссионным: оценки находятся в пределах 12 млрд. долл.

В начале развития китайско-туркменского сотрудничества внимание китайских инвесторов было направлено и на неэнергетические секторы экономики. Так, в 2007 г. был подписан контракт на строительство в г. Мары завода по производству карбамида. Однако, по имеющимся данным,

реконструкция «Марыазота» всё ещё не закончена, а его руководство занято поиском иностранных подрядчиков, в том числе в России, для налаживания химического производства. В первом десятилетии XXI в. Китай также принимал участие в развитии телекоммуникаций, налаживании стекольного производства, восстановлении шелководства и налаживании шёлкоткацкого производства в Туркмении.

Появление и затем исчезновение китайского участия в отраслях экономики Туркмении, не связанных с добычей энергоносителей, представляется объяснимым, если предположить, что помощь КНР в экономической диверсификации была одним из условий для начала «газового сотрудничества». Впоследствии Пекин устранился из проектов, которые не несут для него существенных выгод. Очевидно, производство удобрений из природного газа оказалось в числе таких заброшенных направлений из-за того, что в будущем может ослабить зависимость Ашхабада от экспорта «голубого топлива».

После прокладки газопровода в Китай именно Поднебесная стала главным, а в последние годы — практически единственным покупателем этого сырья. В 2017 г. на долю КНР пришлось более 90% всего объема экспорта туркменского газа (33,6 млрд. куб. м), что на 13% превысило показатель за 2016 год. В первом полугодии 2018 г. тенденция наращивания поставок «голубого топлива» в Китай сохранилась: их объем на 18,8% превысил показатель за аналогичный период 2017 г.

Однако экспорт туркменского газа в КНР лимитирован объемом в 35 млрд. куб. м: три действующие трубопроводные магистрали, образующие газопровод Центральная Азия — Китай, проходят через территории Узбекистана и Казах-

стана, и страны-транзитеры заполняют 20 млрд. куб. м его совокупной мощности, которая составляет 55 млрд. куб. м газа в год. Весной текущего года Пекин заморозил готовящееся соглашение о строительстве четвертой нитки газопровода из ЦА (так называемая линия D), по которой туркменский газ должен был попадать в Китай. (Этот трубопровод должен был пройти также через территории Таджикистана и Кыргызстана, рассчитывающих на существенные выгоды от транзита газа).

Следует также учитывать, что доходность экспорта газа в Китай существенно ограничена, поскольку значительная часть прибыли от его продажи идет на погашение китайских кредитов, полученных Ашхабадом для разработки и обустройства нефтегазовых месторождений, а также строительство газопроводов. В счет погашения кредитов китайские компании забирают и часть добываемого газа. По мнению наблюдателей, поскольку в настоящее время практически все контракты в республике на строительство и обслуживание газовой инфраструктуры принадлежат китайским компаниям, то получается, что Китай покупает газ сам у себя.

В итоге, Ашхабад, в свое время форсировавший строительство туркменско-китайского газопровода с целью избежать зависимости от России, в лице КНР приобрел сложного и менее выгодного по сравнению с РФ партнера. На протяжении последних лет происходило снижение доли газа, закупаемого Россией, пока в январе 2016 г. «Газпром» полностью не прекратил покупку у Туркмении «голубого топлива», считая цену на него неоправданно завышенной.

Кроме того, Ашхабад прекратил поставки газа в северные провинции Ирана из-за неурегулированной проблемы иранской задолженности за газ, сумма которой, по оценке

Ашхабада, достигает 2 млрд. долл. Иранская сторона оспаривает существование задолженности, утверждая, что в свое время Тегеран переплатил Ашхабаду значительные суммы при закупках дополнительных объемов туркменского газа.

Сейчас Ашхабад стремится ослабить сложившуюся зависимость от КНР и рассматривает альтернативные маршруты экспорта газа, в том числе и в РФ. С конца 2016 г. наметилась позитивная тенденция в развитии отношений Москвы и Ашхабада по проблеме газа: в ноябре 2016 г., после переговоров президентов двух стран, «Газпром» и «Туркменгаз» приостановили арбитражное разбирательство в Стокгольме и приступили к мирному разрешению спора. В настоящее время, согласно заявлению Минэнерго РФ, между сторонами действует «коммерческая пауза», которая нужна для того, чтобы «проанализировать и потенциально найти возможности для возобновления сотрудничества».

В результате после ухода «Газпрома» Пекин де-факто стал единственным крупным покупателем туркменского газа. При этом следует отметить, что у Китая более диверсифицированный список поставщиков газа. Пекин разрабатывает газовые проекты также с Мьянмой и Россией. К тому же в связи с падением цен на нефть Китаю становится доступнее сжиженный газ. В долгосрочной перспективе это чревато тем, что китайская сторона как единственный покупатель получает возможность навязывать Ашхабаду цену на голубое топливо.

В то же время необходимо признать, что данная зависимость носит взаимный характер. На сегодняшний день около 60 процентов газа Китай импортирует из Туркменистана. Впрочем, нельзя сказать, что Ашхабад не осознает риски, связанные со статусом Китая как монопольного покупателя

ля. Для снижения своей зависимости от китайского рынка туркменская сторона планирует диверсифицировать газовые рынки за счет поставок в южном направлении. В частности, речь идет о ставшем уже притчей во языцех магистральном газопроводе ТАПИ (Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия). Как ни странно прозвучит, но в реализации проекта может быть заинтересован и Китай, который имеет ряд крупных экономических проектов в Афганистане и Пакистане, и для реализации которых требуется большое количество энергии и топлива. Поэтому китайские проекты могут стать крупными потребителями газа, поставляемого по ТАПИ.

Следует отметить, что интерес Пекина к освоению и транспортировке туркменских газовых ресурсов совпал по времени с ростом заинтересованности самого Ашхабада в диверсификации своих внешнеэкономических связей, в том числе и в нефтегазовой отрасли. Долгие годы Туркменистан старался кардинально снизить газотранспортную зависимость от России («Газпрома»). Кроме того, он предпринимал все более настойчивые попытки сбалансировать свою экономику, стремясь развивать не только ее сырьевые секторы.

По туркменским оценкам, запасы газа в стране составляют от 25 до 50 трлн. куб. м. Впрочем, официальные оценки Ашхабада, по-видимому, сильно завышены. По другим данным (Международное энергетическое агентство, «British Petroleum» и др.), доказанные запасы туркменского газа значительно ниже: от 3 до 4 трлн. куб. м, без учета открытых еще в постсоветское время (2006-2009 гг.) и еще фактически не разведанных газовых месторождений Южный Иолотань, Осман, Яшлар и Минара, на которые Туркменистан возлагает большие надежды. Запасы данных месторождений (с 2011 г. осваиваются в рамках единого проекта

«Галкыныш») пока точно не известны, хотя они, безусловно, крупные: по туркменским оценкам, от 18 до 26 трлн. куб. м.

Но даже если предположить, что Ашхабад существенно преувеличивает свои газовые запасы, то в любом случае внутренние потребности страны относительно доказанных запасов невелики, учитывая малочисленность населения (немногим более 5 млн. человек), отсутствие крупной промышленности (за исключением самой нефтегазовой отрасли), а также непродолжительность отопительного сезона. Поэтому Туркменистан может экспортировать большую часть добываемого голубого топлива, что и делает газовый сегмент туркменской нефтегазовой отрасли особо привлекательным для КНР и китайских компаний.

В среднесрочной (до 10 лет) и долгосрочной (до 20 лет) перспективе объемы добычи Китаем газа в Туркменистане прогнозировать крайне трудно. Сохраняется определенная вероятность того, что официально заявленные Ашхабадом объемы запасов на месторождениях Южный Иолотань, Осман, Яшлар и Минара сильно преувеличены. Хотя, по официальным сообщениям Туркменистана, в 2021 году Пекин планирует выйти на уровень газодобычи/поставок в КНР в объеме 65 млрд. куб. м в год (что будет соответствовать суммарной пропускной способности первой, второй и третьей ниток газопровода Туркменистан - Китай).

Что касается нефти, то наиболее вероятно, что Туркменистан продолжит перерабатывать добываемую нефть на своих НПЗ, экспорт ее либо прекратится, либо уменьшится до символических объемов. Перспективы кардинального роста объемов добычи нефти в Туркменистане пока представляются нереальными, учитывая тот факт, что геологоразведочные работы целого ряда европейских и азиатских компаний на

туркменском шельфе Каспийского моря оказались безрезультатными. Китай широко вовлечен в переработку углеводородов на территории Туркменистана, при том, что другие иностранные государства и их компании вообще не участвуют в подобного рода проектах. Однако китайская активность в основном ограничивается подготовкой товарного газа (очисткой добываемого газа от примесей и влаги) для последующего экспорта в КНР, а также переработкой небольших количеств афганской нефти на Сейдинском НПЗ.

Деятельность КНР по переработке углеводородов в Туркменистане вполне соответствует основным стратегическим целям Пекина, состоящим в планомерном наращивании объемов добычи, доведения до товарного вида и экспорта газа в Китай. Китайское участие в переработке туркменского газа чрезвычайно активно и рассчитано на долгосрочную перспективу. Складывается впечатление, что Китай решительно настроен на строительство новых крупных газоперерабатывающих мощностей на территории Туркменистана, в чем заинтересован и сам Ашхабад, планирующий кардинально увеличить объемы газодобычи. В будущем китайская деятельность по переработке туркменских углеводородов, по всей вероятности, будет по-прежнему затрагивать лишь первичную переработку газа (доведение добываемого газа до состояния товарного продукта).

Однако в долгосрочной перспективе (до 20 лет) крайне трудно прогнозировать, какие газоперерабатывающие мощности потребуются создать Китаю на туркменской территории, так как пока сложно судить об объемах поставок туркменского газа в КНР, равно как и об объемах газодобычи в самом Туркменистане. В свою очередь, проекты по переработке туркменской нефти, как представляется, и в буду-

щем не интересуют Китай. С одной стороны, китайские компании, скорее всего, не станут строить на туркменской территории новые НПЗ, потому что у Туркменистана (в отличие, например, от Казахстана) нет излишков сырой нефти, а уже имеющиеся мощности действующих туркменских НПЗ превосходят объемы добычи нефти в стране. С другой стороны, КНР вряд ли сможет выкупить у Туркменистана нефтеперерабатывающие заводы: Ашхабад, скорее всего, не станет продавать кому-либо свои НПЗ, так как производство/экспорт бензина, керосина и дизельного топлива – второй после экспорта газа источник доходов страны.

Как представляется, участие Китая в туркменской нефтепереработке возможно лишь в рамках приобретения Туркменистаном тех или иных видов китайского оборудования для своих НПЗ в счет очередных кредитов. Политика Пекина по строительству и обслуживанию газопроводной инфраструктуры в Туркменистане рассчитана на долгосрочную перспективу, преследует цель создать условия для максимально возможных объемов поставок газа в КНР и обеспечить устойчивые доминирующие (по возможности – монопольные) позиции Китая на туркменском газовом рынке.

Можно предположить, что строительство четвертой нитки газопровода Туркменистан - Китай говорит не только о желании Пекина зарезервировать за китайскими потребителями почти весь туркменский газ, но и о стратегических планах КНР по кардинальному усилению своих энергетических/экономических и, следовательно, политических позиций в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане. Причем в данных планах туркменский газ способен сыграть важную роль.

В первом десятилетии наступившего века Ашхабад и Пекин строили планы по организации производства некоторых

видов китайского нефтяного оборудования на туркменской территории. Как представляется, инициатива исходила от Ашхабада, стремившегося локализовать у себя производство некоторых видов комплектующих для нефтяного оборудования. Намечался, в частности, совместный проект по организации нефтяного оборудования в г. Балканабате. Однако по неясным причинам данный проект не получил развития, и в настоящее время подобного производства с китайским участием в Туркменистане нет.

В целом можно констатировать, что Китай в той или иной форме присутствует во всех туркменских экономических проектах, которые, как считают в Ашхабаде, имеют для республики жизненно важное значение. Однако ситуация складывается таким образом, что это как раз те проекты, которые в первую очередь отвечают интересам развития Китая.

Роль России

Наряду с Китаем Россия была (до недавнего времени) основным покупателем туркменского природного газа и в условиях недиверсифицированности экспортных маршрутов разрыв с «Газпромом» может привести к сужению экспортных возможностей Туркменистана. Наряду с этим потеря покупателя в лице России автоматически повышает зависимость Туркменистана от КНР. Уход «Газпрома» с туркменского рынка свидетельствовал об изменениях во внешнеполитическом позиционировании России на энергетическом рынке Центральной Азии.

До середины 2000-х годов Россия занимала практически монопольное положение на газовом рынке Туркменистана и полностью регулировала потоки природного газа из Туркме-

нистана. Так, в 2006–2008 годах почти весь туркменский газ шел в Россию. Это примерно 41–42 млрд. куб. м в год. В свою очередь «Газпром» закупал туркменский газ по цене в три – пять раз ниже, чем на европейском рынке и затем перепродавал туркменское «голубое топливо» по более высокой цене. Ситуация кардинально изменилась после аварии на газопроводе Средняя Азия – Центр в 2009 году. В то же время, по мнению некоторых наблюдателей, возникший конфликт был связан с проектом строительства газопровода Восток – Запад. Ключевой момент состоял в том, что в перспективе газопровод Восток – Запад должен был присоединиться к планировавшемуся Прикаспийскому газопроводу, предназначавшемуся для транзита газа с месторождений Каспийского моря в Российскую Федерацию. Таким образом, Москва гарантировала бы себе дальнейший контроль над потоком туркменского газа в европейском направлении. Кроме того, как сообщали СМИ, планировалось, что газопровод построит российский «Газпром».

Однако соглашение не удалось подписать. Ашхабад настаивал на том, чтобы пункт о присоединении газопровода Восток – Запад к Прикаспийскому был исключен из текста соглашения. Немного позднее туркменская сторона объявила международный тендер на строительство газопровода Восток – Запад. В результате инцидент с взрывом газопровода привел к длительному прекращению поставок газа туркменской стороной. Существует мнение о том, что Россия, по сути, применила против Туркменистана «энергетическое оружие», как в случае газовой войны с Украиной. Поставки в Россию были возобновлены только в январе 2010 года, но объемы подачи заметно сократились. Так, стороны заключили новое соглашение, согласно которому вместо прежних 40 млрд. ку-

бометров «Газпром» приобретал у туркменского концерна 10 млрд. кубометров газа в год.

Тем временем на туркменском рынке газа появился Китай, которому за относительно короткое время удалось прочно закрепить свои позиции в газовом секторе Туркменистана. На первый взгляд ключевая причина разрыва российско-туркменского сотрудничества в газовой сфере лежит на поверхности и связана она с вопросом цены за покупаемый Россией природный газ. Вместе с тем, на решение «Газпрома» отказаться от закупок газа из Туркменистана влияет то, что на сегодняшний день Россия в принципе не нуждается в импортных поставках газа.

Между тем данный шаг вписывается в общую тенденцию по сокращению Россией закупок газа из-за рубежа. Начиная с 2015 года «Газпром» также прекратил закупки газа из Азербайджана. В свою очередь, список покупателей российского газа довольно ограниченный. Совместный проект «Газпрома» и CNPC по поставке газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири» начал реализацию в декабре 2019 года. Кроме того, в свете последних изменений нефтяных цен возможности «Газпрома» по наращиванию экспорта газа в китайском направлении нуждаются в пересмотре. Спрос на российский газ в Европе также растет очень незначительно и по прогнозам доля «Газпрома» на европейском рынке в среднесрочной перспективе не превысит уровень в 30 процентов. С другой стороны, внутреннее потребление газа в России не показывает рост.

Таким образом, можно сказать, что «Газпром» отказался от закупок газа из Туркменистана, чтобы частично поддержать свою добычу в России. Между тем Туркменистан и Россия выступают конкурентами в вопросе поставок газа

в китайском направлении. Для выхода на китайский рынок «Газпрому» необходимо напрямую конкурировать с центральноазиатскими поставщиками и прежде всего с Туркменистаном, который после ввода в эксплуатацию нитки D газопровода Центральная Азия – Китай намерен увеличить объемы экспорта газа в КНР. К тому же благодаря газу из Центральной Азии китайская сторона получает возможность значительно сбивать цену на российский газ.

Россия и Туркменистан являются конкурентами и по индийскому направлению. Интересно отметить, что несколько лет назад обсуждалась возможность участия «Газпрома» в проекте строительства трансафганского трубопровода ТАПИ. В числе возможных форм участия высказывался и вариант участия российского концерна как одного из поставщиков газа в Индию и Пакистан. При этом экспертами отмечалось то, что инфраструктура для экспорта в Индию российского газа по большей части уже создана. Так, газ из России предполагалось транспортировать по газопроводу Средняя Азия – Центр, используя реверсный режим поставок, и соединить с трубопроводом ТАПИ.

Однако данная идея не получила поддержки Ашхабада, который не заинтересован в том, чтобы на рынке Индии появился российский газ. Поэтому, исходя из всего этого, в Москве могли принять решение о нецелесообразности дальнейшего финансирования своего потенциального конкурента в лице Туркменистана. Следует отметить, что в российско-туркменском конфликте могут присутствовать и геэкономические соображения долгосрочного характера. В данном контексте туркменский газопровод Восток — Запад может представлять серьезную угрозу для энергетических интересов России, так как в случае запуска «Южного газового

коридора» строительство транскаспийского газопровода, несмотря на возможное противодействие со стороны Москвы, становится лишь вопросом времени.

По итогам официального визита В.Путина в Туркмению в октябре 2017 г. глава Минэнерго РФ А.Новак заявил, что Москва рассматривает «на перспективу проекты по добыче и реализации туркменского газа». Возобновление экспорта туркменского газа в Россию может способствовать укреплению сотрудничества двух стран в целом, а также снижению заинтересованности Ашхабада в альтернативных маршрутах экспорта газа в обход РФ. Однако, судя по всему, нахождение компромисса по вопросу его цены будет непростым.

Что касается военно-технического взаимодействия Туркмении и России, то на него влияло изменение внешне-политических приоритетов Ашхабада. Как известно, в течение почти пяти лет после объявления нейтралитета российские пограничники помогали Туркмении охранять границы на суше и на море. В 1994 г. Ашхабад начал сотрудничать с НАТО по программе «Партнерство ради мира» и сократил взаимодействие с Москвой. В 2016 г., после почти десятилетнего периода напряженности, между РФ и РТ наметилась активизация военно-политических связей. При этом Ашхабад заявил о готовности сотрудничать с Россией в области безопасности.

По итогам визита в Ашхабад в 2016 г. министра обороны РФ С.Шойгу пресс-служба МО РФ сообщала, что обсуждались актуальные вопросы двустороннего военного и военно-технического сотрудничества, а также проблемы региональной и глобальной безопасности. Были определены перспективные направления углубления российско-

туркменского взаимодействия в военной области, согласованы конкретные шаги по укреплению Вооруженных сил Туркменистана. Прежде всего, это касается обеспечения их совместимым вооружением и военной техникой, подготовки военных кадров.

В октябре 2017 г., в ходе официального визита В. Путина в Ашхабад, между двумя странами было подписано соглашение о стратегическом партнерстве. При этом главным приоритетом было названо сохранение стабильности в прикаспийском регионе. По словам Г.Бердымухамедова, в Ашхабаде «с уважением и пониманием» относятся к интересам России в Центральной Азии, «всегда готовы к продолжению тесного и системного взаимодействия как стабилизирующему элементу, придающему устойчивость и сбалансированность в регионе». Следует отметить, что на саммите в Актау Туркмения в лице президента Г.Бердымухамедова, наряду с Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря, подписала также протоколы о сотрудничестве и взаимодействии пограничных ведомств, а также о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом и оргпреступностью.

К настоящему времени между РФ и Туркменистаном подписано более 20 документов, предусматривающих расширение военных связей, в том числе гарантии Москвы по оказанию помощи республике в экстренных ситуациях. Наблюдающееся сближение двух стран, безусловно, выгодно и России, и Туркмении. Для Ашхабада это облегчает поиск компромиссов при решении спорных вопросов, связанных с продвигаемыми им проектами новых маршрутов экспорта газа. В более широком смысле — поддержка России укрепляет позиции Туркмении перед лицом внешних угроз. Для РФ развитие отношений с Ашхабадом наибольший интерес

представляет с точки зрения обеспечения безопасности ее южных рубежей.

Перспективы развития

В перспективе Ашхабад планирует серьезно нарастить производство и увеличить экспортные объемы газа. Есть сведения о том, что к 2030 году Ашхабад намерен утроить нынешние показатели по добыче. Для туркменских властей актуальность задачи по увеличению экспортных поставок газа обусловлена также низким уровнем внутреннего потребления газа при всевозрастающих объемах добычи. В этой связи для реализации своего экспортного потенциала Туркменистану необходимо диверсифицировать свою трубопроводную инфраструктуру.

Между тем в вопросе диверсификации экспортных маршрутов существуют серьезные ограничители. На сегодняшний день поставки туркменского газа осуществляются в основном по двум направлениям: один маршрут идет в Китай, его мощность составляет 55 млрд. куб. м в год, еще один идет в Россию, его мощность — 80 млрд. куб. м. Третьим рынком экспорта для туркменского газа выступает Иран.

В целом Туркменистан и страны, принимающие участие в строительстве газопровода ТАПИ, стремятся к снижению рисков и ведут работы по строительству газопровода. В настоящий момент этот газопровод является самым реалистичным направлением для диверсификации поставок туркменского газа. Между тем нельзя сказать, что Туркменистан сильно пострадает в экономическом плане от того, что Россия отказалась от закупок газа. В региональном контексте эконо-

мическая ситуация выглядит более или менее устойчивой.

К тому же Туркменистан обладает значительными ресурсами, накопленными в Резервном валютном фонде и Стабилизационном фонде. Как показывает анализ, ключевой причиной расторжения газового контракта между Россией и Туркменистаном стало то, что стороны не смогли прийти к соглашению по вопросу цены на покупаемый газ. При этом можно отметить, что требование российской стороны о необходимости пересмотра цены носило в целом объективный характер.

Завоевание Китаем прочных, фактически монопольных позиций в сфере добычи и закупки природного газа Туркмении в первом десятилетии XXI в. представляется закономерным и почти неизбежным процессом ввиду большого инвестиционного потенциала КНР и известных проблем туркменского газового экспорта на других направлениях. Однако в условиях снижающегося значения России в этой стратегически важной отрасли туркменской экономики издержки для Ашхабада от полного доминирования Китая становятся всё более очевидными. Вслед за достижением лидерства в энергетическом партнёрстве и установлением кредитной зависимости Ашхабада Китай всё более заметным образом наращивает своё присутствие в Туркмении, в первую очередь по линии военного и гуманитарного сотрудничества.

В настоящее время становится всё более заметным сотрудничество Ашхабада с Пекином в военно-технической сфере, в первую очередь по направлению закупки современных вооружений (системы ПВО, РЛС, комплексы связи, беспилотные аппараты). Несомненно, их принятие на вооружение в Туркмении сопровождается активизацией контактов военных ведомств двух стран, программами обуче-

ния персонала, возможно и на туркменской территории. Таким образом, быстрый прогресс КНР в их разработке и производстве конвертируется в активизацию политического сотрудничества со странами – партнёрами Китая.

В целом история развития китайско-туркменских отношений в постсоветский период выявила как позитивные, так и негативные (с позиции туркменских интересов) стороны сотрудничества с КНР. К позитивным следует отнести способность КНР в короткий срок и фактически собственными силами добиться реализации сложных многонациональных проектов — таких как Трансазиатский газопровод, способных принести экономические выгоды всем их участникам. Негативными следует признать узкую направленность экономических интересов Китая в отдалённых от него странах (контроль в сфере ТЭК), активное использование инструментов кредитно-финансовой зависимости. Неясной остается и степень готовности КНР участвовать в разрешении многочисленных проблем Туркмении: социально-политических, хозяйственных, экологических, в сфере безопасности и др., актуальность которых со временем только нарастает.

Масштабы китайского присутствия в туркменской нефтегазовой отрасли достаточно велики, учитывая, что КНР контролирует более 1/4 туркменской газодобычи и на ее долю приходится не менее 2/3 всего объема иностранных финансовых вложений в отрасль. В то же время китайское присутствие имеет ярко выраженный «сырьевой» характер: оно нацелено исключительно на добычу/экспорт газа в КНР. Главной целью Китая является резервирование максимально возможных объемов туркменского газа для последующего его импорта. Для этого КНР осуществляет масштабное кредитование туркменской экономики (не только нефтегазовой

отрасли) под нынешние и будущие поставки газа.

Учитывая, что Ашхабад не продает свои нефтегазовые активы, Китай действует по принципу «если нельзя купить саму туркменскую нефтегазовую отрасль, то, по крайней мере, можно купить и зарезервировать за собой продукцию данной отрасли». Кроме того, китайская КННК сама активно участвует в открытии и освоении новых газовых месторождений на условиях СПП. В кратко- (до трех лет) и среднесрочной (до 10 лет) перспективе характер китайского присутствия в нефтегазовой отрасли Туркменистана с высокой долей вероятности не изменится, однако его масштабы, скорее всего, будут расти и дальше.

В итоге, учитывая нынешнюю крайне сложную и непредсказуемую динамику изменений экономической/энергетической конъюнктуры в Китае, России и Европе, а также во всем мире, оценить ситуацию вокруг поставок туркменского газа в КНР, особенно в долгосрочной перспективе, можно лишь на основе сценарного подхода.

На российском направлении складывается прямо противоположная ситуация. В краткосрочной перспективе разрыв газовых отношений с Россией, скорее всего, приведет к сужению экспортных возможностей Туркменистана, одновременно повышая зависимость Ашхабада от единственного крупного покупателя газа в лице Китая. Вместе с тем, уход «Газпрома» с рынка заставляет Туркменистан активизировать работы по диверсификации экспортных маршрутов газа.

Вместе с тем российско-туркменский газовый конфликт может стать тем импульсом, который способен существенно изменить энергетическую карту региона, где Туркменистан может выступить в роли так называемого *game changer*. Так, в случае успешной реализации проекта газопровода ТАПИ страны

Центральной Азии впервые получают доступ на южноазиатский газовый рынок. В более широком смысле это способствует процессу соединения рынков Центральной и Южной Азии и способно повлиять на экономическую ситуацию в Афганистане. К тому же последние изменения вокруг «Южного газового коридора» обеспечивают новые перспективы идее строительства Транскаспийского газопровода.

Россия продолжит попытки вовлечь Туркменистан в военные связи, например, участвовать в Объединенной системе ПВО государств СНГ, в которой он формально состоял с 1995 года, или во взаимном уведомлении о переброске передвижных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК). Республика начинает осознавать опасность соседства с Афганистаном, главным источником угроз в современном мире, а также стремится сохранить авторитарную форму правления. Это диктует необходимость создания сильной армии, тем самым формируя интерес России. Однако без помощи внешних сил модернизация туркменских Вооруженных сил не реальна. Ашхабаду нужен надежный если не союзник, то предсказуемый партнер. Россия готова поддерживать безопасность если не режима, то газовых контрактов (то, что от них осталось).

В то же время необходимо отметить, что становление Туркменистана в качестве активного игрока на глобальном энергетическом рынке означает, что Ашхабаду, возможно, придется столкнуться с новыми вызовами, в том числе вызовами безопасности, так как энергетическая конкуренция, как правило, предполагает столкновение геополитических интересов участников рынка.

Глава 5. Казахстан

Политические процессы

19 марта 2019 г. мир стал свидетелем исторического события. Первый Президент — Елбасы Нурсултан Абишевич Назарбаев добровольно сложил полномочия Главы государства и передал исполнение главе Сената К.К.Токаеву, который на выборах 9 июня 2019 г. легитимно закрепил свою власть. Таким образом, Казахстан перестал быть последней республикой бывшего СССР, во главе которой стоял лидер, чья легитимность восходила еще в советской эпохе. Тем самым Казахстан, как и в далеком 1991 году завершил круг, последней пережив смену власти.

Как отмечал известный ученый Ф.Старр, Казахстан прошел долгий путь за 25 лет своего суверенитета. Руководство страны может отметить впечатляющее экономическое развитие, стабильность, укрепленный суверенитет и уважение бренда «Казахстан» на международной арене. Заглядывая на 25 лет вперед и далее, казахстанские власти сформировали амбициозную концепцию по превращению страны в одну из самых развитых государств в мире. На предстоящем пути будут встречаться старые проблемы и, несомненно, будут появляться новые. Исследователи прогнозируют, что в ближайшие 25 лет население Казахстана вырастет на 20%, но соотношение иждивенцев к трудоспособному населению, скорее всего, увеличится в два раза. Устойчивый экономический рост будет способствовать дальнейшему ускорению процесса урбанизации, и к 2041 году 70% населения могут проживать в городской местности. Для Казахстана не существует ни-

какой альтернативы защите принципа светского государства, светской системы законов, светских судов и светского образования.³¹

В основе подхода Казахстана к национальному развитию лежат принципы эволюции, органического развития и политического процесса, основанного на национальном консенсусе. На этой основе политические решения повсеместно управляются государством, спускаются сверху и зарождаются в процесс внутриэлитных обсуждений. Как и в большинстве постсоветских государств Евразии, большинство политических и экономических лидеров Казахстана воспринимают преждевременную децентрализацию политической власти как рискованный шаг, пропитанный потенциалом выведения государства из строя. В Казахстане в связи с последними событиями, как отмечают наблюдатели, уход Нурсултана Назарбаева с поста президента Казахстана стал событием для всего пространства бывшего СССР. Н. Назарбаев — не только последний из когорты лидеров-основателей. Он всегда ассоциировался с солидным подходом, способностью проводить в жизнь свою линию твердо, но без крайностей и с учетом всех обстоятельств.

Как пишет один из наблюдателей, последние тридцать лет в Казахстане слово «президент» и фамилия «Назарбаев» были синонимами. Когда Нурсултан Назарбаев стал президентом, одного из авторов статьи еще и на свете не было — молодое поколение Казахстана не знает, что в стране может быть другой лидер. Магическая формула, позволившая первому президенту Казахстана выиграть семь президентских выборов и переместить свою страну из советской эпохи в

³¹ Starr S. Frederick, Engvall J., Cornell Svante E. Kazakhstan 2041: The Next Twenty-Five Years. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. — 67 p.

XXI век, сохранив при этом верность прошлому, похоже, все еще действует. Просто никто не знает как, кроме самого ее автора. На протяжении почти 30 лет пребывания во главе Казахстана Нурсултан Назарбаев оставался фигурой по-своему уникальной. Он являет собой сочетание ощущения переходности и, напротив, солидной незыблемости.

Экономические приоритеты

Занимая стратегически важную позицию между Россией, Китаем и Средней Азией, Казахстан был вынужден самой географией и геополитикой разрабатывать далеко идущие стратегии своего развития. При этом страна сталкивается с непростыми проблемами, как например, региональные ловушки социально-экономических стандартов, создающие вызовы стабильности и достигнутому уровню процветания, о которых заботился Президент Н. Назарбаев.

В сфере экономического развития исследователи прогнозируют, что долгосрочное экономическое развитие потребует трансформации экономической структуры и системы управления Казахстана. Казахстан имеет потенциал стать житницей Евразии. Тем не менее, несмотря на недавние улучшения, сектор сельского хозяйства нуждается в коренной перестройке. Новые возможности для развития современной экономики производства и обслуживания будут возникать ввиду расположения Казахстана в самом центре огромного континентального экономического пространства. Для того, чтобы обеспечить становление Казахстана и остальной части Центральной Азии в качестве сухопутного моста, соединяющего Китай и Индию с Европой, Казахстан должен укрепить внутри региональные контакты и взаимодействие на всех

уровнях. В последующий период до 2041 года Казахстан и его регион будут неизбежно и сильно подвержены глобализации, а также встречным течениям по отношению к ней.

Казахстан, будучи экономическим драйвером Центральной Азии, сумел создать из своего образа на международной арене удачный бренд, осуществляя при этом многовекторную политику. Но, несмотря на свои многочисленные успехи, республика столкнулась с трудностями в отношениях с иностранными инвесторами, пытаясь ускользнуть от нефтяной зависимости, но наращивая в тоже время долги своих крупных национальных компаний.

В долгосрочной перспективе, энергетика перестанет быть основным локомотивом роста страны. Один из неуглеродных секторов, способный развить экспортный потенциал, это сельское хозяйство. С целью стать лидером в экспорте сельхоз продукции, Стратегия-2050 предусматривает пятикратное увеличение доли ВВП сельского хозяйства к 2050 году. Авторы рекомендуют создание единого сельскохозяйственного образовательного и исследовательского центра как ведущего учреждения, способствующее трансформации сельского хозяйства Казахстана, и получающее достаточное финансирование для достижения своих целей.

Первая четверть века независимости Казахстана совпала с быстро ускоряющейся глобализацией. Для молодой страны без выхода к морю это создало значительные возможности для интеграции с миром. В самом деле, Казахстан является движущей силой сотрудничества и интеграции на региональном уровне и за его пределами. Общий уровень глобального участия Америки, в частности его интересы к Центральной Азии, во многом будет формировать глобальные и региональные условия на ближайшие двадцать пять лет. Как по-

казали последние два десятилетия, Америка может оказать решающее влияние, присутствуя в регионе; если нет, его отсутствие также существенно повлияет на формирование международной среды Казахстана.

В ближайшие 25 лет будущая жизнеспособность внешней политики Казахстана будет зависеть как от политических выборов самого Казахстана, так и от более масштабных событий за пределами страны. В то время как Россия, очевидно, по-прежнему останется доминирующим политическим игроком в большинстве стран Евразии, а Китай, очевидно, продолжит инвестировать в энергетические и инфраструктурные проекты в Центральной Азии, успех в поддержании открытости Евразии будет зависеть от готовности западных и азиатских партнеров сотрудничать с регионом.

Контурсы внешней политики

С 1990-х годов внешняя политика Казахстана была сознательно основана на принципе достижения позитивных отношений со всеми соответствующими крупными державами с целью сбалансировать их таким образом, чтобы ни один из них или группа этих стран не смогла представлять угрозу для суверенитета и самоопределения Казахстана. Казахстан разработал эту концепцию сбалансированной или «многовекторной» внешней политики таким образом, чтобы строить прочные экономические и политические отношения со всеми соответствующими силами, в частности с Россией, Китаем, США и Европой, не позволяя ни одному из них доминировать в отношениях и не наживая врагов в этом процессе. Благодаря ряду благоприятных факторов все годы независимости эта стратегия работала хорошо.

Международные отношения и внешняя политика — это та сфера, которой Касым-Жомарт Токаев посвятил практически всю свою жизнь. Где бы он ни служил на протяжении своей длительной дипломатической и политической карьеры, его жизнь всегда оставалась в эпицентре крупнейших и интереснейших событий международной политики и практики. Это в равной степени касается его службы советским дипломатом в Москве, Сингапуре и Пекине. В Алма-Ате будущий президент впервые возглавил МИД РК, в дальнейшем эта служба продолжалась в Астане. Будучи премьером-министром Казахстана и заместителем Генерального секретаря ООН в Женеве, К.К.Токаев, естественно, оставался вовлеченным в водоворот важнейших международных событий.

В свое время К.Токаев внес крупный вклад в развитие ООН и ОБСЕ, стоял вместе с Первым Президентом РК Н.Назарбаевым у истоков СВМДА, активно участвовал в течение десятилетий в деятельности таких организаций и союзов как СНГ, ОДКБ, ШОС, ОИС, ЕврАзЭС, ЕАЭС и ряда других. Как известно, К.Токаеву довелось в течение более двух лет работать в качестве заместителя Генерального секретаря ООН, генерального директора отделения ООН в Женеве, генерального секретаря Конференции по разоружению. Впервые в истории ООН ее ключевое отделение возглавил представитель Азии.

Благодаря усилиям казахстанской дипломатии и лично К.Токаева уже в ноябре 2015 года удалось согласовать текст Всеобщей декларации ООН по достижению мира, свободного от ядерного оружия. Она была утверждена на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря. Соавторами соответствующей резолюции стали 35 государств, представляющие различные континенты и регио-

нальные группы. Статус документа 70-й сессии ГА ООН и официального документа Совета Безопасности ООН в апреле 2016 года получил также Манифест «Мир. XXI век», в котором тогдашний Глава государства Н.Назарбаев обозначил приоритеты формирования нового мироустройства — безопасного, справедливого и нацеленного на сотрудничество и на благо всех народов.

Будучи генеральным секретарем Конференции по разоружению, К.Токаев также инициировал создание неформальной рабочей группы по подготовке Программы работы форума — ключевого ежегодного документа Конференции, содержащего темы дискуссий в области разоружения. Из-за того, что этот документ в течение многих лет так и не был принят, Конференция по разоружению не могла приступить к разработке критически важных многосторонних соглашений в области разоружения, в частности договора о прекращении производства расщепляющихся материалов. Ему также довелось представлять ООН на Сеульском антиядерном саммите в составе делегации во главе с Генеральным секретарем Организации Пан Ги Муном.

В 1996 году, будучи министром иностранных дел, К.К.Токаев по поручению главы государства подписал в стенах ООН Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний, в 2005-м в Семипалатинске — Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. Данная акция была должным образом оценена в ООН. В 2009 году Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Казахстана приняла резолюцию о провозглашении 29 августа, дня закрытия Семипалатинского полигона, Международным днем действий против ядерных испытаний.

Следует также отметить успешную реализацию таких

казахстанских инициатив, к осуществлению которых непосредственно причастен будущий Президент РК как создание Регионального центра по превентивной дипломатии в Центральной Азии; формирование Специальной программы ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА); создание региональных миротворческих сил с участием казахстанского батальона «Казбат» под эгидой ООН; учреждение Банка низкообогащенного урана под эгидой МАГАТЭ; провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН 10-летия сближения мировых культур.

К.Токаеву также довелось участвовать в глобальном антиядерном саммите в Сеуле, других международных форумах, выполнять по поручению Генерального секретаря ООН ответственные дипломатические задания и миссии в различных странах и самой Женеве. В период его работы в Женевском отделении были проведены реформы, направленные на внедрение «зеленых» технологий, которые были положительно оценены руководством ООН. В Женеве во Дворце наций был открыт многофункциональный конференционный зал «Казахстан». По мнению К.К.Токаева, ООН должна играть центральную роль в международных делах. Казахстан в лице его первого лидера, Президента Назарбаева, вновь заявил об исключительной важности всемерной поддержки целей и задач ООН, соблюдения ее Устава.

Поступательно наращивая усилия по укреплению своей роли в международных отношениях, Казахстан добился права выдвинуть свою кандидатуру на место непостоянного члена в Совет Безопасности ООН на период 2017-2018 годов. Таким образом, считает К.К.Токаев, сотрудничество Казахстана с ООН носит многоплановый характер, затрагивая широкий спектр ключевых тем современных международных

отношений — ядерную безопасность, разоружение, борьбу с нетрадиционными угрозами, экологические проблемы, социально-экономическое развитие и гуманитарное сотрудничество. За время своего пребывания в рядах ООН Казахстан сумел не только в целом успешно интегрироваться в международное сообщество государств, но и занять в нем достойное место.

Второй Президент независимого Казахстана всегда уделял большое внимание вопросам участия РК в различных интеграционных объединениях и торгово-экономических союзах. Для Казахстана Европейский Союз является крупнейшим торговым партнером, далее следуют Россия и Китай, поэтому Нур-Султан заинтересован в сотрудничестве с ЕС при том понимании, что это будет выгодно как Казахстану, так и всем нашим партнерам по ЕАЭС. Взаимодействие с КНР — это возможность модернизировать транспортно-коммуникационную инфраструктуру ЕАЭС и стать важным связующим звеном в торговле между Европой и Азией.

Помимо создания системы азиатской системы безопасности (СВМДА) новый Глава РК никогда не оставлял без внимания ее прототип — СБСЕ/ОБСЕ. По мнению Казахстана, государства – участники ОБСЕ должны продолжить усилия по укреплению юридической основы Организации. В Казахстане в полной мере осознают, насколько трудна эта задача, что, однако, не означает ее отсутствия в повестке дня текущей и будущей работы в ОБСЕ. На первый план следует поставить безопасность и сотрудничество, как это указано в самом названии этой Организации. Поэтому казахстанское председательство в ОБСЕ в 2010 г. поставило во главу угла восстановление и укрепление доверия между государствами. К.Токаев всегда был твердо убежден: ОБСЕ

может играть более заметную роль в разрешении кризисных ситуаций.

Как китаист Касым-Жомарт Токаев внес немалый вклад в участие и формирование активной позиции РК в деятельности ШОС. Казахстан по праву считается одним из инициаторов создания ШОС, ставшей важным фактором не только региональной, но и мировой политики.

На назначение К.К.Токаева на пост Президента РК откликнулись все ведущие политики. Так, Президент России Владимир Путин назвал его «видным дипломатом и политическим деятелем». Также весьма положительно высказались такие мировые лидеры как Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин, Президент Сингапура Халима Якоб, Президент Чешской Республики Милош Зеeman, Президент Сербии Александр Вучич и многие другие.

На это событие в позитивном ключе высказались наши ближайшие соседи и партнеры по интеграции: Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, Глава Кыргызстана Сооронбай Жээнбеков, Президент Таджикистана Эмомали Рахмон, Лидер Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, Глава Молдовы Игорь Додон, а также Председатель Исполнительного комитета - исполнительный секретарь СНГ Сергей Лебедев, Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Тигран Саркисян и ряд других. Председатель комитета Госдумы по делам СНГ Леонид Слуцкий назвал Токаева «крупным политиком, даже не европейского, а большего масштаба».

Для самого К.К.Токаева бесспорным лидером мирового масштаба был и остается Первый Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, который охарактеризовал Токаева

как «именно того человека, которому мы можем доверить управление Казахстаном». Он в свое время высказывал собственное мнение, основанное «на опыте общения с этим неординарным и талантливым человеком и, конечно, на многолетнем наблюдении за его деятельностью в качестве президента Казахстана. На мой взгляд, - отмечал К.Токаев, он сыграл огромную роль в становлении, развитии и укреплении нашего государства. Вся деятельность Н.Назарбаева, начиная с первых дней независимости страны, и по сей день, направлена на укрепление казахской государственности. Президент Н.Назарбаев, будучи самым опытным политиком современного мира, архитектором интеграционных процессов в Евразии и азиатской безопасности, по сути, заглянул за горизонт времени и высказал совершенно оригинальную идею совместной подготовки концепции «Новое Будущее».³²

Второй президент РК считает, что приход к власти энергичного В.Путина предоставил новые возможности для укрепления многогранного сотрудничества с Россией. В двусторонних отношениях наступил этап активных личных контактов президентов и достижения новых договоренностей.

В ходе своей длительной карьеры дипломата и политика К.Токаев неоднократно встречался с американскими лидерами и всеми главами Госдепа США. Больше всего он оставил характеристики Кондолизы Райс. В августе 2005 года по приглашению государственного секретаря К.Райс он посетил

³² См.: Токаев К.К. Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана. – Алматы: Боеем, 1997. – 736 с. Токаев К.К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. – Алматы: САК, 2000. – 584 с. Токаев К.К. Дипломатия Республики Казахстан. – Астана: Елорда, 2001. – 552 с. Токаев К.К. Преодоление. Дипломатические очерки. – Алматы: САК/Gauhar, 2003. – 656 с. Токаев К.-Ж. Свет и тень: очерки казахстанского политика. – М.: Восток-Запад, 2008. – 542 с. Токаев К.-Ж.К. Главное достояние мировой политики. – Астана, 2017. – 446 с.

Вашингтон с рабочим визитом. Переговоры в госдепартаменте подтвердили заинтересованность американцев в налаживании диалога по вопросам демократизации.

Другой крупный политик мирового масштаба, за которым на протяжении довольно долгого периода времени глава МИД РК довелось наблюдать, председатель Китайской Народной Республики Цзян Цзэминь. С особой теплотой К.Токаев отзывался о лидерах ООН - Кофи Аннани и Пан Ги Муне. К.Токаев вспоминал свою деятельность на посту главы Женевского Отделения ООН, где он занимался организацией первой международной конференции по Сирии «Женева-1», состоявшейся 30 июня 2012 года. Итогом той встречи стало Женевское коммюнике «Группы действий по Сирии», этот документ является единственной институциональной договоренностью по сирийскому конфликту. Казахстан исходит из того, что ООН по-прежнему востребована, ей нет альтернативы. Только под эгидой этой всемирной организации сообщество наций способно выработать эффективные коллективные ответы на глобальные вызовы.³³

Генеральный директор отделения ООН в Женеве Михаэль Меллер считает, что у Касым-Жомарта Токаева есть уникальное преимущество — опыт как на госслужбе, так и в рамках ООН. Таким образом, Президентом Казахстана стал один из опытнейших дипломатов и международных политиков на планете. На постах министра иностранных дел и премьер-министра он самым достойным образом представлял нашу страну. После выборов 9 июня

³³ См.: Выступления К.-Ж.Токаева на посту Генерального директора отделения ООН в Женеве (12 марта 2011 - 16 октября 2013). Токаев К.-Ж.. ООН должна оставаться безальтернативной и авторитетной организацией // Казахстан в глобальных процессах (ИМЭП). 2015. № 4. С. 6-13. Токаев К.-Ж. Казахстан и ООН: в поисках ответов на глобальные вызовы. // Журнал «Мирас». – Астана, 2017. – № 2.

и инаугурации на высший пост К.К.Токаев встал вровень с лидерами всех государств мира, включая самые развитые. И если время правления многих из тех, с кем он ранее общался, проходит, то время К.Токаева как политика, определяющего внешнеполитический курс страны, только наступает.

Контуры внешнеполитического курса нашего второго Главы государства уже неоднократно озвучивались в заявлениях и документах программного характера. Смысл сказанного им в ходе вступления в должность, инаугурации и т.н. апрельских тезисах сводится к одному: магистральный внешнеполитический курс, начатый почти 30 лет назад Первым Президентом - Елбасы Н.Назарбаевым, будет продолжен. За свой относительно недолгий срок пребывания на посту первого лица в государстве, новый лидер совершил визиты в Москву и Ташкент, принял участие в саммитах ЕАЭС и СВМДА.

Свой первый визит, что отнюдь не стало сюрпризом, новый лидер совершил в Российскую Федерацию. В мире практически нет больше государств, чьи исторические судьбы и современные связи были бы так переплетены, как у Казахстана и России. Можно отметить, что двусторонние связи регулируются обширной договорной базой (более 300 договоров и соглашений), включая Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1992 года. **Страны сотрудничают в рамках СНГ** и других интеграционных объединений на постсоветском пространстве, включая **ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС**. Также входят в число пяти прикаспийских государств.

На переговорах с главой РФ Владимиром Путиным в начале апреля 2019 г. Касым-Жомарт Токаев подтвердил преемственность и неизменность внешнеполитических приоритетов Казахстана. Приглашение посетить

Москву К.Токаев получил сразу после принесения присяги. Он отметил: «Первый президент Казахстана — Елбасы Нурсултан Назарбаев всегда подчеркивает, что отношения между Казахстаном и Россией являются эталонными. Поэтому моя обязанность как главы государства состоит в том, чтобы придать дополнительный импульс развитию двустороннего сотрудничества, основы которого были заложены нашими лидерами — Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым и Владимиром Владимировичем Путиным».

Президент Токаев назвал приоритетом внешней политики «многовекторную стратегию». Мировая политика последних лет лишь подтверждает верность этого курса. Казахстан имеет прочную репутацию лидера процесса разоружения и нераспространения оружия массового уничтожения, модератора в диалоге культур, религий и цивилизаций. Благодаря своей взвешенной и конструктивной позиции наша страна на протяжении многих лет регулярно выступает последовательным миротворцем, посредником в урегулировании самых острых конфликтов.

По мнению экспертов, новый лидер Казахстана продолжит дипломатические отношения с Россией согласно Декларации о вечной дружбе и союзничестве, ориентированной на XXI столетие, подписанной в 1998 году, и в соответствии с Договором о добрососедстве и союзничестве от 2013 года. В Москве не прошел незамеченным тот факт, что Президент К.К.Токаев достаточно решительно и недвусмысленно высказался относительно приоритета русского языка над английским. Россия для нас надежный стратегический партнер и добрый сосед, который, согласно известной пословице, ближе любого родственника. Между нашими странами налажен интенсивный политический диалог, выстроены глубокие эконо-

мические связи, эффективно развивается сотрудничество во всех сферах. У нас практически не существует вопросов, которые бы не находили своего решения в ходе постоянного конструктивного диалога.

Другим знаменательным визитом стало посещение Ташкента Президентом К.Токаевым в середине апреля 2019 г. Президент Казахстана К.Токаев подчеркнул, что его государственный визит в Республику Узбекистан совпал с открытием Года Казахстана в Узбекистане, и отметил, что эти события послужат дальнейшему укреплению двусторонних отношений между странами. Отмечая высокий уровень торгово-экономического сотрудничества двух стран, Президент Казахстана подчеркнул, что для поддержания столь высокого показателя будут предприниматься различные меры. В ходе государственного визита Касым-Жомарта Токаева в Узбекистан президенты сделали заявление. Казахский лидер заверил Шавката Мирзиёева в «преемственности» политики Нурсултана Назарбаева. Президенты Казахстана и Узбекистана подписали несколько соглашений по итогам визита. Также рассматривался вопрос создания Международного центра торгово-экономического сотрудничества на границе Узбекистана и Казахстана. Реализация проекта позволит упорядочить приграничную торговлю, улучшить инфраструктуру и создать в Центральной Азии крупный торгово-логистический хаб.

20 апреля 2019 г. в Нур-Султане состоялось знаменательное событие — саммит ЕАЭС, на котором второй президент дебютировал в новом качестве. К.К.Токаев не устает повторять, что Нурсултан Назарбаев — главный идеолог и последовательный создатель евразийской интеграции. По его мнению, следует активизировать работу в более широких

форматах, на дальнюю перспективу. Включая налаживание «интеграции интеграций», сотрудничество в формате Большой Евразии.

Таким образом, контуры уже реализуемой внешней политики Президента К.Токаева уже ясно прослеживаются. Это добрые и партнерские отношения с ближайшими соседями, укрепление евразийской интеграции в различных форматах и главное — продолжение многовекторной стратегии Казахстана.

Перспективы развития

Перспектива развития Казахстана на ближайшие десятилетия во многом зависит от динамики мировых и внутренних процессов, характеризующихся нарастающей взаимозависимостью и усложнением их связей, а также усилением неопределенности результатов их развития.

Следует отметить, что при всей теоретически кажущейся ясности выбора он, на самом деле, очевидным не является. Учет целого ряда внутренних и внешних рисков и угроз, а также реального состояния дел в Казахстане и в мире, настоятельно диктует необходимость более осторожного и взвешенного подхода к проблемам дальнейшей социально-политической и экономической трансформации казахстанского общества и государства.

Основная цель политической модернизации должна состоять в выстраивании политической системы, отвечающей критериям легитимности, устойчивости, адаптивности, дееспособности, для чего необходимо создание совершенно новой системы сдержек и противовесов, способных либо самостоятельно, либо в совокупности с новыми функциями

президента (либо иного властного органа) обеспечивать: сохранение социально-политической стабильности в обществе, консенсус элит, гарантии мирного процесса политической трансформации и преемственности власти, а также ее последующей легатимации, локализацию возможной угрозы передела собственности или сведение к минимуму ее негативных последствий.

В области международного положения Казахстана эксперты называют две важные переменные - это судьба радикальных тенденций в мусульманском мире и глобальная позиция Соединенных Штатов. На региональном уровне Казахстану следует ожидать важных, даже судьбоносных изменений в Китае и в России. Еще задолго до 2041 года Китай станет страной со средним доходом или доходом выше среднего, пережившей резкий подъем в развитии, чье внимание будет сосредоточено на поддержании центрального контроля над обширной и разнообразной территорией и удовлетворении потребностей стремительно стареющего населения. Европа вряд ли станет ведущим игроком в сфере безопасности в Центральной Азии до 2041 года. Тем не менее, ввиду ее экономической роли, Европа будет продолжать играть важную роль в сбалансированной внешней политике Казахстана.

Казахстан в транспортно-логистическом секторе не должен ограничиваться статусом транзитного государства. Как приоритет транспортно-логистической политики, казахстанская стратегия может выделить увеличение центральноазиатской торговой динамики, используя существующую и проектируемую инфраструктуру.

Государства Центральной Азии во внешней торговой политике в настоящее время полагаются на семь транспортных коридоров, четыре из которых лежат через тер-

риторию Казахстана. В рамках существующих коридоров Центрально-Азиатский регион в основном выступает в роли конечного рынка сбыта. Казахстан, пользуясь статусом транзитного государства в своей стратегии развития транспортно-логистической инфраструктуры должен развивать торговые отношения, в которых Центральная Азия будет выступать экспортером товаров для поставок на европейский рынок через Казахстан.

Транспортно-логистический сектор всегда был приоритетом в стратегии развития Казахстана. Казахстан позиционируется как страна, соединяющая континенты, и евразийский хаб. С недавнего времени казахстанские власти делают большой упор на развитие транспортно-логистических сетей в рамках китайской Инициативы «Пояс и путь», нацеленной на восстановление торговых отношений вдоль Великого шелкового пути. Стратегическое расположение Казахстана, которое связывает Восток с Западом, играет ключевую роль в транспортной политике страны. Однако анализ показывает, что Казахстан не должен чрезмерно полагаться на маршрут «Восток - Запад». Следует рассматривать диверсификацию транспортных маршрутов, где страна также будет играть важную роль транзитного государства. По направлениям Восток - Запад и Север - Юг возможность Казахстана повлиять на развитие торговых отношений в защиту своих интересов ограничено. Однако в направлении Юг - Север Казахстан может создавать условия, способствующие развитию торговых отношений, и этот вопрос необходимо вынести на уровень приоритета.

Во всех вышеупомянутых коридорах Казахстан играет важную роль транзитного государства. Однако во всех коридорах транспортно-логистическую политику в основном фор-

мируют такие державы, как Китай, Россия или европейские страны, в первую очередь, лоббируя свои интересы. Казахстан, несмотря на свое стратегическое значение как транзитное государство, не обладает достаточными возможностями продвигать свои интересы. Исключением представляется только поток товаров в направлении Юг - Север, где казахстанские власти влияют на торговую динамику по поставкам центральноазиатских товаров в северных направлениях.

По мнению экспертов, приоритеты стратегии развития транспортно-логистических отношений Казахстана состоят в следующем: Казахстан может извлечь выгоду из повышения центральноазиатской торговой динамики; ему необходимо улучшение торговой динамики через укрепление сотрудничества с Узбекистаном; требуется использование коридора «Север - Юг» в реверсном режиме. Рекомендуются, чтобы Казахстан активно продвигал транспортные коридоры на Прибалтику, через Беларусь и Украину, развивал транзит через Туркменистан, Казахстан и Азербайджан в Черное море.

В отношении энергетической политики РК специалистами предлагаются определенные рекомендации. Казахстан в своей энергетической стратегии должен сфокусироваться на поставках газа в южные регионы страны, использовать в своих интересах существующую газоперерабатывающую мощность региона и рассматривать Центральную Азию как рынок сбыта газовых продуктов с добавленной стоимостью.

Казахстанские власти должны сосредоточиться на использовании своей нефти для переработки, используя узбекские нефтеперерабатывающие заводы, и дальнейших поставках как на внутренний, так и на центральноазиатские рынки. Нефтепродукты, переработанные на казахстанско-узбекском совместном предприятии, будут поставляться на

рынки стран Центральной Азии, таким способом увеличивая энергетическую безопасность в регионе и пополняя бюджеты Казахстана и Узбекистана дополнительными доходами. Казахстан уже сейчас является важным участником водно-энергетической политики, но необходимо укреплять свои позиции. Восстановление и увеличение объемов торговли электроэнергией со странами верховья обеспечит доступность воды для ирригационных нужд и увеличит долю экологически чистой энергии в общем балансе потребления в стране.

Казахстан мог бы использовать регионализм для содействия сотрудничеству в Центральной Азии, для достижения общего понимания наиболее актуальных региональных проблем, таких как безопасность или торговля; для решения проблем, связанных с глобализацией; улучшить международное положение Казахстана и Центральной Азии в мире.³⁴

Отсюда вытекают три сценария будущего развития Казахстана:

- **Оптимистичный сценарий** включает в себя следующее развитие событий. В период 2020-2030 гг. общая геополитическая ситуация в Центральной Азии стабилизируется. Экономический кризис 2007-2016 гг. проходит без последствий. На мировом рынке возвращаются высокие цены на минеральное сырье и углеводороды. Соседи Казахстана в ЦА выходят на фазу устойчивого экономического роста.

- **Пессимистичный сценарий** мог бы развиваться следующим образом. Период 2020-2030 гг. характеризуется тяжелым внутривластным кризисом, вызванным сменой власти и борьбой различных групп правящей элиты. Время от време-

³⁴ Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. – Алматы: ФФЭ, 2019. – 91 с.

ни складывается неустойчивый консенсус, который постоянно нарушается одной из сторон.

- **Реалистичный сценарий** будет реализовываться на базе следующих тенденций. В этот период после 2020 г. Казахстан будет проводить прежнюю, зарекомендовавшую себя политику: внутреннюю, направленную на сохранение стабильности любой ценой и поступательное плавное социально-экономическое развитие; внешнюю — поддержание сбалансированного курса и продолжение многовекторности в новых геополитических и геоэкономических условиях.

Часть II. Центральная Азия в геополитической борьбе XXI века

Глава 6. Великие державы в регионе

Россия и Китай в Центральной Азии

В последнее время можно более или менее ясно обозначить возможности сотрудничества России и Китая в регионе ЦА, проанализировав интересы двух государств в их соотношении с интересами самих центральноазиатских государств, а также риски и вызовы безопасности, нарастающие в регионе и способные воспрепятствовать реализации проектов экономического развития — Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭППШ).

Эксперты предлагают ряд перспективных форматов и областей сотрудничества, отвечающих интересам как России и Китая, так и в первую очередь интересам самих центральноазиатских государств. Конкретные стратегии разных стран Центральной Азии по отношению к различным интеграционным проектам (ЕАЭС), международным организациям (ШОС, ОДКБ) и инициативам, направленным на усиление международного сотрудничества (китайская инициатива Экономического пояса Шелкового пути), существенно отличаются.

Для сотрудничества России и Китая в Центральной Азии чрезвычайно важно, что обе страны имеют во многом совпадающие и гармонично согласующиеся стратегические и геополитические интересы. Во-первых, обе стороны заинтересованы

в противодействии росту нетрадиционных угроз безопасности. Для России это особенно важно, поскольку эти угрозы носят трансграничный характер. Во-вторых, Россия и КНР не заинтересованы в усилении влияния в регионе потенциально враждебной им третьей силы. Пекин в стратегическом плане считает Центральную Азию и постсоветское пространство в целом достаточно надежным тылом для реализации своей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Москва же воспринимает страны региона как союзников по ОДКБ или как нейтральные государства в плане обеспечения баланса сил с НАТО на европейском театре. Экономические интересы России и КНР в Центральной Азии традиционно носят более конкурентный характер, чем отношения в области политики и стратегии. Россия заинтересована в реинтеграции постсоветского пространства на новой экономической основе. С момента распада СССР Китай проявил заинтересованность в доступе к центральноазиатским ресурсам, налаживании эффективного торгово-инвестиционного взаимодействия со странами региона, формировании мощной транспортной и трубопроводной инфраструктуры, как транзитной, так и соединяющей регион с КНР.

Экспертами предлагается ряд принципов, на которых должно базироваться сотрудничество РФ и КНР в регионе до 2025 г. и в дальнейшем. Важным принципом сотрудничества должно быть комплексное понимание взаимосвязи проблем безопасности и политической стабильности с проблемами социально-экономического и культурного развития. Основным критерием эффективности сотрудничества Москвы и Пекина в Центральной Азии может быть только содействие странам региона в обеспечении экономического развития и социально-политической стабильности.

К областям, в которых интересы России и КНР не пересекаются, относится в первую очередь трудовая миграция. Вторая сфера, в которой интересы двух стран не пересекаются, — поставки вооружений. Здесь Россия играет доминирующую роль. Третья — региональная транспортная инфраструктура, в которую Китай вкладывает значительные средства. Россия предпочитает модернизировать и строить новые дороги на своей стороне границы с Казахстаном. Четвертая сфера — машиностроение. Китай стал крупнейшим инвестором в регионе. Китайцы не только приобретают товары и сырье, традиционно вывозившиеся в Россию, но и конкурируют за рынки сбыта с российскими предприятиями.

Приток в Центральную Азию финансовых ресурсов из Китая, с одной стороны, способствует развитию инфраструктуры, поддержанию социально-экономической стабильности, но с другой — ставит страны региона перед целым рядом вызовов, таких как консервация ресурсной структуры экономики, снижение стимулов к экономической модернизации и т.д. За последнее десятилетие Россия ослабила свои экономические позиции в Центральной Азии. В настоящее время Россия и Китай имеют в Центральной Азии сопоставимые позиции в экономическом плане. Это еще больше повышает ответственность двух держав за укрепление экономики и социальной сферы стран региона, стимулирует их сотрудничество в обеспечении развития.

В рамках инициативы «Шелкового пути» китайское руководство попытается создать в Евразии большую международно-экономическую «нишу», куда можно будет «вкладывать» практически все проекты, планируемые во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах КНР, — от транспортных до гуманитарных и туристических. Без взаимодействия

ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭППШ и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации, которая упустит возможность получения экономической выгоды и утратит шанс реализации своего транзитного потенциала.

Работа российских авторов «Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии», выпущенная под эгидой Российского совета по международным делам, уводит нас в сферу международной политики.³⁵ Цель издания, как отмечают сами авторы, обозначить возможности сотрудничества России и Китая в регионе Центральная Азия, проанализировав интересы двух государств. В работе также освещаются вопросы экономических интересов и экономического присутствия России и Китая в регионе, сопоставляются их возможности в сфере обеспечения безопасности.

Так, Казахстан и Кыргызстан максимально открыты для международного сотрудничества со всеми великими державами, в том числе, с Россией и Китаем, которые официально отнесены к числу наиболее важных внешних партнеров. Узбекистан и, особенно, Туркменистан, относятся к противоположной группе. Они предпочитают интеграционным международным структурам и вообще многостороннему сотрудничеству в рамках международных организаций взаимодействие на двусторонней основе. Таджикистан занимает промежуточное положение между этими двумя группами. Он не входит в ЕАЭС, но входит в ОДКБ и ШОС. Таким образом, сложность внутрорегиональных проблем отражается на многослойной и фрагментированной структуре взаимодей-

³⁵ Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин. Гл. ред. И. С. Иванов. Российский совет по международным делам. – М.: НП РСМД, 2016. – 52 с.

ствия государств Центральной Азии, как между собой, так и с внешними партнерами. В настоящее время сотрудничество России и Китая в Центральной Азии приобрело особую актуальность в связи с ростом обозначенных угроз и вызовов безопасности.

Подходы России и Китая к ситуации в Центральной Азии весьма сходны: оба государства рассматривают имеющиеся возможности исключительно в прагматических категориях, не затрагивая вопросов внутренней политики государств региона и особенностей их политических режимов.

Эксперты отмечают, что у России и Китая есть конкурирующие интересы в экономике региона. Но если в нефтегазовой сфере (порядка 58—62 млрд. долл. к 12 млрд. долл.) и горнодобыче китайские компании представлены значительно шире, чем российские, то в гидроэнергетике и нефте- и газопереработке их участие сопоставимо. В торговле с регионом Китай существенно опережает Россию: 32,6 млрд. долл. против 20,8 млрд. долл. в 2015 г. Китай стал крупнейшим инвестором в регионе. Китайцы не только приобретают товары и сырье, традиционно вывозившиеся в Россию, но и конкурируют за рынки сбыта с российскими предприятиями. Однако производственное сотрудничество со странами региона пока незначительно.

Ухудшение ситуации в области безопасности может поставить под удар стратегические планы Китая по осуществлению проекта ЭППШ. В этой связи может быть разработан целый комплекс из 12 шагов в направлении развития сотрудничества России и Китая — вплоть до 2025 г. Эти шаги следующие:

1. Сформировать институты сотрудничества, направленные на преодоление асимметрии ЕАЭС и ЭППШ. ЕАЭС как

международная организация мог бы взять на себя координацию двустороннего партнерства входящих в него государств с КНР через механизмы согласования промышленной и транспортной политики, политики в сфере регулирования рынков труда и т.п.

2. Расширить сотрудничество ЕАЭС и Китая в сферах науки, образования и высоких технологий. Поэтому, необходимо расширять взаимодействие в образовании на базе крупнейших вузов России и Китая с участием партнеров из государств-членов ЕАЭС и ШОС.

3. России и ЕАЭС необходимо широко подключать свои финансовые институты к финансированию совместных проектов.

4. Поддерживать российский экспорт в страны Центральной Азии. В этой связи целесообразна разработка механизмов предоставления государственных гарантий российскому бизнесу и страхования его политических и экономических рисков в Центральной Азии.

5. Ускорить реализацию совместных российско-китайских транспортных проектов. Исходя из этого, необходимо проработать вопрос создания не только широтных, но и меридиональных транспортных коммуникаций (железные дороги и речной флот), которые позволят более эффективно использовать возможности Северного морского пути.

6. Координация политики в сфере трудовой миграции и реализации совместных инвестиционных проектов. Предлагается создать в рамках ШОС консультативную многостороннюю структуру с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана по комплексному решению проблем трудовой миграции. Совместные транспортные, промышленные и иные проекты ЭППШ и ЕАЭС должны быть

нацелены и на создание новых рабочих мест в странах региона.

7. Наладить прагматичный диалог в треугольнике ЕС-ЕАЭС-Китай по вопросам формирования общеевразийской инфраструктуры и транспорта, свободы передвижения товаров, капиталов, людей и услуг. Тем самым, целесообразно проработать возможность подписания трехстороннего документа о сотрудничестве между ЕС, ЕАЭС и ШОС.

8. Согласовать стратегии России и Китая в сфере безопасности в Центральной Азии. В сфере поддержания безопасности в Центральной Азии роль России существенно превосходит роль КНР. Согласование общего списка террористических организаций, обмен информацией по линии спецслужб о рекрутировании, переправке боевиков в Афганистан и на Ближний Восток, об их финансировании, что относится к комплексу неотложных антитеррористических мер. Основным форматом для активизации сотрудничества на этом направлении должна стать ШОС.

9. Усилить совместную борьбу с угрозой распространения нестабильности с территории Афганистана. В этом контексте необходимо расширить взаимодействие ШОС и ОДКБ в противодействии взаимосвязанным вызовам безопасности.

10. Противодействие распространению идеологии радикального ислама. Противодействие экстремизму возможно, отмечается в докладе, во-первых, через исламское образование, во-вторых, через светское образование, просвещение местных обществ, их ознакомление с мировой культурой.

11. Координация работы с гражданским обществом в Центральной Азии. Цели такого сотрудничества — преодоление рисков социальной дестабилизации и вызовов безопасности, исходящих от международного терроризма, про-

филактика этнических конфликтов, формирование общего и целостного представления о регионе Центральной Евразии и возможностях, возникающих в результате регионального сотрудничества.

12. Активизировать сотрудничество экспертов России, КНР и государств Центральной Азии. России и Китаю целесообразно создать постоянную экспертную площадку для диалога по вопросам сопряжения ЕАЭС и ЭШПШ, где эксперты могли бы обсуждать текущие задачи в разных сферах — от инфраструктурных проектов до гуманитарного сотрудничества.

Таким образом, если сторонам удастся правильно ими воспользоваться, появится возможность нейтрализовать рост трансграничных угроз безопасности в регионе, что является необходимым условием для обеспечения поступательного экономического развития всех участников сопряжения евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути.

Интересы и противоречия РФ и КНР с США в регионе

Отношения в треугольнике «Россия — США — Китай» являются как наиболее сложными в настоящее время, так и наименее предсказуемыми на перспективу. С другой стороны, между этими государствами имеют место непримиримые противоречия, а отношения между ними скорее напоминают не отношения стратегического партнерства, а стратегического соперничества. Причин возникновения этого противоречия достаточно много. Однако главная заключается в том, что США, Китай и Россия демонстрируют абсолютно различные

модели социально-экономического и политического развития и общественного устройства, а главное — различное видение характера отношений между субъектами международных отношений.

И так, разрыв во влиянии на Центральную Азию между Россией и США продолжает расширяться не в пользу Америки. Вашингтон утрачивает свой статус в этом регионе и фактически вытесняется во второй эшелон стран по силе влияния в Центральной Азии. «Большая игра» в регионе сегодня ведется между Россией и Китаем, и эти страны, как представляется, нашли нужный баланс влияния, которое они оказывают на Центральную Азию. Местные режимы сомневаются в приверженности США интересам данного региона с учетом того, что Вашингтону приходится энергично действовать на других театрах мировой политики, и они чувствуют, что американцы отдали лидерство в этом регионе Москве и Пекину.

Несмотря на созданный государственным секретарем Джоном Керри формат 5+1, роль США в регионе медленно и неуклонно снижается. Отношения между Россией и США в Центральной Азии определяются именно этим усиливающимся неравенством их статуса. Москва внимательно следит за любыми действиями США в регионе, но не чувствует себя так неуютно, как в странах Южного Кавказа или в буферных странах, разделяющих Россию и Европу. Вашингтон также не способен должным образом учитывать влияние мягкой силы России.

Тем не менее, у Москвы и Вашингтона может быть гораздо больше общих интересов в регионе, чем официально признается. Если выстроить их в порядке важности и приоритетности, то обе страны выражают озабоченность следующими факторами:

- По поводу потенциального воздействия пропаганды «Исламского государства» на мусульман Центральной Азии Москва и Вашингтон склонны переоценивать роль граждан Центральной Азии, уехавших воевать в Сирию. Для России это более насущная проблема, чем для США, с учетом того, сколько жителей Северного Кавказа и других граждан России сегодня воюет в Сирии.

- Оба геополитических игрока беспокоятся по поводу риска политической дестабилизации в Центральной Азии, несмотря на совершенно разное отношение к местным режимам. Плавная передача власти в Узбекистане после смерти И.Каримова, как представляется, дает Москве больше поводов верить в способность местных правительств поддерживать стабильность в своих странах. Подобное отношение Москвы сильно отличается от взглядов США на характер и способности местных режимов.

- Обе державы надеются на успешное завершение процесса примирения в Афганистане. Они верят, что удастся избежать нового витка военного противостояния, поскольку военный конфликт может со временем перекинуться на соседние страны. Но Россию особо не беспокоит политический характер следующего афганского правительства, тогда как Вашингтон более чутко относится к сохранению насаженных им институтов после 2001 года.

- Обе страны хотели бы видеть более эффективной борьбу с наркоторговлей в регионе, но по-разному относятся к проблеме коррумпированности органов государственной власти.

Наверное, отношения между США и Россией в Центральной Азии обречены на то, чтобы еще длительное время оставаться несбалансированными, так как трудно представить более энергичное участие США в делах этого региона, что мог-

ло бы усилить конфронтацию. Однако инициаторами перемен могут стать сами центральноазиатские страны, или перемены могут быть следствием более активного участия Москвы в делах региона, которое снова откроет окно возможностей для США. Если этого не произойдет, Центральная Азия останется на периферии отношений между США и Россией, которые формируются на многих других театрах мировой политики, где наблюдается более острое противостояние двух стран.

В контексте развития политической ситуации в Центральной Азии американские аналитики особое внимание уделяют росту влияния Китая в регионе и перспективам изменения этого влияния в будущем, после вывода американских войск из Афганистана. Необходимо отметить, что американские эксперты в целом довольно единодушно оценивают китайскую политику в регионе, характеризуя ее как намного более успешную, чем аналогичная политика западных стран. Главную причину такого успеха эксперты видят в ее практичности.

Американские эксперты считают, что США пытаются уравновесить активность Китая в регионе и найти в нем надежных для себя политиков, настроенных на многовекторность. Тем не менее, к 2015 г. в США и на экспертном, и на политическом уровнях окончательно пришли к выводу о том, что в целом они будут поддерживать политику КНР в данном регионе. Тем самым американские политики и эксперты оценивают КНР как более «удобного» соперника в Центрально-Азиатском регионе, что выглядит довольно примечательным в силу своей внешней нелогичности. Казалось бы, с учетом многих объективных критериев Китай в настоящее время выглядит намного более реальным, чем Россия, претендентом на то, чтобы в исторически близкой

перспективе оспаривать доминирование США как на мировой арене вообще, так и в Центральной Азии в частности.³⁶

В целом, как Россия, так и Китай являются геополитическими соперниками Америки. В обозримой среднесрочной перспективе более вероятно, что США будут воспринимать Россию в качестве своего главного соперника, в то время как американское отношение к Китаю является смешанным. Развитие Китая инфраструктуры в Центральной Азии благоприятствует большей многополярности в геополитике региона, что, в свою очередь, служит целям США. В то же время Америка обеспокоена и тем, что Центральная Азия переходит в руки Китая. Америка приветствует (или не противодействует) политике Китая в Центральной Азии с тем решающим условием, что эта политика не поставит под сомнение стратегический баланс в регионе.³⁷

В этой связи следует упомянуть формат «С5+1», который основан на ранее разработанной стратегии Вашингтона «Новый шелковый путь» и имеет те же задачи, что и китайская инициатива — «Экономический пояс нового шелкового пути», появившаяся в 2014 году. Суть американской стратегии, как сказал тогда Д. Керри, в том, чтобы помочь региону интегрироваться в мировую экономику через развитие инфраструктуры, повышение конкурентоспособности экономик, привлечение инвестиций и реализацию новых программ, в частности, по изменению климата и Smart Waters («Умная вода»).

При этом Вашингтон преследует одновременно несколько целей. Первое — это экономика и то, как экономически мож-

³⁶ Чжао Хуашэн. Центральная Азия: чья «Большая игра»? // Казахстан в глобальных процессах (ИМЭП). 2016. № 1. С. 29-45.

³⁷ См.: Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин. Гл. ред. И. С. Иванов. Российский совет по международным делам. — М.: НП РСМД, 2016. — 52 с.

но соединить Центральную Азию с более обширным регионом и с США; второе — это окружающая среда и решение проблемы изменения климата; и третье — это безопасность с особым упором на угрозу терроризма и вопросы стабильности в Афганистане.³⁸

Соединенные Штаты, что понятно и даже оправданно, не имеют ясной стратегии в отношении Центральной Азии, в отличие от Китая и даже от России. Китайцы давно опробовали самый прагматичный стиль — экспансию в регион путем двусторонних договоренностей. Однако, постепенно уходя из Афганистана, американцы не могут позволить себе роскошь полностью забыть о Центральной Азии, бывшей для них тыловой базой и политическим инструментарием во время военной операции «Несокрушимая свобода».

Для США присутствие в регионе вызвано желанием уравновесить активизацию Китая, который собой заполняет нишу главного игрока в экономической сфере и скорее всего в будущем в сфере обеспечения безопасности. Рано или поздно, Пекин к этому придет, поскольку, инвестируя в регион, ему придется свои вложения защищать. Возможно, даже в рамках тесного военного сотрудничества со странами Центральной Азии. Этим объясняются попытки США активизироваться в регионе и по мере возможности противодействовать стратегии Пекина.

США - в отличие от Китая - ничего конкретного предложить странам Центральной Азии не могут. Ни с точки зрения прямых инвестиций, за исключением тех, что делаются в казахстанский энергосектор, ни с точки зрения безопасности. Очевидно, что прямое присутствие американцев в ре-

³⁸ Михайлов С. А. Уйти, чтобы остаться: политика США в Центральной Азии в контексте сокращения американского присутствия в Афганистане // Проблемы национальной стратегии (РИСИ). 2016. № 1. С. 89-109.

гионе в военно-политической сфере будет сильно раздражать и Москву, и Пекин, что регион устраивать не может. США ставку сделают в итоге на многосторонних отношениях, пытаясь найти точки давления в каждой из стран и определяя приоритеты в отношениях с каждой из них.

Россия и Китай одинаково заинтересованы в том, чтобы региональные дела решались без посторонних игроков, независимо от их происхождения. Поскольку для большинства из них развитие событий в центре Евразии представляет интерес исключительно в контексте «большой игры» на мировой арене, внешнее воздействие, вероятнее всего, окажется дестабилизирующим. Некоторые эксперты считают, что в Вашингтоне прорабатывается возможность прямого, без участия России, диалога с китайскими властями по безопасности в регионе и экономическому сотрудничеству. Возможно, такой диалог уже ведется. Однако его интенсивность и насыщенность имеют естественные ограничения, поскольку в Китае панически боятся «цветных революций», которые автоматически пользуются поддержкой Соединенных Штатов.

Российско-китайское сотрудничество будет иметь значение и для того, чтобы снизить издержки неизбежных попыток самих стран региона играть на противоречиях — реальных или мнимых — Москвы и Пекина. Любой формат китайско-российского взаимодействия по вопросам безопасности в Центральной Азии должен быть прозрачным, многосторонним и обязательно включать страны региона и, по целому ряду вопросов, Иран. А отсутствие общей идеологии и ценностей в данном случае скорее идет на пользу. Можно с уверенностью утверждать, что по объективным причинам России и Китаю намного выгоднее парадигма совместных действий в центре Евразии. Усилия по стабилизации региона могут со-

действовать и сплочению в глобальном контексте.

Существуют, однако, препятствия преимущественно субъективной природы. В российских элитах и общественном мнении имеется предубеждение против активного вовлечения внешних игроков в дела Центральной Азии. Есть устоявшиеся представления о том, что по историческим причинам Россия должна нести эксклюзивную ответственность за безопасность здесь. Свою роль играет и настороженность по поводу того, что китайское участие будет носить системный и постоянный характер (в отличие от США, присутствие которых в регионе достаточно фрагментарно).

Итоги председательства Китая в СВМДА в 2014-2018 гг.

Как известно, КНР приняла миссию председательства в СВМДА на период с 2014 по 2018 г. Четвертый саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии состоялся 20-21 мая 2014 г. в Шанхае.

По мнению китайских экспертов, Евразия реально сталкивается с рядом вызовов в сфере безопасности. Наблюдаются напряженность и обострение конфликтов между отдельными странами Азии в связи с трансформацией международных отношений, различными внутренними и внешними факторами и угрозами, а также оставшимися от эпохи «холодной войны» историческими противоречиями.

Ключевым моментом в повестке Шанхайского саммита являлся вопрос укрепления позиции СВМДА в качестве авторитетной и влиятельной региональной структуры безопасности. В этой связи китайские специалисты поставили ряд вопросов: Откроется ли второе дыхание в развитии СВМДА?

Как совершенствовать механизмы обеспечения безопасности в Азии для успешного противодействия общим вызовам? Как эффективно использовать формат многосторонней дипломатии СВМДА для формирования «пояса безопасности» устойчивого развития Китая?

Китай в основу своего стратегического видения дальнейшего развития СВМДА положил следующие тезисы. При невозможности урегулирования всех вопросов в одночасье требуется выработка новых подходов к формированию единых, эффективных, приемлемых для государств с различным политическим режимом и уровнем экономического развития механизмов безопасности в Азии. Подготовка к проведению саммита СВМДА давала Пекину уникальные возможности всесторонне обдумать и осмыслить вопрос создания атмосферы мира и безопасности в Азии. Для перехода к практическим действиям, прежде всего, необходимо преодолеть исторически сложившуюся ситуацию в Азии, характеризующуюся отсутствием доверия между отдельными государствами – членами совещания.

В Пекине глубоко убеждены, что создание механизмов безопасности служит гарантией экономического роста. Сохранение и укрепление прочной и стабильной позиции на центральноазиатском и евразийском пространстве, обеспечение безопасной внешней обстановки с сопредельными государствами, создание благоприятных условий для углубления взаимодействия в рамках «экономического коридора вдоль Шелкового пути» - такие основные цели поставил Пекин на 4-м саммите.

Кроме того, борьба с терроризмом стала одной из актуальных тем на встрече в Шанхае. Китайские специалисты отмечали в 2014 году, что в период кардинальных истори-

ческих перемен, те процессы и изменения, происходящие в регионе Центральной Азии и других евразийских государствах, могли бы иметь существенные и далеко идущие последствия для Китая, не меньшие по сравнению с вызовами и угрозами для КНР со стороны восточного побережья. Распространение структур радикальных исламистов и активизация их действий в регионе Восточной Азии представляют потенциальную угрозу для безопасности Китая. С этой точки зрения Пекину важно было обсудить с партнерами на площадке шанхайского саммита СВМДА вопросы безопасности в регионе Западной Азии в целях сдерживания развития радикального ислама в странах Центральной Азии.

В Пекине признают, что США также являются важной «частью» азиатской системы безопасности. Некоторые китайские эксперты считают, что страны Центральной Азии состоят в различных международных организациях, причем все эти страны одновременно интегрируются с Россией, Китаем и Евро-Атлантическими партнерами. Сторонники концепции политического реализма фактически объясняют недостаток сотрудничества между региональными организациями (между НАТО и ОДКБ) тем, что отсутствует доверие для создания союзов, которые могли бы способствовать балансу сил. В региональных организациях (ОДКБ, ШОС, СВМДА) существуют внутренние противоречия между странами-членами этих организаций.

Сотрудники Китайского института современных международных отношений (Шанхай) выделяют основной принцип в подобном треугольнике: в группе, состоящей из трех держав, взаимоотношения любых двух из них характеризуются постоянной конкуренцией и в то же время — непрекращающимся в той или иной степени сотрудничеством. В данном

конкретном треугольнике, между любыми двумя участниками не наблюдается абсолютного сотрудничества или абсолютной конкуренции.

Россия же сталкивается с проблемами в экономике и во внешней политике, отмечают аналитики КНР, включая проблемы с Западом, из-за чего она находится в менее благоприятном положении по сравнению с США и Китаем. В плане баланса сил, для двух менее влиятельных держав естественно иметь более близкие отношения, чтобы воспрепятствовать гегемонии США, самого сильного игрока. Несмотря на более тесные взаимоотношения между Китаем и Россией, сама природа распределения сил и беспорядочная структура международной среды не предполагают стремления или возможности полномасштабного сотрудничества между Россией и Китаем.

На самом деле, конкурентная природа беспорядочной системы международных отношений заставляет каждую из трех держав опасаться того, что две другие чересчур сблизятся. Россия с подозрением относится к отношениям США и Китая, тогда как Китай не хочет портить отношения с США только в угоду России. Россия также не хочет, чтобы ее считали младшим партнером Китая и не желает слишком зависеть от Китая в экономическом плане.

В понимании американских стратегов, Индия — единственная сила в Индо-Тихоокеанском регионе, способная нейтрализовать растущее влияние Китая, поэтому, как они это видят, стратегический многогранник США–Япония–Австралия недостаточно устойчив без дополнительного угла — Индии, которая именуется в США «западным маяком Индо-тихоокеанской стратегии». А китайские эксперты объясняют осторожный дрейф Индии в сторону военно-политического сближения с США и их союзниками тем, что, Индия, как

и Япония, крайне озабочена растущей мощью своего ближайшего соседа — Китая. США пытаются противопоставить инициативе «Один пояс, один путь» свою программу капиталовложений в Юго-Восточной Азии.

Возможно, структура модели военно-политического сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе напоминает структуру военно-политического давления на Россию в Европе. В условиях как непосредственного, так и опосредованного военно-политического нажима со стороны США, их союзников и партнеров Россию и Китай объективно объединяет необходимость эффективного противостояния такому нажиму. Однако выработанная на трудном историческом пути и ныне существующая форма «российско-китайского стратегического партнерства» явно недостаточна для достижения этой цели.

На основе своего анализа проблематики СВМДА китайские ученые-международники пришли к следующим выводам:

- Ситуация с безопасностью в Центральной Азии пока не внушает оптимизма.
- Китай и Россия имеют схожие или близкие подходы к сохранению стабильности и безопасности в ЦА.
- СВМДА является уникальной и новой моделью многостороннего форума по безопасности (в Азии).
- На основе данной модели необходимо выработать новую концепцию безопасности в Азии.
- В основу успешного развития СВМДА следует заложить тесное сотрудничество РФ, КНР, государств Центральной Азии и ШОС.

В этой связи китайские эксперты предлагают следующий механизм укрепления институтов СВМДА:

- 1) повысить уровень участия в Сессии за счет про-

ведения саммитов и встреч министров государств-участников;

2) в рамках СВМДА развивать сотрудничество по самым различным проблемам на негосударственном уровне;

3) расширять и укреплять открытость Совещания с помощью активизации деятельности стран-наблюдателей, а также более активного привлечения других международных организаций и тесного сотрудничества с ООН, ОБСЕ и ШОС;

4) создать механизм мониторинговых институтов в различных сферах — по проблемам экологии, опустынивания, деятельности антитеррористических центров, по борьбе с наркотиками и др.

Однако, следует признать, что в реальности председательство КНР в СВМДА не достигло поставленных целей. В этот период (2014-2018 гг.), и особенно после прихода в Белый дом администрации Д.Трампа, существенно обострились китайско-американские отношения. Причем не только в торгово-экономической сфере, но и в военно-стратегической вследствие осваивания Китаем спорных островов в Южно-Китайском море. Ухудшились также китайско-японские отношения. Не была решена проблема денуклеаризации Корейского полуострова под эгидой Пекина, который фактически был вытеснен Вашингтоном из переговорного процесса с Пхеньяном.

Данные геополитические процессы практически обнулили скромные позитивные достижения КНР в сфере укрепления системы азиатской безопасности. Более того, США намерены сорвать реализацию грандиозной концепции Китая «Один пояс, один путь». Все эти факторы угрожают складывающейся азиатской системе безопасности и обесмысливают дальнейшее функционирование таких региональных организаций, как СВМДА и ШОС.

Геополитический багаж американского присутствия в Центральной Азии

Президентство Дональда Трампа — поворотный момент в геополитике и политической истории современного мира. Оно завершает собой окончание эпохи однополярности. Но, несмотря на рост Китая и активность России, в реальности они пока способны бросить лишь ограниченный вызов США. Путь к постепенному снижению активности Америки на мировой арене начал прокладывать резко критикуемый Д.Трампом Б.Обама, так что развитие вполне закономерно.

У США (как и у Евросоюза) нет первостепенных интересов в Центральной Азии, но у них есть цели, связанные с Китаем, Ираном и Россией. Все это вместе приводит к тому, что в политической повестке Запада соседям Центральной Азии придается в Вашингтоне и Брюсселе куда большее значение, чем ей самой.

Очевидно, что Центральная Азия находится на периферии экономических интересов США. С регионом поддерживаются ограниченные торгово-инвестиционные отношения, сконцентрированные в основном вокруг добычи нефти в Казахстане. Каспийская нефть играет роль привлекательного сырьевого бонуса для американских корпораций, но ее запасы не являются для США стратегически важными в глобальном масштабе, а доля американских компаний в местной нефтедобыче постепенно падает. Тем не менее, Вашингтон проводит в регионе энергичную экономическую политику, непропорциональную уровню достигнутых в этой сфере отношений, активно вмешивается в ход хозяйственных преобразований в странах ЦА и воздействует на выбор ими интеграционных предпочтений.

Главными инструментами американской экономической политики выступают инфраструктурное (прежде всего, трубопроводное) планирование, программы МФИ, гранты для осуществления либеральных реформ, санкции. Не вызывает сомнений, что данный инструментарий сохранится и в дальнейшем.

Стратегия Соединенных Штатов при этом сосредоточена не столько на расширении собственных экономических связей, сколько на задачах геополитического сдерживания России и Китая. Белый дом продвигает транзитные коридоры и интеграционные планы, альтернативные предложениям Москвы и Пекина и призванные снизить их влияние на экономику ЦА.

Последовательность и результаты действий американской стороны наталкивают на мысль о том, что разрастание очага нестабильности в срединной Евразии рассматривается ею как вполне приемлемый вариант развития событий хотя бы на случай, если политический протекторат и долгосрочное военное присутствие США в этом районе не будут гарантированы. Если исключить запасы каспийской нефти, завышенные оценки которых на начальном этапе привлекли сюда иностранный капитал, то регион был и остается для США глубокой экономической периферией. Периодические всплески активности американской экономической политики, как бы они не подавались общественности, обусловлены главным образом стремлением замедлить или подорвать складывающуюся хозяйственную кооперацию ЦА с Россией и Китаем.

Как считают эксперты, достижения США разбивались о неспособность удержать результат, а успешные ходы сменялись откровенными провалами, ярким примером которых стал в 2005 г. узбекский Андижан.

В такие переломные моменты хорошо различимы сильные и слабые стороны американской внешней политики. Ее безусловными преимуществами остаются четкий приоритет собственных национальных интересов; умение мобилизовать для решения своих задач союзников; адаптация к дипломатической работе современных социальных, коммуникационных и цифровых технологий; и, конечно, ясный идеологический посыл, привлекательный для многих иностранных граждан, несмотря на разительное расхождение либеральной риторики с реальными делами, которые она маскирует.

К числу слабых мест американского курса относятся межпартийная и межведомственная конкуренция в США, накладывающая отпечаток на международные отношения; расточительное обращение с материальными ресурсами, которые даже для первой в мире экономики не являются безграничными; игнорирование, порой демонстративное, азиатских культурных и политических традиций, хотя многим американским специалистам известно, что, например, проекты популяризации гомосексуальных отношений плохо воспринимаются в патриархальном восточном обществе. Но, возможно, наиболее очевидная уязвимость, к которой склонен американский истеблишмент, состоит в преобладающем чувстве собственного превосходства и исключительности, что не только порождает стремление к мировой гегемонии, но и притупляет восприятие действительности.

С определенной долей уверенности можно ожидать одно: Вашингтон сохранит и общий стратегический замысел в отношении Центральной Азии. Действия Белого дома так или иначе подчинялись логике сдерживания геополитических конкурентов США. Прежде всего, они были нацелены на разрыв региона с Россией, а впоследствии также на ку-

пирование растущего влияния Китая и изоляцию Ирана. К императивам американской стратегии исторически относится и обеспечение доступа к сырьевым богатствам, включая создание маршрутов их транспортировки на Запад. Эти базовые принципы американской политики останутся неизменными и в обозримой перспективе, пока политический класс в Вашингтоне воспринимает свою страну как сверхдержаву, имеющую интересы во всех, даже самых удаленных, уголках мира. Неизменными, по всей видимости, останутся и жесткие, предельно циничные методы ведения геополитической борьбы в духе большой «грязной» игры.

К середине 2010-х гг. Центральная Азия оказалась перед выбором между тремя проектами — российско-казахстанским (региональный центр развития), американским (подключение к нероссийским транспортным коридорам), китайским (превращение региона в безопасную зону сухопутного транзита Китая в направлении Европы и Ближнего Востока).

По словам главы исследовательского фонда «Стратфор», одной из важнейших стратегических целей Соединенных Штатов является недопущение возникновения в Евразии сверхдержавы, способной объединить население и ресурсы континента. Появление подобного тяжеловеса могло бы в корне изменить глобальный баланс сил, подорвав американское лидерство. В связи с этим конечный императив доминирующей державы США состоит в том, чтобы не допустить появления соперника в Евразии. Для этого надо поддерживать раздробленность Евразии, существование там такого количества враждебных друг другу держав, какое только возможно. Эта долгосрочная стратегия наталкивается на возрождение России. Россия и Китай одинаково заинтересованы в том, чтобы региональные дела решались

без посторонних игроков, независимо от их происхождения.

Пекин перестал балансировать между Москвой и Вашингтоном много десятилетий назад. Сейчас Пекин рассматривает себя как центр силы, который пока еще не равен Вашингтону, но находится на пути к равенству с ним, а в перспективе может занять и более высокое положение в международной системе, чем то, которое занимают сегодня США. Россия для Китая представляет собой важный фактор, хотя роль его в Пекине стараются не переоценивать. Россия — это, прежде всего, надежный тыл, что для Китая очень важно. Россия выступает против того, чтобы третья сила, имея виду США, принимала бы участие в каких-то спорах между Москвой и Пекином или какой-нибудь другой страной региона.

США плотно присутствуют в непосредственной близости от границ и важных объектов России и КНР. Это отчасти делает Соединенные Штаты именно региональной сверхдержавой, а значит, может заставить региональных игроков стремиться к ее сдерживанию. При этом США, как и Европа, не несут рисков и издержек, связанных с непосредственным нахождением в проблемном регионе.

Таким образом, как считают некоторые эксперты, заметно снижение внимания к Центральной Азии со стороны ведущих мировых центров силы. По мере завершения миссии в Афганистане, росте внутренних проблем и продвижении мегапроектов ТТП и ТТиП, США и страны ЕС все меньше интересуются Центральной Азией. Из-за внутренней ситуации в регионе, геополитического окружения, ограниченности американских интересов и ресурсов она, скорее всего, останется вне практической реализации американской «преобразовательной дипломатии».

Вашингтон сталкивается с всевозрастающим количеством проблем в процессе реализации избранной им внешнеполитической линии во многих регионах мира на фоне очевидного недостатка ресурсной базы. На сохранение прежних оценок «глобальной значимости» центральноазиатского фактора в мировой политике работает определенная интеллектуальная инерция: сложились устойчивые и достаточно влиятельные политические, экспертные и лоббистские группы, действующие в рамках парадигм «Большой игры».

В сохранении гипертрофированных представлений о значимости Центральной Азии в геополитической картине мира также заинтересованы региональные элиты, поскольку вся их внешняя политика в последнюю четверть века суверенного существования, опирается на фундамент «многовекторности» - игру на противоречиях внешних центров мировой силы и извлечение из данного процесса различных материальных (инвестиции, кредиты, помощь) и нематериальных (политическая поддержка) дивидендов.

Администрация Д.Трампа к моменту прихода к власти располагала достаточно солидным наследством в форме возможностей оказания политического влияния через разнообразные инструменты воздействия. Администрации У.Клинтон, Дж.Буша-мл., Б.Обамы, хотя и не всегда последовательно, но целенаправленно имплантировали в регионе различные институты «мягкой силы» для создания такой среды, в которой Вашингтон мог бы оказывать свое влияние на политические процессы в каждой из республик.

При этом, американские стратеги исходили из того, что Центральная Азия имеет высокую, может быть даже недооцененную стратегическую ценность для Соединенных Штатов, что объясняется его объективными характеристиками.

ЦА расположена практически в географическом центре Евразийского материка. Протекающие здесь процессы затрагивают интересы основных международных конкурентов США и многих крупных региональных держав. Воздействие на болевые точки региона открывает самые разнообразные возможности для влияния на положение дел в соседних странах. Отсюда с высокой долей вероятности можно заключить, что Центральная Азия, если временно и выпадет из фокуса американской внешней политики, то в будущем будет неизбежно вновь и вновь в него возвращаться, а Вашингтон (хотя это официально и отрицается) будет играть здесь роль оппонента континентальным державам, аналогичную той, что ранее имела Британская империя.

В Центральную Азию США совершили прорыв в качестве глобальной военной силы после открытия в 2001 г. «афганского фронта». Афганская кампания задавала направления военного сотрудничества США с Центральной Азией на последующие более чем полтора десятка лет.³⁹

Технически американцы уже сегодня в состоянии проводить со своих баз в Афганистане тайные операции с применением БПЛА на территории стран Центральной Азии без согласования с их руководством. Причем перечень возможностей беспилотников довольно обширен и включает разведку, анализ радиационной, биологической и химической обстановки, нанесение ракетно-бомбовых ударов по наземным целям, в т. ч. с целью ликвидации неугодных лидеров. Соединенные Штаты сформировали в Кыргызстане разветвленную агентурную сеть и свою службу наружного наблюдения, осуществляющую слежку за политическими деятелями, а также контрнаблюдение за сотрудниками ЦРУ.

³⁹ См.: Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. – М.: РИСИ, 2016. – 247 с.

По мнению ряда российских экспертов, усилия американской стороны в ЦА сосредоточены на нескольких направлениях. Они включают: военное проникновение в каспийский регион, где корпорации из США ведут разработку нефтяных месторождений; создание в Центральной Азии профессиональных подразделений по стандартам НАТО, способных участвовать в совместных операциях с Альянсом за рубежом; стимулирование реформы местных ВС по западному образцу, внедрение американской военной техники и доктрины, предусматривающей переход к созданию высокомобильных частей оперативного реагирования. Повышенное внимание Вашингтон уделяет каспийскому направлению, мотивируя это необходимостью защиты нефтяных промыслов от терроризма. Позиция Казахстана относительно программы «Каспийский страж» заключалась в том, что ее реализация возможна, но для этого необходимо согласие России. Это отдалило перспективу старта масштабного проекта Пентагона в районе Каспийского моря.

Применительно к Кыргызстану, отмечают исследователи, многолетняя работа с личным составом ВС и правоохранительных органов позволила американцам полностью раскрыть их структуру и организовать сбор информации о положении дел в республике. Были созданы благоприятные условия для изучения и вербовки американскими спецслужбами представителей силовых ведомств Кыргызстана. Атмосфера полной лояльности Вашингтону, сложившаяся среди многих высших офицеров, сделала возможным выдвижение на руководящие посты людей, ориентированных на интересы США. Еще одним следствием действий американцев стала деморализация сотрудников правоохранительных и специальных органов. В результате, во время «цветной

революции» милиция переходила на сторону восставших, а армия и национальная гвардия заявили о нейтралитете.

Соединенные Штаты предложили свой подход к проблеме наркотиков в регионе Центральной Азии. Усилия, как ни странно, были фактически сосредоточены на дальнейшем снятии барьеров между Афганистаном и сопредельными странами ЦА, с одной стороны, и на установлении патронажа над создаваемым здесь антинаркотическими структурами — с другой. В основе позиции Вашингтона, как представляется, лежали мотивы глобального противостояния с Россией и стремление ослабить ее влияние.

Таким образом, инструменты воздействия на страны ЦА, находящиеся в распоряжении Соединенных Штатов, весьма разнообразны. Для самих постсоветских республик последствия навязанных реформ во многих случаях оказались более чем сомнительными. Наибольший вес в процессе принятия хозяйственных решений среди государств Центральной Азии международные финансовые институты обрели в Кыргызстане и Таджикистане.⁴⁰

Ключевым вектором экономической стратегии США в ЦА стала борьба с российским интеграционным проектом. Белому дому не удалось предупредить создание в 2010 г. Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, а в дальнейшем — Евразийского Экономического Союза в 2015 г. При ограниченном уровне торговых связей такое навязчивое стремление Вашингтона вмешиваться в процессы региональной экономической интеграции в ЦА может объясняться только одним — интересами геополитического сдерживания России.

Кыргызстан по-прежнему остается в Центральной Азии

⁴⁰ См. Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. — М.: ИДВ РАН, 2016. — 376 с.

той республикой, где американские политтехнологи располагают самым разнообразным набором инструментов для манипуляции общественно-политическими процессами, включая разветвленные институты «мягкой силы». Свои представительства разместили формально негосударственные, но на деле тесно связанные с правительством США и софинансируемые из госбюджета распорядители американских грантовых средств: Национальный фонд в поддержку демократии (NED) и два аффилированных с ним учреждения — Международный республиканский институт (IRI) и Национальный демократический институт (NDI). Перечисленные объединения, если говорить образно, составили верхний этаж инфраструктуры «мягкой силы», откуда на нижние ярусы спускаются денежные ресурсы и проектные задания.

Второй эшелон системы образуют транснациональные западные НПО. Они устроены на сетевых принципах. На этом уровне оседает основная часть средств, выделяемых на программы «демократизации», и ведется работа по поиску, привлечению к сотрудничеству и руководству местными гражданскими активистами. Как правило, каждая из них придерживается определенной специализации. На нижней ступени описываемого механизма расположились местные некоммерческие организации, которые учреждаются гражданами государств ЦА и занимаются исполнением проектов «на земле». Это наиболее многочисленная прослойка, хотя средства до нее доходят лишь частично.

Страны различаются и по степени влияния западных зонтичных структур из первого и второго эшелонов на национальные НКО. Если из Узбекистана представительства наиболее одиозных иностранных организаций были выдав-

лены после андиганских событий 2005 г., а в Казахстане конкуренцию зарубежным грантам составили программы государственного социального заказа и единый государственный оператор по финансированию НКО, то «третий сектор» в Кыргызстане и Таджикистане с момента возникновения почти полностью ориентирован на получение западного финансирования. Определить масштабы финансовых вливаний Вашингтона в инфраструктуру «мягкой силы» в регионе можно лишь приблизительно, поскольку она поглощает средства сразу из нескольких источников. Пентагон, ЦРУ и иные военизированные и специальные службы США публично не афишируют детали своих бюджетов, но тоже традиционно спонсируют некоммерческий сектор. Наконец, американские усилия дополняются и дублируются разнообразными инициативами стран Евросоюза и международных организаций.

В общем и целом выстроенная за два с лишним десятилетия система охватывает самые разнообразные сферы общественной и государственной жизни Центральной Азии. Правозащитные объединения служат элементом протекции деятелей оппозиции и постоянного давления на национальные правительства. Соединенным Штатам удалось создать крепкие позиции в центральноазиатском информационном поле. Помимо этого США финансируют, а следовательно, влияют на редакционную политику множества местных «независимых» СМИ. Другой вектор — образование. Начиная с 1990-х гг. в ЦА развернута сеть высших учебных заведений, оказывающих образовательные услуги по западным стандартам.

В Центральной Азии действует 13 центров, имеющих такой официальный статус (больше всего — в Казахстане).

Всего через образовательные проекты США пропущены десятки тысяч граждан ЦА. Как показывает более подробное знакомство с ними, нередко именно здесь происходит первичная идеологическая обработка, прививаются ультралиберальные идеалы и закладывается основа негативно-критического отношения к собственной власти, традиции и истории. Здесь же воспитываются будущие внешнеполитические клиенты США по типу М.Саакашвили.

Таким образом, заключает ряд исследователей, американский истеблишмент не скрывает свою цель — глобальное доминирование США. Для ее достижения он считает допустимым вмешиваться во внутренние дела других государств вплоть до принудительной смены национальных правительств. Среди инструментов укрепления американского господства фигурирует «мягкая сила», которая в теории описывается как культурная экспансия, но на практике применяется как отлаженный механизм манипуляции массовым общественным сознанием зарубежных стран.

Свою дееспособность система доказала в ходе «тюльпановой революции» в Кыргызстане 2005 г., но постепенно ее возможности ослабевают под давлением ряда объективных факторов. К ним можно отнести смещение международных приоритетов на другие районы мира и сопряженное с этим урезание грантов на ЦА; удаленность региона от европейских союзников США и по совместительству соинвесторов в гражданское общество; возросшее недоверие к Белому дому со стороны среднеазиатских режимов и их меры по контролю над «третьим сектором»; наконец, укрепление на общественно-политической сцене региона позиций России и Китая, включая адаптацию ими американского опыта.

Кроме того, американцы слабо учитывают традиции и

особенности менталитета чужих народов, считая свою идеологию универсальной. Но, несмотря на это, списывать со счетов целый социальный класс, возникший при поддержке Америки и объединяющий десятки тысяч граждан Центральной Азии, пока преждевременно. У него еще будет возможность проявить себя в моменты политической турбулентности, которая почти неизбежно возникнет в ходе транзита власти в странах региона. К тому же неизвестно, как поведет себя администрация Д.Трампа.

Наконец, действуя в традиционном для себя стиле, американская сторона накрыла регион разветвленной сетью НПО, СМИ, образовательных учреждений и интернет-групп, вовлеченных в манипуляции общественно-политическими процессами.

Соединенные Штаты неуклонно сворачивали видимое присутствие в странах Центральной Азии в силу сочетания сразу нескольких факторов. Среди них стоит отметить стратегический уход из региона (транзитный центр в Манасе был закрыт в 2014 году по требованию Бишкека), ограниченную активность американских компаний (которая сегодня еще больше снизилась из-за уменьшения потребности в каспийской нефти и газе и постоянного откладывания разработки нефтегазового месторождения в Кашагане) и отсутствие крупных инвестиций. Это особенно очевидно в сравнении с масштабной программой Китая «Один пояс — один путь».

К вышесказанному следует добавить некую усталость с обеих сторон: деятельность гражданского общества США в регионе сокращается, а сообщество сторонников продолжения этой деятельности, похоже, утратило надежду на политические перемены в данном регионе. В то же время местные власти и общественное мнение в этих странах на-

строены все более критично или даже враждебно в отношении американских планов насаждения демократии и защиты прав меньшинств в странах Центральной Азии. Все чаще муссируются разные теории, согласно которым США порой стремятся умышленно дестабилизировать евразийские (как и ближневосточные) страны. Эти теории начинают определять общественное мнение в Центральной Азии.

Для Вашингтона каждая из стран Центральной Азии имеет свою специфику. С экономической точки зрения ключевым партнером для США является Казахстан. Здесь сосредоточены интересы крупных нефтегазовых компаний США. В сфере региональной безопасности для Вашингтона приоритетен Узбекистан. С учетом афганского фактора и общей границы уделяется отдельное внимание Таджикистану и Туркменистану. Однако Вашингтон, говоря о том, что существует единый формат диалога со странами Центральной Азии, как прагматичный игрок понимает, что регион не является единым целым. Американцы знают, что между странами Центральной Азии существуют серьезные трения. Поэтому говорить, что у Вашингтона выработана унифицированная стратегия по отношению к ним, не целесообразно. Формат «С5+1» больше похож на пиар-проект, на демонстрацию того, что США не утратили интерес к региону. Многовекторная внешняя политика — это именно то, что сейчас ожидает Вашингтон от своих партнеров в Центральной Азии.

Соседство с Афганистаном определяет заинтересованность США Центральной Азией. По мнению наблюдателей, активность Вашингтона в регионе всегда была ситуативной и краткосрочной. США сокращали присутствие в Центральной Азии сразу после того, как достигали поставленных целей. Сейчас такая цель — стабилизация в Афганистане.

Для этого Вашингтону необходима координация со всеми региональными силами, для чего и был создан формат диалога «С5+1». В августе 2016 года в рамках поддержки этого формата были разработаны пять проектов, на которые США готовы потратить всего 15 млн. долл.

Во все проекты — «Большая Центральная Азия», «Новый шелковый путь», «Большой Ближний Восток» - США вовлекали центральноазиатские страны, но создавались они в основном для улучшения обстановки в Афганистане. При этом через эти проекты США конкурировали с Россией и Китаем за лидерство в регионе. Как прогнозируется, после того как военный контингент США будет полностью выведен из Афганистана, интерес Вашингтона к региону вновь снизится.

Американские специалисты по ЦА выражают уверенность в том, что и новый президент продолжит тесно взаимодействовать с центральноазиатскими странами в формате «С5+1», но при этом перспективы проекта будут зависеть от самих государств региона, которые должны самостоятельно формировать повестку встреч С5+1. Тем самым, долгосрочность проекта С5+1 будет зависеть не столько от США, сколько от способности самих государств региона решить накопившиеся проблемы в отношениях друг с другом. Эксперты особо выделяют энергетические и приграничные противоречия между центральноазиатскими республиками. Естественно, что Белый дом вынужден принимать во внимание специфику каждого государства региона.⁴¹

Именно Казахстан находится в центре внимания не только Госдепартамента США, а в целом аналитических структур. Это проявляется в многочисленных докладах раз-

⁴¹ See: Ziegler Ch.E. Great powers, civil society and authoritarian diffusion in Central Asia // Central Asian Survey. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 4., pp. 549-569.

личных американских мозговых центров именно по Казахстану. Самое главное, что их интересует, это вопрос о сохранении после ухода Н.Назарбаева той внешнеполитической ориентации, которую в Казахстане называют многовекторной внешней политикой. Из всех стран Центральной Азии именно с Казахстаном у США сложились партнерские отношения, даже несмотря на участие Нур-Султана в ЕАЭС или на участие республики в ОДКБ. Естественно, Белый дом крайне заинтересован в неизменности курса страны при происшедшей смене власти.

В аналитических кругах США открыто говорится, что в сложившейся ситуации Казахстан — лучший кандидат для сотрудничества в регионе. У этой страны есть концепция развития, ресурсы и институциональный потенциал, необходимый для более активной роли лидера и для содействия переходу Центральной Азии на позитивную траекторию движения. У Казахстана есть серьезные достижения во внешней и внутренней политике, и, в отличие от других стран региона, он ставит себе крупные задачи на будущее. Его лидеры осуществляют искусную, сложную дипломатическую стратегию, позволяющую эффективно использовать связи с Китаем, Россией и Соединенными Штатами. Поддержка и стимулирование со стороны США могут помочь Казахстану двигаться в сторону более современной, открытой и диверсифицированной экономики. Со временем он, возможно, будет больше похож на Дубай и Сингапур - такую цель, кстати, и ставит руководство Казахстана, чем на Россию.⁴²

⁴² See: Starr S. Frederick, Engvall J., Cornell Svante E. Kazakhstan 2041: The Next Twenty-Five Years. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. – 67 p.

См. также: Laruelle M. (ed.) Kazakhstan in the Making. Legitimacy, Symbols, and Social Changes. – London, New York: Lexington Books, 2016. – 304 p.

В Вашингтоне учитывают то, что Кыргызстан выражает определенную разочарованность членством в ЕАЭС, снижением российской инвестиционной активности. Американцы уловили это изменение и готовятся к новым отношениям с этой страной. В 2017 году в Кыргызстане состоялись президентские выборы. Вашингтон рассчитывал на то, что смена руководства в Кыргызстане приведет к изменению внешней политики Бишкека.⁴³

Кыргызстан, если ей удастся стабилизировать свою политическую ситуацию, могла бы стать полезным партнером США, но из-за небольшого размера и скудных ресурсов она вряд ли будет опорой взаимодействия Америки с регионом. Таджикистан и Туркмения, по мнению Вашингтона, — проблемные страны; у Соединенных Штатов нет ни ресурсов, ни достаточно серьезных интересов, чтобы попытаться изменить путь их развития, и отношения с ними следует строить соответственно.

Узбекистан может занять более значимое место для дипломатии США в регионе, если правительство, которое оказалось у власти после ухода Каримова, будет менее репрессивным и больше ориентированным на реформы. С точки зрения безопасности и действий США в Афганистане эта страна, пожалуй, имеет наиболее важное значение. И хотя Соединенные Штаты стремятся сократить свое участие в афганских делах, до тех пор пока Вашингтон заинтересован в обеспечении безопасности Афганистана, Ташкент останется его важным партнером.

Американские эксперты убеждены, что после ухода И.Каримова резкого колебания курса у Узбекистана не будет, во всяком случае, на первых порах. Ш.Мирзиёев, бу-

⁴³ See: Engvall J. The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016. - 240 p.

дучи и.о. президента заявил, что продолжит политику предшественника: Узбекистан будет отстаивать в первую очередь свои интересы, и не станет входить ни в какие региональные блоки. Вероятно, что на какой-то период времени Узбекистан продолжит в целом линию И.Каримова. Но со временем можно ожидать некоторых незначительных перемен. Но при этом нужно учитывать и фактор внешнего давления на Узбекистан. Китай и Россия заинтересованы в дистанцировании Ташкента от Вашингтона и во втягивании Узбекистана в сферу своего влияния.

Предполагаемая политика США в Центральной Азии

В США, формирующей общий «западный взгляд» на регион Центральной Азии, в последнее время наблюдается заметный рост «реалистического» (более взвешенного, чем во времена администраций Клинтона и Буша) подхода к оценкам роли и значения региона для национальных интересов Соединенных Штатов. Значительно больший вес приобретают оценки, в которых Центральная Азия рассматривается в Вашингтоне как регион, представляющий ограниченный интерес. И как стало ясно в дальнейшем, при Д.Трампе данный подход возобладал.

Американская аналитика в последнее время исходила из предположения, что значительные геополитические изменения и нестабильная ситуация в среднеазиатских государствах создают предпосылки для усиления соперничества США с Россией и Китаем за влияние в регионе. В то же время Центральная Азия становится все менее восприимчивой к американскому влиянию и программам по «распростра-

нению демократии». Исходя из этого, эксперты предлагают будущей администрации адаптировать свою региональную политику к сложившимся условиям, и скоординировать цели Вашингтона в Центральной Азии с его ресурсами. Указывается, что прежний подход с его чрезмерными обещаниями, постановкой амбициозных, но нереалистичных задач ведет лишь к взаимному раздражению и вызывает в регионе дальнейшее разочарование в США.

Основания для пересмотра политики США, согласно аналитическим выкладкам американских стратегов, выглядят следующим образом.

По мере сокращения военного присутствия США в Афганистане значение Центральной Азии как «ворот» в эту страну в стратегических расчетах Вашингтона тоже будет уменьшаться. Первые 25 лет своей независимости государства Центральной Азии были геополитически ориентированы на Запад. Сегодня Центральная Азия движется в ином направлении. В регионе происходит крупный геополитический сдвиг, результатом которого станет ослабление связей с евроатлантическим сообществом и усиление влияния и значения Китая. В обозримом будущем главными партнерами стран Центральной Азии в сферах политики, экономики и безопасности будут Пекин и Москва: это связано с преобладающим экономическим влиянием Китая в регионе и остаточным присутствием России.

Эти изменения вызовут сокращение присутствия и влияния Америки в регионе и усложнят задачу по превращению центральноазиатских стран в демократические государства с рыночной экономикой, связанные друг с другом региональной экономической интеграцией. В этих новых условиях реализация важных для Вашингтона задач потребует значи-

тельных изменений в политике США.

Сейчас в Центральной Азии задаются вопросом, какой характер могла иметь внешняя политика США. Конечно, при Д.Трампе США не покинули регион полностью, однако в среднесрочной перспективе, стоит ожидать дальнейшего угасания интереса со стороны США к бывшим советским республикам в Центральной Азии. Очевидно, что американский президент не будет лично заниматься центральноазиатским направлением, чего можно было ждать от Х.Клинтон, а полностью делегирует работу с регионом своим помощникам, причем не самого первого ранга.

Показательно, что Д.Трамп, судя по всему, не вполне дифференцировал центральноазиатские республики, хотя подобная ситуация была характерна и для высших должностных лиц в администрации Б.Обамы. Говорить о том, что у США в регионе есть серьезные экономические интересы, не стоит даже в случае с Казахстаном, где американский капитал присутствует в нефтегазовой отрасли. Соответственно, основной движущей силой участия США в Центральной Азии вновь будет политика.

На формирование политики Соединенных Штатов оказывает воздействие и то обстоятельство, что в настоящее время они вынуждены распределять свое внимание и ресурсы сразу между несколькими важными регионами, каждый из которых является сейчас более приоритетным для Вашингтона, чем Центральная Азия.

Что касается заявлений Д.Трампа о налаживании отношений с Россией, то возможно мы станем свидетелями того, что его обещания будут в некоторой степени реализованы. По крайней мере, на центральноазиатском направлении резкого всплеска антироссийской деятельности со стороны США

не последует, но и коренного перелома в ситуации ожидать не стоит.

Вместе с тем, угасание американского влияния в регионе будет происходить довольно медленно, потому что сохраняется преемственность американских институтов. Сеть дипломатических представительств и различных неправительственных образований продолжит работать, хотя ее деятельность уже и не будет такой интенсивной. Будут также работать структуры, связанные с Демократической партией, которые как и прежде ориентированы на глобалистскую повестку дня, продвижение так называемых демократических ценностей. Однако изменения могут произойти с уменьшением объема их финансирования.

В первую очередь приход Д.Трампа ударил по всевозможным социальным программам и различным грантополучателям. Здесь речь идет не об идеологической составляющей. Просто на их проекты американских денег уже не будет хватать так, как раньше, когда администрация Б.Обамы в ультимативной форме приказывала структурам Госдепа и посольствам США в регионе поддерживать и развивать ЛГБТ-движения в центральноазиатских государствах. Эти процессы не будут сопровождаться громкими заявлениями, просто в какой-то момент прозападные НКО и грантополучатели почувствуют, что выделяемых американцами средств начинает критически не хватать.

Приход Д.Трампа к власти явно мог снизить этот накал несбывшихся ожиданий. Победа Д.Трампа также означает, что все амбициозные американские инициативы — Большая Центральная Азия, CASA-1000, C5+1, TAPI, которые декларировались в регионе уже добрый десяток лет, будут находиться в полужамороженном состоянии. Не секрет, что

эти проекты не имеют под собой подлинной экономической составляющей, а по сути, политически мотивированы и направлены на разрушение старых связей и переконструирование региона в выгодной Вашингтону форме.

Поскольку новое руководство США кажется более ориентированным на внутренние проблемы, такие регионы как Центральная Азия будут находиться на одном из последних мест в списке приоритетов во внешней политике Трампа. Поэтому вкладывать большие деньги в эти проекты в администрации 45-го президента США, скорее всего не будут. Никто не будет закрывать данные проекты, но будет проводиться вялотекущая работа, явно недостаточная для полной реализации американских целей.

В случае с Центральной Азией, представляется, что по-прежнему для определения американской политики в регионе важную роль будет играть Афганистан. Трамп указывал на то, что американские войска в Афганистане должны оставаться «еще на какое-то время», хотя он и признает, что это скорее вынужденная мера.

Говоря о перспективах центральноазиатского направления американской политики, необходимо принимать во внимание и тот факт, что 45-го президента будут окружать советники и соратники по республиканской партии. Многие из этих людей поддерживали не только кампанию в Афганистане, но и в Ираке, к которой общественное мнение в США настроено еще более враждебно.

Можно сделать вывод, что политический курс США в отношении Центральной Азии в постафганской перспективе подвержен влиянию многих неопределенных факторов. Вашингтон наметил для себя довольно четкий план действий, однако успех этого плана, хотя бы частичный, зависит от

выполнения слишком многих плохо прогнозируемых условий. Основой дальнейшей американской политики в регионе будет являться проект «Нового шелкового пути». Очевидно, что это решение было принято еще задолго до начала вывода войск США из Афганистана и мотивировано главным образом стремлением непременно закрепить американское влияние в этой стране, сохранить каналы для воздействия на внутреннюю ситуацию. Однако именно по этой причине перспективы американской политики в Центральной Азии оказываются весьма уязвимыми из-за ее полной зависимости от будущего развития событий в Афганистане.

Американские инфраструктурные проекты являются весьма рискованными, если не сказать, обреченными на провал. В свою очередь, данное обстоятельство создает угрозу перспективам политики Вашингтона в Центральной Азии, так как через некоторое время США могут лишиться сколько-нибудь значимой повестки дня в отношениях с республиками региона. Подчинив свою центральноазиатскую политику решению американских задач в Афганистане (помимо Пакистана и Индии), Соединенные Штаты фактически сделали ее заложницей развития ситуации в этой весьма сложной стране. Такой подход представляется совершенно нелогичным, а, скорее всего, свидетельствует о том, что в нынешних условиях Центральная Азия имеет для США маргинальное значение.

Вместе с тем в США рассматривают еще один на первый взгляд довольно экзотический сценарий возможной дестабилизации обстановки в Центральной Азии. Приводятся экспертные оценки, согласно которым в регионе существует высокая (около 40%) вероятность того, что в ближайшее время там произойдет землетрясение катастрофических масшта-

бов. Есть вероятность, что при неблагоприятном развитии событий такая катастрофа может спровоцировать крупные общественные беспорядки, например, если землетрясение затронет перенаселенную Ферганскую долину. В дополнение к природному бедствию этой ситуацией, весьма возможно, попытаются воспользоваться исламские экстремисты.

Рекомендации для Вашингтона, которые подготовило американское аналитическое сообщество накануне прихода к власти Д.Трампа, включают в себя следующие элементы:

- Выстроить иерархию сотрудничества; т.е. сделать приоритетным сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном.

- Признавать и принимать вклад и возможности других государств; т.е. признать, что у США в регионе есть некоторые общие цели с Россией и Китаем, и найти способ использовать действия Пекина и Москвы для реализации американских интересов.

- Не настаивать на реформах, если на них нет спроса; т.е. требования перемен должны исходить от самих граждан стран Центральной Азии, а реформаторская программа США должна быть нацелена в первую очередь на улучшение социально-экономического положения, а не распространение демократии.

- Найти баланс между безопасностью и ценностями; т.е. не ставить сотрудничество в сфере безопасности в зависимость от ситуации с правами человека.

- Избегать милитаризации политики США в качестве ответа на преувеличенную угрозу исламского экстремизма. Т.е. Вашингтону не следует преувеличивать угрозу безопасности США, исходящую от исламского радикализма в регионе, и, соответственно, реагировать на нее чересчур болезненно.

- Эффективнее использовать имеющиеся рычаги влия-

ния, «набивать себе цену» и ставить более реалистичные задачи, выстроенные по степени важности.⁴⁴

Таким образом, американская политика при администрации Д.Трампа в отношении Центральной Азии будет и дальше формироваться в контексте текущих интересов и приоритетов Соединенных Штатов на мировой арене, ограничений финансирования Пентагона и помощи иностранным государствам, в конкуренции с другими проблемами, требующими внимания властей США. Ряд кризисов, разразившихся в это же время в других регионах, вытесняет «среднеазиатскую тему» из западной геополитической повестки дня. Кампания против ИГИЛ в Сирии и Ираке, кризис на Украине, гражданские войны в Северной Африке, вступление в действие соглашения с Ираном и противостояние России и Китаю намного превосходят по значению события в регионе, который не рассматривается Вашингтоном в качестве источника прямых угроз безопасности США.

Центральная Азия сейчас и в обозримой перспективе важна для американцев не сама по себе, а лишь как средство воздействия на континентальные центры силы, конкурирующие с Западом. Кроме того, Центральная Азия окружена крупными державами, у которых с ней намного больше интересов и связей. У США нет первостепенных интересов в Центральной Азии, но у них есть цели, связанные со «сдерживанием» Китая, Ирана и России. Все это вместе приводит к тому, что в политической повестке Запада соседям Центральной Азии придается гораздо большее значение, чем ей самой.

У США нет таких географических преимуществ и значительных интересов в Центральной Азии, как у России и

⁴⁴ См.: Румер Ю, Сокольский Р., Пол Стронски П. Политика США в Центральной Азии. – М.: МЦК, 2016. – V+41 с. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P., U.S. Policy toward Central Asia. Carnegie Endowment for International Peace – January, 2016. - 35 p.

Китая. С учетом этих реалий Америке стремится взять на вооружение один из вариантов стратегии «уравновешивания издалека» - использовать свой инструментарий в сфере политики, экономики, а при необходимости и безопасности, чтобы выборочно выступать в качестве партнера ЦА и компенсировать геополитический вес РФ и КНР. По мнению некоторых американских аналитиков, «уравновешивание издалека» является способом избавить США от бремени непосредственного обеспечения безопасности, делегировав задачу поддержания баланса сил в нестабильных регионах другим.

В целом, прогноз дальнейшего развития американской стратегии и тактики в отношении Центральной Азии и динамика развития казахстанско-американских отношений строится на том, что политику по отношению к региону в целом и РК в частности в любом случае будет определять и формировать Государственный департамент. В результате Вашингтон будет упорно наводить руководство государств региона на мысли о необходимости дистанцироваться от России и придерживаться внешнеполитического суверенитета.

Есть все основания полагать, что Д.Трамп сохранит американское военное присутствие в Афганистане, хотя и в сильно сокращенном виде, однако это не потребует создания новых военных баз на территории центральноазиатских государств.

Таким образом, можно предположить, что резкого изменения политического курса США в Центральной Азии не произойдет, а будет продолжаться медленное снижение американского влияния в регионе.

Но на этом фоне стратегия Соединенных Штатов будет сосредоточена не столько на расширении собственных экономических связей, сколько на задачах геополитического

сдерживания России и Китая. Белый дом продвигает транзитные коридоры и интеграционные планы, альтернативные предложениям Москвы и Пекина и призванные снизить их влияние на экономику ЦА. В целом в последние годы Соединенные Штаты Америки шаг за шагом теряют позиции в региональной интеграционной «гонке». Резко изменить эту неприятную для них тенденцию способно, по-видимому, только приведение к власти в нефтегазодобывающих и транзитных странах ЦА лояльных правительств, которые станут проводниками враждебной России экономической политики.

Американо-российская «Большая игра», конечно же, продолжится, и соперничество России и США будет оставаться ключевым в ее конфигурации. В сфере региональной торговли и экономического развития США также преследуют цель вывести Центральную Азию из орбиты влияния России. Однако в силу географических факторов возможности Вашингтона в этом сильно ограничены. При сохранении нормальных условий противостояние между США и Россией будет протекать в «мягком» режиме. Под нормальными условиями подразумевается отсутствие резких негативных изменений в странах региона. При этом Соединенные Штаты в проведении своего внешнеполитического курса будут ограничены некоторыми факторами. Прежде всего, они признали, что трудно провести политическую трансформацию региона в условиях ограниченных дипломатических ресурсов. Кроме того, содействие демократическим преобразованиям наносит ущерб реальным интересам Белого дома.

Если отношения США со странами Центральной Азии зайдут в тупик, это самым пагубным образом скажется на интересах Вашингтона в регионе. К тому же устойчивое

развитие Афганистана и региона в целом зависит от сотрудничества с центральноазиатскими государствами, без экономического участия которых американский план в регионе не сможет реализоваться. Поэтому в случае политической нестабильности в Центральной Азии, учитывая уроки прошлого и свои реальные возможности, американцы не смогут взять на себя инициативу по смене режима, будут соблюдать статус-кво и ждать более благоприятной обстановки.

В случае же резких изменений во внутривосточной ситуации в Центральной Азии, Вашингтон будет готов активно вмешаться в процесс. Принимая во внимание американский способ ведения внешней политики, можно предположить, что они будут склонны к применению гибких методов воздействия, включающих в себя экономическое сотрудничество, культурные обмены и воздействие по каналам неправительственных организаций. Центральноазиатские государства расположены далеко от Запада, поблизости нет ни Европы, ни Японии, союзников США. Страны Центральной Азии по-прежнему не могут существовать без тесных связей с Россией и Китаем. Когда нет конфронтации центральноазиатских государств с Россией, США в случае противостояния с Москвой не имеют шансов на успех.

Стоит отметить, что суть и форма «Большой игры» будут существенно меняться. Изгнав США из опорных пунктов региона, Россия одержала полную победу в этом вопросе, военные базы больше не будут объектами конкурентной борьбы двух сторон. Но это вовсе не означает конец конкуренции Москвы и Вашингтона в военной области. США не сдались и не вышли из игры, они будут продолжать развивать военное сотрудничество со странами Центральной Азии, работая на расширение американского военного присутствия.

Энергетические трубопроводы по-прежнему являются частью геополитического и геоэкономического соперничества, но степень его накала будет постепенно снижаться. В то же время укрепление позиций США имеет свои особенности и иную модель поведения. В целом они проявили гибкость в отношении Центральной Азии, укрепили сотрудничество, не дожидаясь изменений политических режимов на новые, более «дружественные». Другими словами, Вашингтон выигрывает время для продолжения борьбы с Россией. Если главная геополитическая цель Вашингтона состоит в том, чтобы предотвратить «восстановление российской империи» на просторах бывшего СССР, то Центральная Азия является одним из главнейших форпостов сдерживания России. Именно Москва рассматривает Центральную Азию как свою «сферу влияния», в то время как Китай не имеет планов по созданию зон контроля. Поэтому в ближайшем будущем США будут рассматривать Россию в качестве главного конкурента.

Если Запад, теоретически, может без особого ущерба для себя занять совершенно индифферентную по отношению к Центральной Азии позицию, то Россия и Китай, в силу очевидных военно-стратегических причин, такого себе позволить не могут.

Исходя из дискуссий американского научного сообщества на тему интересов США в Центральной Азии, можно сделать вывод, что гарантия государственного суверенитета стран региона остается сердцевиной американских интересов в регионе. Китай не угрожает суверенитету центральноазиатских республик, поэтому он не конкурент Америки. Вместе с тем, китайское влияние проявляется в экономической сфере. Таким образом, Китай не в состоянии достичь гегемонии

в Центральной Азии. Поскольку Пекин не будет претендовать на главенствующую роль в регионе, США не настроены воспринимать его здесь как главного конкурента.

В отличие от критики в адрес России США значительно меньше критиковали китайскую политику в регионе Центральной Азии. Настоящими действующими лицами «Большой игры» в Центральной Азии являются США и Россия. Поэтому истинный смысл «Большой игры» состоит в американо-российском геополитическом противостоянии в регионе. Американо-российское внешнеполитическое маневрирование носит целостный и системный характер, имеет свою стратегию, цели, курс развития и выражается в конкретных действиях. В целом, если Россия хочет сохранить статус-кво, то США, наоборот, надеются его изменить. В результате Вашингтон предпочитает политику поддержки смены власти, в то время как Москва настроена на поддержание режимов в регионе. Это можно наблюдать в дипломатической практике двух стран в Центральной Азии.

Таким образом, ожидать консенсуса интересов в треугольнике «Россия — США — Китай» в среднесрочной перспективе вряд ли возможно. Скорее всего, при благоприятном развитии событий сохранится достигнутый в предыдущие годы статус-кво.

Знаковым событием стал визит госсекретаря США М.Помпео в Казахстан и Узбекистан в феврале 2020 г. (а также в ряд других республик СНГ). Данный визит подтвердил, что на настоящем этапе регион находится на периферии стратегических интересов Соединенных Штатов и администрации Д.Трампа. Однако базовые цели и задачи Вашингтона остаются прежними: поддержка суверенитета государств региона (от влияния РФ, КНР, ИРИ), сохранение «геополитиче-

ского плюрализма», обеспечение безопасности ввиду соседства с Афганистаном и активизации радикального ислама, поддержка международных транспортно-инфраструктурных проектов, внедрение западных нормативных ценностей и т.д.

М.Помпео представил в ходе заседания министерской встречи С5+1 в Узбекистане новую стратегию США по Центральной Азии. Следует отметить, что на момент запуска этот формат был уникальным, поскольку у стран региона не было своей диалоговой площадки. США в этом проекте выступали в роли медиатора. Однако сегодня ситуация изменилась и острая потребность в таком диалоге свелась к минимуму. Страны региона действуют самостоятельно, на это указывают проходящие на регулярной основе саммиты глав стран Центральной Азии.

Глава американской дипломатии сообщил, что обсудил с министром иностранных дел Узбекистана Абдулазизом Камиловым пути улучшения делового климата, укрепление верховенства закона и обеспечение устойчивых экономических возможностей во всех сферах жизни Узбекистана. По его словам, казначейство США скоро предоставит республике техническую помощь для ключевых реформ финансового сектора и налоговой политики. США также готовы помочь Узбекистану в развитии рынка капитала в дополнение к прочему содействию финансовым реформам страны. Ожидается одобрение Конгрессом технической помощи Узбекистану в этих целях в размере 1 млн. долл. Эксперты не исключают, что на встречах в Ташкенте говорили и о том, что вступление Узбекистана в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) осложнит присоединение республик к ВТО.

Отдельно М.Помпео затронул тему Афганистана. Он поблагодарил руководство Узбекистана за постоянные усилия

по поддержанию мира и примирения в Афганистане. Однако в представленной стратегии США по Центральной Азии Афганистан фигурирует в качестве реципиента, ответственность за который возлагается на Ташкент. США же интересуют в регионе только три страны — Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

Практически одновременно с визитом госсекретаря М.Помпео госдепартамент США представил 5 февраля новую американскую стратегию по Центральной Азии. Из документа и устных пояснений американских дипломатов следует, что Вашингтон готов соперничать за влияние на этот регион с Москвой и Пекином. США хотели бы, чтобы государства Центральной Азии выступали единым блоком и укрепляли связи не с Россией и Китаем, а с Афганистаном и Пакистаном. Впрочем, сама стратегия мало что говорит о конкретных планах Вашингтона на этот регион. Москву куда больше беспокоят практические шаги США.

В документе утверждается, что США уже вложили в регион много денег: \$9 млрд. прямой помощи на государственном уровне, \$31 млрд. частных инвестиций и более \$50 млрд. в виде кредитов и технической помощи от международных структур с участием США (Всемирного банка, Международного валютного фонда и ряда других организаций). Отдельно отмечается, что США вложили более \$90 млн. в укрепление границ центральноазиатских государств, провели 200 военных учений и повысили квалификацию более 2,6 тыс. пограничников. Кроме того, 40 тыс. школьников, студентов, специалистов и госслужащих из стран региона прошли стажировку или обучение в США.

Директор отдела Южной и Центральной Азии в Совете национальной безопасности США Лайза Кертис заявила,

что над новой стратегией специалисты работали год. Она рассчитана на пять лет (2020—2025) и призвана заменить аналогичный документ 2015 года, составленный еще при администрации Б.Обамы. Революционных изменений в подходах нет, но есть важные нюансы: так, в новой стратегии подчеркивается, что Центральная Азия теперь рассматривается американскими властями как геостратегически важный регион вне зависимости от присутствия США в Афганистане.

Кто именно угрожает суверенитету и независимости государств Центральной Азии, в письменной части стратегии не указано и не говорилось в устных пояснениях, но контекст не оставляет сомнений: это Россия, Китай и в некоторой степени Иран.

Таким образом, Вашингтон предлагает экономические преференции и помощь в привлечении инвестиций взамен на дистанцирование от Москвы и Пекина, а также самостоятельную внешнюю политику не только на региональном уровне, но и на международной арене. Вашингтон предлагает экономические преференции и помощь в привлечении инвестиций взамен на дистанцирование от Москвы и Пекина, а также самостоятельную внешнюю политику не только на региональном уровне, но и на международной арене.⁴⁵

В Москве не сомневаются, что план США направлен на отторжение центральноазиатских государств от России и Китая и вовлечение их в курируемые США региональные проекты в сфере безопасности и энергетики. Несмотря на происходящую в начале этого года активизацию Вашингтона в зоне стратегических интересов России, у Москвы сохраняются немалые возможности для контригры.

Так, российская сторона планирует в этом году провести

⁴⁵ United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. Report. Bureau of South and Central Asian Affairs. February 5, 2020.

свои переговоры в формате «5+1» со странами Центральной Азии – это будет третья по счету встреча в таком составе. Кроме того, Москва намерена продолжать укреплять связи в сфере безопасности в рамках ОДКБ. В Москве не скрывают, что российская сторона заинтересована если не в полноценном возвращении Ташкента, то, как минимум в вовлечении его в деятельность организации.

В Москве прилагают все усилия, чтобы в ходе него было объявлено о расширении Евразийского экономического союза – вступлении в него Ташкента. Следующим кандидатом на присоединение к ЕАЭС должен стать Таджикистан. При этом США и ЕС дают понять как Узбекистану, так и Таджикистану, что вступление в ЕАЭС может негативно сказаться на их торгово-экономических связях с западными странами.

Американо-российская «Большая игра» продолжится, и соперничество России и США будет оставаться ключевым в ее конфигурации. Если отношения США со странами Центральной Азии зайдут в тупик, это самым пагубным образом скажется на интересах Вашингтона в регионе. К тому же устойчивое развитие Афганистана и региона в целом зависит от сотрудничества с центральноазиатскими государствами, без экономического участия которых американский план в регионе не сможет реализоваться.

Стоит отметить, что суть и форма «Большой игры» будут существенно меняться. Изгнав США из опорных пунктов региона, Россия одержала полную победу в этом вопросе, военные базы больше не будут объектами конкурентной борьбы двух сторон. Но это вовсе не означает конец конкуренции Москвы и Вашингтона в военной области.

В отличие от критики в адрес России США значи-

тельно меньше критиковали китайскую политику в регионе Центральной Азии. Настоящими действующими лицами «Большой игры» в Центральной Азии являются США и Россия. Поэтому истинный смысл «Большой игры» состоит в американо-русском геополитическом противостоянии в регионе.

В случае же резких изменений во внутривосточной и военно-стратегической ситуации в Центральной Азии, Вашингтон будет готов активно вмешаться в процесс.

Таким образом, ожидать консенсуса интересов в треугольнике «Россия — США — Китай» в среднесрочной перспективе практически невозможно. Скорее всего, при благоприятном развитии событий сохранится достигнутый в предыдущие годы статус-кво.

Европейский Союз — Центральная Азия

В 2007 г. Совет Европейского союза принял документ «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства (The EU and Central Asia: Strategy for New Partnership)», в котором была закреплена общая для стран-членов организации внешнеполитическая стратегическая линия по отношению к региону Центральной Азии. Стратегия была весьма обширной и предусматривала сотрудничество и развитие отношений между Европой и Центральной Азией в сфере энергетики, борьбы с терроризмом и охраны границ, образования (Европейская образовательная инициатива), развития законодательства и права (инициатива Верховенство закона), защиты прав человека. При этом для каждой сферы были предусмотрены разнообразные подходы и пути реализации, подразумевающие как многосторонний, общерегио-

нальный формат, так и углубление отношений с конкретными странами региона.

В 2012 и 2015 гг. ЕС заявил о правильности выбранного курса, определенного в Стратегии. В 2015 и 2017 гг. стратегия корректировалась и дополнялась. В частности, был усилен акцент на взаимодействии в области безопасности и энергетики. В июне 2017 г. Стратегия начала адаптироваться к принятой Глобальной стратегии ЕС.

Главный недостаток стратегии ЕС 2007 года заключался в ее всеобъемлющем характере при очевидном недостатке действенных инструментов и низкой заинтересованности центральноазиатских стран. Зачастую их лидеры начинали совместные образовательные или правовые программы, только для того, чтобы получить материальную помощь. Поэтому, несмотря на общую привлекательность европейской стратегии для стран Центральной Азии и высокую активность самого ЕС, реализовать ее так и не удалось. Четыре раза в стратегию вносились поправки и дополнения с целью повысить ее эффективность, однако предложенные инициативы и совместные программы имели практически нулевой результат. Экономическое отставание Центральной Азии усилилось, ее доля в мировом рынке разделении труда осталась минимальной, ситуация в сфере прав человека и развития демократических государственных институтов деградировала, что в совокупности привело к распространению в регионе исламского фундаментализма и радикализма и в целом сделало Центральную Азию менее стабильной.

Вместе с этим, несмотря на неудачи политики ЕС в Центральной Азии, интерес Европы к региону не уменьшился, а, напротив, возрос. Наиболее привлекательной

сферой сотрудничества ЕС и Центральной Азии была и остается энергетика. В период с 2007 по 2017 гг. не только увеличилась естественная потребность стран Евросоюза в энергоресурсах из-за сокращения внутреннего производства, но и, что более существенно, серьезные изменения произошли на европейском рынке нефти и газа. После падения мировых цен на углеводороды в 2014 г. многократно возросла конкуренция между основными европейскими поставщиками — Россией, Норвегией и Алжиром. Кроме того, при данных обстоятельствах в Европе появился новый перспективный игрок — США.

В этой связи как никогда актуальным для Европы стал вопрос о необходимости диверсифицировать импорт энергоресурсов с целью защиты собственного суверенитета и политической стабильности, чем и объясняется возросший интерес европейцев к альтернативным регионам добычи нефти и газа — к Азербайджану, Ирану, Ираку и странам Центральной Азии.

Другим существенным вопросом отношений Европы и стран Центральной Азии является безопасность и совместная борьба с угрозами терроризма, исламского фундаментализма и радикализма. Ситуация в данной сфере в период с 2007 по 2017 гг. также существенно изменилась. Основной центр нестабильности переместился из Афганистана в Сирию, где затяжной военно-политический кризис создал благоприятную среду для распространения экстремистских идеологий и возникновения новых террористических организаций. И Европейский Союз, и Центральная Азия оказались под прямой террористической угрозой, поскольку оба региона лидируют по показателям иммиграции населения с целью присоединения к таким группировкам, как, на-

пример, «Исламское государство» (запрещенная в России террористическая организация).

Европа, подвергаясь серии крупных террористических атак, активно ищет механизмы ограничения и контроля над данными процессами. Находящаяся в непосредственной близости к региону Центральная Азия предоставляет для этого большие возможности. Кроме того, сама Центральная Азия оказалась под сильным влиянием радикального ислама. Поэтому вторым важным мотивом ЕС в регионе является намерение сохранить его стабильность и не допустить превращения Центральной Азии в новый очаг террористической активности.

Наконец, третьей сферой пересечения интересов Европейского Союза и Центральной Азии является транспорт и инфраструктура. Потенциал сотрудничества в данной области действительно велик. Во-первых, для Европы центральноазиатские страны представляют ценность как новые рынки сбыта продукции. Сегодняшний уровень торговли между ЕС и странами Центральной Азии далек от потенциального уровня, поэтому европейский бизнес сильно заинтересован в развитии в регионе инфраструктуры, что позволит вывести торговые отношения на новый уровень. Во-вторых, для Европы не менее важен транзитный потенциал Центральной Азии, поскольку она в перспективе может связать ее с крупнейшим европейским торговым партнером — Китаем, который также проявляет большую активность на данном направлении, в частности, в рамках стратегии «Один пояс, один путь». Разумеется, находящиеся в самом центре Евразии центральноазиатские страны с энтузиазмом готовы принять любые новые проекты, упрощающие доступ на мировые рынки.

В итоговом документе заседания Совета международных отношений ЕС от 19 июня 2017 г. отмечается, что Евро-

пейский Союз считает страны Центральной Азии важными партнерами, отношения с которыми следует развивать и расширять, в связи с чем признается необходимость принятия новой внешнеполитической стратегической концепции.

В дополнительном протоколе заседания Совета по международным делам отражены некоторые тезисы, которые будут в нее включены. В частности, в нем говорится о том, что в отношениях между Европой и странами Центральной Азии будут сохранены как старые, доказавшие свою эффективность механизмы и инициативы (в сфере образования, защиты прав человека и помощи в развитии демократических институтов), так и будут созданы новые. Особый акцент сделан на проблемах безопасности, развития инфраструктуры и экономики стран региона. Отмечена заинтересованность ЕС в присоединении Центральной Азии к проекту Южного газового коридора. Много внимания Совет международных отношений уделил конкретным проблемам Центральной Азии, таким как, например, нехватка воды, безработица, бедность, неравенство, охрана границ, незаконный оборот оружия, наркотиков и работорговля.

Важнейшей особенностью новой стратегии должна была стать ее однородность и эффективность. Для этих целей предполагается тщательно согласовывать политику стран-членов ЕС как между собой, так и со специальными многосторонними институтами, детально контролировать исполнение региональных инициатив, активнее заниматься информационным сопровождением европейской политики в Центральной Азии путем развития образовательных программ, местных независимых СМИ и привлечения к работе международных организаций — Совета Европы, ОБСЕ, ООН.

На первый взгляд может показаться, что новый стра-

тегический подход Европейского Союза по отношению к Центральной Азии мало отличается от стратегии 2007 г., однако более пристальный взгляд на нее в контексте современных интересов ЕС показывает, что отличия существенны. От всеобъемлющего характера стратегической концепции 2007 г. европейцы пришли к более четкому представлению о собственных национальных интересах. ЕС будет заниматься, прежде всего, теми направлениями в Центральной Азии, которые представляют для нее наибольший интерес — развитием энергетики, экономики, инфраструктуры и обеспечением безопасности в регионе. Остальные элементы европейской политики в сфере образования, государственного управления, прав человека и т.д. также будут совершенствоваться, однако в той степени и в тех областях, которые необходимы для успешной реализации главных целей стратегии. Кроме того, совершенно очевидным является намерение европейцев сделать стратегию более эффективной, пусть и за счет сокращения ее масштаба.

Хотя сами европейцы признают ограниченность собственных возможностей в Центральной Азии, более активная политика Европы в регионе приведет к заметным геополитическим сдвигам и переменам в отношениях между основными региональными игроками — США, Россией и Китаем. Совет Евросоюза утвердил новую стратегию в отношениях со странами Центральной Азии, утвержденную Советом ЕС на заседании в Люксембурге 17 июня 2019 г. и представленную 7 июля в Бишкеке. Проект Стратегии представила 15 мая Еврокомиссия. С ее помощью Брюссель планирует выстроить «более сильное, современное и неэксклюзивное партнерство» с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном. Формулировка подразумевает,

что ЕС не собирается ставить эти страны перед выбором «или - или». В проекте стратегии отмечается, что новые соглашения о партнерстве и сотрудничестве ЕС со странами Центральной Азии совместимы и с другими интеграционными инициативами, такими как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), куда входят Казахстан и Кыргызстан.

Среди основных новых вызовов - гибридные угрозы и кибератаки. ЕС готов делиться знаниями и информацией как по кибербезопасности, так и по идентификации гибридных угроз. Брюссель также планирует продвигать принципы равенства полов и усиления роли женщин, надеясь, что это принесет дополнительные положительные сдвиги, например, в противодействии радикализации.

Один из пунктов новой стратегии - развитие сотрудничества Афганистана со странами Центральной Азии. Еврокомиссия надеется, что участие Кабула в совместных с центрально-азиатскими государствами программам и проектах поспособствует стабилизации ситуации в Афганистане. В числе проектов — формирование современного пограничного контроля между странами Центральной Азии и Афганистаном.

Одна из главных целей Евросоюза, которых он стремится достичь с помощью новой стратегии, - укрепление безопасности в Центральной Азии. ЕС также заинтересован в увеличении масштабов торговли, в том числе, энергоносителями, экспортируемыми странами центрально-азиатского региона.

Развитие регионального сотрудничества между центрально-азиатскими странами - это еще одна цель, достижению которой должна способствовать новая стратегия ЕС. В этой связи в документе упоминается первый неформальный саммит лидеров стран региона в Астане в марте 2018 года. Евросоюз крайне заинтересован в том, чтобы основными при-

знаками развития стран центрально-азиатского региона стали «основанные на определенных правилах сотрудничество и взаимосвязанность, а не конкуренция и соперничество», говорится в стратегии. В Брюсселе особо подчеркивают, что страны региона сами будут выбирать формы и темпы такого регионального сотрудничества, а ЕС будет только «поддерживать эти процессы», исходя из своего опыта.

В стратегии выделяют три приоритетных момента. Первый - укрепление стабильности в регионе. Речь идет, в первую очередь, о безопасности, но также и о борьбе с коррупцией и реформах, развивающих демократию и верховенство права. Второй - развитие экономики. Третий - активизация политического диалога, в котором Брюссель делает упор на привлечение гражданского общества и парламентов. В ЕС уверены, что Центральная Азия нуждается в новых моделях экономического развития и в диверсификации экономик. В частности, речь идет о развитии частного сектора, улучшении инвестиционного климата, уменьшении неравенства и ускорении перехода к «зеленой» и безотходной экономике.

На этот счет стратегия также содержит ряд конкретных инициатив. Так, Еврокомиссия планирует оказать помощь малому и среднему бизнесу в Центральной Азии, способствуя созданию европейских торговых палат в странах региона. Наконец, Брюссель обещает поддерживать вступление всех стран Центральной Азии во Всемирную торговую организацию (ВТО). В настоящее время Узбекистан и Туркмения в ВТО не входят.

Специалисты предлагают девять рекомендаций для будущего взаимодействия ЕС со странами Центральной Азии в области политики и безопасности. Их вполне можно рассматривать как стратегию ЕС на период действия новой Стратегии.

Во-первых, ЕС необходимо пересмотреть свои интересы в Центральной Азии. ЕС должен сделать это с учетом четырех факторов. Для начала, при пересмотре своих интересов ЕС должен учитывать новый контекст в Центральной Азии, а также новый контекст в странах, соседствующих с Центральной Азией. При пересмотре своих интересов в Центральной Азии ЕС должен реалистично оценивать то, чего он может достичь. Наконец, переопределение интересов ЕС также должно учитывать интересы центральноазиатских государств. Однако при этом важно проводить различие между интересами стран в целом и интересами элит, поскольку они необязательно совпадают.

Во-вторых, стратегия ЕС в отношении Центральной Азии должна быть сосредоточена на меньшем числе областей для того чтобы повысить эффективность.

В-третьих, в соответствии с предыдущим пунктом основные области, которые должны быть охвачены в будущем сотрудничестве между ЕС и Центральной Азией, должны быть определены на основе того, где ЕС может предоставить реальную добавочную стоимость и достичь конкретных результатов, а также в областях, где страны Центральной Азии имеют реальные потребности.

В-четвертых, существует потребность в дополнительных научно обоснованных знаниях о Центральной Азии. Более того, исследования в Центральной Азии должны в большей степени учитываться в процессе выработки политики.

В-пятых, ЕС должен продолжать работу в Центральной Азии как сверху вниз, так и снизу вверх. Помимо взаимодействия со странами Центральной Азии на правительственном уровне, ЕС должен продолжать поддерживать гражданское общество.

В-шестых, странам — членам ЕС необходимо больше участвовать в реализации данной стратегии. Это должно быть особенно распространено в тех областях, где государства — члены имеют сравнительные преимущества и где они воспринимаются в качестве образцов для подражания со стороны государств Центральной Азии.

В-седьмых, ЕС должен придерживаться более ориентированного на результаты подхода. Учитывая отсутствие конкретных результатов во многих областях, ЕС необходимо больше ориентироваться на достижение таких результатов.

В-восьмых, ЕС должен продолжать развивать региональное сотрудничество со странами Центральной Азии.

В-девятых, ЕС должен продолжать заниматься вопросом границ. Учитывая уникальный опыт ЕС в решении пограничных вопросов и жизненно важные потребности региона в улучшении управления границами, ЕС должен продолжать активную работу в области управления границами.

Таким образом, в настоящее время происходит кардинальное изменение подходов ЕС в центральноазиатской политике. Если в предыдущие годы стратегия партнерства ЕС и Центральной Азии предполагала серьезный компонент проектов в сфере политических реформ, развития НПО (неправительственных организаций), прав человека, то на будущее приоритет будет отдан реализации экономических проектов. Вместо навязывания своей повестки, своих приоритетов, проектов ЕС предлагает новый подход, когда идет сопряжение программ ЕС и стратегических целей развития.

В качестве приоритетов выделены такие направления, как рост доходов населения, создание рабочих мест, развитие частного сектора, усиление региональной торговли в ЦА.

Проекты ЕС предполагают работу по этим направлениям, в ЕС намерены способствовать повышению экономической активности в стране, созданию новых рабочих мест, особенно в сельских регионах.

Естественно, ЕС больше всего волнует возможности доставки энергоносителей из Центральной Азии на свой внутренний рынок. С этой целью ЕС поддерживает интеграцию стран Центральной Азии в единый рынок, а также публично-частное партнерство и финансовые реформы, прежде всего, приватизацию банковского сектора, предлагая для этого свое финансирование. Также ЕС настаивает на том, чтобы страны учитывали энергетическую политику ЕС.

Влияние НАТО на евразийские институты безопасности

Организация североатлантического договора позиционирует себя как самый успешный в истории и наиболее мощный в настоящее время военно-политический альянс. Тем не менее, отношения между его участниками никогда не были беспроблемными, а его долговечность обусловлена неоднократным пересмотром мандата организации. В настоящее время адаптивные способности НАТО проходят очередную проверку – возможно, самую серьёзную с момента переоценки миссии Альянса после завершения Холодной войны.

Наибольшее влияние на степень консолидации Альянса и направленность его деятельности продолжит оказывать сохранение американского военного присутствия в Европе. Наблюдаемое после прихода к власти в США Дональда Трампа обострение взаимной критики представителями трансатлантического сообщества отражает новый этап торга относительно

условий сотрудничества, а не симптомом приближающегося разрыва.

После крымского референдума сотрудничество Казахстана и НАТО, налаженное в начале 1990-х гг., продолжило динамично и планомерно развиваться. Риторика официальной Астаны относительно украинской проблемы и крымского вопроса была выдержана в нейтральных тонах. Астана, сохраняя внешнюю беспристрастность, опосредованно поддержала линию Москвы. Казахстан сотрудничает с НАТО, руководствуясь принципом внешнеполитической многовекторности, оставаясь в то же время ключевым игроком российских геостратегических проектов — ОДКБ и ЕАЭС.

Главными целями казахстанско-натовского сотрудничества для республики являются получение финансовой и технологической помощи от Запада, создание при содействии зарубежных партнёров военной инфраструктуры и совместных производств, повышение профессионального уровня кадрового состава Вооружённых сил РК, а также уравновешивание российского влияния в военно-политическом и военнотехническом секторах.

Правовую базу участия Казахстана в программах НАТО в настоящее время составляют соглашение ноября 2012 г., заключённое на период с 2012 по 2017 г. и уточнённое в марте 2016 г., а также новые договорённости (на 2018—2022 гг.), достигнутые в начале июля 2017 г. При этом в действующих программных документах Астаны НАТО не отводится приоритетная роль. Военная доктрина РК, утверждённая президентским указом в сентябре 2017 г., упоминает североатлантический альянс лишь единожды в контексте участия РК в совместных учениях с государствами — членами ОДКБ, ШОС, НАТО для обмена опытом в

вопросах планирования, проведения и всестороннего обеспечения антитеррористических операций и операций по поддержанию мира.

Однако взаимодействие Казахстана с НАТО в военно-технической области лишено системного и регулярного характера (в отличие от контактов с Россией) и строится на двусторонней основе. В сфере же подготовки кадров казахстанско-натовские контакты развиваются значительно успешнее. В целом образовательные контакты республики наиболее активно развиваются с США. Высокая интенсивность военно-образовательной кооперации Астаны и альянса пока уравновешена тесными российско-казахстанскими контактами в этой области. Российские дипломы высшего командования ВС РК — важнейшее преимущество России.

Казахстанское общество вслед за властью не выражает устремления в НАТО. Большинство казахстанцев подобный сценарий считают невероятным. Евроатлантическая тематика (в отличие, например, от евразийской, российско-казахстанской) не входит в число ключевых трендов медиа-пространства республики. Однако в среде экспертов, придерживающихся оппозиционных взглядов, натовский вектор рассматривается в качестве альтернативы углублению военно-политического сотрудничества с Москвой. Причём такие призывы усилились на фоне украинского кризиса. Большинство СМИ так же, как и общественность РК, не поддерживают подобный сценарий, расценивая присутствие вооружённых сил США и НАТО в качестве угрозы стабильности в республике и регионе.

Таким образом, в казахстанском обществе при преобладающей поддержке текущего внутри и внешнеполитического курса тогда еще Президента Н.Назарбаева сформировалось

устойчивое критическое восприятие самой возможности чрезмерного сближения Казахстана с НАТО. Альянс нередко ассоциируется с угрозой независимости внешнего курса страны. В то же время общественность относится с пониманием к инициативам нынешнего руководства, развивающего некоторые направления кооперации с блоком в интересах республики.

Тем самым, к основным факторам, обуславливающим курс руководства постсоветских республик на сближение с НАТО, можно отнести стремление иметь канал взаимодействия с Западом, и особенно США, надежду получить финансовую, военно-техническую и другую практическую помощь, потребность разрешить проблемы безопасности (контрабанда наркотиков, нелегальная миграция, оргпреступность и т.д.) и территориальные конфликты, провести реформы вооружённых сил, облегчить вступление в ЕС. В то же время инициатива сотрудничества, определение его содержания и форм принадлежит НАТО. Власти постсоветских республик могут лишь выбирать предлагаемые программы в соответствии со своими внутри- и внешнеполитическими приоритетами и при условии выполнения требований, предписанных альянсом.

Продвижение НАТО на постсоветском пространстве свидетельствует как о слабости интеграционной политики России, так и об отсутствии у неё в новой реальности четкой стратегии в отношении альянса и его инициатив. Потеря в 2014 г. Украины, по сути, переместила актуальность евразийского интеграционного проекта в будущее, но при этом остро поставила вопрос о пределах и потребности диалога с НАТО.

После начала украинского конфликта в 2014 г. реактуализация задач военно-политического сдерживания подстегнула расширение американской военной инфраструктуры

в Центральной и Восточной Европе. Её наращивание соответствует интересам ряда групп в Соединённых Штатах (в первую очередь американской армии). При этом наращивание присутствия в Европе отвлекает ресурсы Вашингтона от центрального направления его глобальной стратегии.

Противоречия относительно распределения ответственности в рамках Североатлантического альянса обострились с избранием президентом США Дональда Трампа. В ходе предвыборной кампании будущий американский лидер называл НАТО устаревшей организацией, а после прихода к власти потребовал от союзников наращивания военных расходов и корректировки приоритетов организации в сторону борьбы с радикальным экстремизмом.

Таким образом, сохранение НАТО в его нынешнем виде будет зависеть от того получит ли продолжение подъём нелиберального популизма в США и странах Европы, или его успехи последних лет были краткосрочным всплеском. Кроме того, на эволюцию Североатлантического альянса будет влиять соотношение стратегических и ценностных мотивов в определении его институциональной идентичности.

Вместе с тем, после Варшавского саммита 2016 года появился еще один инструмент, который может позволить в определенной степени решить проблему двух процентов, - Декларация о стратегическом партнерстве между ЕС и НАТО. А накануне саммита в Брюсселе в июле 2018 г. была принята дополнительная Совместная декларация ЕС - НАТО. Речь также идет не только о политических документах, но и о том, что в соответствии с этими декларациями Европа увеличивает свой функциональный вклад в те сферы, которые совместно обозначены ЕС и НАТО в качестве областей практического сотрудничества.

Очень наглядный и серьезный пример - принятый Евросоюзом в марте 2018 г. план по повышению военной мобильности. ЕС будет вкладывать значительные ресурсы в реконструкцию транспортной инфраструктуры, которая позволяла бы обеспечивать транспортировку и мобильность перевозки военных грузов, в том числе крупных и негабаритных. Причем делается это главным образом для одного транспортного коридора - Северо-Балтийского и, следовательно, речь идет о восточных рубежах НАТО.

НАТО может оставаться деятельной организацией и в случае выполнения только части из приведённых условий. Деградация стратегических функций Альянса в случае наращивания потенциала вооружённых сил европейских государств может привести к реализации давних утопических планов создания европейского военного союза. Он способен сформироваться как на базе существующей штабной инфраструктуры НАТО, так и в рамках ЕС.

Перенос акцента в деятельности НАТО на активное сдерживание России после 2014 г. означал возврат к примату традиционного понимания угроз как продукта межгосударственного противостояния. В военном планировании Соединённых Штатов этот поворот наметился ещё раньше, с принятием «третьей стратегии компенсации», ориентированной на удержание качественного преобладания американских вооружённых сил по сравнению с потенциальными конкурентами.

В планах Запада, направленных на «сдерживание», то есть ослабление России, важное место отводится постсоветским государствам. Как считают российские (и не только) эксперты, американцы проводят политику окружения Рос-

сии. То есть, создают по ее периметру сеть клиентских государств, подчиненных Западу. Теперь речь идет только о том, чтобы усилить в этих клиентских государствах военное присутствие. При этом основная роль в консолидации антироссийского фронта на постсоветском пространстве отводится Украине. Стратегическое значение Грузии повышается в связи с активизацией НАТО в Черноморском регионе. В Молдавии будут предприниматься попытки вывести российских миротворцев с территории ПМР, однако эта задача имеет для евроатлантических союзников скорее второстепенное значение. Соединенные Штаты продолжают выстраивание «санитарного кордона» против России от Черного моря до Прибалтики. В этой связи в планах Запада резко возрастает роль белорусского фактора.

В Казахстане должны твердо отдавать себе отчет, что Россия больше не позволит расширение НАТО на постсоветском пространстве и будет препятствовать этому любыми доступными средствами. Это касается регионов Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. В первую очередь данная стратегия касается членов ОДКБ. Казахстан в этом ряду занимает первостепенное место с учетом географической близости к РФ, геополитической и военно-стратегической значимости республики.

В этой связи характерна тактика Брюсселя и Вашингтона в отношении евразийских структур безопасности. Фактически НАТО во главе с Соединенными Штатами игнорируют такие международно признанные организации как ОДКБ и ШОС. Вместо этого на их месте постоянно делаются попытки, начиная с 1990-х годов, создать конкурирующие структуры под эгидой Запада (как например, ГУАМ).

Глава 7. Центральная Азия и региональные игроки

Одна из отличительных черт внешней политики Турции в 2000-е годы — повышенная активность на Ближнем и Среднем Востоке. Новая региональная стратегия Турции, известная в дальнейшем как внешнеполитическая концепция «ноль проблем с соседями», получила свое обоснование в работе турецкого государственного и политического деятеля А.Давутоглу «Стратегическая глубина. Международное положение Турции», в которой он утверждал, что именно гибкая и эффективная внешняя политика на Ближнем Востоке, даст возможность Турции совершать стратегические шаги на глобальном уровне.

К концу второго десятилетия XXI века Турция подходит с новыми амбициями и серьезными трудностями. Нынешний президент, Реджеп Тайип Эрдоган, планомерно укрепляя свою власть на протяжении пятнадцати лет, фактически попытался реформировать страну в соответствии со своими убеждениями, конечно, в той степени, в которой это позволяют существующие экономические, ресурсные и внешние ограничители. В последние годы Турция, как с грустной иронией отмечали многие наблюдатели, прошла путь от лозунга «нет проблем с соседями» к реальности, которую было бы правильнее описать как «нет соседей без проблем».

Турция и Центральная Азия

Центральная Азия не является приоритетом (несмотря на многочисленные официальные пантюркистские декларации

ции) торгово-экономической и военной политики Турции. Несмотря на усилия Анкары по развитию экономического сотрудничества со странами этого региона, оно в целом несопоставимо с экономическим влиянием более мощных игроков — Китая, США, ЕС, России. В последние годы, вследствие ослабления инвестиционного потенциала Турции, ее реальное экономическое сотрудничество со странами ЦА имеет тенденцию к сокращению.

Некоторым центральноазиатским государствам (в основном Казахстану, Кыргызстану, Туркменистану) Турция с 1990-х годов предоставляет финансовую помощь в виде грантов, кредитов и технической поддержки. Основные проекты в ЦА реализуют такие крупные турецкие инвесторы как холдинги Калик и Ыылдырым, а также общественные организации (Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию - ТИКА). Товарооборот Турции с Казахстаном и Туркменистаном превышает 2 млрд. долл., и почти 800 турецких фирм сейчас работают в этих странах. Товарооборот с Кыргызстаном составляет более 500 млн. долл. Турецкие компании в основном задействованы в строительстве, в области телекоммуникаций, текстильной промышленности.

Из центральноазиатских государств наиболее продвинутые отношения у Турции с Казахстаном. Товарооборот между Казахстаном и Турцией достиг своего пика - 3,5 млрд. долл. в 2012 г. Но с тех пор происходит неуклонное снижение этого показателя, и в настоящее время доля товарооборота с Турцией составляет лишь 2,5% от общего внешнеторгового оборота Казахстана.

Турция так и не предложила странам региона никакой альтернативы надежной системы безопасности, в то время как Россия такие гарантии предоставляет посредством

ОДКБ. Для Центральной Азии это стало одним из важных аргументов против полной интеграции под эгидой Турции. Весьма показательно, что Турция практически не принимала участия во взаимодействии и системе сотрудничества по наиболее важным, ключевым вопросам региональной безопасности - решению межтаджикского конфликта (в 1990-е годы) и длящегося по сегодняшний день афганского кризиса.

Не имея достаточных ресурсов для доминирования в сферах экономики и безопасности, Турция попыталась использовать связи в культурно-образовательной области. Так, в Центральной Азии действует Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет старейшин, Всемирная ассамблея тюркских народов, которая занимается изучением общих исторических корней тюркской культуры. Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), основанная в 1993 г. в Алматы, по принципам работы приближается к ЮНЕСКО, но не ограничивает свою деятельность культурно-просветительской сферой. В центре ее внимания находятся также вопросы политических и торгово-экономических отношений между тюркоязычными странами Центральной Азии.

Несмотря на то, что по некоторым направлениям Россия и Турция являются конкурентами в ЦА, в этом регионе имеются некоторые предпосылки для их сотрудничества, чему благоприятствует ряд объективных факторов:

- выгодное географическое положение Турции, которая контролирует Черноморские проливы и играет роль своеобразного моста между Европой и Азией, что открывает перед Россией и странами Центральной Азии дополнительные возможности в плане реализации собственных экономических и политических интересов;

- способность Турции и России как крупных евразийских государств со значительным мусульманским населением играть роль посредников в отношениях между странами Центральной Азии, Западом и миром ислама. Основа для российско-турецкого сотрудничества с государствами Центральной Азии — активное неприятие ими радикального исламизма;

- многовекторная политика, взятая на вооружение всеми центральноазиатскими государствами, может быть использована Россией и Турцией для углубленного сотрудничества со странами региона в двустороннем формате.

Взаимодействие России и Турции в ЦА может проходить по следующим направлениям:

- Сотрудничество двух стран в рамках евразийской интеграции, где особую роль могут сыграть экономические министерства и государственные структуры России и Казахстана, заинтересованные в интенсификации торгово-экономических отношений с Турцией в энергетике, торговле, туризме.

- Энергетические проекты с участием России, центральноазиатских государств-экспортеров (Казахстана, Туркменистана, Узбекистана), а также Турции как крупнейшей в Евразии страны-транзитера энергоресурсов.

- Сотрудничество военных и дипломатических ведомств России и Турции в сфере поддержания региональной безопасности. Решать эту проблему наиболее оптимальным образом можно в рамках ШОС, в которой Турция с 26 апреля 2013 г. участвует в статусе партнера по диалогу.

- Определенные возможности для сотрудничества открываются перед Россией и Турцией в Центральной Азии в сфере противодействия преступности, незаконному обороту наркотиков, нелегальному перемещению людей, товаров, оружия и пр. Подобное взаимодействие может быть осуществ-

влено по линии правоохранительных структур России и соответствующих государственных структур Турции, а также по линии, учрежденной в 2013 г. в Баку Евразийской ассоциации правоохранительных органов с военным статусом в составе Турции, Азербайджана, Кыргызстана и Казахстана. Ассоциация ставит своей целью сотрудничество входящих в нее государств в деле противодействия организованной преступности, террористической и контрабандной деятельности, активности радикальных групп.

Но российско-турецкое взаимодействие в ЦА имеет определенные ограничители и пределы, главный из которых - культурно-цивилизационный пласт (язык, культура), где Россия и Турция являются конкурентами. Россия стремится расширить ареал влияния русского языка, русской культуры. Анкара продвигает идею общего турецкого дома, единого для Турции и центральноазиатских государств языка, форсирует переход стран региона с кириллицы на латиницу, делая это достаточно успешно. Турция стремится утвердить себя в Центральной Азии в качестве нового центра культурного и политического притяжения, и даже, возможно, мотора альтернативного российскому общетюркского интеграционного проекта. Но пока о таком интеграционном проекте можно говорить лишь в перспективе, когда Турция преодолит существенные проблемы в собственном экономическом развитии.

Двусторонние политические контакты РК с Турцией при Первом Президенте Н.Назарбаеве были интенсивны на всех уровнях, в том числе на высшем — на уровне глав государств. В настоящее время в казахстанско-турецких отношениях отсутствуют какие-либо значительные проблемные вопросы, а сотрудничество продолжает развиваться на началах стратегического партнёрства.

Взаимодействие двух государств подкреплено не только прагматическими интересами, но имеет под собой и идейно-стратегические основания. По мнению российских политологов, сотрудничество с Анкарой Нур-Султан использует для поддержания баланса с политическим и гуманитарным влиянием Москвы, а расширяющуюся интеграцию в рамках тюркского мира — в целях укрепления национальной идентичности казахов. Турция же рассматривает тюркскую часть Центральной Азии в качестве естественной зоны собственных геополитических интересов, выстраивая отношения со странами региона на началах турецкого лидерства.

На этом фоне казахстанско-турецкая риторика отличается преобладанием заверений в «братской дружбе», декларативностью заявлений об общих исторических корнях двух народов, общности этнической судьбы. И хотя такие прокламации, будучи подкреплёнными реальными культурно-гуманитарными проектами тюркского сотрудничества, создают благоприятные условия для двустороннего взаимодействия, в основе казахстанско-турецких контактов лежат прагматические осязаемые интересы и стремление к взаимной выгоде.

Известный принцип, продекларированный Первым Президентом Н.Назарбаевым, о преобладании экономических задач над соображениями политического порядка определяет и особенности казахстанско-турецкой кооперации. На разных уровнях Нур-Султан подчёркивает приоритет хозяйственных интересов в двустороннем сотрудничестве. Турция нуждается в поставках природного сырья, которым по целому ряду позиций в достатке располагает республика, а также в реализации собственной продукции. В свою очередь, казахстанская сторона заинтересована в диверсификации поставок сырья

внешним потребителям и в стабильном импорте доступной по цене и приемлемой по качеству турецкой продукции.

Турция для Казахстана — пока девятый по объёмам торговли партнёр. Взаимный товарообмен Турции и РК остаётся крайне зависимым от конъюнктуры глобальных сырьевых рынков. Во-первых, в двусторонней торговле преобладает казахстанский экспорт над импортом из Турции в РК (60 и 40 % соответственно). Во-вторых, в экспорте республики в турецком направлении абсолютно доминирует сырьё (94 %).

Один из ключевых вопросов в двусторонней экономической повестке Казахстана и Турции — логистика. Нурсултан последовательно претворяет в жизнь программу наращивания транзитного потенциала республики, будучи убеждённой в том, что Казахстану в перспективе отведена роль трансъевразийского логистического хаба. Актуализировал этот вопрос кризис в российско-турецких отношениях в 2015–2016 гг., когда со стороны РФ были наложены ограничения на поставку турецких товаров на внутренний рынок России. Примечательно, что до этого значительная часть продукции из Турции в Казахстан шла транзитом через российскую территорию.

Хотя идея тюркской интеграции принадлежит турецкой стороне, рассматривающей этот проект в качестве инструмента расширения собственного влияния в регионе Кавказа и Центральной Азии, высокую активность здесь проявляет казахстанская сторона, регулярно выдвигающая инициативы по расширению организационных форматов взаимодействия государств ТЮРКСОЙ (например, учреждение ССТГ и ТюркПА). Казахстанское руководство действует в духе многовекторной внешней политики, демонстрируя Москве наличие альтернатив стратегического сотрудничества.

В гуманитарной сфере Турция активно использует образовательные и культурные контакты с целью усиления идеологического влияния на казахстанское общество. Такие задачи достигаются как в рамках двустороннего сотрудничества, так и на многосторонних площадках тюркоязычных региональных организаций. Концепция идеологической и ментальной близости казахского и турецкого народов лежит в основе активно продвигаемого Турцией объединения тюркских этносов.

На территории Турции установлены памятники выдающимся казахским национальным деятелям — Абаю, Абылай хану, М. Жумабаеву, М. Ауэзову, Кабанбай Батыру, а также открыт монумент Первому Президенту Казахстана Н. Назарбаеву в Анкаре в 2010 г. В свою очередь в Астане в 2009 г. открыт один из первых памятников М.К. Ататюрку вне турецкой земли.

Другой успешный казахстанский проект, связанный с Турцией, — казахско-турецкие лицеи. Ещё в начале августа 2016 г. во время официального визита в Анкару тогдашний глава Казахстана Н. Назарбаев обещал «проверить» все казахско-турецкие лицеи и «заменить учителей, если их связь с Гюленом будет доказана». Накануне встречи турецкий президент Р. Эрдоган в очередной раз потребовал от Астаны закрытия всех таких учебных заведений в стране. Однако казахско-турецкие лицеи по-прежнему функционируют в республике, сохраняя высокую популярность среди населения и пользуясь поддержкой официальных властей. В настоящее время в РК работают около 30 собственно казахско-турецких лицеев, а также начальная школа «Шахлан» и две международные частные школы «Нур Орда». Это большая часть подобных школ, ранее учреждённых во всех республиках

Центральной Азии, но сейчас сохранившихся только в Казахстане и Кыргызстане.

Турция продолжает оставаться в своем роде уникальным региональным, международным и геополитическим игроком. Наряду с Россией и Казахстаном Турция является в полном смысле евразийской державой. Ее влияние и заинтересованность в делах «тюрок дюниясы» - тюркского мира неоспоримы. Уникальное географическое положение, позволяющее Анкаре влиять на такие регионы, как Ближний и Средний Восток, Балканы, Средиземноморье, Кавказ, Северную Африку и Западную Азию, позволяет этой державе с глубокими историческими корнями и имперскими традициями оставаться важным элементом международной политики.

По-прежнему играют свою роль такие факторы, как взаимозависимость Турции и Запада в лице Евросоюза, НАТО и США. Однако, в последнее время можно наблюдать несомненное возрастание роли евразийского фактора во внешней политике Анкары. Тем не менее, в настоящее время сложно предугадать, в каком направлении развернет Турция свой внешнеполитический курс, учитывая ее тесные связи с вышеперечисленными регионами, странами и крупными геополитическими акторами.

Но одно очевидно, что ни современное руководство Турецкой Республики во главе с амбициозным Р.Эрдоганом, ни его преемники не позволят низвести страну на роль второстепенной державы. Об этом необходимо помнить в Вашингтоне, Брюсселе, Москве, Тегеране, Баку, Нур-Султане, Ташкенте, Пекине.

Казахстан, как представляется, продолжит в дальнейшем выстраивать сотрудничество с Турцией, ориентируясь на собственные прагматические интересы и основы

ваясь на декларируемой политике многовекторности, Нурсултан и далее будет балансировать между крупными региональными и глобальными игроками, присутствующими в Центральноазиатском регионе.

И хотя в экономической области Турция (по сравнению с 1990-ми годами) уже не выдерживает конкуренцию с российским, китайским и европейским бизнесом, представленным в казахстанской экономике, в политической и культурно-гуманитарной сферах Анкара по-прежнему играет важную роль (язык, образование) по влиянию на казахстанское общество.

Иран и Центральная Азия

В своей политике по отношению к центральноазиатским республикам Иран руководствуется мотивами, продиктованными как собственными общерегиональными интересами, так и специфическими целями, которые Тегеран преследует в ходе взаимодействия с каждым из расположенных здесь государств. Но, в сравнении с влиянием Турции в ЦА условия, в которых находился Иран, были иными — на него обрушились обширные санкции Запада, и Иран фактически оказался в международно-политической изоляции. Контакты же с центральноазиатскими государствами рассматривались в Иране как один из способов прорыва внешнеполитической блокады.

Отношения ИРИ с Таджикистаном носят нестабильный характер. В конце 2016 г. с формулировкой «несоблюдение законов Таджикистана» власти этой страны закрыли иранский Комитет помощи «Имдод» Имама Хомейни. Закрыло Посольство ИРИ в Таджикистане и свое торговое и культурное представительство в городе Ходженте. А на состоявшемся в апреле 2017 г. заседании Совета министров

иностранных дел государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Таджикистан, по данным СМИ, был единственным, кто выступил против присоединения Ирана к ШОС.

Надеясь найти замену Ирану в качестве экономического донора, власти Таджикистана сделали ставку на развитие экономических контактов с Саудовской Аравией.

Отношения Ирана с *Казахстаном* не выходят за рамки торгово-экономических контактов: сотрудничеству в ветеринарной сфере, в области морского торгового судоходства, туризма. Национальным банком Казахстана и Центральным банком Ирана был подписан меморандум о содействии в организации двусторонней торговли. Стороны обсудили и перспективы сотрудничества двух стран в международных организациях — ООН, Организации исламского сотрудничества, ШОС.

С *Узбекистаном*, с которым официальный Душанбе лишь недавно начал заново выстраивать отношения, контакты Ирана долгое время оставались весьма прохладными, причем не столько из-за того, что в тюркоязычном Узбекистане опасались экспансии из Ирана персидского языка, сколько по причине того, что Иран не вызывал доверия прежде всего как «исламское государство», способное, как подозревали в Ташкенте, вести религиозную пропаганду и взаимодействовать с местными исламскими сообществами. С приходом в Узбекистане нового руководства, политика в отношении Ирана ощутимо смягчается, свидетельством чему служит тот факт, что Узбекистан больше не противится, как это было раньше, приему Ирана в ШОС.

Туркменистан, который имеет с Ираном протяженную границу и давно налаженные связи в сфере торговли

и энергетики, в предыдущие годы успешно развивал сотрудничество с ИРИ в разных областях, хотя приоритетной, разумеется, стала газовая сфера. Внимания заслуживает и реализуемый Туркменистаном совместно с Ираном и Казахстаном железнодорожный проект «Север—Юг». С данным региональным проектом в Центральной Азии связаны большие ожидания, поскольку предполагается, что он откроет странам Европы и Азии выход в Центральную Азию и к Персидскому заливу.

Вместе с тем с начала 2017 г. между Туркменистаном и Ираном возникли разногласия по вопросу цены и объемов газа, поставляемого туркменскими компаниями в Иран. Сложности во взаимодействии с ИРИ туркменской стороне добавляют допущенные ею просчеты в газовой политике: контракт с Россией. При этом на подходы Тегерана к проблемам статуса Каспийского моря и раздела его недр влияет то обстоятельство, что Иран не вел в прошлом и не ведет в настоящее время добычи или активной разведки углеводородных ископаемых на Каспии.

Таким образом, Иран и страны ЦА также заинтересованы друг в друге с точки зрения поддержания и укрепления региональной стабильности и безопасности. В сложившихся условиях Тегеран является для ЦА форпостом на пути образования и распространения большой зоны нестабильности — от Северной Африки до Южной Азии и западных регионов Китая. Два сегмента этой зоны, контролируемой радикальными исламистскими группировками, с двух сторон нависают над территорией ИРИ — с сирийско-иракского и с афгано-пакистанского направлений. Более того, интересам ЦА отвечает то, что Иран отнюдь не находится в пассивной обороне, но активно реализует мно-

гоплановую военную, военно-техническую, экономическую, энергетическую, транспортную и гуманитарную наступательную стратегию на иракском, сирийском и, что особенно важно для стран ЦА, афганском направлениях.

В Кабуле прозвучало интересное заявление о том, что Иран был бы заинтересован в организации со странами региона совместных подразделений для борьбы с терроризмом. Можно предположить, что это заявление ставило перед собой несколько целей. Во-первых, выбросить в информационное пространство идею объединения усилий ЦА стран по противодействию растущей активности экстремистов, особенно ИГ, на фоне участвовавших слухов о появлении эмиссаров этой группировки в Афганистане и ЦА. Иран активно борется с этой группировкой в Ираке и Сирии.

Во-вторых, Тегеран, используя тематику борьбы с терроризмом, прощупывает возможность создания единой платформы для стратегического взаимодействия со странами региона, притом, что США исключаются из этого формата. Иранцы прекрасно понимают, что появление ИГ стало возможным только благодаря целенаправленным действиям Вашингтона и его союзников, в первую очередь монархий Персидского залива, которые намеренно дестабилизировали Сирию и Северную Африку, вооружая и подготавливая боевиков, закрывая глаза на их торговлю нефтью.

Если позиции России и Ирана по каспийской проблеме в основном совпадают — помимо территориальных вод пяти стран, выходящих к Каспию, там должны быть нейтральные воды, а любая экономическая активность там должна становиться предметом консенсуса, — то с Туркменией и Казахстаном (а также с Азербайджаном) иранские интересы на Каспии расходятся. Эти три постсоветские

республики ратуют за тотальный раздел моря, поскольку заинтересованы в прокладке из Центральной Азии на Запад газо- и нефтепроводов по дну Каспия. Их позицию на международном уровне активно лоббируют США и ЕС, чьи компании стремятся транспортировать углеводороды Каспия в обход России и ИРИ.

В ходе взаимодействия с центральноазиатскими партнерами Иран делает основной упор на экономическую сферу, двустороннюю торговлю и культуру, отодвигая на второй план международно-политические вопросы, хотя и не оставляет намерений с выгодой для себя участвовать в решении важных политических проблем региона, в том числе, в рамках ШОС.

Что касается вопросов региональной безопасности в ЦА, то здесь Иран занимает достаточно сдержанную позицию в отношении проблем, связанных с существующими в этом регионе национально-этническими и религиозными противоречиями. Так, Иран, в отличие от Турции, не замечен в активной культуртрегерской деятельности в ЦА. Вопреки измышлениям западных и некоторых арабских СМИ, Иран не пропагандирует шиизм в среде преимущественно суннитского центральноазиатского социума — в отличие, кстати, от своего саудовского политического и идеологического соперника, который вкладывает огромные средства в дело насаждения в ЦА идей ваххабизма — взамен исторически укорененного в регионе ханафитского мазхаба.

Контракт «Газпрома» с компанией «Туркменгаз» с 2016 г. разорван, широко разрекламированный Туркменистаном проект ТАПИ заморожен, а неурегулированный статус Каспия позволяет Ирану и России блокировать строительство Транскаспийского трубопровода, который мог бы позволить

Туркменистану присоединиться к «Южному газовому коридору», по которому газ будет поставляться в Европу. В итоге Туркменистан остался один на один с такими жесткими партнерами, как Китай и Иран, диктующими теперь Туркменистану свои правила игры.

Привлекательными для Ирана остаются возможности использования территории ЦА, в частности, Туркменистана для транспортировки нефте- и газопродуктов на внешние рынки. Подключение к проекту международного транспортного коридора «Север – Юг», который соединит Европу с Индией и государствами Персидского залива, также входит в число приоритетов ИРИ в регионе.

В странах ЦА прекрасно отдают себе отчет в том, что их планы по развитию отношений с Ираном в области экономики и безопасности не зависят только от двусторонних усилий. К сожалению, реалии мировой политики таковы, что двусторонний уровень отношений ЦА с Ираном находится, по многим сегментам, в зависимости от все более обостряющегося соперничества между ведущими мировыми акторами, в котором иранский фактор представляется одним из ключевых. Но сложности добавляет тот факт, что в самом Иране никак не могут определиться с долгосрочным курсом.

Для стран ЦА подобная запутанная ситуация вокруг и внутри ИРИ является одним из основных сдерживающих факторов при учете Тегерана в своих долгосрочных экономических и геополитических интересах. Пока страны ЦА вынуждены в значительной степени наблюдать за происходящими процессами, прекрасно понимая, что Иран никак не может сделать решительный выбор: либо в пользу окончательного сближения с РФ/КНР, либо — через постепенную сдачу своих позиций — ухода в орбиту влияния США/

ЕС. То, что такая неопределенность имеет место, видно по борьбе иранских внутриполитических группировок и принимаемым Тегераном решениям.

Опыт санкций против Ирана заслуживает самого пристального внимания с учётом растущего прямого санкционного давления на РФ, а также вероятного — на страны СНГ и Центральной Азии. Таким образом, ситуация вокруг Ирана будет пока еще оставаться основным сдерживающим фактором на пути дальнейшего развития отношений стран ЦА с Тегераном.

Ситуация вокруг Ирана и ее обострение непосредственным образом затрагивает интересы РК и других стран ЦА. Это касается таких глобальных сфер, как энергетическая (резкие колебания цен на углеводороды), ядерная (нанесение ударов по атомной инфраструктуре ИРИ), военно-стратегическая (ухудшение ситуации в регионе Среднего и Ближнего Востока) и международная безопасность (рост угрозы терроризма).

Не вызывает сомнений, что дальнейшее развитие ситуации затронет (скорее всего, в негативном ключе) международное положение Казахстана, безопасность страны и сферу двусторонних отношений (РК-РФ, страны Центральной Азии и Кавказа), а также положение внутри таких организаций, как СНГ, ЕАЭС и ОДКБ.

Это требует от государств региона предпринять ряд открытых и скрытых шагов в своей внешней политике: декларировать официальную позицию по неприятию любых силовых решений конфликта; по мере нарастания кризиса вокруг ИРИ согласовать единую позицию с другими государствами Центральной Азии и членами СНГ, ЕАЭС и ОДКБ; быть готовыми к объективному ослаблению антитеррористического

фронта, росту террористической угрозы в Афганистане, на Кавказе и в ЦА; координировать собственные действия на международной арене и в рамках многосторонних контактов с Россией (и Китаем); прозондировать в ходе контактов с Вашингтоном и Брюсселем позицию коллективного Запада в отношении роста угрозы терроризма и ухудшения военно-стратегической ситуации в регионе Среднего Востока и Центральной Азии и дальнейших шагов стран НАТО в болевых точках региона.

Глава 8. Процессы евразийской интеграции и Центральная Азия

С подписанием в Астане 29 мая 2014 г. Договора о создании ЕАЭС Евразийский экономический союз становится реальностью. Хотя необходимо отметить, что корни вопроса о возможности и/или необходимости евразийской интеграции (постсоветской реинтеграции) уходят в более отдаленное прошлое.

Начать следует с попыток в начале 1990-х годов выработать новый Союзный договор (Ново-Огаревский процесс); затем знаменитое выступление Н.Назарбаева в МГУ в апреле 1994 г. с предложением создать Евразийский Союз. К этому ряду относятся многочисленные попытки в 1990-е годы создать региональные формулы интеграции — ЦАС, ЕврАзЭС, Таможенный Союз-1, ЕЭП (2004 г.) и т.д. Только с образованием в 2010 году новой версии ТС с переходом в ЕЭП, а затем в 2015 г. — в Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС) идея евразийской интеграции обрела реальные международно-правовые и политико-экономические очертания.

Формирование евразийской интеграции

С 1 января 2012 г. вступили в силу 17 соглашений, которые призваны сформировать договорно-правовую базу Единого экономического пространства (ЕЭП) и создать фундамент взаимоотношений стран внутри его по широкому кругу проблем — от макроэкономической политики и финансовых рынков до вопросов технического регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности. Тогда же начала свою

работу и Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) — наднациональный орган управления интеграционным строительством пока трех стран (России, Белоруссии и Казахстана). В октябре и декабре 2013 г. достигнуто принципиальное решение о заключении договора о создании ЕАЭС к 1 января 2015 г.⁴⁶

Следует отметить, что сторонников и противников интеграции хватает не только за пределами круга непосредственных участников (Беларусь, Казахстан и Россия), но и внутри политического истеблишмента и политологического сообщества в каждой из стран-участниц. Все заинтересованные стороны дискуссии условно можно разделить на 4 группы: 1) представители самих стран ТС-ЕЭП-ЕАЭС; 2) представители государств-кандидатов, в т.ч. в то время потенциальных (Армения, Кыргызстан и с оговорками — Таджикистан); 3) наблюдатели - остальные республики СНГ, которых затрагивает интеграционный процесс; 4) зарубежные наблюдатели (в основном западные, но не только).

Казахстан принадлежит к числу активных участников интеграционных объединений и сохраняет заинтересованность в продвижении евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза и ЕЭП. Таким образом, казахстанская политическая элита в большинстве своем не только поддерживает интеграционные проекты (в экономике, но не в других сферах), но и относит Н.Назарбаева к лидерам и авторам идеи Евразийского союза. В казахстанской аналитике отмечается, что интеграционный проект уже стал давать определенные плоды. Идея интеграции имеет в Казахстане довольно ощутимую массовую поддержку.

⁴⁶ О предыстории предмета см.: Сыздыкова Е.С. Евразийская интеграция в оценках научно-исследовательского и экспертно-аналитического сообщества стран ТС-ЕЭП // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2013. № 3. С. 5-29.

В определенных экспертных кругах высказываются опасения, что в случае создания наднациональных институтов Казахстан рискует потерять суверенитет. Среди представителей экспертного сообщества и общественных структур Казахстана не было единого мнения в отношении евразийского парламента. Выборы в Евразийский парламент некоторыми воспринимается в качестве средства дополнительного контроля Москвы за политикой Астаны.⁴⁷

Главным образом идеология сегодня тесно связана с вопросом о том, собирается ли Россия на самом деле восстанавливать прежнюю империю, а также с отношением к этому всех остальных государств и народов на пространстве бывшего СССР. Отсюда возникает другой вполне идеологический вопрос: что Россия подразумевает под ролью и влиянием империи в истории народов, некогда ее населявших? Очевидно, что такая постановка вопроса неизбежно способствует его политизации.⁴⁸

Естественно, что в России, которая является наиболее активным двигателем интеграционных процессов в самых разных формах, этому комплексу вопросов уделяется наиболее пристальное внимание. Здесь также хватает энтузиастов и скептиков в академическом сообществе и в политическом истеблишменте. Евразийская интеграция потенциально исключительно важна для всех стран континента, она имеет особое значение для России и Центральной Азии. Эти страны в особенности выигрывают от сочетания двух евразийских инте-

⁴⁷ О критике участия РК в ТС-ЕЭП-ЕАЭС см.: Kassenova N. Kazakhstan and Eurasian Economic Integration: Quick Start, Mixed Results and Uncertain Future. – Paris: IFRI, 2012. – 29 p. Vielmini F. The Challenges of Eurasian Integration for Kazakhstan // ISPI – Analysis (Roma). № 151. 2013. – 7 p. Ибрашев Ж., Абдугазиева С. Политический аспект евразийской интеграции // Analytic (КИСИ). 2012. № 4. С. 198-110.

⁴⁸ Акимбеков С. Евразийская теория для интеграции и Казахстана // Казахстан в глобальных процессах (ИМЭП). 2013. № 1. С. 6-17.

граций — «евразийской постсоветской» и «евразийской континентальной». Ряд экспертов заявляет, что претензии России, Белоруссии и Казахстана на роль одного из геоэкономических центров мира не имеют под собой реальных оснований.

Однако проекты интеграции с Россией вызывают в правящих кругах Белоруссии немало опасений. Во-первых, в экспертных кругах, поддерживающих власть, распространено убеждение о несовместимости якобы уникальной белорусской модели с российским политико-экономическим путем развития. Существуют опасения, что при объединении в одном экономическом пространстве с Россией белорусская модель социального государства, как и белорусский суверенитет, окажутся под угрозой. Аргументация противников участия Белоруссии в Союзе чаще всего строилась на ряде уже довольно привычных аргументов и касалась цивилизационного выбора «между Западом и Востоком». Характер интеграционных процессов видится как постепенное принятие белорусской стороной российских условий, что описывается уже не столько в интеграционных терминах, сколько через понятия подчинения и поглощения. Представления о вынужденном характере евразийской интеграции сочетаются с сомнениями в ее перспективах.

Интеграция на постсоветском пространстве некоторым экспертам представляется способом «раскрыть двери» в Китай, в его быстро растущую экономику. Именно Китай представляется им альтернативой Европе в качестве источника современных технологий и инвестиций. Также евразийская интеграция предоставляет шанс стране превратиться в один из ключевых транспортных коридоров для китайской экономики. Все это может радикально изменить и усилить геополитическую роль Белоруссии.

Есть, однако, еще один интеграционный проект, который активно предлагается Белоруссии. Это польская модель создания «Междуморья», т.е. целостного региона из Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы и Польши. Такое объединение с населением около 100 млн. человек при союзных отношениях с Вашингтоном могло бы контролировать большую часть западных экономических связей России, участвовать в тех же проектах трансевразийских торговых путей и при этом быть достаточно сильным, чтобы отстаивать свои интересы перед Брюсселем. Польские проекты строятся на (ложном) представлении о хрупкости белорусского режима. Поэтому эти планы не имеют значимой поддержки ни среди белорусских политиков и экспертов, ни в белорусском обществе.

Заявление премьер-министра А.Атамбаева в 2013 г. о необходимости для Кыргызстана вступить в Таможенный союз и создание межведомственной комиссии для проведения переговоров о присоединении к этой организации вызвало неоднозначную реакцию в экспертном сообществе и в парламенте страны. Особенностью Кыргызстана является то, что в большинстве своем даже националистически и прозападно настроенные политики и общественные деятели вынуждены в публичных заявлениях поддерживать, хотя и с большим количеством оговорок, идеи евразийской интеграции, в том числе идею Евразийского экономического союза.

Крупной темой для Кыргызстана является облегчение положения трудовых мигрантов. Положительную оценку процессы евразийской интеграции получили и в деловой среде. Важнейшим затруднением является ориентированность Кыргызстана на реэкспорт. Надеждами являются открытие внутренних рынков и попытка создания новых рабочих мест. Следует, однако, отметить, что, несмотря на постепенное

снижение культурных позиций России в регионе, положительное отношение к евразийской интеграции со стороны населения Кыргызстана сохраняется.

Как отмечают кыргызские эксперты, из структуры товарообмена Кыргызстана со странами Таможенного союза видно, что изменение условий торговли может оказать существенное влияние практически на все сектора экономики страны и, соответственно, на бюджет, а также на занятость и доходы населения. Следует отметить, что одним из аспектов проблемы, вызывающим дебаты в кыргызском обществе и ведущих к политизации самой проблемы, является абсолютное экономическое и политическое доминирование РФ в Таможенном союзе. Экономика Кыргызстана настолько мала и слаба, что в качестве полноценной рыночной экономики (а не экономики выживания), она может реализовываться только в составе более крупной экономической ассоциации. Таким образом, членство Кыргызстана в Таможенном союзе могло бы снять многие проблемы, связанные с трудовой миграцией граждан КР в странах ТС.

Дефицит реальных успехов в вопросах интеграции стран СНГ, противоречия между интеграционными установками и стремлением сохранить национальную независимость, фрагментация интеграционного процесса вызвали в Кыргызстане острые общественные дискуссии по вопросу о присоединении к Таможенному союзу России, Казахстана и Белоруссии. Однако стало очевидным, в особенности после визита в страну президента России В.В.Путина в 2013 г. и подписания соглашений между Кыргызстаном и Россией по крупным инвестиционным проектам в сфере энергетики, что руководство страны твердо намерено участвовать в новой интеграционной организации.

В случае вступления Кыргызстана в ТС необходимо было решать проблему расхождений между условиями участия в Таможенном союзе и в ВТО, членом которой является Кыргызстан. Действующий таможенный тариф Кыргызстана должен будет измениться в сторону повышения в среднем в 2 раза. Но при этом необходимо учитывать, что вступление Российской Федерации в ВТО и соответствующие намерения Казахстана и Белоруссии могут создать условия к тому, что Единый таможенный тариф ТС будет претерпевать дальнейшие изменения.

Армения участвует в существующих интеграционных форматах: СНГ, ОДКБ, состояла наблюдателем в ЕврАзЭС. Власти страны на официальном уровне декларируют заинтересованность в углублении экономических связей на евразийском пространстве. В частности, в октябре 2011 г. премьер-министр Армении Т.Саркисян положительно оценил создание подобной формы самоорганизации государств и пообещал, что республика примет активное участие в его создании. В августе 2012 г. по итогам встречи президентов России и Армении была создана спецкомиссия, которая была призвана рассмотреть возможность участия Еревана в интеграционных процессах в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Характерно, что на основных армянских ресурсах, провластных СМИ, тема создания ЕАЭС и участия в нем Армении освещается преимущественно в негативном ключе. Официальная позиция долгое время заключалась в том, что обсуждение этого вопроса возможно только после подготовки документа, определяющего формат, инструменты и механизмы будущих членов ЕАЭС. А полноценное участие в текущих форматах ТС и ЕЭП невозможно в силу геополити-

тических причин — отсутствия общих границ с Россией, Казахстаном и Белоруссией.

В начале сентября 2013 г., Армения объявила о желании присоединиться к Таможенному союзу, а в дальнейшем участвовать в формировании Евразийского экономического Союза. Армения сразу получила согласие России и Казахстана. Однако в Минске возобладало мнение, что со вступлением Армении в ТС у Беларуси появится прямой конкурент в борьбе за российские дотации для своей экономики.

Некоторые армянские специалисты крайне категоричны в своих выводах относительно перспектив евразийской интеграции. Так, они считают, что между бывшими союзными республиками невозможно ничего «восстановить». Сотрудничество постсоветских стран друг с другом строится на совершенно новой основе, почти ничего общего не имеющей с былым пребыванием в одной стране.⁴⁹

Разнообразные проблемы, связанные с вступлением Таджикистана в ТС, стали актуальны с 2005 года и с этого времени не сходят с общественно-политической повестки дня республики. В связи с этим, следуя тенденции глобализации, РТ рассматривает дальнейшую интеграцию как один из важных приоритетов своей внешней политики; этот курс поддерживает общественность страны.

Что касается Таджикистана как потенциального кандидата на вступление в ТС, то отношение к идее создания Евразийского экономического союза было озвучено представителями политических партий еще до президентских выборов в России, в октябре 2011 г., сразу после публикации программной статьи В. Путина. Примечательно, что сама идея интеграции уже тогда была оценена преимуществен-

⁴⁹ Искандарян А. Почему мы разъединяемся? Диалектика интеграции и дезинтеграции // Россия в глобальной политике (Москва). 2013. Т. 11. № 4.

но положительно. В целом отношение к идее Таможенного союза в республике положительное, хотя и высказываются опасения, связанные с возможными экономическими потерями на первом этапе.

После кровавого «евро-майдана» в феврале 2014 года в центре Киева, которому предшествовали внешнеполитические кульбиты В.Януковича в течение 2013 г. и на Вильнюсском саммите программы Восточного партнерства ЕС, трудно говорить и оценивать позицию Украины по данному и любому другому вопросу международных отношений. Поэтому речь может идти только о тенденциях, которые намечались до 2014 г. в политологическом сообществе этой республики в контексте нашей проблемы.

Украина оставалась самым слабым и проблемным европейским звеном евразийской интеграции. Она явно находится за пределами интеграционного поля. Начиная примерно с 2012 г. на Украине стало распространяться мнение о принудительном характере российских интеграционных предложений. Эксперты отмечали за год до евро-майдана, на Западе, и прежде всего в США, хотели бы поставить препоны на пути создания Евразийского союза, который без Украины теряет существенную часть своего значения и международного веса. Бурные события с конца 2013 и особенно в 2014 гг. и фактическое свержение В.Януковича, который и сам не был активным сторонником интеграции, подтвердили этот прогноз и фактически перечеркнули робкие надежды даже на ограниченное участие Киева в евразийских интеграционных процессах. Этого не произошло бы без активного вмешательства внешних сил.

Страны Южного Кавказа, каждая по-своему, являются важным элементом в общей конфигурации евразийского ин-

тегративного поля, особенно в среднесрочной и более отдаленной перспективе. Поэтому то, как будут выстраиваться отношения Армении, Азербайджана и отчасти Грузии вокруг евразийской тематики, имеет важное значение для закладывающихся в настоящее время тенденций. Дополнительным фактором интеграции, который в дальнейшем все труднее будет игнорировать, стало появление на политической карте новых независимых государств — Абхазии и Южной Осетии.

Отношение в Азербайджане к проекту Евразийского экономического союза неоднозначное, что напрямую связано с российско-азербайджанскими отношениями. Позиция политической элиты Азербайджана, рекрутируемой преимущественно по клановому признаку, не отличается от позиции высшего руководства страны, которая выражается в соблюдении баланса во внешнеполитической ориентации между западным, российским (евразийским) и турецким (пантюркистским) векторами

Рассматривая отношение Узбекистана к вопросам евразийской интеграции и, в частности, к перспективам Евразийского экономического союза, следует, прежде всего, отметить его слабое по сравнению с большинством стран Центрально-азиатского региона (Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан) участие в существующих межгосударственных объединениях постсоветских государств. Так, Узбекистан в 2008 г. приостановил свое членство в Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС), а в 2012 г. во второй раз — в организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Тем не менее, в июне 2012 г. руководство Узбекистана приняло решение о вхождении в Зону свободной торговли СНГ.

Политика Туркменистана, основанная на тактике между-

народного изоляционизма, официально называемого нейтралитетом, не дает сколько-нибудь серьезных оснований причислять страну к потенциальным участникам Евразийского союза в ближайшей перспективе. Однако даже в этой ситуации не следует игнорировать любую заинтересованность Ашхабада в экономическом сотрудничестве с Россией, соседними государствами ЦА и прикаспийскими странами. На официальном уровне Ашхабад дистанцируется от любых интеграционных предложений и инициатив.

Любопытно, что интерес к евразийской интеграции проявлялся и у Китая. Фактически, благодаря ШОС Китай получил легитимную и не вызывающую не только возражений со стороны России и государств Центральной Азии, но и одобряемую ими возможность непосредственно действовать на постсоветском пространстве по принятым в СНГ неписаным правилам. Иными словами, получил возможность беспрепятственно играть на противоречиях как между странами евразийского пространства и соответственно влиять на процесс евразийской интеграции. Нельзя сказать, что китайские эксперты с энтузиазмом приветствуют успех будущей интеграции. Тем не менее, формирование ЕАЭС заставит Китай считаться с новой геэкономической и геополитической реальностью в Евразии.⁵⁰

С точки зрения экспертов, евразийская интеграция является предтечей полицентричного миропорядка. Находясь на периферии международных отношений после второй половины XX-го века, Евразия теперь выходит на первый план. Начав процесс интеграции, Россия в настоящее время сталкивается с двумя основными проблемами. Во-первых, необходимость

⁵⁰ Ван Шуцунь, Вань Цинсун. Перспективы евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая // Проблемы национальной стратегии (РИСИ). 2013. № 3. С. 84-101.

вести себя с более мелкими странами как равными, несмотря на различия в размерах их экономик и их политического влияния, а вторая связана с идентичностью России: путем привлечения стран таких, как Китай и Южная Корея в процесс интеграции, Россия может потерять свой статус лидера. Еще один чувствительный вопрос для евразийских стран — потенциальных членов интеграционного процесса — это то, что они боятся потерять свой суверенитет. Китай старается быть очень осторожным, чтобы не посягать на интересы России в Центральной Азии.

Замысел евразийского проекта турецких националистов (из Совета национальной безопасности Турции) состоит в союзе с Россией и Ираном. Главная проблема на пути реализации проекта Евразийского союза заключается в том, что союз будет рассматриваться как попытка интеграции, противоречащая глобальным и региональным интересам ЕС и США в Восточной Европе и бассейне Черного моря, а также Китая в Центральной Азии. Также существуют круги, которые желают, чтобы в состав этого проекта вошла и Турция. Однако чтобы присоединиться к проекту Евразийского союза, Турции потребуется отказаться от получения членства в ЕС, выйти из общего рынка с ЕС и к тому же выйти из состава НАТО. Такой выбор полностью изменит направление турецкой внешней политики и включит Турцию в зону российской гегемонии.

Процесс евразийской интеграции, как отмечалось выше, изучается в самых различных ракурсах. Некоторые специалисты даже прибегают к сравнительному анализу опыта других регионов.⁵¹ Зарубежные аналитики, рассматривая нынешний

⁵¹ Libman A., Ushkalova D. Foreign Trade Effects of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan, and Russia. Central Asia Economic Paper No. 8. May 2013. – The George Washington University. – 6 p.

евразийский проект интеграции на постсоветском пространстве, в качестве его главных мотивов называют стремление Москвы стать центром силы в современном мире, способным противостоять США, не допустить ухода республик СНГ под чужое влияние. Упоминается и попытка «собираания постсоветских государств». Из этого делается вывод о доминировании политико-стратегических целей данного проекта над целями и задачами экономического развития.⁵²

С точки зрения экспертов Фонда Карнеги, Евразийский союз является первым собственным геополитическим проектом России со времен распада СССР и представляет альтернативу попыткам присоединиться к чему-либо другому.

Таким образом, в ходе анализа выделяются на постсоветском пространстве несколько групп оппонентов идей евразийской интеграции. К первой относятся правящие политические группы, декларирующие т.н. «европейские ценности». Другая категория оппонентов — представители новых социальных слоев, возникших в результате перехода от плановой экономики к рыночной, а также часть управленческой элиты тех государственных структур, которые возникли в ходе строительства национальных государств. Наконец, нельзя не видеть очевидного: против идеи создания Евразийского экономического союза активно работают геополитические конкуренты России во главе с Соединенными Штатами, что наглядно продемонстрировали последние события на Украине.

К сожалению, пока в обществах постсоветских государств отсутствует критическая масса, поддерживающая идею Евразийского экономического союза. Определенная вина в таком положении, как ни странно, лежит и на руководящих органах

⁵² Mankoff J. Eurasian Integration: The Next Stage. - Central Asia Policy Brief No. 13. December 2013. – The George Washington University. – 8 p.

новой интеграционной структуры. В частности, деятельность Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) недостаточно прозрачна, ее решения плохо доводятся до общественности, а сами решения формулируются без должной общественной дискуссии, что заведомо снижает их «легитимность» в глазах простого человека.

Тем не менее, Таможенный союз и созданный Евразийский экономический союз — это новый тип региональной интеграции, предполагающий значительно более строгую финансовую и исполнительскую дисциплину, передачу части экономического суверенитета наднациональным управляющим органам, внутренние общие стандарты и регламенты.

Таким образом, мы видим, что в ситуации принципиального выбора, перед которым стоит целый ряд стран СНГ, неизбежны сомнения, раздумья, учет всех «за» и «против». Следует отметить, что не все постсоветские политические элиты адекватно предвидят будущее — не групповое или корпоративное, а будущее своей страны и нации. Кроме того, в соперничестве европейского и евразийского интеграционных проектов правящие круги некоторых стран СНГ нередко ведут себя не столько как самостоятельные игроки, сколько как объекты глобальной политики.

Транспортно-коммуникационные коридоры

Транспорт является системо – образующей инфраструктурной отраслью экономики и обеспечивает базовые условия жизнедеятельности общества, содействует социально-экономическому развитию государства и реализации его стратегических национальных приоритетов.

Транспортная интеграция является одним из направле-

ний процесса международной экономической интеграции, которая, как правило, сопровождается созданием обособленных структур со специфичными системами управления, правилами и механизмами принятия решений.

ЕАЭС был создан в мае 2015 г. в формате международной организации в составе Белоруссии, Казахстана, России, позднее — Армении и Кыргызстана, которые в соответствии с «Договором о Евразийском экономическом союзе» (Союзный договор) объединили региональные экономики в «единое экономическое пространство» в целях улучшения жизненного уровня населения Союза, численность которого составляет 182 млн. чел. Процесс реализации транзитного потенциала в условиях отсутствия доступа к морю означает для Казахстана возможность преодоления собственной закрытости и замкнутости.

В качестве главной возможности реализации своего транзитного потенциала Казахстан рассматривает встраивание в китайскую инициативу ЭППШ. Наиболее важным транспортным коридором для страны является создаваемая Китаем, Казахстаном и Россией автомагистраль «Западная Европа – Западный Китай» как северная часть ЭППШ. Другой маршрут проходит по линии Урумчи – Достык – Омск – Москва – страны ЕС. Морской путь ЭППШ также предполагает прохождение через территорию Казахстана с выходом на Каспийское и Черное моря: первый маршрут — из Урумчи через казахстанский порт Актау и далее в ЕС с использованием грузинских портов; второй — из Урумчи через Казахстан и Центральную Азию в Иран и Турцию. Предполагается создание сети транспортно-логистических хабов, обслуживающих

данные маршруты. Казахстан заинтересован в снижении транспортных издержек, дебюрократизации транспортных процедур на всем пространстве ЕАЭС, возможности равного доступа к российским трубопроводам и портам на Балтике.

Развитию транзитного потенциала государств-членов ЕАЭС должно способствовать и сотрудничество с Китаем в рамках сопряжения китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭППП) и ЕАЭС. Так, ЭППП и казахстанская программа «Нурлы жол» почти полностью совпадают в отношении транзита грузов из Китая через территорию Казахстана, а также развития транспортной и логистической инфраструктуры на территории страны.

К марту 2017 г. ЕЭК сформировала перечень приоритетных проектов в формате сопряжения ЕАЭС и ЭППП. Их основу составят 39 проектов транспортной инфраструктуры: дорог, транспортно-логистических центров, ключевых транспортных узлов. В частности, завершается реализация масштабного проекта по строительству новых автодорог в рамках МТК Западная Европа – Западный Китай. Готовятся к реализации проекты высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань, железных дорог Китай – Кыргызстан – Узбекистан, Армения – Иран.

По территории ЕАЭС проходит сеть важнейших трансконтинентальных международных транспортных коридоров в составе автомобильных и железных дорог, внутренних водных путей и воздушных трасс. Однако существующие «разрывы» в транспортных коммуникациях Союза не позволяют всем его участникам использовать имеющийся потенциал для выстраивания оптимальных логистических цепочек и повышения эффективности внутренних и

международных грузовых и пассажирских перевозок, а в некоторых случаях приводят к транспортной изолированности отдельных государств.

Транспортные системы ЕАЭС могут обеспечить кратчайшие трансконтинентальные связи между Европой и Азией, поэтому их интеграция не только приведёт к увеличению объёмов транзитных перевозок, но и будет активно содействовать развитию всех стран Евразийского континента. Многие страны и региональные экономические блоки заинтересованы в сотрудничестве с Союзом, в том числе для совместного развития международных трансграничных транспортных коридоров по линиям «Запад–Восток» и «Север–Юг», а также в рамках проекта Экономического пояса Шёлкового пути (ЭППШ).

Таким образом, приоритетными задачами интеграции транспортных систем ЕАЭС являются: устранение препятствий для создания общего рынка транспортных услуг, преодоление инфраструктурных ограничений (территориальной изолированности) и реализация транзитного потенциала. На заседании Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. президентами стран ЕАЭС были утверждены основные направления и этапы реализации (ОНЭР) скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС с выходом к 2025 г. на полное снятие ограничений при осуществлении перевозок всеми видами транспорта внутри Союза. Наибольшую заинтересованность в скоординированной транспортной политике и, в частности, в решении вопроса единых транзитных налогов проявляют Казахстан и Беларусь.

Одним из главных факторов, препятствующих реализации скоординированной (согласованной) транспортной поли-

тики ЕАЭС, является низкий уровень развития транспортно-логистической инфраструктуры Союза, под которым понимают совокупность её транспортной, складской, таможенной и управленческой составляющих.

С 2014 г. Казахстанские железные дороги (КТЖ) совместно с китайскими партнёрами развивают новый логистический терминал в порту Ляньюньган на побережье Жёлтого моря, через который регионы Центральной Азии и Южного Кавказа могут вести торговлю со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия и Казахстан в сотрудничестве с КНР создают Трансконтинентальный международный автодорожный коридор «Западная Европа — Западный Китай» (далее — «ЗЕ–ЗК»), который свяжет порт Ляньюньган с морскими портами на Балтийском море. С коридором «ЗЕ–ЗК» через систему ответвлений будут соединены все страны ЕАЭС, поэтому его инфраструктура предназначена как для осуществления внутрисоюзных коммуникаций, так и для транзитных перевозок, объём которых, по оценкам, должен увеличиться в несколько раз.

Отдельные страны ЕАЭС являются участниками проекта Трансъевразийского международного транспортного коридора (TRASECA), который во многом повторяет маршрут Великого Шёлкового пути и проходит по территории КНР, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Ирана, Азербайджана, Грузии и Турции. Стоит заметить, что в последние годы начал активно развиваться Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), который фактически дублирует TRASECA — также начинается в Китае, проходит через Казахстан, Азербайджан, Грузию, имеет несколько ответвлений в черноморские страны, и завершается в ЕС. В последнее время активно обсуждается проект

строительства ирано-армянской железной дороги, которая рассматривается в качестве важного транзитного звена международного транспортного коридора «Персидский залив – Европа».

Отдельным направлением развития национальной экономики стало превращение Казахстана в евразийский транспортный транзитный хаб. Осенью 2012 г. Н.Назарбаев инициировал проект «Новый Шелковый путь», соединяющий Китай с Европой через территорию страны. В 2013 г. принята государственная программа по развитию транспортной инфраструктуры до 2020 г., которая предусматривает внедрение национальных стандартов качества услуг пассажирских перевозок, авто- и железнодорожных вокзалов, аэродромов. В ноябре 2014 г. — программа Новой экономической политики «Нурлы Жол», стержнем которой стал пятилетний план инфраструктурного развития, включающий продвижение авто- и железнодорожных проектов, создание логистического хаба на востоке и морской инфраструктуры на западе страны с увеличением терминальных мощностей в сухопутных и морских портах Китая, Ирана, России и стран ЕС.

Китайская сторона выступает за скорейшее открытие транзитных перевозок грузов по автомобильной дороге в направлении Китай – Казахстан – Россия. Для этого необходимо согласовать тарифы, визовые вопросы для водителей, снизить себестоимость и привлекать больше продукции. Идея реализации транзитного потенциала России звучала в российском официальном и экспертном дискурсе еще до совместного заявления о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП. В частности, еще 13 октября 2014 г. Минтранс РФ, ОАО «РЖД», Госкомитет КНР по развитию и реформе и корпорация «Китайские железные дороги» подписали Меморандум

о сотрудничестве в области высокоскоростного движения для создания Евразийского высокоскоростного транспортного коридора «Москва — Пекин». Россия надеялась на модернизацию и более активное использование Транссиба и транспортно-логистических возможностей Дальневосточного региона. Позже в китайскую инициативу ЭППП была включена Транссибирская железная дорога.

Стратегической целью Минска является включение страны в крупные трансконтинентальные проекты с участием КНР и стран ЕАЭС с прицелом выхода на рынки Евросоюза. Исходя из этого, Беларусь активно поддерживает китайский проект «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭППП), а также стратегию «Один пояс и один путь», использует все возможные международные площадки для поддержки китайских инициатив, в первую очередь ШОС. Беларусь заинтересована в использовании Китая в качестве инструмента и важного фактора для улучшения отношений и снижения напряженности между своим союзником Россией и коллективным Западом. Евразия превращается в естественный — военно-политический, транспортно-стратегический, материально-экономический — тыл для Китая. Соответственно, возрастает международный вес Беларуси как связующего звена в западной части Евразии.

Кыргызстан рассчитывает и на реализацию своего транзитного потенциала и интересов в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭППП. В частности, в рамках сопряжения предполагается проложить железную дорогу Китай — Кыргызстан — Узбекистан, которая соединит север и юг Кыргызстана и откроет доступ для поставок товаров на рынки стран Западной Азии. По мнению министра транспорта и дорог Кыргызстана, с помощью железной дороги Китай — Кыргызстан можно будет

перевозить свыше 12 млн. тонн груза в год, что принесет в бюджет страны 150-200 млн. долларов в год только на первом этапе, а дальше государство может получать от транзита порядка 500 млн. долларов в год.

Армения после присоединения к Союзу нарастила свой экспорт в страны ЕАЭС больше чем на 56 %. В свою очередь, другие участники ЕАЭС активно увеличивают капиталовложения в промышленный сектор армянской экономики. Рост объёмов внешней торговли Армении сопровождается синхронным увеличением объёмов перевозок. В Армении ожидали, что интеграция в рамках ЕАЭС должна способствовать реализации двух крупных проектов, о которых в Ереване очень долго и много говорится на протяжении нескольких лет. Это, во-первых, железная дорога Армения – Иран и, во-вторых, строительство свободной экономической зоны на границе с Ираном, которая тоже имеет для Армении стратегическое значение. Строительство железной дороги Армения – Иран важно не только для Еревана как способ преодоления транспортной изоляции страны и реализации своего транзитного потенциала, но и для ЕАЭС в целом — как часть реализации проекта сопряжения ЕАЭС и ЭШП и облегчения доступа в Иран и сопредельные страны.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) представляют собой интеграционные блоки, принципиально различающиеся с точки зрения географической конфигурации, прежде всего по отношению к континентальным и морским (океаническим) пространствам. ЕАЭС – уникальное по своей континентальности объединение, в рамках которого ни одна страна (кроме России) не имеет выхода к морю, тогда как

АСЕАН выступает одной из самых океанических группировок в мире (из 10 стран-членов данной группировки только Лаос не имеет выхода к морю). Различия в геоэкономике ЕАЭС и АСЕАН оказываются не препятствием, а скорее фактором взаимодополняемости, способным усилить потенциальные дивиденды от интеграции двух блоков.

Партнерство ЕАЭС-АСЕАН можно рассматривать как проект гибридной континентально-океанической коалиции, в которой основу интеграции формируют не только торговые и инвестиционные эффекты, но и транспортно-логистическая комплементарность. Однако морским маршрутам всё трудней конкурировать за грузопотоки внутри Евразийского континента, поскольку ценовой фактор зачастую уже не является абсолютным приоритетом в конкуренции на рынке международных перевозок. Страны ЕАЭС, по сути, бросили вызов глобальным логистическим «монополиям» и начинают наращивать объёмы перевозок транзитных грузов между Европой и Азией. Сухопутные Евразийские транзитные коридоры, проходящие по территории ЕАЭС, уже обеспечивают приемлемые сроки и стоимость доставки транзитных грузов между странами ЕС и Восточной Азии.

Стоит отметить, что даже после полной модернизации железнодорожной и портовой инфраструктуры вдоль всего ТМТМ стоимостные и эксплуатационные характеристики этого маршрута для перевозки транзитных грузов из КНР и ЕС будут значительно уступать показателям действующих «северных» маршрутов по территориям России и Белоруссии. Поэтому стратегии развития транспортных систем ЕАЭС должны быть ориентированы не на конкуренцию, а на рациональное взаимодействие, которое обеспечит эффективное

перераспределение внутрисоюзных и транзитных грузопотоков между транспортными коридорами Союза. Только таким образом Евразийские сухопутные коридоры в перспективе смогут эффективно конкурировать с морскими маршрутами за транзитные грузопотоки.

До 2025 г. Евразийскому экономическому союзу для укрепления интеграционных связей придется решать ряд важных задач. Во-первых, преодолевать противоречия реальной торговой политики государств и единой таможенной территории, связанные с нетарифными ограничениями, четким выполнением правил происхождения товаров, сокращением доли экспортных пошлин, определяемых странами самостоятельно.

Первоочередными задачами транспортной интеграции в рамках ЕАЭС являются: развитие трансграничной транспортной инфраструктуры (транспортных коридоров, мультимодальных транспортно-логистических центров) для обеспечения территориальной связанности всех участников Союза, расширения международной торговли и кооперации; формирование общего рынка транспортных услуг без изъятий и ограничений, стимулирующего конкуренцию и кооперацию в отрасли, гармоничное взаимодействие разных видов транспорта, формирование интегрированных жизнеспособных бизнес-структур в транспортно-логистическом секторе; проведение согласованной тарифной политики для рационального использования транзитных возможностей Евразийских сухопутных коридоров и повышения их конкурентоспособности.

В целом транспортная интеграция ЕАЭС создаёт фундаментальные предпосылки для формирования Единого транспортного пространства в рамках Экономического союза, на базе которого будет развиваться взаимовыгодное сотрудничество всех стран Евразийского континента.

Новая динамика регионального сотрудничества

В последнее время предпринимается попытка обосновать три во многом противоречащие друг другу версии активизации регионального сотрудничества в Центральной Азии. Сначала выдвигается тезис о том, что за этим стоят Узбекистан и Казахстан, «переформатирующие регион в своих интересах». При этом Ташкент якобы формирует «центральноазиатский рынок под себя».

Затем утверждается, что укрепление взаимодействия в Центральной Азии является инструментом маневрирования стран региона и не означает поддержку с их стороны. Третья версия звучит так — «инициативу регионального сотрудничества необходимо рассматривать в рамках общего роста активности в регионе по сотрудничеству с США». Версий много, но насколько все они имеют отношение к реальности?

Действительно, активизировать сотрудничество в Центральной Азии стало возможным благодаря новой региональной политике президента Узбекистана Ш.Мирзиёева, что признается во всех странах региона и далеко за его пределами. В урегулировании годами не решавшихся региональных проблем, в нормализации элементарных добрососедских отношений, восстановлении политического доверия, развитии взаимовыгодной торговли были заинтересованы все, не только Узбекистан. Именно поэтому ситуация в Центральной Азии стала меняться не просто быстро, а стремительно. Все порядком устали от усиливающейся с каждым годом атмосферы напряженности в регионе, хотели перемен.

Узбекистан подписал договоры по делимитации значительной части границ с Кыргызстаном и Таджикистаном,

что серьезно снизило конфликтный потенциал в регионе. На границах с этими странами открыты десятки контрольно-пропускных пунктов, что существенно облегчило взаимные поездки граждан.

Либерализована визовая политика. Узбекистан и Таджикистан договорились о 30-дневном безвизовом режиме. Ташкент и Астана подписали соглашение о взаимном признании виз, что позволит иностранным туристам, посетившим Узбекистан, беспрепятственно въезжать в Казахстан и наоборот. К взаимному признанию виз могут присоединиться другие страны региона. Впервые за 25 лет возобновлено авиа- и автобусное сообщение Узбекистана с Таджикистаном. С 2017 года между Узбекистаном и Казахстаном курсируют скоростные пассажирские поезда.

Практически замороженная в прошлом торговля демонстрирует взрывной рост. Товарооборот Узбекистана с государствами Центральной Азии только за январь–август 2018 года вырос на 46% до 2,6 млрд. долл. (в 2017 году — 1,8 млрд. долл.). В ближайшие годы Узбекистан планирует выйти на уровень 5 млрд. долл. В результате увеличения объемов торговли с Кыргызстаном и Таджикистаном происходит заметное сокращение их дефицита в товарообороте с Узбекистаном. Так, если в 2015 году узбекский экспорт в Кыргызстан был в 2,8 раза больше, чем импорт, то за 11 месяцев 2018 года разрыв сократился до 1,9 раза. Еще большее сокращение узбекского экспорта над импортом за тот же период произошло в торговле с Таджикистаном — с 23 до 1,4 раза.

Таким образом, благодаря региональному сотрудничеству решаются конкретные проблемы и выгоду получают все. Это не американский проект, это центральноазиатский проект,

реализуемый в интересах стран региона.

После прихода к власти Ш.Мирзиёева в 2016 году, который инициировал крупномасштабные реформы Узбекистана и привлек к себе пристальное внимание со стороны западных исследователей, результатом стала целая серия публикаций, посвященных реформам. Собственно говоря, этот фактор и стал основной причиной повышенного внимания к Ташкенту со стороны западного экспертного сообщества.⁵³

Западные эксперты исходят из того факта, что почти тридцать лет Узбекистан привлекал внимание к себе со стороны политиков и политологов благодаря своему важному геостратегическому положению, демографическому весу по сравнению с соседями по региону, экономическому и торговому потенциалу. Но и сейчас - после более чем 25 лет независимого развития – постсоветская эволюция страны остается сложной. На это указывают многочисленные источники и статистические данные, ставшие доступными с начала 2000-х годов.

В Стратегии действий Узбекистана до 2021 г. говорится о создании вокруг него пояса безопасности, стабильности и добрососедства, а также об урегулировании вопросов делимитации и демаркации государственной границы. Выступая с посланием парламенту страны в декабре 2017 г., президент сказал, что республика приступила к осуществлению принципа «главный приоритет внешней политики Узбекистана — Центральная Азия».⁵⁴ За 2016—2018 гг. уже сделаны серьезные шаги по укреплению добрососедства.

⁵³ The Current Political Development and International Position of “Post-Karimov” Uzbekistan (The View of Western Experts) // Central Asia’s Affairs (Almaty, KazISS). 2018. № 4, pp. 7-25.

⁵⁴ Norov V. The Strategy for the Comprehensive Modernization of Uzbekistan: New Goals and Objectives // Central Asia’s Affairs (Almaty, KazISS). 2019. № 1, pp. 7-11.

Установлено стратегическое сотрудничество с Туркменистаном и Кыргызстаном, подписан ряд важных документов по дальнейшему углублению стратегического партнерства с Казахстаном, стабилизировано и укрепляется сотрудничество с Таджикистаном.

Узбекистан, проводящий в настоящий период более открытую экономическую политику, пока находится на стадии урегулирования спорных вопросов с соседями. Хотя он и расширяет экономическое и инвестиционное сотрудничество с ними, но его финансовые и торговые возможности на данном этапе еще ограничены. Именно поэтому Узбекистан пока не отказывается от внеблокового статуса и не обсуждает вопросов единства региона, предпочитая прагматичное развитие двусторонних связей. При условии увеличения экономической мощи, к чему есть предпосылки, страна может изменить тактику в отношении сопредельных республик и перейти к построению многостороннего регионального экономического взаимодействия.

Всеми наблюдателями было отмечено серьезное продвижение на казахстанско-узбекском направлении. Важную роль в этом сыграл первый визит нового руководителя Узбекистана в Казахстан в марте 2017 г., через неделю после визита в Туркмению. Ш.Мирзиёева сопровождала внушительная делегация, в составе которой были представители государственных ведомств, включая оборонное, парламента РУ и деловых кругов. Итоги этого визита многие местные эксперты расценили как полное обновление казахстано-узбекских отношений.

На сегодняшний день наиболее значимыми блоками вопросов, интересующими обе стороны, являются экономическое сотрудничество и безопасность. Несмотря на определенные

различия в принципах, на которых строится экономика двух стран, каждая из них в настоящее время планирует перевести ее развитие на качественно новый уровень. На стимулирование взаимных инвестиций и развитие совместных производств направлена активизация связей между регионами двух соседних стран. Ташкент поддержал казахстанскую инициативу о проведении на регулярной основе форумов межрегионального сотрудничества, планирует создание специальных экономических зон вблизи казахстанской границы. Кроме того, стороны рассматривают возможность строительства международного центра приграничного сотрудничества, а также транспортно-логистического центра на приграничных территориях.

Вхождение Казахстана в ЕАЭС накладывает определенный отпечаток на экономическое сотрудничество с Узбекистаном. Однако обе страны демонстрируют готовность найти взаимоприемлемые решения. Уже достигнуты договоренности по таким вопросам, как обеспечение условий для экспорта на другие рынки ЕАЭС автомобилей совместного производства, оказание помощи фармацевтическим производствам Узбекистана при государственной регистрации в Казахстане лекарственных средств, формирование рабочей группы по обсуждению создания «Зеленого коридора» для взаимных поставок плодоовощной и другой продукции, решение возникающих сложностей при пересечении грузов через пропускные пункты двух стран.⁵⁵

Новый президент Узбекистана продолжил линию на приоритетное развитие отношений с Казахстаном и Туркменией. Неслучайно первые официальные визиты

⁵⁵ См.: 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева (в оценках экспертов КИСИ при Президенте РК). – Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2019. – 296 с.

нового лидера Узбекистана состоялись именно в эти страны. Особое значение Ш.Мирзиёев придает гармонизации и интегрированию транспортно-коммуникационных потенциалов трех стран. Туркмения, Казахстан и Узбекистан реализуют стратегии развития транспортного сектора, куда инвестируются значительные средства. Президент РУ предложил объединить национальные транспортные стратегии трех стран и сформировать единый центральноазиатский транспортный хаб.

Хотя, по словам Ш.Мирзиёева, у Туркмении и Узбекистана не осталось нерешенных проблем, упраздненное ранее безвизовое сообщение между двумя соседними странами восстановлено не было. Шагом на пути к решению этого вопроса может стать реализация подписанного президентами протокола о внесении изменений и дополнений в Соглашение о переходе через туркменско-узбекскую границу людей, обслуживающих хозяйственные объекты.

В начале марта 2018 г., впервые за 27 лет, состоялся визит в Таджикистан главы Узбекистана, что позволило наблюдателям назвать его «историческим». За время пребывания Ш.Мирзиёева у власти были решены многие из накопившихся за весь постсоветский период проблем в отношениях двух государств. Был отменен визовый режим, налажено авиационное и железнодорожное сообщение, с мая текущего года, спустя 26 лет, возобновляются автобусные рейсы между двумя странами, которые были прекращены во время межтаджикского конфликта.

Сложная ситуация долгое время была на кыргызско-узбекской границе. Она осложняется также расположенными на территории Кыргызстана узбекскими анклавами Сох и Шахимардан и кыргызским анклавом в Узбекистане — се-

лом Барак. В сентябре 2017 г. было подписано соглашение по описанию 85% границы и решен вопрос о беспрепятственном движении через нее. Вопросы демаркации пока не обсуждаются. Еще более сложными и затяжными стали таджикско-узбекские территориальные противоречия. Договор о государственной границе от 2002 г. делимитировал ее на 84%. Документ был ратифицирован лишь в 2009 г., затем вопрос о границах заморозили. В марте 2018 г. был подписан Договор об отдельных участках границы, в том числе по спорному приграничному водохранилищу Фарход: территория, на которой расположена Фархадская ГЭС, признана территорией Таджикистана, а сам гидроэнергетический объект — собственностью Узбекистана.

На границе Таджикистана и Кыргызстана в марте 2019 г. произошел очередной конфликт. В результате несколько человек убито, более 40 получили ранения, десятки попали в заложники на трассе Исфара-Ворух. Премьер-министры Кыргызстана М.Абылгазиев и Таджикистана К.Расулзода договорились о проведении совместного расследования столкновения жителей приграничных сел. Это не первый конфликт в этом регионе. Основной причиной всех споров остается неопределенность линии госграницы. Вопрос ее делимитации был одним из основных на переговорах президентов Таджикистана Э.Рахмона и Кыргызстана С.Жээнбекова в Душанбе в феврале прошлого года. Однако, несмотря на заявления глав государств о намерении решить эту проблему, делимитация и демаркация границы не были начаты. Протяженность таджикско-кыргызской границы составляет 976 км, из которых делимитированы и демаркированы 504 км. Остальные участки считаются спорными.

Накануне конфликт произошел на границе Согдийской

области Таджикистана и Баткенской области Кыргызстана из-за строительства дороги Коктош – Аксай – Тамдик на спорной приграничной территории. Договоренности нарушила кыргызская сторона. Жители таджикского села Ворух потребовали прекратить работы до принятия решения о демаркации государственной границы между соседними странами. В ответ на ультиматум жители села Аксай Баткенской области Кыргызстана забросали таджиков камнями. Конфликт перекинулся на соседнее село Ходжаи Ало, в котором перепалка местных жителей закончилась стрельбой.

Конфликтная ситуация не возникла внезапно, она зрела годами, если не десятилетиями и столь же долго копилось недовольство с двух сторон, из раздражения трансформируясь в ненависть к соседу. Ту, из-за которой начинают гореть дома, греметь выстрелы и литься кровь. Но властям было не до этого. В Бишкеке были заняты политическими интригами. В Душанбе решают проблему сохранения власти. В итоге — вновь конфликт, столкновения и обострения, тяжесть которых ложится на местных жителей.

Эксперты по Центральной Азии отмечают, что главная причина — в отсутствии политической воли к решению социально-экономических задач, задач развития пограничных регионов как в Бишкеке, так и в Душанбе.⁵⁶ Не стоит забывать, что именно в этих местах проходит один из важных маршрутов наркотрафика из Афганистана. Здесь же проходят пути разнообразнейшей контрабанды — в частности, российских и казахстанских ГСМ в афганском и таджикостанском направлениях. Согдийская область Таджикистана и Баткенская область Кыргызстана — это и зоны все более растущего влияния сращенных с криминалом и с местными

⁵⁶ Ионова Е. Экономические и политические проблемы Кыргызстана // Россия и новые государства Евразии (ИМЭМО). 2019. № 1 (XLII). С. 74-87.

правоохранительными структурами радикальных религиозных и террористических группировок. Последние еще мало проявляют себя, но их — пока непрямым — участие в приграничных конфликтах прослеживается постоянно.

В сентябре 2017 г. президенты Узбекистана и Кыргызстана подписали в Бишкеке договор по демаркации и делимитации большей части участков государственной границы. Этот факт был назван историческим событием. В декабре 2017 г. состоялся визит нового президента Кыргызстана С.Жээнбекова в Узбекистан. По его итогам, отмечая результаты активно развивающегося узбекско-кыргызского сотрудничества, Ш.Мирзиёев подчеркнул, что между двумя странами не должно существовать преград, и сторонам надо идти вперед на совершенно другом уровне.

Обсуждение между Кыргызстаном и Узбекистаном перспективы обмена территориями уже началось. Так, обсуждается идея передачи кыргызского анклава Барак Узбекистану в обмен на получение Кыргызстаном равноценного земельного участка на территории, прилегающей к Ак-Ташскому айыл окмоту Кара-Суйского района Ошской области. Идет работа по делимитации и демаркации границы между двумя государствами, но пока остаются самыми трудными для достижения договоренности 15% спорных территорий. Это примерно 200 км границ в районе водохранилища Кемпир-Абад, участка Гавасай в Джалал-Абадской области и анклава Сох в Баткенской области Кыргызстана.

Другая пограничная проблема - все еще не разминированные участки на узбекско-таджикской границе. Процесс разминирования начался в мае 2018 г. Государственные границы между двумя странами согласованы и урегулированы пока только на 90%. В целом, во взаимоотношениях между

двумя странами началась эпоха разрядки, процесс чего особенно ускорился после визита Ш.Мирзиеева в Душанбе в апреле 2018 г., но это только начало пути достижения полного мира и доверия между странами.

Несмотря на относительно скромный экономический и политический вес Таджикистана в масштабах Центральной Азии, тем не менее, эта республика имеет критическое значение для сохранения безопасности и стабильности региона. Казахстан является одним из главных торговых партнеров Таджикистана. Нур-Султан и Душанбе способны наладить эффективное сотрудничество на трех основных направлениях: безопасность, энергетика, интеграция.

В области безопасности крайне настоятельным является налаживание полноценного взаимодействия для предотвращения наркотрафика, терроризма и нелегальной миграции. Подобное сотрудничество подразумевает не только двустороннее сотрудничество, но и взаимодействие в международном формате. Нур-Султан и Душанбе должны продолжать координацию внешнеполитических позиций и в рамках международных организаций, членами которых они являются.

В торгово-экономической и инвестиционной области РК и РТ вполне могут успешно сотрудничать (и уже сотрудничают) на таких направлениях, как горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство и транспорт. Предполагается, что Казахстан мог бы инвестировать в различные проекты в этих отраслях.

В сфере трудовой занятости и миграции перед сторонами стоит задача направить использование трудовых мигрантов в русло официальной запланированной политики с учетом экономического развития и потребностей народного хозяйства. Это подразумевает, с одной стороны, квотирование рабочих

мест, с другой — облегчение визового режима и разрешительной системы на трудовую деятельность.

В сфере энергетики Таджикистан представляет собой важное звено с точки зрения дальнейшего развития региональной интеграции. Необходимо поддерживать усилия Душанбе, а также Москвы и Бишкека с целью развития таджикской гидроэнергетики (с объективным учетом справедливых интересов всех сторон в речных стоках). Таким образом, основными объектами инвестиционной активности Казахстана и казахстанского бизнеса являются банковская сфера, горнорудная промышленность и энергетика.

Провозглашенная странами Центральной Азии многовекторность внешней политики вовсе не тождественна ее равновекторности. Туркменистан уделяет важное значение (несмотря на паузу в отношениях) стратегическому партнерству с Россией, в т.ч. с ее отдельными регионами, крупнейшими промышленными, научно-образовательными и культурными центрами. В настоящее время во внешнеполитической деятельности Ашхабада резко обозначилось преобладание восточного вектора, связанное, в первую очередь, с превращением Китая в главного партнера Туркмении. Туркменистан из всех, пожалуй, стран региона ЦА является наиболее приверженным сторонником китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути» (Один пояс, один путь) как новой модели регионального сотрудничества, проявляет готовность к взаимодействию на этом направлении и участвует в проводимых КНР мероприятиях.

Энергетические и транспортные проекты, при этом, находятся на особом контроле у туркменского президента. Эти проекты имеют для Г.Бердымухамедова не только экономическое и коммерческое значение, они уже стали важной гео-

политической игрой. ТЭК Туркменистана — это, как видится Ашхабаду, не только стратегически значимая составляющая национальной экономики, но также важное звено формирования глобальной системы энергетической безопасности.

В качестве приоритета в Центральноазиатском регионе для укрепления двусторонних связей после смены режима туркменское руководство выбрало Казахстан. В Ашхабаде вызывало большой интерес строительство Казахстана второй ветки нефтепровода в Китай, допуск на свои урановые рудники японских компаний, переговоры Астаны с Китаем и Японией, а также с Францией по поводу сооружения первой казахстанской АЭС. Но экономическим интересам Казахстана отвечала существующая ситуация, когда Астана получала плату за транзит туркменского газа через территорию РК. Этот факт заставлял Казахстан - как важный элемент транзита из Средней Азии в Европу - поддерживать российскую (в реальности — российско-казахстанскую) монополию по транспортировке углеводородов с территории соседей. По проблеме Каспийского моря появились признаки сближения Ашхабада с общей позицией Азербайджана, РК и РФ.

В качестве транзитного государства Казахстан может поддерживать диверсификацию газопроводов из Туркменистана, но заинтересован в том, чтобы они, как правило, прокладывались через казахстанскую территорию. Исходя из этого, Нур-Султану выгоднее отдавать предпочтение таким проектам как прикаспийский и китайский газопроводы. Однако в качестве сопоставщика газа в новые трубопроводы Казахстан вполне имеет право участвовать в таких альтернативных проектах.⁵⁷ В целом, Казахстан крайне заинтере-

⁵⁷ См.: Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. – Алматы: ФФЭ, 2019. – 91 с.

сован в привлечении Туркменистана кооперации в Центральной Азии. На достижение этих целей и должна быть направлена дипломатическая и внешнеполитическая активность Нур-Султана.

Российский и китайский факторы в региональной кооперации

2019 год внес новую динамику в развитие центральноазиатского региона. Россия готова включиться в реализацию энергетических экспортно-ориентированных инфраструктурных проектов Центральной Азии.

Между тем Совет Безопасности ООН призывает рассматривать Афганистан не как угрозу безопасности в регионе, а как важного партнера. В свою очередь, кабульские власти заверили представителей ООН в том, что работают над созданием условий для реализации транзитных проектов газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия), сети ЛЭП CASA-1000, железной дороги из Центральной Азии и Китая в Иран и Южную Азию, с выходом на порты Гвадар и Чабахар. Это откроет центральноазиатским товарам кратчайший путь к Индийскому океану и создаст возможность для импорта товаров в регион. Кроме того, энергоемкий рынок Афганистана (разработка месторождений висмута, сурьмы, железной руды, золота и др.) требует дополнительных проектов и вложений.

В России рассматривается участие компаний РФ в инфраструктурных проектах. Однако власти Афганистана решили провести тендер, победителем которого в 2007 году стал Китай. Тем не менее, месторождение вот уже 10 лет находится в законсервированном виде из-за отсутствия по-

стоянного энергоснабжения. Аналогичная история с месторождением железных руд «Хаджигак», владельцем которой является индийская компания.

Россия обладает уникальным опытом экономического сотрудничества с Кабулом, который она готова применить на практике. Эти проекты можно будет реализовать в рамках ШОС. В этом случае закономерно надеяться на привлечение инвестиций Азиатского банка развития. Тем более что этот банк финансирует проект линии электропередачи ТУТАП (Туркменистан–Узбекистан–Таджикистан–Афганистан–Пакистан). При восстановлении энергетических связей между странами Центральной Азии появится возможность функционирования проектов CASA-1000 и ТУТАП во взаимодополняющем круглогодичном режиме. Это даст возможность для нормального обеспечения электроэнергией всех стран региона, а также обеспечит ее бесперебойный экспорт в Афганистан, страны Южной Азии и Среднего Востока.

Одной из форм якобы торгово-экономического контроля над странами Центральной Азии являются два региональных союза, в которые на правах «старших братьев» входят Россия и Китай, и они же фактически в этих объединениях заправляют. Получается, что не присоединиться к Шанхайской организации по сотрудничеству (ШОС) или Евразийскому союзу - значит оказаться вне рамок региональной интеграции.

Кыргызстан получает существенное преимущество от членства в Евразийском союзе в виде дешевых энергоносителей. Также кыргызские граждане, как уже отмечалось, имеют преференции при поиске работы и регистрации в России, Казахстане и Белоруссии. В свою очередь, Россия в рамках

этого объединения имеет сильные позиции в энергетическом секторе Кыргызстана и может вместе с Китаем участвовать в приватизации железных дорог республики (где Москва и Пекин, скорее всего, будут выступать уже в роли не столько партнеров, сколько конкурентов).

Здесь надо учесть тот факт, что Китай, к примеру, рассматривает Кыргызстан ввиду крайне незначительного объема рынка как транзитную страну. Интересно, что в свое время Россия и Казахстан предлагали кыргызскому руководству поставить на кыргызско-китайской границе своих пограничников и таможенников. Однако Бишкек подобное предложение отверг и пообещал самостоятельно решить все пограничные проблемы.

Не намного лучше дела обстоят и у Туркменистана, границы которого с Афганистаном и Ираном охраняются с туркменской стороны чисто номинально. Пожалуй, только Узбекистан свою 180-километровую границу с Афганистаном держит довольно плотно, но только потому, что с сопредельной стороны проживают этнические узбеки. А им куда проще играть все-таки «по установленным правилам», нежели беспредельничать контрабандой и поставками наркотиков в северном направлении. В любом случае досужие и Пекин, и Москва просто в силу своей истории и географической привязки к этому региону, грубо говоря, обречены вести там дела.⁵⁸

⁵⁸ Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // *Мировая экономика и международные отношения* (Москва, ИМЭМО РАН). 2019. № 5. С. 101-108. Мадиев Е. Инициатива «Один пояс — один путь» и внешнеполитический образ Китая // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2019. № 2. С. 26-36. Илеуова Г., Жандос И. «Китайская шкатулка»: экспертная оценка перспективных направлений реализации экономического пояса Шелкового пути в Казахстане // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2019. № 2. С. 7-16.

Ташкент одним из первых поддержал инициативу Пекина по развитию проекта «Один пояс, один путь», который позволит интегрировать транспортные коридоры из Центральной Азии через Китай и Россию с международными рынками. Инвестиции Китая помогут модернизации национальной экономики. Главы Узбекистана Шавкат Мирзиёев и КНР Си Цзиньпин на встрече в Пекине договорились увеличить объем двусторонней торговли до 10 млрд. долл. в ближайшие годы. Там же Си Цзиньпин принял приглашение президента С.Жээнбекова посетить с государственным визитом Кыргызстан в июне 2019 года.

Китай — один из крупнейших торгово-экономических и инвестиционных партнеров Узбекистана. Объем привлеченных китайских инвестиций и кредитов в экономику Узбекистана превысил 8 млрд. долл. Ряд проектов в рамках «Пояса и пути» уже реализуется между Узбекистаном и созданными под эту инициативу фондами и банками. Объемы перевозок указывают на необходимость реализации второго этапа транзитного коридора — строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. С вводом его в эксплуатацию Китай и страны Центральной Азии получат выход к иранским портам Персидского залива. Кроме того, железнодорожные коридоры позволят странам «Пояса и пути» снизить расходы на транспортировку и направить сэкономленные средства на модернизацию экономики.

Но этот проект, как считают в Бишкеке, прямо противоречит национальным интересам самого Кыргызстана. По мнению ряда экспертов, вариант маршрута, на котором настаивают Пекин и Ташкент, создает для республики угрозы, нейтрализовать которые после завершения строительства будет непросто. Не случайно кыргызские эксперты активно

настаивают на строительстве железной дороги Север – Юг, которая связала бы Чуйскую и Ферганскую долины, решив тем самым проблемы транспортной связанности страны. Но такой проект у Китая и Узбекистана никакого интереса не вызывает.

В результате неизбежно складывается ситуация, при которой все без исключения государства Центральной Азии просто исторически вынуждены будут балансировать между Россией и Китаем, у которых интересы в регионе достаточно сильно разнятся.

Расстановка сил на азиатской сцене на ближайшие десятилетия будет определяться соперничеством в тройке США – Китай – Россия. Шелковый путь мог бы оказаться важным инструментом такого соперничества. В рамках этих рассуждений можно напомнить, что Индия предложила свои собственные программы, такие как «Путь пряностей», «Хлопковый путь» и древние морские пути с особым акцентом на Центрально-Азиатский регион. В рамках этих программ тщательно прорабатываются два сценария активного участия Индии: в качестве независимого инициатора альтернативного проекта Шелкового пути или в качестве активного участника реализации существующей инициативы.⁵⁹

Мы становимся свидетелями глубоких и еще до конца неосознанных сдвигов в привычной политической картине мира и человеческого социума, которые сопровождаются изменением соотношения сил на мировой арене. Нарастают проблемы архаизации местных обществ перед лицом новых социально-политических вызовов и соотношение традиции и модерна. В качестве основной геополитической посылки к

⁵⁹ Прадхан Р., Жолдасбекова А., Авджу С.А., Лапенко М. Центральная Азия в индийской борьбе за энергоресурсы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2019. № 2. С. 65-78.

ним относятся возвышение Китая и Индии, «активистская» роль России на мировой арене, декларируемое возвращение США к большому изоляционизму при наращивании реальной вовлеченности в мировые дела, обострение внутренних проблем в Евросоюзе, повсеместный кризис элит на Западе, всплеск этнонационализма.

ЕАЭС и Казахстан

Казахстан придерживается принципа многовекторности как во внешней политике, так и в сфере внешнеэкономических отношений. Для Казахстана большое значение имеет сотрудничество как с Россией, так и с ЕС, КНР и другими партнерами. Для Нур-Султана особенно чувствителен вопрос национального суверенитета. Казахстан на протяжении всего постсоветского периода последовательно реализует собственную программу социально-экономического развития, и внешнеэкономическое взаимодействие, равно как и свое участие в интеграционных проектах, рассматривает исключительно в соотношении с собственными национальными приоритетами и задачами.

Учитывая непрестанную критику со стороны национал-популистов, руководство Казахстана рассматривает ЕАЭС как экономическое объединение с едиными правилами движения товаров, услуг капитала, трудовых ресурсов. При этом, успокаивая Запад, Первый Президент РК Н.А.Назарбаев неоднократно подчеркивал, что ни о каком воссоздании СССР речи не идет. В то же время, обращалось внимание западных партнеров на необходимость изживания стереотипов холодной войны, которые мешают смотреть в будущее. Несмотря на неприятие Западом в целом евразийской интеграции,

большинство населения Казахстана, тем не менее, поддерживает интеграционное сотрудничество с Арменией, Беларусью, Кыргызстаном и Россией.

1 января 2018 года вступил в силу новый Таможенный кодекс ЕАЭС. В Казахстане с участием представителей государственных органов и бизнес-сообщества была своевременно проведена необходимая разъяснительная и организационно-подготовительная работа. В частности, Казахстаном было направлено 552 поправки (38% всех поправок), из которых было принято 65% поправок. Новый Таможенный кодекс был синхронизирован с рядом законов Казахстана: внесены изменения в Налоговый, Экологический кодексы, Кодекс об административных правонарушениях и т.д.

Внешнеторговый оборот Республики Казахстан в январе-декабре 2017 г. составил \$77 646,8 млн., увеличившись по сравнению с аналогичным периодом 2016 го на 25,0%. В том числе экспорт — \$48 342,1 млн. (рост-31,6%), импорт — \$29 304,7 млн. (рост-15,5%). При этом взаимная торговля Республики Казахстан со странами ЕАЭС составила \$17 359,6 млн., т.е. 22,36% всего внешнеторгового оборота РК. Рост торговли РК со странами ЕАЭС в январе-декабре 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. составил 25,9% . В том числе экспорт \$5 118,3 млн. (на 30,2% больше), импорт - \$12 241.3 млн. (на 24,1% больше).

Гораздо ниже уровень товарооборота Казахстана с другими членами ЕАЭС. Например, товарооборот Казахстана с Кыргызстаном в январе — декабре 2017 года составил \$758,4 млн.; с Беларусью - \$604,1 млн.; с Арменией - \$ 9 млн. Для сравнения, товарооборот Казахстана со всеми странами Евросоюза в 2017 году составил около \$30 млрд.

Что характерно, интеграционные настроения в Казахстане

поддерживают не только представители старших поколений, большая часть жизни которых прошла в СССР, но и молодежь. Результаты социологических исследований, проведенных Институтом Евразийской интеграции в 2018 году, свидетельствуют о поддержке внешнеполитических приоритетов страны (87%), и участия Казахстана в ЕАЭС (86%). В казахстанском обществе фиксируется высокий уровень поддержки участия страны в Евразийском интеграционном проекте. 86,4% опрошенного населения и 98% экспертов одобряют участие Казахстана в ЕАЭС. Этот уровень остается высоким на протяжении уже четырех лет, так замеры 2014 года показывали уровень одобрения среди населения 84,8%.

Таким образом, благодаря ЕАЭС Казахстан сможет использовать свой транзитный потенциал при единых транспортных тарифах на едином таможенном пространстве. Именно развитая транспортная инфраструктура окажет позитивное влияние на расширение промышленного производства внутри страны, а значит на повышение материального благосостояния населения.

Для Казахстана восприятие евразийской интеграции и оценка ее развития в настоящее время и в среднесрочной перспективе будет определяться следующими факторами:

1. Расширением возможностей для экспорта казахстанской продукции;
2. Содействием ЕАЭС реализации внешнеторгового потенциала Казахстана в торговле с государствами — не членами ЕАЭС;
3. Способностью ЕАЭС содействовать реализации транзитного потенциала Казахстана;
4. Развитием макроэкономического регулирования в ЕАЭС;

5. Созданием в ЕАЭС условий для роста деловой активности и повышения инвестиционной привлекательности;

6. Формированием единого финансового рынка ЕАЭС и формированием в Казахстане финансового центра ЕАЭС.

Следует отметить, что отрасли промышленности Казахстана, ориентированные на внутренний рынок, менее привлекательны, чем отрасли-экспортеры, как с точки зрения конкурентоспособности (перспектив роста производства, освоения новых рынков, наращивания конкурентных преимуществ), так и с точки зрения надежности кредитования (рентабельности производства). По итогам проведенного макроэкономического анализа развития основных отраслей экономики Казахстана в рамках ЕЭП и ЕАЭС также выявлено, что направленность экономики страны является все еще сырьевой. Результаты исследования показали, что в основном экспортоориентированными товарами казахстанского происхождения являются сырье и товары промежуточного потребления, тогда как готовые товары в Казахстане являются импортоориентированными.

Таким образом, для Казахстана приоритетными направлениями сотрудничества со странами-участницами ЕАЭС являются: увеличение объемов взаимной торговли; создание совместных производств; развитие инновационного кластера; экономическая кооперация; улучшение инвестиционного климата; реализация совместных инфраструктурных проектов.

Евразийский экономический союз создается именно для модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности экономик наших стран на мировом рынке. Реализация озвученных направлений торгово-экономического сотрудничества, наряду с другими направлениями, будет способствовать, прежде всего, долгосрочному успеху нашей интеграции.

Среди ключевых целей ЕАЭС Первый Президент Казахстана обозначил создание союзного финансового рынка и широкое использование инструментов таможенно-тарифного и технического регулирования. Фактически, это была концепция нашего председательства в ЕАЭС.

В перспективе до 2025 г. в рамках ЕАЭС запланировано создание нескольких общих рынков и пространств:

- Создание общих рынков энергоресурсов, в частности общего рынка газа, общего рынка нефти и нефтепродуктов, а также формирование общего электроэнергетического рынка Союза;

- Единого транспортного пространства;
- Скоординированной агропромышленной политики;
- Устранение имеющихся преград в движении товаров и рабочей силы;

- Формирование единого финансового рынка ЕАЭС.

ЕАЭС имеет три основных институциональных формата для выстраивания взаимоотношений с внешними партнерами:

1. Соглашения о зоне свободной торговли.
2. Непреференциальные торговые соглашения.
3. Меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями.

Тем самым можно сформулировать следующие выводы:

1. Ожидания государств — членов ЕАЭС относительно будущего Союза до 2025 г. формируются в тесной привязке к задачам внутреннего экономического развития и решению актуальных проблем, которые различаются от страны к стране. Этим обусловлено наличие различных приоритетов государств—членов в отношении интеграции. Иногда разница в приоритетах государств ЕАЭС активно эксплуатируется на уровне официального и экспертного дискурса: подчерки-

ваются, что разные экономики стран ЕАЭС обуславливают несовпадение целей и задач государств–членов, что препятствует полноценной интеграции, тормозит ее темпы. Однако в целом есть понимание, что это неотъемлемый процесс любого интеграционного процесса, в котором по определению участвуют разные экономики, как это было, например, и в Европейском союзе.

2. В качестве общих эффектов интеграции, ожидаемых во всех государствах–членах в среднесрочной перспективе, можно отметить повышение конкурентоспособности национального бизнеса и национальных товаров; повышение инвестиционной привлекательности; реализацию транзитного потенциала и развитие транспортно-логистической инфраструктуры; реиндустриализацию и развитие промышленной кооперации; ликвидацию остающихся барьеров и ограничений в торговле; формирование кадрового потенциала для единого рынка труда.

3. В ряде государств–членов присутствует ожидание содействия ЕАЭС решению конкретных национальных задач и реализации конкретных проектов (например, строительство железной дороги, ГЭС, АЭС и др.). Таким образом, помимо ожидания долгосрочных выгод от интеграции действует эффект «сиюминутных выгод», которые должны были быть получены при вступлении в Союз и, если этого не происходит, наблюдается определенная степень разочарования в отношении эффектов евразийской экономической интеграции.

4. На уровне общественного мнения и экспертных оценок практически во всех странах Союза наблюдается снижение ожиданий от евразийской экономической интеграции, что фиксируют и социологические опросы, и экспертные интер-

вью. Во многом это связано с падением объемов внутренней и внешней торговли, кризисными явлениями в экономиках всех государств-членов (падение ВВП, девальвация национальных валют и др.). Отмечается повышение уязвимости национальных экономик в результате повышения их взаимосвязанности в рамках ЕАЭС, ощущение замедления темпов интеграции. Однако у ряда экспертов есть понимание, что данная негативная динамика связана, в основном, с влиянием внешних факторов.

Что касается замедления темпов интеграции, то это обусловлено следующими причинами. Те барьеры, которые можно было снять довольно легко и которые сразу дали мощный эффект в передвижении товаров, были сняты на первом этапе интеграции. Далее предстоит кропотливая, более сложная, трудоемкая и затратная по времени работа по согласованию наиболее чувствительных аспектов интеграции. Снятие последующих барьеров, ликвидация изъятий, согласование политики в более чувствительных отраслях может вызывать конфликты среди экономических субъектов и руководства стран, следовательно, и провоцировать серьезную критику в адрес Союза.

5. Расширение возможностей для наращивания объемов внешней торговли с третьими странами и интеграционными объединениями является одним из устойчивых общих ожиданий для всех государств — членов ЕАЭС. Присутствует запрос на согласование внешнеполитических и внешнеэкономических решений в той части, где они затрагивают интересы партнеров по Союзу. Имеет место ожидание расширения списка стран и блоков, с которыми будут заключены преференциальные и непреференциальные соглашения по торговле; увеличения масштабов внешней торговли с ЕС и

Китаем. Присутствует мнение, что в среднесрочной перспективе интеграционное объединение будет способно повысить привлекательность единого рынка для внешних партнеров и значимость Союза во внешнеполитической и внешнеэкономической сфере.

Касаясь более отдаленной перспективы развития ЕАЭС, можно утверждать, что Союз принесет значительные выгоды как для стран-участников и его граждан, так и в целом для экономического развития всего континента. Поэтапное его развитие создаст необходимую платформу для стабильности и привлекательности евразийского интеграционного процесса.

Перспективы развития ЕАЭС будут определяться уровнем развития торгово-экономических отношений между его участниками, а также динамикой отношений с основными внешнеэкономическими и внешнеполитическими партнерами. В этом контексте можно выделить три сценария дальнейшего развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

Первый сценарий предполагает успешное развитие интеграции в рамках ЕАЭС. Для этого страны-участники должны преодолеть внутренние разногласия, усилить координацию внешнеэкономической деятельности и перейти к реализации совместных шагов во внешней политике. Сценарий исходит из того, что страны, входящие в ЕАЭС, смогут противостоять давлению со стороны США, ЕС и Китая. В тоже время, развитие ситуации в соответствии с данным сценарием приведет к резкому усилению внешнеполитических позиций России.

В рамках ЕАЭС Казахстан и Кыргызстан получают возможность для интенсификации взаимных отношений и разрешения существующих противоречий. В первую очередь, это касается проблем, связанных с использованием водно-энерге-

тических ресурсов трансграничных рек, а также реализации региональных транспортных проектов.

Второй сценарий можно определить как умеренно оптимистичный. Нынешнее развитие ЕАЭС происходит в условиях санкций, введенных в отношении России, падения цен на нефть, что сказывается на наполнении бюджетов России и Казахстана, а также резкой активизации Китая в странах Центральной Азии. Сохранение данных тенденций позволяет ожидать отсутствия качественного улучшения отношений между странами – членами ЕАЭС и, соответственно, евразийская интеграция рискует превратиться в вялотекущий процесс.

Третий, негативный сценарий исходит из того, что страны — участники ЕАЭС не сумеют справиться с имеющимися между ними противоречиями и найти эффективные механизмы противодействия внешнему давлению. В этих условиях ЕАЭС может постичь судьба других интеграционных проектов, которые страны постсоветского пространства пытались реализовать на протяжении 25 лет.

В отличие от своих партнеров (РФ и РБ) Казахстан не находится под санкциями Запада. Тем не менее, продолжение конфронтации между Россией и Западом будет иметь для Казахстана серьезные негативные политические и экономические последствия. В лучшем случае, это влияние будет носить опосредованный характер: через сбои в банковской и финансовой системах, кредитовании, проблемы сбыта российских (в т.ч. казахстанских) нефти и газа в Европе, запрет на закупку российских систем вооружений и т.д. В случае прямой конфронтации с Казахстаном в силу его союзнических обязательств перед Россией на двусторонней и многосторонней основе (ОДКБ, ЕАЭС) Запад в состоянии

глубоко подорвать стабильное развитие страны.

В этих условиях Казахстану остается только выбрать гибкую роль посредника между Западом и Россией. Это означает, что по всем политическим и дипломатическим каналам удерживать Москву от раскручивания спирали конфронтации, особенно в военно-стратегической области. В тоже время, необходимо убедить Запад, что Казахстан не разделяет крайностей в позиции Москвы и заинтересован в сохранении сотрудничества.

Однако, следует иметь ввиду, что в случае прямой атаки (инсценированной Западом) с целью дестабилизации Центральной Азии и самого Казахстана единственными гарантами региональной и национальной безопасности остается Российская Федерация и патронируемые ею многосторонние институты. Но гипотетическая отмена санкций в отношении РФ не означает, что Евросоюз и Запад в целом не попытаются и дальше вмешиваться в политику Москвы. Ряд экспертов не исключает, что деньги, направляемые Д.Трампом на антироссийскую деятельность в сфере ВТС, могут иметь определенное влияние на позицию относительно богатых стран СНГ — Азербайджана, Казахстана. Но они не видят механизма таких действий со стороны США.

Таким образом, стратегическая цель Запада остается прежней: вывод Казахстана, Беларуси, Армении и других стран Евразии из-под геополитической зависимости от России. Аналогичный вывод делается в первую очередь в отношении Казахстана.

Заключение

Попытка прогноза развития ситуации вокруг Центральной Азии выглядит следующим образом. Будущее стран Центральной Азии зависит от пяти связанных между собой факторов: смены руководства (которое уже началось), или перехода к новому поколению лидеров; экономической ситуации; эффективности управления; угрозы исламского экстремизма.

Анализ процессов, связанных с проникновением и распространением религиозного экстремизма исламского толка на территории Центральной Азии, позволяет выделить три основные сценария развития ситуации:

- кланово-региональный;
- властно-оппозиционный;
- сценарий «вовлечения» во внешний конфликт.

С точки зрения противодействия терроризму, можно отметить, что главным фактором, затрудняющим эффективную деятельность в этом направлении, является недостаток ресурсов, как финансовых, так и человеческих.

С региональной точки зрения еще предстоит выяснить, будут ли новые лидеры придерживаться более националистических взглядов, нежели их предшественники, или же будет превалировать региональный дух сотрудничества. Управление водными ресурсами вероятнее всего станет большой проблемой для долгосрочной будущей стабильности и развития Казахстана и Центральной Азии.

Важнейшей конфликтной темой остается тема использования трансграничных водных ресурсов, конфликта стран верхнего течения Сырдарьи и Амударьи — Кыргызстана и

Таджикистана, и остальных стран нижнего течения — Узбекистана, Туркмении, Казахстана.

Сегодня основные разногласия между странами региона концентрируются вокруг процессов совместного использования трансграничных водных ресурсов, вопросов оптимизации режимов использования каскада водохранилищ. В целом, основные противоречия на политическом уровне проявляются тогда, когда поднимаются вопросы: кто должен управлять водными ресурсами и каким образом осуществлять распределение воды, чтобы сохранить баланс интересов всех стран.

Для предотвращения водных конфликтов в государствах Центральной Азии необходимо на перспективу предпринять кардинальные меры, в том числе: определить законодательные нормы для развития ирригации. Для преодоления кризиса водопользования страны региона должны на основе межгосударственных соглашений определить размеры расширения посевных площадей и в случае необходимости быть готовыми к их сокращению; использовать научные рекомендации по менеджменту водных ресурсов, принять практические меры по сбережению водных ресурсов, ремонту ирригационных сооружений и каналов; отказаться от строительства грандиозных гидротехнических сооружений; привлечь к обсуждению проблемы страны из других регионов и международные организации; использовать многосторонний подход к решению водных проблем; принять необходимые меры для предотвращения кризиса водопользования.

Водная проблема может либо создать серьезную угрозу безопасности стран региона, либо способствовать установлению отношений мира и добрососедства в регионе. Исходя из этого, деятельность Межгосударственной комиссии по водным

проблемам может способствовать ослаблению напряженности во всех сферах жизни государств региона. В этом отношении целесообразно было бы создать новые региональные структуры по водным проблемам, в частности Межгосударственный совет по использованию потенциала трансграничных рек.

Наряду с внутренними факторами для решения водных проблем Центральной Азии немалое значение имеет влияние внешнего фактора – содействие государств мира и авторитетных международных организаций в разрешении существующих противоречий. Главная причина озабоченности руководства государств региона заключается в том, что многие рекомендации международных организаций, в частности Всемирного банка, по достижению устойчивого развития государств Центральной Азии остаются нереализованными. Тем не менее, международные структуры и организации должны всячески способствовать сближению позиций государств региона по проблемам трансграничного водного сотрудничества.

В 2020 годы интерес к углеводородным ресурсам Центральной Азии сохранится, а страны региона и их соседи будут вовлечены в обсуждение новых проектов экспорта углеводородного сырья. Пока окончательного решения по многим проектам не принято, поскольку до сих пор не решен вопрос с их финансированием, нет ясности относительно надежности и безопасности поставок, велико влияние западных государств. Наконец, прогнозы относительно объемов добычи нефти и газа по-прежнему политизированы. Основываясь на динамике добычи в странах региона в последнее десятилетие и учитывая объективно существующие трудности, не приходится ожидать, что большинство планируемых к реализации трубопроводов могут быть введены в строй ранее 2025 года. К этому времени станет понятно, на какой уровень добычи

углеводородов выйдут страны Центральной Азии, и будет ли их достаточно для наполнения действующих и планируемых экспортных трубопроводов.

Касательно дальнейшего развития стран ЦА эксперты видят различные сценарии. К примеру, в Кыргызстане три сценария, по которым может идти развитие страны. Первый - позитивный вариант развития - подразумевает постепенную ассимиляцию патерналистских отношений и трансформацию традиционного общества в гражданское. Второй (пессимистический) вариант включает в себя окончательное преобладание традиционных взглядов в политической и правовой системе, формирование авторитарного общества и криминализацию социальной жизни. По третьему сценарию общество будет двигаться по инерции и миновать радикальных изменений, но неясно, как долго такая ситуация сможет продолжаться. Но решающую роль (при всем понимании важности экономических аспектов) должны все-таки сыграть социально-культурные факторы.

Туркменистан может столкнуться с проблемой истощения крупных месторождений, которые в последнее десятилетие дают основной объем добываемого газа. Кроме того, Туркменистан будет вынужден конкурировать с Ираном, который разработал планы по увеличению экспорта своего газа в Европу и Китай. Наконец, Казахстан рассчитывает в ближайшие годы увеличить поставки газа в Китай. В итоге можно ожидать, что в Центральной Азии будет расти конкуренция за право поставлять углеводороды в Китай и Индию, у которых сохраняется потребность в углеводородном сырье.

Прогнозы и сценарии в отношении будущего развития Узбекистана носят противоречивый и неточный характер. Напрашивается вывод, что освобожденный от идеологических

социальных ограничений советского времени, Узбекистан стал более традиционным обществом, причем гораздо сильнее привязанным к своему мусульманскому наследию, чем на протяжении большей части XX века. Региональная политика Узбекистана на перспективу будет отличаться заметным стремлением к снятию конфликтности там, где это возможно. Решающее значение будут иметь отношения Казахстана с Узбекистаном. В то время как Ташкент откровенно скептически относился ко многим региональным инициативам, хотя последние события показывают, что эта ситуация вполне может измениться в течение следующих двух десятилетий.

В ближайшее десятилетие будущая жизнеспособность внешней политики Казахстана будет зависеть как от политических выборов самого Казахстана, так и от более масштабных событий за пределами страны. Эксперты считают преждевременными утверждения о формировании геополитической партнерской оси Нур-Султан — Ташкент. Успехом было бы достижение такого уровня координации региональных политик Узбекистана и Казахстана, при котором две ключевые страны региона могли бы серьезно влиять на ситуацию в регионе в целом, в том числе по отношению к внерегиональным центрам силы. Казахстан и Узбекистан будут совместно решать вопросы водно-энергетического комплекса, сопряжения транспортно-коммуникационной политики и общерегиональной стабильности.

Внешние угрозы со стороны экстремистов и террористов затрагивают все центральноазиатские республики. Данная ситуация несомненно сохранится и после. Эти государства и их лидеры хорошо осознают, какую серьезную и реальную угрозу представляет глобальный «призрак исламизма». Религиозный экстремизм в Центральной Азии, несмотря на

реальность его угроз, все еще не нашел однозначной оценки в политических и общественных кругах региона.

После 2025 г. магистральным направлением развития торговых связей на достаточно большие расстояния все же может выступить не автодорожный, а именно железнодорожный транспорт. Китай ведет работу на этом направлении в своих интересах, продвигая свои проекты и инициативы.

Страны Центральной Азии пока мало, что могут предложить Китаю, кроме своих сырьевых ресурсов. По мере увеличения объемов переработки сырья в регионе и развития транспортной инфраструктуры поставки в Китай, безусловно, будут расти, причем речь не только о сырье. Кыргызстан, например, уже поставляет в Китай текстильную продукцию. То же самое может делать и Узбекистан. Все больший интерес представляет китайский продовольственный рынок. В обратном направлении поступают китайские машины и оборудование.

В ближайшие десять лет будущее Центральной Азии будут определять пять тенденций, которые можно увидеть уже сейчас. Эти тенденции следующие:

Китай становится самым значительным геополитическим и экономическим действующим лицом в регионе. Экономическое присутствие этой страны в Центральной Азии резко увеличилось, а масштабные планы Пекина по дальнейшему расширению влияния будут иметь важные последствия – как в экономическом, так и в политическом плане. Пекин будет пристально следить за внутривнутриполитическими событиями в регионе и сменой лидеров стран Центральной Азии, чтобы убедиться в том, что они гарантируют защиту китайских интересов.

Завоевание Китаем прочных, фактически доминирующих

позиций в сфере добычи и закупки природного газа Туркмении в XXI в. представляется закономерным и почти неизбежным процессом ввиду большого инвестиционного потенциала КНР и известных проблем туркменского газового экспорта на других направлениях. Однако в условиях снижающегося значения России в этой стратегически важной отрасли туркменской экономики издержки для Ашхабада от полного доминирования Китая становятся всё более очевидными. Вслед за достижением лидерства в энергетическом партнёрстве и установлением кредитной зависимости Ашхабада Китай всё более заметным образом наращивает своё присутствие в Туркмении, в первую очередь по линии военного и гуманитарного сотрудничества.

По мере роста экономической зависимости Туркмении от Китая постепенно активизируется и двустороннее гуманитарное сотрудничество. Туркменское руководство, долгое время фактически уклонявшееся от его развития, в последние годы оказалось вынуждено пойти на уступки и расширить доступ населения к изучению китайского языка, в целом же 25-летняя история развития китайско-туркменских отношений в постсоветский период выявила как позитивные, так и негативные (с позиции туркменских интересов) стороны сотрудничества с КНР.

К позитивным следует отнести способность КНР в короткий срок и фактически собственными силами добиться реализации сложных многонациональных проектов – таких как Трансазиатский газопровод, способных принести экономические выгоды всем их участникам. Негативными следует признать узкую направленность экономических интересов Китая в отдаленных от него странах (контроль в сфере ТЭК), активное использование инструментов кредитно-финансовой за-

висимости. Неясной остается и степень готовности КНР участвовать в разрешении многочисленных проблем Туркмении, как и прочих стран Центральной Азии: социально-политических, хозяйственных, экологических, в сфере безопасности и др., актуальность которых со временем только нарастает.

Вторая тенденция, связанная с Россией, указывает на то, что экономические трудности и последствия ее действий на Украине, скорее всего, обернутся дальнейшим сокращением и без того уже сократившегося присутствия России в Центральной Азии. Соответственно, уменьшится и ее политическое влияние в регионе. Пожалуй, единственное, в чем Россия продолжает играть уникальную и ведущую роль, – это военная безопасность. Связи Москвы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном через ОДКБ – особый мост для РФ в Центральную Азию.

Большинство государств региона, конечно, не пожелает вступать в прямую конфронтацию с Москвой. Но все они, определенно, будут искать других партнеров, способных служить противовесом непростому северному соседу. Так что цель России, состоящая в том, чтобы сохранить в Центральной Азии сферу своих привилегированных интересов, представляется труднодостижимой.

Третья тенденция связана с Ираном. Постепенная нормализация и укрепление отношений с Ираном обещают появление ряда важных и благоприятных возможностей экономического, политического и стратегического характера. Перспектива выхода Ирана из изоляции и возобновление связей с соседями представляет собой значимый геополитический фактор, который создает и новые возможности, и новые проблемы. Определить, чего будет больше, пока невозможно. Очевидно одно — внешнеполитическая повестка в Центральной Азии усложняет-

ся: на сцену выходит новое действующее лицо. Иран либо займет пустующее место, либо вытеснит кого-то из нынешних игроков.

В-четвертых, война в Афганистане длится уже четыре десятилетия (с короткими перерывами с 1979 г.) и остается для стран Центральной Азии проблемой номер один в сфере безопасности. Нестабильность на севере Афганистана создает двойную угрозу для Центральной Азии. Конфликт распространился до самой границы региона, что может усугубить проблемы с экстремизмом в Центральной Азии. Ситуация в Афганистане, учитывая ее потенциальное воздействие на внутреннее устройство государств Центральной Азии и на партнерство региона в области обороны и безопасности, будет и дальше преобладать над другими проблемами в этой сфере, включая геополитическую экспансию Китая и России.

Пятая тенденция — это ослабление интереса Запада. Это далекий регион, не имеющий выхода к морю, у него нет исторических, культурных и этнических связей с Америкой и Европой, поэтому в США и Евросоюзе отсутствуют естественно сложившиеся группы, выступающие за сближение с Центральной Азией. Кроме того, Центральная Азия окружена крупными державами, у которых с ней больше интересов и тесных связей. Эти державы настороженно относятся к чужим попыткам создать плацдармы на стратегически важной для них территории. У США и Европы нет первостепенных интересов в Центральной Азии, но у них есть цели, связанные с Китаем, Ираном и Россией. Все это вместе приводит к тому, что в политической повестке Запада соседям Центральной Азии придается большее значение, чем ей самой.

На современном этапе государства Центральной Азии

связывают с Турцией и Ираном многообразные экономические интересы, проблемы безопасности и геополитические императивы. Вместе с тем, развитие отношений с ними сдерживается целым рядом объективных факторов. Существует одно важное препятствие — присутствие в регионе других государств, также стремящихся упрочить свое влияние на геополитическом пространстве Центральной Азии. Среди них — Индия, Пакистан, Южная Корея, ряд арабских стран Персидского залива, являющиеся соперниками и конкурентами Ирана и Турции в региональной и мировой политике. При этом, разумеется, основными партнерами центральноазиатских государств остаются Россия, прилагающая значительные усилия к восстановлению в регионе своего политико-экономического и военного присутствия, а также Китай, который стремится расширить здесь зону своей экономической экспансии. Данная ситуация, безусловно, сохранится вплоть до 2025 года.

В ситуации, когда отношения России и Запада обостряются уже около десятилетия (а именно с Мюнхенской конференции 2007 года), для стран ЦА вероятность широкомасштабного противостояния в Евразии уже перестает быть лишь вопросом возможных временных экономических потерь. Не вызывает сомнений, что предполагаемое усложнение структуры противостояния и рост числа напрямую и опосредованно вовлеченных акторов станет затрагивать жизненно важные интересы стран ЦА. В краткосрочной перспективе соперничество между РФ и Западом станет долговременным, системным фактором и существенным образом будет влиять на национальные внешнеполитические и экономические стратегии ЦА стран. Европа вряд ли станет ведущим игроком в сфере безопасности в Центральной

Азии. Тем не менее, ввиду ее экономической роли, Европа будет продолжать играть важную роль в сбалансированной внешней политике Казахстана.

Несмотря на то, что иногда сфера интересов Америки на словах сильно расширяется, Центральная Азия не имеет критического значения для Соединенных Штатов. Она так и останется невосприимчивой к американскому влиянию и ценностям, усилиям по государственному строительству и развитию демократии. Это означает, что необходимо скорректировать политику США в регионе, чтобы привести обязательства, которые берет на себя Вашингтон, в соответствие с его реальными целями и ограниченными возможностями. Государства Центральной Азии заинтересованы в сохранении дружественных отношений с Америкой – хотя бы для того, чтобы уравновесить влияние Китая и России; это должно создавать реальные возможности для взаимодействия США со странами региона и соблюдения взаимных интересов.

В краткосрочной перспективе государства ЦА будут стремиться сохранить существующий баланс сил. В свою очередь, заинтересованные в регионе международные и региональные игроки, исходя из своих интересов и возможностей, будут обеспечивать безопасность и стабильность региона ради продвижения своих практических интересов. В тоже время, в среднесрочной перспективе (после 2020-х гг.) центрально-азиатским республикам придется столкнуться с глобальным воздействием мировых политических трансформаций.

В идеале правящие элиты в ЦА хотят сохранить геополитический нейтралитет, сфокусироваться на экономическом развитии и поддержании социальной стабильности. Однако есть и понимание того, что в современном мире это крайне сложно, а может быть, и невозможно. Нарастающая конку-

ренция крупных игроков ведет ко все большей политизации экономических вопросов. Поэтому геополитический нейтралитет не спасает экономическое развитие, а скорее — сдерживает его. Последующий период покажет, будут ли крупные игроки готовы принять региональный запрос на дегеополитизацию, и сумеют ли правящие элиты ЦА отстоять свое видение геополитического нейтралитета.

Относительно будущего «после коронавируса» единственное, что можно утверждать с некоторой уверенностью: чем дольше продолжится кризис, тем более серьёзными будут его последствия и тем менее вероятно возвращение в докоронавирусный мир. В плане глобальных цепочек поставок соответствующим корпорациям придётся решать, захотят они уменьшить уязвимость за счёт значительного наращивания складских запасов на всех производственных площадках (что обернётся гораздо более высокими затратами) или предпочтут укоротить цепочки и ограничить их рамками политически и экономически единого пространства. В случае эпидемиологического кризиса эти территории могут легко перейти в режим самодостаточности.

Последнее будет иметь значительные геополитические эффекты и приведёт к переустройству мирового порядка: центр его сдвинется от структур глобального масштаба к крупным пространствам, способным на совместные действия политически и самодостаточное существование экономически. Это могут быть США, Китай, Россия, Европейский союз (либо его шенгенская или еврозона), возможно, Индия. Реакция на пандемию способна придать ему мощный импульс. Если этот процесс будет всерьёз запущен, изменится даже не «баланс сил» в мировом порядке, но сам миропорядок, его структура, правила и нормы. Сокращение некоторых

проявлений глобализации неизбежно. Придется пересмотреть глобальные цепочки добавленной стоимости, созданные на основе концепции единого глобального мира.

Список литературы

1. Александров Ю.Г. Переходные экономики: Россия, Казахстан, Китай. — М.: Институт востоковедения РАН, 2016. - 140 с.
2. Альмухамедова Н.С., Каримова М.С., Жолдыбалина А.С. Земельная дискуссия: хронология, содержание, итоги. монография. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2016. — 134 с.
3. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия. 1 часть. — М.: ИВ РАН, 2015. — 57 с.; 2 часть. — М.: ИВ РАН, 2016. — 93 с.
4. Асыллов К.Ж. Политические партии современного Казахстана. Под общей редакцией З.К. Шаукеновой, А.С. Жолдыбалиной. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2018. — 206 стр.
5. Ауелбаев Б.А., Кушкумбаев С.К., Центральная Азия — 2020: четыре стратегических концепта. Аналитический доклад. — Астана: КИСИ, 2015. — 51 с.
6. Аяган Б., Ауанасова А. Нурсултан Назарбаев: человек у власти. — Алматы: «Литера-М», 2015. — 376 с.
7. Бакиев К. Боль, любовь и надежда: мой Кыргызстан. — М.: ВайзМедиа, 2015. — 200 с. (на кирг. и рус. яз.)
8. Беркутова Е. Основные контуры региональной политики Республики Казахстан: стратегическое планирование, власть и экономика. — Астана, Алматы: ИМЭП, 2015. — 75 с.
9. Бобо Ло. Российская политика в Центральной Азии. — Paris: IFRI, 2015. — 26 p. (RNV No 82).
10. Борисова Е.А. Водные и энергетические ресурсы «Большой» Центральной Азии: Дефицит воды и имеющиеся ресурсы по его преодолению. — Москва: ИВ РАН, 2015. — 230 с.
11. Вступление Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз: влияние на процессы миграции. № 26.2015 Гл. ред. И. С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2015. — 56 с.
12. Геополитический шанс России: транспортная система в формате

РФ-КНР-ЦА. Отв. Ред.: Салицкий А.И. Институт востоковедения РАН. — Москва: Белый ветер, 2017. - 216 с.

13. Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М.Р. Майзульса. — Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. — VIII+119 с.

14. Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии. К успешной реализации новой стратегии. — Алматы, Бишкек: ФФЭ, 2020. — 18 с.

15. Додонов В.Ю. Международное инвестиционное сотрудничество Казахстана: тенденции, факторы, перспективы. — Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. — 192 с.

16. Дубовцев Г.Ф. Состояние и перспективы развития военной организации Казахстана: Монография. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2015. — 212 с.

17. Жумагулов Т. М. Марафон-2010. Записки о председательстве Казахстана в ОБСЕ. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации, 2016. — 320 с.

18. Жусупова А. Динамика социального неравенства в Казахстане. Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан. — Астана, Алматы: ИМЭП, 2016. — 60 с.

19. Звягельская И. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 224 с.

20. Иватова Л.М., Забирова А.Т., Ахметов С.К. Политика противодействия коррупции в контексте обеспечения безопасности и стабильности Республики Казахстан: Монография. — Алматы, 2017. — 217 с.

21. Инновационное сотрудничество на пространстве ШОС: сб. докл. Под ред. А.А. Никулина; Е.А. Шаровой. — М.: РИСИ, 2015. — 88 с.

22. Казанцев А.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. № 28/2016. (А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская,

Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин). Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2016. — 52 с.

23. Казахстан и политика ядерного нераспространения. Сборник статей. Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК — Лидера Нации. — Астана — Алматы, 2016. — 160 с.

24. Карин Е. Дилеммы безопасности Центральной Азии. — Paris: IFRI, 2017. — 30 p. (RNV No 98). (на франц., рус. и англ. яз.).

25. Кожирова С.Б. Миграция из Китая в Казахстан: история и современность. — Алматы: ИД МИР, 2017. — 304 с.

26. Кортунов А.В., Ларюэль М. Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества: доклад РСМД № 49/2019; Российский совет по международным делам. — М.: НП РСМД, 2019. — 40 с.

27. Кусаинов А.М. Экономика Казахстана: Новая экономическая политика. — Алматы, 2016 — 384 с.

28. Лаумулин М.Т. Центральная Азия и геополитический треугольник США-РФ-КНР в контексте президентства Д.Трампа. Аналитический доклад. — Международный научный комплекс «Астана». — Астана: МНКА, 2016. — 68 с.

29. Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014—2015. Гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2015. — 36 с.

30. Материалы международных конференций «Узбекистан — Казахстан: 25 лет установления дипломатических отношений» (г. Ташкент, 31 октября 2017 г.), «Перспективы партнерства Казахстана и Узбекистана в новых геополитических и геоэкономических условиях» (г. Астана, 21 сентября 2018 г.). Под общ. ред. З.К. Шаукеновой, В.И. Норова. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2018. — 228 с.

31. Молодежь Центральной Азии. Казахстан. На основе социологического опроса. Издание второе. Под научным руководством проф. Клауса Хуррельманна (Германия, Берлин). — Алматы: ФФЭ, 2016. — 281с.

32. Молодежь Центральной Азии. Сравнительный обзор. Под научным руководством проф. Клауса Хурельмана и Пэра Тешендорфа (Германия, Берлин). - Алматы, 2017. - 90 с.

33. Молодежь Центральной Азии. Узбекистан. На основе социологического опроса. Издание второе. Под научным руководством проф. Клауса Хуррельманна и Пэра Тешендорфа (Германия, Берлин). — Алматы: ФФЭ, 2016. — 280 с.

34. Молодежь Центральной Азии. Кыргызстан. На основе социологического опроса. Издание второе. Под научным руководством проф. Клауса Хуррельманна и Пэра Тешендорфа (Германия, Берлин). — Алматы: ФФЭ, 2016. — 286 с.

35. Молодежь Центральной Азии. Таджикистан. На основе социологического опроса. Издание второе. Под научным руководством проф. Клауса Хуррельманна и Пэра Тешендорфа (Германия, Берлин). — Алматы: ФФЭ, 2016. — 396 с.

36. Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. — М.: ИДВ РАН, 2016. — 376 с.

37. Назарбаев Н.А. Эра независимости. — Алматы: КАЗакпарат, 2017. — 508 с.

38. Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сб. статей Вступ. ст., подгот., отв. ред.-сост. А.К. Аликберов, М.А. Рахимов. Российская акад. наук. Ин-т востоковедения. Ин-т истории АН РУз. — М.: Институт востоковедения РАН, 2018. — 304 с.

39. Новый Шелковый путь и его значение для России. Под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. - М.: ДеЛи плюс, 2016. - 234 с.

40. Обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Азии (в рамках Года Узбекистана в Казахстане): Сборник научных трудов / Под общ. ред. проф. А.М. Рахимжанова и канд. истор. наук Б.М. Каиповой. Ответственный редактор: доктор политических наук, профессор Л.М. Иватова. — Астана: Библиотека Первого Президента РК — Елбасы, 2018. — 120 с.

41. Общественные советы в Казахстане: основные тренды развития: Брошюра / Под ред. Шаукеновой З.К. — Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2017. — 156 с.

42. Ордабаев А. Геополитика транспортных коридоров в Центральной Азии. Институт мировой экономики и политики (ИМЭП)

при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации. — Астана — Алматы, 2015. — 48 с.

43. Организация Договора о коллективной безопасности и планирование на случай чрезвычайных обстоятельств после 2014 года. Под ред. Е.Ф. Довгань и А.В. Русаковича (Женевский центр демократического контроля над вооруженными силами и Центр изучения внешней политики и безопасности БГУ). - Женева — Минск: ЖЦДК, 2015. — 243 с.

44. От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона. — М.: Центр изучения кризисного общества. 2016 — 114 с.

45. Парамонов В.В., Строков А.В., Абдуганива З.А. (под общей редакцией и руководством Парамонова В.В.). Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз. — Алматы: Фонд им.Фридриха Эберга, 2017 год. — 117 с.

46. Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России. Отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. — М.: ИДВ РАН, 2016. — 304 с.

47. Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. Отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. – М.: ИДВ РАН, 2019. – 344 с.

48. Пляйс Я. Афганистан: истоки трагедии. — М.: Международные отношения, 2019. — 552 с.

49. Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС. — М.: Издательство «Весь Мир», 2017. — 168 с.

50. Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991—2016 гг. - М.: РИСИ, 2016. - 247 с.

51. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни». Информационно-аналитические материалы. Под общ. Ред. З.К. Шаукеновой. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2018. — 192 с.

52. Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. — Алматы: ФФЭ, 2016. — 32 с.

53. Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. — Алматы: ФФЭ, 2019. — 91 с.

54. Решетняк А.В. Терроризм и религиозный экстремизм в Центральной Азии: проблемы восприятия. Кейс Казахстана и Кыргызстана. — Астана, КИСИ при Президенте РК, 2016. — 86 с.

55. Румер Ю, Сокольский Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии. — М.: МЦК, 2016. — V+41 с.

56. Сабитов Д. Казахстанский космос: реальность и перспективы. Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан. — Астана, Алматы: ИМЭП, 2016. — 40 с.

57. Сабитов Д. Информационная безопасность Казахстана: защита данных и смыслов. — Астана, Алматы: ИМЭП, 2015. — 71 с.

58. Сарабеков Ж. Евразийский выбор Кыргызстана: вызов для Казахстана и России? - Астана — Алматы, 2015. — 42 с.

59. Сарабеков Ж. Современный Таджикистан: вызовы развития. — Астана, Алматы: ИМЭП, 2016. — 60 с.

60. Сатпаев Д. Деформация вертикали. От «анонимных империй» до антилоббизма. «Черная папка» коммуникационного и политического апгрейда в Казахстане в условиях транзита власти. — Алматы: Соз, 2019. — 556 с.

61. Семенова Н.К. Российско-китайское взаимодействие в Центральной Азии: нефтегазовые аспекты. Отв.ред.: Лузянин С.Г. — Москва: ИВ РАН, 2018. — 248 стр.

62. Современное состояние рынка труда в Казахстане. Под ред. З.К. Шаукеновой. — Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2017. — 100 с.

63. Современные проблемы внутренней и внешней политики Республики Казахстан: коллективная монография. Ответственный редактор: доктор политических наук, профессор Л.М. Иватова. — Астана: Библиотека Первого Президента РК — Елбасы, 2019.— 406 с.

64. Социальный портрет современного казахстанского общества. — Астана-Алматы: ИМЭП, 2015. — 240 с.

65. Стратегия Экономического пояса Шелкового пути и роль ШОС в ее реализации. Материалы круглого стола (ИДВ РАН, 16 марта 2016 г.). — Москва: ИДВ РАН, 2016. — 172 с.

66. Стронски П. Таджикистану – 25: Эмомали Рахмон укрепляет

свою власть. — М.: МЦК, 2016.

67. Стронски П. Независимому Казахстану 25 лет: напряженность на фоне стабильности. — М.: МЦК, 2016.

68. Султангалиева А. Казахстан и его соседи: возможности и ограничения. — Астана, Алматы: ИМЭП, 2016. — 70 с.

69. Тайбекулы А. Казахстан и евразийская интеграция: ожидания и реальность. Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации. — Астана — Алматы: ИМЭП, 2016. — 68 с.

70. Тайбекулы А. Налоговая система Казахстана: решения и вызовы. — Астана, Алматы: ИМЭП, 2015. — 63 с.

71. 1917 — 2017: революция и эволюционный путь развития Казахстана. — Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2017. — 98 с.

72. Уровень и качество жизни в Казахстане: современное состояние и основные тенденции. Под ред. Шаукеновой З.К., — Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2018. — 104 с.

73. Ускембаева М.А. Политика в отношении женщин и мужчин в современном Казахстане: гендерное исследование. Т.А.Резвушкина, А.А.Бейсенова. - Астана, 2016. - 288 с.

74. Ценности казахстанского общества в социологическом измерении. — Алматы: Издательство «ТОО «DELUXE Printery», 2019. - 140 с.

75. Центральная Азия — 2020: Четыре стратегических концепта. Аналитический доклад. — Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2015. - 51 с.

76. Центральная Азия за 25 лет. — Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2017. — 136 с. (на рус., каз., англ. яз.)

77. Центральная Азия в условиях глобальной трансформации: Материалы XV Ежегодной конференции КИСИ при Президенте РК по безопасности (г. Астана, 2 июня 2017 г.). Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2017. — 168 с.

78. Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Политические партии. Под редакцией к.ю.н. Т. Ибраимова. — Алматы: ФФЭ, 2016. — 30 с.

79. Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед. Шаймергенов Т.Т., Абишева М.А. и др. — Астана: Издательство Библиотеки Первого Президента РК — Елбасы, 2017. — 108 с.

80. Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государство. Под редакцией Э.Ногойбаевой. Алматы: ФФЭ, 2017. — 52 с.

81. Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион. Под редакцией С.Кушкумбаева. — Алматы: ФФЭ, 2016. — 44 с.

82. Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана: динамика, идеи, оценки. — Астана—Алматы: ИМЭП, 2015. - 512 с.

83. Шанхайская организация сотрудничества после расширения: риски, возможности перспективы.- Алматы: КНУ, 2018. — 142 с.

84. ЭКСПО-2017: модернизационный прорыв Казахстана: Сборник материалов конференции. Под ред. З.К. Шаукеновой. — Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2017. — 134 с.

1. Akiner Sh. *Kyrgyzstan 2010: Conflict and Context*. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. — 142 p.
2. Alymbaeva A.A. (ed.) *Food and Identity in Central Asia*. — Halle: CASCA, 2017. — XII+178 pp.
3. Anceschi L. *Analysing Kazakhstan's Foreign Policy. Regime neo-Eurasianism in the Nazarbaev era*. — London, New York: Routledge, 2020. — 196 p.
4. Ayoob M., Ismayilov M. *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus*. — London, New York: Routledge, 2017. — 212 p.
5. Beyer J. *The Force of Custom: Law and the Ordering of Everyday Life in Kyrgyzstan*. — Pittsburg: Pittsburg University Press, 2016. — XXVI+274 pp.
6. Beyer Judith, Finke Peter (eds. by). *Practices of Traditionalization in Central Asia*. — London, New York: Routledge, 2020. — 126 p.
7. Bhat B. *Cotton Cultivation and Child Labor in Post-Soviet Uzbekistan*. — Lanham (MD), Boulder (CO): Lexington Books, 2015.
8. Blum D. *The Social Process of Globalization: Return Migration and Cultural Change in Kazakhstan*. — New York, Cambridge: Cambridge University Press, 2016. — V+214 pp.
9. Bowyer Anthony C. *Political Reform in Mirziyoyev's Uzbekistan: Elections, Political Parties and Civil Society*. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. — 69 p.
10. Burghart D.L., Sabonis-Helf T. (Eds.) *Central Asia in the Era of Sovereignty. The Return of Tamerlane?* — New York: Lexington Books, 2018. — XXI+515pp.
11. Cameron S. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. — Ithaca: Cornell University Press, 2018 p. — 294 p.
12. Carlton D., Ingram P. *The Search for Stability in Russia and the Former Soviet Bloc*. — London, New York: Routledge, 2020. — 215 p.
13. Garlick J. *The Impact of China's Belt and Road Initiative from Asia to Europe*. — London, New York: Routledge, 2019. — 250 p.
14. Ciesłowska A. *Islam with a Female Face: how Women are chang-*

ing the Religious Landscape in Tadjikistan and Kyrgyzstan. — Krakow: Ksiegarnia Akademicka, 2017. — 276 p.

15. Clement V. Learning to become Turkmen”: Literacy, Language and Power, 1914-2014. — Pittsburgh PA): Pittsburgh University Press, 2018. — XII+254 pp.

16. Clement V. Religion and the Secular State in Turkmenistan. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2020. — 45 p.

17. Collective Security Treaty Organization and contingency Planning after 2014. DCAF Reginal Programm Series No 20. Eds. by A.F.Douhan and A.V.Rusakovich. — Geneva-Minsk: DCAF, 2016. — IX+207 pp.

18. Cornell S.E., Engvall J. Kazakhstan in Europe: Why Not? — Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2017. — 70 p.

19. Cornell Svante E., Starr S. Frederick. A Steady Hand: The EU 2019 Strategy and Policy Toward Central Asia. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2019. — 72 p.

20. Cornell Svante E., Zenn Jacob. Religion and the Secular State in Uzbekistan. — Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. — 43 p.

21. Cornell Svante E., Starr S. Frederick, Tucker Julian. Religion and the Secular State in Kazakhstan. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. — 96 p.

22. Grose T. Negotiating Inseparability in China: the Xinjiang Class and the Dynamics of Uyghur Identity. — Hong Kong: Hong Kong University Press, 2020 (2019). — X+160 p.

23. Dadabaev T. Japan in Central Asia: Strategies, Initiatives and Neighboring Powers. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.

24. Dadabaev T. Transcontinental Silk Road Strategies. Comparing China, Japan and South Korea in Uzbekistan. — London: Routledge, 2019. - 172 p.

25. Dagiev D., Faucher C. (eds. by). Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia. The Mountain Communities of Pamir. — London, New York: Routledge, 2019. — XVI+300 pp.

26. Cooley A., Heathershaw J. Dictators without Borders: Power and Money in Central Asia. — New Haven, London: Yale University Press, 2017. — 300 p.

27. Daly J.C. K. Rush to Judgment: Western Media and the 2005: Andijan Violence. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. — 82 p.

28. Denoon D. China, US and Future of Central Asia. — New York: New York University Press, 2015.

29. Dubuisson Eva-Marie. Living Language in Kazakhstan. The Dialogic Emergence of an Ancestral Worldview. — Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. — 200 p.

30. Dukeyev B. Ethnic Return Migration in Kazakhstan: Shifting State Dynamics, Changing Media Discourses. CAP Papers 183 (Central Asia Fellowship Series). April 2017. — 11 p.

31. Engvall J., Cornell S.E. Asserting Statehood: Kazakhstan's Role in International Organizations. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2015. - 73 p.

32. Engvall J. The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016. - 240 p.

33. Fazendeiro B.T. Uzbekistan's Foreign Policy: the struggle for Recognition and Self-Reliance under Karimov. — London, New York: Routledge, 2018. — 178 p.

34. Engvall J. Religion and the Secular State in Kyrgyzstan. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2020. — 55 p.

35. Epkenhans T. The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism, and Violent Conflict in Post-Soviet Space. — New York: Lexington Books, 2016. — 414 p.

36. Fazendeiro B.T. Uzbekistan's Foreign Policy: the struggle for Recognition and Self-Reliance under Karimov. — London, New York: Routledge, 2018. — 178 p.

37. Fiaux de la Croix Jeanne. Iconic Places in Central Asia: the Moral Geography of Pastures, Dams and Holy Sites. — New York: Columbia University Press, 2017.

38. Frappi Carlo, Indeo Fabio (eds.). Monitoring Central Asia and

the Caspian Area Development Policies, Regional Trends, and Italian Interests. *Eurasiatica Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale*. — Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2019. — 218 p.

39. Freedman E., Neuzil M. *Environmental Crises in Central Asia: From Steppes to Seas, from Deserts to Glaciers*. — New York, London: Routledge, 2018. — 214 p.

40. Garlick J. *The Impact of China's Belt and Road Initiative from Asia to Europe*. — London, New York: Routledge, 2019. — 250 p.

41. Gatling B. *Expressions of Sufi Culture in Tajikistan*. — Madison (MI): University of Wisconsin Press, 2018. — V+248 p.

42. Grose T. *Negotiating Inseparability in China: the Xinjiang Class and the Dynamics of Uyghur Identity*. — Hong Kong: Hong Kong University Press, 2020 (2019). — X+160 p.

43. Gussarova A. (Ed.) *The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. Competition or Convergence? Implications for Central Asia*. - Almaty: FES, 2017. — 28 p.

44. Hartman J. W. *The May 2005 Andijan Uprising: What We Know*. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. — 65 p.

45. Heathershow John, Schatz Edward (eds.). *Paradox of Power. The Logics of State Weakness in Eurasia*. — Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. — 328 p.

46. Honeychurch W. *Inner Asia and the spatial politics of empire: archeology, mobility, and culture*. — New York: Springer Science+Business, 2015. — XI+321 pp.

47. Isaacs R., Frigerio A. *Theorizing Central Asia: The State, Ideology and Power*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. — XIX+319 pp.

48. Ismailbekova Aksana. *Blood Ties and the Native Son. Poetics of Patronage in Kyrgyzstan*. — Bloomington: Indiana University Press, 2017. — 218 p.

49. Jones Pauline (ed.). *Islam, Society, and Politics in Central Asia*. - Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. — XVII+392 p.

50. Joshi N. *Russian, Chinese and American Interplay in Central Asia and Afghanistan Options for India*. - New Delhi: Vivekananda International Foundation, 2017. — VI+52 p.

51. Kalinovski A. The Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization on Soviet Tajikistan. — Ithaka (NY): Cornell University Press, 2018. — XVI+336 pp.

52. Kassymbekova B. Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan. — Pittsburg (PA): University of Pittsburg Press, 2016. — VIII+272 pp.

53. Kazakhstan and Ukraine: Common Future or Separated Fates? Ed.by Anna Gussarova. -

54. Almaty: FTS, 2017. — 23 p.

55. Karine Erlan. L'Asie centrale a l'йpreuve de l'islam radical. - Russie.Nei.Visions, n° 98, fйvrier 2017. Central Asia: Facing Radical Islam Russie. - Nei.Visions, No. 98, Ifri, February 2017.

56. Keller Sh. Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence. — Toronto: Toronto University Press, 2020. — 360 p.

57. Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. —Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. - XXI + 415 pp.

58. Khalid Adeeb. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. — Cornell: Cornell University Press, 2019. — 444 p.

59. Kindler R. Stalin's Nomads: Power and Family in Kazakhstan. — Pittsburg (PA): Pittsburg University Press, 2018. — 328 p.

60. Kuchins Andrew C., Mankoff Jeffrey, Backes Oliver. Central Asia in a Reconnecting Eurasia. Uzbekistan's Evolving Foreign Economic and Security Interests. — New York: Rowman & Littlefield Publishers / Center for Strategic & International Studies, 2015. — 52 p.

61. Kuchins Andrew C., Mankoff Jeffrey, Backes Oliver. Central Asia in a Reconnecting Eurasia. Tadjikistan's Evolving Foreign Economic and Security Interests. — New York: Rowman & Littlefield Publishers / Center for Strategic & International Studies, 2015. — 42 p.

62. Kuchins Andrew C., Mankoff Jeffrey, Backes Oliver. Central Asia in a Reconnecting Eurasia. Turkmenistan's Evolving Foreign Economic and Security Interests. — New York: Rowman & Littlefield Publishers / Center for Strategic & International Studies, 2015. — 40 p.

63. Kuchins Andrew C., Mankoff Jeffrey, Backes Oliver. Central Asia in a Reconnecting Eurasia. Kazakhstan's Evolving Foreign Eco-

conomic and Security Interests. — New York: Rowman & Littlefield Publishers / Center for Strategic & International Studies, 2015. — 50 p.

64. Kudaibergenova D.T. *Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature. Elites and Narratives.* — New York: Lexington Books, 2017. — XVIII+258 pp.

65. Kurmanbekova Aichurek. *Unveiling Girls' Madrasahs in Kyrgyzstan* // CAP Paper 228, January 2020. — 10 p.

66. Laruelle M. (ed.) *Tajikistan: Islam, Migration, and Economic Challenges.* — Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. — 125 p.

67. Laruelle M. (ed.) *Tajikistan on the Move. State Building and Societal Transformations.* - - New York, London: Lexington Books, 2018. — 336 p.

68. Laruelle M. (ed.) *New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities. Vol. 1.* - Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. — 175 p.

69. Laruelle M., Kourmanova A. (eds.) *Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. A Collection of Essays from Central Asia.* - Central Asia Program Institute for European, Russian and Eurasian Studies. — Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. — 110 p.

70. Laruelle M. (ed.) *Uzbekistan: Political Order, Societal Changes, and Cultural Transformations* - Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. — 170 p.

71. Laruelle M. (ed.) *Constructing the Uzbek State. Narratives of Post-Soviet Years.* - New York, London: Lexington Books, 2017. — XVI+384 pp.

72. Laruelle M., Engvall J. (eds.) *Kyrgyzstan beyond "Democracy Island" and "Failing State": Social and Political Changes in a Post-Soviet Society.* — New York: Lexington Books, 2015. — XII+288 p.

73. Laruelle M. (ed.) *Kyrgyzstan: Political Pluralism and Economic Challenges* — Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. — 105 p.

74. Laruelle M. (ed.) *Kazakhstan in the Making. Legitimacy, Symbols, and Social Changes.* — London, New York: Lexington Books,

2016. — 304 p.

75. Laruelle M. (ed.) Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials, and Cultural Changes. — Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. — 85 p.

76. Laruelle M. (ed.) New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities. Vol. 2. - Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. — IV+195 p.

77. Laruelle M., Schenk C. (eds.). Eurasia on the Move. Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region. The George Washington University. — Washington, DC: George Washington University, 2018. — XI+190 p.

78. Laruelle M. (ed.). New Voices from Uzbekistan 2019. Institute for European, Russian and Eurasian Studies. The George Washington University. — Washington, DC: George Washington University, 2019. — 102 p.

79. Laruelle M. (ed.) The Nazarbayev Generation. Youth in Kazakhstan. — London, New York: Lexington Books, 2019. — 354 p.

80. Laruelle M (ed.) New Voices from Central Asia. Vol. 3. Societal Transformations. — Washington, DC: George Washington University, 2020. — 244 p.

81. Lee J.L. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. — London: Reaktion Books, 2019. - 784 p.

82. Levine I. US Policies in Central Asia. — New York, London: Taylor and Francis, 2016. — 256 p.

83. Laszcskowski M. “City of the Future”: Built Space, Modernity and Urban Change in Astana. — New York: Burghahn Press, 2016. — XII+205 pp.

84. Laruelle M. (ed.) The Central Asia — Afghanistan Relationship from Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives. — New York: Lexington Books, 2017. — XVII+253 pp.

85. Laruelle M. (ed.) Turkmenistan: Changes and Stability under Berdimuhamedow. — Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. — 55 p.

86. Levy-Sanchez S. The Afghan-Central Asian Borderland: the State and Local Leaders. — London: Routledge, 2017. — 182 p.

87. Malikov Yuriy. *Modern Central Asia. A Primary Source Reader.* — New York: Lexington Books, 2019. — XIII+378 pp.

88. Marat E. *The Politics of Police Reform: Society against the State in Post-Soviet Countries.* — Oxford: Oxford University Press, 2018. — 264 p.

89. McBrien Julie. *From Belonging to Belief. Modern Secularisms and the Construction of Religion in Kyrgyzstan.* — Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. — 248 p.

90. Megoran Nick. *Nationalism in Central Asia. A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary.* — Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. - 368 p.

91. Mentges G., Shamukhitdinova L. (eds.) *Textiles as National Heritage: Identities, Politics and Material Culture.* — Мюнстер: Waxman, 2017. — 322 p.

92. Merchant T. *Women Musicians in Uzbekistan: from Courtyard to Conservatory.* — Urbana: University of Illinois Press, 2015. — XII+212 pp.

93. Miles M. *Nuances of Religious Laws and Enforcement in Tajikistan // CAP Papers 187 (CERIA), May 2017.* — 12 p.

94. Montgomery D.V. *Practicing Islam: Knowledge, Experience and Social Navigation in Kyrgyzstan.* — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016. — 240 p.

95. Mostowlansky Till. *Azan on the Moon. Entangling Modernity along Tajikistan's Pamir Highway.* — Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. — 240 p.

96. Norling N. *Factionalism in Soviet Uzbekistan: Evidence from the Communist Party Archives.* — Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2017. — 130 p.

97. Olimat Muhamad S. *China and Central Asia in the Post-Soviet Era. A Bilateral Approach.* - New York, London: Lexington Books, 2015. — 254 p.

98. Omelicheva M. *Democracy in Central Asia: Competing Perspectives and Alternative Strategies.* — Lexington: Kentucky University Press, 2015. — V+232 pp.

99. Omelicheva Mariya Y., Markowitz Lawrence P. *Webs of*

Corruption: Trafficking and Terrorism in Central Asia. — New York: Columbia University Press, 2019. — 232 p.

100. Peterson Maya K. Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — 416 p.

101. Sever Mjufla. Judicial and Governance Reform in Uzbekistan. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. — 65 p.

102. Schröder Ph. Bishkek Boys: Neighbourhood Youth and Urban Change in Kyrgyzstan's Capital. — New York and Oxford: Berghahn, 2017. — 258 p.

103. Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's Toolkit to Influence South and Central Asia. — Williamsburg (VA): Global Research Institute, 2019. — 92 p.

104. Song Weiqing. China's Approach to Central Asia. The Shanghai Co-operation Organisation. — London: Routledge, 2018. - 172 p.

105. Spaiser O.L. The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses. — New York: Lexington Books, 2018. — XXI+245 pp.

106. Spector Regine A. Order at the Bazaar. Power and Trade in Central Asia. - Ithaca: Cornell University Press, 2017. — 266 p.

107. Starr S. F., Cornell S., Norling N. The EU, Central Asia, and the Development of Continental Transport and Trade. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2015. - 64 p.

108. Starr S.F., Cornell S. Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? — Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. — 66 p.

109. Starr S. Frederick, Cornell Svante E. (eds.), The Long Game on the Silk Road: US and EU Strategy for Central Asia and the Caucasus. — Lanham (MD), Boulder (CO): Rowman & Littlefield, 2018. — 160 p.

110. Starr S. Frederick, Cornell Svante E. (eds.), Uzbekistan's New Face. — Lanham (MD), Boulder (CO): Rowman & Littlefield, 2018. — 247 p.

111. Starr S. Frederick, Engvall J., Cornell Svante E. Kazakhstan 2041: The Next Twenty-Five Years. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. — 67 p.

112. State of Forests of the Caucasus and Central Asia. Overview of Forests and Sustainable Forest Management in the Caucasus and Central Asia Region. Edited by United Nations Publications. — New York, Geneva: UNECE/FAO, 2019. — 112 p.

113. Tiulegenov M. A Certain Path to an uncertain Future. Kyrgyzstan's Accession to the Customs Union/ Eurasian Economic Union. — Berlin: FES, 2015. — 19 p.

114. Tsereteli M. The Economic Modernization of Uzbekistan. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. — 54 p.

115. Tunzer-Kilavuz Idil. Power, Networks and Violent Conflict in Central Asia. A Comparison of Tajikistan and Uzbekistan. — London, New York: Routledge, 2017. — 150 p.

116. Turaeva R. Migration and Identity in Central Asia. The Uzbek experience. - New York: Routledge, 2015. — 236 p.

117. Turgambayev A. Main Stages in the Development of Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2016. № 4, pp. 22-29.

118. Ubiria G. Soviet Nation-Building in Central Asia. The Making of the Kazakh and Uzbek Nations. — London, New York: Routledge, 2018. — 272 p.

119. Vielmini F. Kazakhstan 2013-2014: surviving internale difficulties, facing external challenges // Asia Maior XXV, 2014 “Engaging China/Containing China” by M. Torri and N. Mocci (eds.). — Bologna: I libri di Emil, 2015, pp. 417-450.

120. Weitz Richard. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. — 53 p.

121. Zabortseva Y.N. Russia's Relations with Kazakhstan. — New York, London: Routledge, 2016. — 258 p.

Resume

In a period of fast-evolving international dynamics over the Central Asian region, it is important to consider the foreign policy choices and exercised agency by the governments of the five states of the region. While the projects and agendas of China, Russia, the United States and other external players over the region have understandably dominated much recent discourse, the ‘inside-out’ perspective — the Central Asian policies and stances toward international affairs and geopolitics involving them — is necessary to draw a more accurate picture of the region’s international affairs. Such a perspective would reveal the evolution and variations of the regional foreign policies of ‘multi-vectorism’ and challenges such policies face today.

After almost 30 years of rule by Nursultan Nazarbayev, Kazakhstan is going through a sensitive phase of power transition. Kazakhstan’s importance for the current foreign policy of the Kremlin cannot be underestimated. Kazakhstan entered a leadership transition mode in March 2019, and the newly elected President Kasym-Jomart Tokayev faced the challenge of keeping the architecture of Nazarbayev’s multi-vectorism and autonomy in the face of growing Chinese influence, continued Russian factor, and the more passive Western partners.

Kazakhstan will not avoid cooperation with the USA, the EU and NATO, which are important players in terms of stability in Central Asia. The EU has based its approaches to Central Asia on the idea of placing it in the Eurasian context. It seeks to foster regional cooperation among the five states and is allocating 30 percent of its budget to regional projects. The new Kazakhstani establishment will face no less challenge in managing their relations with China. The growth of Chinese interests has been constant over the years and is set to increase further since Kazakhstan became a key trading and investment partner of the Chinese “One Belt, One Road Initiative” — or Belt and Road Initiative (BRI). In the latter’s framework, Kazakhstan is one of the main corridors to Russia and then Europe — Silk Road Economic Belt (SREB) component — Chinese financed infrastructure

development has been integrated in the Kazakhstani national program “Nurly Zhol”.

The second president of Uzbekistan, former prime minister, Shafqat Mirziyoyev, inaugurated as president at the end of 2017, led the country’s foreign policy to much greater openness, more active engagement with a wide range of partners, especially noticeably improving long-strained relations with neighbors in Central Asia. In 2018, Uzbekistan became the Central Asian State mostly focused by Western political scientists. It was resulted the events following the changing of power from President Islam Karimov to his successor Shavkat Mirziyoyev, who has initiated the massive inner reforms and new course for external policy.

Uzbekistan’s relations with Russia and China are growing economical-ly but bounded in the security domain. The various programs proposed by the new president and presently under implementation hold the promise of reshaping the domestic political landscape, changing the fundamental relationship between the citizen and state, and rebalancing the geopolitical order in a region long relegated as the domain of outside great powers. The Concept for Administrative Reform aims to result in an effective and transparent system of public administration capable of protecting the rights of citizens and bolstering Uzbekistan’s economic competitiveness globally. observers expected his tenure to represent continuity rather than change. And while continuity is present in terms of the focus on independence and sovereignty of Uzbekistan, Mirziyoyev also showed a pro-active desire to improve foreign relations and initiate major economic reforms, designed to strengthen the strategic position of Uzbekistan. Beyond steps to encourage public expressions of religion, Mirziyoyev has announced the creation of several new institutions.

Kyrgyzstan was one of the more vocal about multi-vectorism of the five countries early on. Within the tight space of Kyrgyzstan’s position, much like that of Tajikistan’s, President Jeenbekov — in office since 2017 — has sought a somewhat more balanced foreign policy, as supported by a new foreign policy document adopted in 2019, where multi-vectorism is clearly stressed, and no country — including Russia — is mentioned by name.

Tajikistan’s foreign policy of recent years can be generally seen as steady if slow movement toward diversification of its relations to al-

leviate its dependence on Russia. It nurtured relations with Iran from early years of independence, and after several years of cooling off over a dispute, began to renew that relationship by 2019. However, the most important change in Tajikistan's foreign relations has been the quickly risen relationship with China.

Turkmenistan has been ruled by a political regime serving the cult of personality, of the first and then of the second presidents. Turkmen foreign relations have been restricted primarily to economic ones, heavily focused on exports of natural gas

For the first time since the early years of independence, on March 15 2018, all five Central Asian states gathered for what they carefully avoided calling a summit meeting in Astana, Kazakhstan.

The West already announced its direct and indirect interests connecting with a further development of Central Asia, particularly with the relationship toward the great Eurasian powers — Russia and China, as well as Central Asian neighbours. The United States, appearing to be on a recess in Central Asia, remains nonetheless a significant party, engaging the Central Asian countries bilaterally, as a region, and as neighbors of Afghanistan where American presence appeared to be stuck until normalization of politics and security.

In July 2019, the EU has presented in Bishkek its long expected new strategy towards Central Asia. Many experts regarded this event as the fact of deep geopolitical significance. It sets out how the EU and the countries of Central Asia — Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan - can work much more closely on issues such as resilience, prosperity, and regional cooperation. In fact, Europe did not have a definite strategy in Central Asia during the 2000s. At the same time, the EU goals related to Central Asia were clear from the very beginning, but the Union did not have instruments to reach them. In the near future, the relations between Central Asia and the EU will be affected by the geo-economic situation and geopolitical factors, such as Washington's new strategy in Central Asia; the vague military-strategic prospects in Afghanistan; the relations between Russia and the West; growing enormous China's economic and political influence; the world economic crisis; and the much greater importance of energy sources and food safety.

China's Eurasian diplomacy and particularly its interactions with Central Asia is comprised of two elements. The first is regionalism. China's diplomacy with Eurasia, and particularly the countries of Central Asia, has come to comprise elements of regionalism and also soft balancing against the United States. While Beijing emphasized the importance of regional cooperation on the one hand, it also made specific requests to other countries to ensure that their various development strategies matched those of the PRC. The outcome of China's policy recalibration was the Silk Road Economic Belt (SREB) initiative announced by President Xi Jinping in 2013, which demonstrated the pragmatism inherent in China's diplomacy. However, as the Belt and Road Initiative (BRI) has continued its global deployment, so too has there been a growing tendency for China's political discourse relating to the international order to incorporate the BRI.

Russia has strengthened its security cooperation with the Central Asian Republics and, while asserting its own autonomy in implementing initiatives in former Soviet republics, it is also working together with China in military fields and other areas where it has an advantage and is accepting China's initiatives. Russia was more focused on security cooperation, where it would be better able to demonstrate its own leading role, and was also cautious about any economic cooperation that could expand China's influence in Central Asia. When cooperating with China, the Central Asian countries and Russia also exert efforts to grow their own diplomatic autonomy, working to ameliorate any negative aspects China's expanding influence may incur.

In the large-print scenery of international affairs around Central Asia — dominated by the movements and interests of China, Russia, the United States, European Union, India, Turkey and others — a casual observation can easily default to assumption of near-absent agency of the region's states themselves, and of their passive receivership status vis-a-vis external partners.

**Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан создан Указом Президента
Республики Казахстан 16 июня 1993 года.**

С момента своего возникновения основной задачей КИСИ является прогностно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан.

КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основную рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

За 26 лет деятельности Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан-Спектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведёт аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвященных актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан, 010000
г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi

www.kisi.kz,
www.kaziss.kz

https://twitter.com/KAZ_ISS

<https://www.facebook.com/ISS.Kazakhstan>

Монография
Мурат Лаумулин

**Центральная Азия в
эпоху трансформации**

Редактор-корректор: **Акмарал Бакирова**
Дизайн обложки: **Татьяна Цой**
Верстка: **Павел Романенко**

Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печатных листов. 14,5
Тираж 500

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4

Отпечатано в ТОО «Надежда 2050»
город Кокшетау, ул. Баймуканов, 3.